

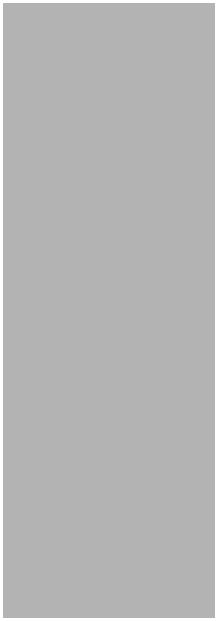
свободный человек

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ

Полдень

НОВОЕ
издательство

свободный человек

Наталья Горбаневская

Полдень

ДЕЛО О ДЕМОНСТРАЦИИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

25 АВГУСТА 1968 ГОДА

НОВОЕ издательство

УДК 323.22
ББК 66.1(2)6
Г67

Серия «Свободный человек»
издается с 2007 года

Издатель Андрей Курилкин
Редактор Филипп Дзядко
Дизайн Анатолий Гусев

Издательство благодарит за содействие Архив истории диссидентского движения НИПЦ «Мемориал» (Москва), Татьяну Бахмину и Геннадия Кузовкина

Горбаневская Н.

Г67 Полдень: Дело о демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади
М.: Новое издательство, 2007. — 340 с. — (Свободный человек)

ISBN 978-5-98379-091-9

В полдень 25 августа 1968 года восемь человек вышли на Красную площадь, чтобы выразить свой протест против вторжения советских войск в Чехословакию. Книга одного из участников легендарной демонстрации, поэта и переводчицы Натальи Горбаневской, посвящена истории и последствиям этого, возможно, самого знаменитого антисоветского выступления. Созданная в 1969 году, распространявшаяся в самиздате и переведенная на несколько языков, эта документальная хроника впервые издается в России. Книга дополнена новым предисловием и комментарием автора, в котором сообщаются неизвестные подробности истории противостояния гражданского общества и тоталитарной власти в СССР.

УДК 323.22
ББК 66.1(2)6

ISBN 978-5-98379-091-9

© Наталья Горбаневская, 1969, 2007
© Новое издательство, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

«Герои или безумцы?» (Сегодняшнее предисловие автора)	7
Пролог	15
Часть первая. Красная площадь	33
Часть вторая. Дело о нарушении общественного порядка	49
Часть третья. Шемякин суд	81
Часть четвертая. Судьба Виктора Файнберга	289
Эпилог	305
Вместо послесловия. «Можешь выйти на площадь, смеешь выйти на площадь»	319
Приложение. Несколько стихотворений	327

«ГЕРОИ ИЛИ БЕЗУМЦЫ?»

(СЕГОДНЯШНЕЕ ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА)

Таким вопросом — об участниках демонстрации против советского вторжения в Чехословакию — задавались журналисты и зрители в московской телепередаче второй половины 90-х, отрывки из которой я видела в посвященном нашей демонстрации четырехсерийном японском телефильме. Думаю, что составленная мной документальная книга «Полдень», которую вам предстоит прочитать, дает совершенно определенный ответ на этот вопрос — тот же ответ, который я дала в этом фильме японцам. Ни то и ни другое. Не герои и не безумцы. Просто люди, пожелавшие поступить по совести. Или даже скажем грубее: «очистить совесть». В этом смысле я часто говорю, что демонстрация была актом почти эгоистическим.

Сегодняшние читатели в большинстве своем просто не могут помнить обстановку тех дней: многие из вас тогда еще не родились, а у многих и родители еще не родились или были маленькими детьми. Когда было совершено вторжение войск Варшавского договора, главным образом советских, в Чехословакию, чтобы подавить тянущуюся с января «Пражскую весну» — неслыханную демократизацию, начатую компартией Чехословакии и явно зашедшую дальше самых либеральных коммунистических замыслов, — то это вторжение было объявлено «братской помощью», и вся советская печать была полна проявлениями «всенародного одобрения». Вы увидите это на документах в прологе книги.

Так вот, если даже один человек не одобряет «братскую помощь», то одобрение перестает быть всенародным. Но, чтобы это стало ясно, нам было мало «не одобрять», сидя у себя на кухне. Надо было в той или иной форме заявить об этом открыто. Цель, таким образом, была — отмежеваться от «всенародного одобрения»,

или, еще раз повторю, «очистить совесть». Мы этой цели достигли и потому были такими радостными в участке, куда нас свезли с площади (об этом см. в начале второй части книги).

От «всенародного одобрения» открыто отмежевались не одни мы, не только восемь демонстрантов с Красной площади, но еще по крайней мере десятки людей. Об этом см. эпилог книги и мою статью, написанную к 15-летию демонстрации и публикующуюся здесь в качестве послесловия. Десятки «отщепенцев» на 250 миллионов! Но мы себя не «считали» — не считали, сколько нас будет, и даже в случае такого действия, оказавшегося коллективным, как демонстрация на Красной площади, решали каждый за себя и каждый для себя. И каждый был готов выразить свой протест в одиночку.

Здесь, может быть, стоит сказать несколько слов об истории демонстрации — то, о чем я не могла писать ни в 1969 году, когда готовила книгу «Полдень», ни 15 лет спустя, когда писала нынешнее послесловие. Читая запись судебного процесса, вы заметите, что суд (см. часть третью), а до того и следствие (см. часть вторую) изо всех сил добивались ответов на вопросы о том, кто, как и откуда узнал о готовящемся акте протеста — или, по их терминологии, «грубом групповом нарушении общественного порядка». Ответов они не получили. Попробую рассказать то, что помню сегодня.

21 августа, в тот самый день, когда началось вторжение в Чехословакию, в Москве судили Анатолия Марченко, которому много лет спустя предстояло стать последней смертной жертвой уже «перестроечного» советского режима (он скончался в Чистопольской тюрьме после многомесячной голодовки 8 декабря 1986 года). Формально его судили за «нарушение паспортных правил». Фактически — за книгу «Мои показания», первое монументальное свидетельство о послесталинских (хрущевских и брежневских) политических лагерях, а также за протест против античехословацкой кампании в советской прессе (см. эпилог). Все мои друзья собирались идти к залу суда (в зал, как мы уже знали по опыту, не попасть). Одна я сидела дома с грудным ребенком.

Рано утром, включая свою «Спидолу» (транзисторный радиоприемник, на который мне поставили дополнительные диапазоны коротких волн), я рассчитывала поймать ту или иную западную радиостанцию. Надо сказать, что первые три недели августа западное радио почти не глушили (кроме «Свободы») — Би-би-си, «Голос Америки», «Немецкую волну» кое-как удавалось слушать. «Спидола» встретила меня даже не глушилкой: на той волне, которая у меня была установлена, громко и ясно вещала радиостанция «Маяк». Я услышала сообщение ТАСС. Я тут же позвонила Ларисе Богораз:

«Лара, они ввели войска». Тут надо прибавить, что опасность вторжения казалась почти неминуемой за месяц до этого, в июле, а после переговоров советских и прочих коммунистических лидеров с чехословацкими в Черне-над-Тиссой как будто все успокоилось. Позже я припомнила один-единственный признак, который должен был бы насторожить: в середине августа из московских киосков исчезла вся чехословацкая пресса.

Я сидела одна дома и не знала, что с моими друзьями — там, у суда над Толей. Если можно ввести войска в Чехословакию, то еще проще всех перехватать и пересажать, тем более что под шум вторжения никто на Западе этого и не заметит («не до грибов нынче, Петька...»). Но нет, этого не произошло.

Я думала: что делать? Демонстрация представлялась мне единственным осмысленным актом — единственным по-настоящему *демонстративным*. При этом я по природе не склонна к такому виду протеста — мне лучше сидеть за машинкой, перепечатывать самиздат, редактировать письма протеста или, чем я занималась с апреля того года, составлять «Хронику текущих событий». Но тут я чувствовала, что ничем таким не могу ограничиться. Демонстрация — и только.

Но то же самое решили и мои друзья, находившиеся у зала суда. Надо было только договориться, где и когда. О месте и времени мне сообщила Лариса. Мы встретились у Людмилы Ильиничны Гинзбург, матери сидевшего в лагере Алика Гинзбурга, — в доме, куда мы все приходили как к себе домой, где, кстати, я за полтора года до этого (Алик уже сидел) и познакомилась и с Ларисой, и с Толей Марченко, и с Павлом Литвиновым. Я пришла туда 23 августа с трехмесячным сыном прямо с допроса по делу Ирины Белогородской, арестованной за распространение нашего (восьми друзей Анатолия Марченко) письма в его защиту.

Лара сказала мне главное: Красная площадь, ровно в двенадцать, у Лобного места, лицом к Историческому музею. Чтобы не спутать демонстрантов с прочими (в том числе нашими друзьями, готовыми пойти на площадь, чтобы быть очевидцами происходящего, а если понадобится, то и свидетелями), садимся на парапет, окружающий Лобное место. Чтобы сидящих участников демонстрации легко было отличить от окружения.

Накануне из Ленинграда приехал Виктор Файнберг. Он пришел ко мне и с порога заявил: «Надо провести демонстрацию. Мои ленинградские друзья говорят, что в Москве не такие сумасшедшие, чтобы выходить на демонстрацию. Но я решил, что тогда я пойду к генералу Григоренко и мы с ним хоть вдвоем устроим

демонстрацию». Я успокоила его, объяснив, что Петра Григорьевича все равно нет в Москве, он в Крыму, с крымскими татарами (в то время явочным порядком переселявшимся в Крым и подвергавшимся за это преследованиям), а мы, москвичи, не такие уж «не сумасшедшие» и как раз задумали демонстрацию. Завтра, сказала я, буду знать, где и когда. Потом он пришел, и я ему сообщила. Поскольку его судьба оказалась самой тяжелой (см. часть четвертую), я всегда терзалась, что своими руками послала его на муки. Но если б я ему не сказала — он бы мне этого никогда в жизни не простил.

О предстоящей демонстрации знало очень много людей: все мы говорили о ней знакомым, заслуживающим доверия, а главное — тем, кто, по нашим понятиям, горько сожалел бы, что не знал и не принял участия. Так, кстати, произошло с Анатолием Якобсоном. Он был на даче, и Лариса просила его жену Майю Улановскую, политзаключенную сталинских времен, передать ему. Майя, желая уберечь Тошку от ареста, не передала. Так могло произойти и с Вадимом Делоне. За год до этого он получил условный приговор за демонстрацию на Пушкинской площади в защиту арестованных. И мы все твердили друг дружке: «Только Вадику не говорите. С нами еще неизвестно что будет, а на нем уже срок висит». Этот всеобщий заговор молчания, по счастью, нарушила Галина Габай, жена Ильи Габая, которого в это время не было в Москве. И для Вадима эта демонстрация, как ни для кого из нас, стала «звездным часом».

Я все говорю «мои друзья», «мои друзья» — так я ощутила уже после демонстрации (и до сих пор так чувствую). Но до демонстрации друзьями были только Лариса и Павел. Вадика я тогда знала мало, подружился мы уже после его освобождения из лагеря, а потом эта дружба продолжалась в эмиграции до самой его ранней смерти. Виктора Файнберга до его приезда в Москву встретила один раз, когда была весной в Ленинграде, собирая материалы для первого выпуска «Хроники текущих событий». Таню (Татку) Баеву встречала у Якиров, она дружила с Ирой Якир. О Косте Бабицком слышала, но никогда до Красной площади его не видела. Про Дремлюгу вообще ничего не знала. А он был у суда над Марченко, там и узнал про замысел демонстрации. Он как-то очень лично за Толю переживал, а вдобавок была в нем известная лихость: таким только и ходить на демонстрации.

Несколько людей излагали мне свои объяснения, почему они на демонстрацию не пойдут. (Думаю, что и у остальных были подобные разговоры.) Но я-то считала — да и каждый из нас так счи-

тал, — что известить о демонстрации не значит позвать на нее да еще настаивать. Нет, как кто решит — так и будет. До последней минуты я не знала, сколько нас будет и кто будет. Точно знала, что идут Лара, Павлик, Витька и Костя. Но дойдут ли? За Ларисой и Павлом все время ходили «хвосты». Удастся ли им оторваться и беспрепятственно добраться до площади? Ну, если уж никто не дойдет, буду демонстрировать одна, укреплю плакаты на детской коляске и сяду у Лобного места... К счастью, оказалась не одна.

Я не буду здесь говорить о значении демонстрации — об этом сказано в послесловии. Расскажу еще немного об истории книги, которая лежит перед вами.

Документальную книгу «Полдень» я составляла около года, закончила к 21 августа 1969-го — годовщине вторжения войск Варшавского договора в Чехословакии — и выпустила в самиздат. Но первым деянием по составлению будущей книги стала для меня работа над последними словами пяти демонстрантов и защитительной речью Ларисы Богораз. На этот раз, на удивление, в зал суда впустили много родственников, причем не только прямых и действительных — так, Людмила Алексеева и Михаил Бурас проходили как двоюродные сестра и брат Ларисы, хотя на второй день их все-таки не впустили. Но было много и настоящих родных и двоюродных, которым удалось сделать записи. Из этих клочков надо было восстановить сказанное.

Мы делали это, сидя большой компанией у нашей самиздатской машинистки, кандидата биологических наук Маруси Рубиной, в Телеграфном переулке. Что-то выходило из коллективной работы, что-то не получалось. Труднее всего оказалось восстановить последнее слово Павла Литвинова. Ему часто шутя говорили: «Павлик, да научись ты говорить ясно — тебе же придется последнее слово произносить». Вот и пришлось. Из записей никак не складывался цельный текст. В конце концов я сказала: «Дайте мне все эти записи, я дома восстановлю. Я знаю, что он хотел сказать». Помню, как возмутилась Таня Великанова: ей показалось, что я — зная, что он хотел сказать, — сочиню за него. Но когда на следующий день принесла готовый текст, все удивились: «Да, именно так он и говорил». Последние слова и речь Ларисы ушли в самиздат буквально через два-три дня после суда.

Я решила составлять книгу о демонстрации. Книги такого рода уже имели традицию: Александр Гинзбург составил книгу о деле Синявского и Даниэля, Вячеслав Черновол (Чорновил) — об украинских процессах 1965 года, Павел Литвинов — о деле о демонстрации на Пушкинской площади в январе 1967 года. Он же

начал составлять «Процесс четырех» — о деле Юрия Галанскова, Александра Гинзбурга, Веры Лашковой и предавшего их подельника Алексея Добровольского, — потом законченный Андреем Амальриком. Но мой случай был особый: я была не посторонним составителем, редактором, очевидцем, а участницей демонстрации (о том, как я оказалась единственной не арестованной после демонстрации, вы тоже прочтете в «Полдне»). Тот же Амальрик резко выразил сомнения в том, имею ли я право стать автором книги о демонстрации. Не могу сказать, что я, слыша такие возражения, не усомнилась в своем праве, — и все-таки решила: нет, это мое дело.

Самым главным и трудным делом было составить полную запись суда. Ее точно так же пришлось восстанавливать по клочкам. Но тут я получила драгоценную, незаменимую помощь от Софьи Васильевны Калистратовой, защитника Вадима Делоне и нашего большого друга. Еще до демонстрации она во многом формировала наше правовое сознание и просто правовые знания. О том, что будет демонстрация, мы ее известили — она восприняла это с горечью, но обещала, если понадобится, меня защищать. Защищать меня ей пришлось только в 1970 году, в частности и по обвинению в составлении книги «Полдень».

Софья Васильевна внимательно прочла и поправила запись суда и кассационного процесса. Потом она показала запись Дине Исааковне Каминской, защищавшей Павла Литвинова, и та внесла дополнительные поправки. Помню, что, когда я приехала осенью 1969 года в ссылку к Ларисе и привезла чудом уцелевший на прошедшем перед моим отлетом в Сибирь обыске «Полдень», она внимательно при мне прочла и нашла какую-то единственную неточность. К сожалению, я тогда не записала, так что теперь не исправить...

Все это тянулось долго. Я собирала материалы, обратилась ко всем, кто мог бы написать о площади, о суде. Включенная в книгу статья Ильи Габая написана по моему заказу. Я ему сказала (это был май 1969 года), что статья нуждается в редакции. Он дал мне карт-бланш, а через несколько дней был арестован. Имея в виду четвертую часть книги, «Судьба Виктора Файнберга» (а отчасти и предчувствуя свою будущую судьбу), я попросила Петра Григорьевича Григоренко написать очерк о психиатрических больницах специального типа — в такую больницу, точнее, психиатрическую тюрьму был отправлен Виктор. Первая часть «Полдня» начинается с записи безымянного очевидца. Ее автор — друг моих друзей Александр Самбор. В третьей части очерк Ильи Габая «У закрытых две-

рей открытого суда» дополнен еще двумя свидетельствами безымянных очевидцев. Одно из них принадлежит Владимиру Гершуни, другое, предваряющее запись процесса, — и до сих пор не знаю, кому: кто-то из наших друзей записал рассказ человека, постороннего нашему кругу, и доставил мне его. Есть в моем тексте и ссылка на кого-то из присутствовавших в зале суда, даже на сделанные этим человеком записи, но кто это был — теперь уже не вспомню. В последний момент, когда «Полдень» уже был готов, прибавилось свидетельство Татьяны Баевой (об этом сказано в книге — в первой части, завершающейся ее рассказом).

Запись судебного процесса представляется мне центральным и самым ярким материалом книги. Там есть все: и мотивировки, и характеры, и обстоятельства времени и места. Все это еще во время подготовки рукописи представлялось мне удивительным драматическим произведением, сочиненным самой жизнью.

Рукопись, конечно, была не рукопись, а машинопись: я печатала начерно, вносила правку, а начисто перепечатывала Надя Емелькина, одна из наших самоотверженных самиздатских машинисток (с ней же мы печатали летом 1969 года «Хронику текущих событий» в пустой квартире Габаев — Илья был арестован, а Галя с сыном уехала на каникулы, — тут я просто диктовала ей с совершенных черновиков). Занятие это было очень напряженным, каждый день можно было ждать обыска, а бывали моменты, когда готовая часть черновика и все семь перепечатанных с нее беловиков лежали у меня под кроватью. Обыски мне снились до самого 21 августа, пока я не раздала семь готовых беловых экземпляров. И тут как отрезало — больше мне обыски не снились. Другое дело, что потом я пережила два реальных обыска, но на обоих чудом уцелели драгоценные материалы: на первом — целая сумка с самиздатом, приготовленная для поездки в Сибирь, к ссыльным Богораз и Литвинову, в том числе и два машинописных экземпляра «Полдня»; на втором, в день ареста (24 декабря 1969 года), — черновые материалы к 11-й Хронике.

В 1970 году, когда я уже сидела, «Полдень» вышел в издательстве «Посев». В 1990 году я встретила в Праге переводчицу Яну Клусакову, которая осенью 1969-го вывезла фотопленки из Москвы в Прагу — на своем беременном животе, под просторной юбкой, — а оттуда переправила их в Мюнхен, в книжный магазин Нейманиса. Там уж, видно, сами решили, куда это отправить. В том же 1970-м книга вышла по-французски, а потом по-английски и по-испански. О несостоявшемся немецком издании я пишу в послесловии.

По-чешски «Полдень» не вышел и до сих пор, хотя уже в 1990 году был переведен и издательство «Лидове новины» объявило о скором выходе книги. Зато в 2006 году вышел наконец польский перевод, который делался еще в подполье и тоже был готов к 1990-му, когда наступила свобода, а с ней и свободный рынок, в результате чего деньги на издание нашлись только через 16 лет. Польские друзья — не только мои, но и Чехословакии, вроцлавяне из созданной в подполье «Польско-чехословацкой солидарности», — все эти годы искали возможность выпустить «Полдень» по-польски. В Чехословакии (тогда еще не разделенной) у издательства, по-моему, просто пропал интерес.

В России книга выходит впервые.

Наталья Горбаневская,

Париж, июль–август 2007

Пролог

И вот, ныне я, по влечению Духа, иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною. Только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня. Но я ни на что незираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение...

Деяния апостолов, гл. 20, ст. 22–24

ВСЕМУ НАРОДУ
ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Вчера, 20 августа 1968 г., около 23 часов, войска СССР, Польской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики и Народной Республики Болгарии перешли государственную границу ЧССР. Это произошло без ведома президента республики, президиума Национального собрания, президиума правительства и первого секретаря ЦК КПЧ и всех этих органов. Все эти часы проходило заседание президиума ЦК КПЧ, посвященное подготовке XIV съезда партии. Президиум ЦК КПЧ призывает всех граждан сохранять спокойствие и не оказывать сопротивления продвигающимся войскам, поскольку сейчас защитить наши государственные границы невозможно.

Поэтому наша армия, госбезопасность и народная милиция не получили приказа о защите страны. Президиум ЦК КПЧ считает совершённый акт противоречащим не только основным принципам отношений между социалистическими странами, но и отрицанием основных норм международного права.

Все ведущие активисты партии и Национального фронта остаются на своих местах, на которые они были избраны как представители народа и члены своих организаций согласно законам и другим установлениям, действующим в ЧССР. Руководящие органы немедленно созывают заседание Национального собрания и правительства республики, а президиум ЦК КПЧ созывает пленум ЦК партии для обсуждения создавшегося положения.

Президиум ЦК КПЧ

«ПРАЦЕ», 21 АВГУСТА 1968

ПРАВДА

Газета основана
5 мая 1912 года
В. И. ЛЕНИНЫМ

Орган Центрального Комитета КПСС

№ 234 (18281)

Среда, 21 августа 1968 г.

Цена 3 коп.

ЗАЯВЛЕНИЕ ТАСС

ТАСС уполномочен заявить, что партийные и государственные деятели Чехословацкой Социалистической Республики обратились к Советскому Союзу и другим союзным государствам с просьбой об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи, включая помощь вооруженными силами. Это обращение вызвано угрозой, которая возникла существующему в Чехословакии социалистическому строю и установленной конституцией государственности со стороны контрреволюционных сил, вступивших в сговор с враждебными социализму внешними силами.

События в Чехословакии и вокруг нее были неоднократно предметом обмена мнениями руководителями братских социалистических стран, включая руководителей Чехословакии. Эти страны едины в том, что поддержка, укрепление и защита социалистических завоеваний народов является общим интернациональным долгом всех социалистических государств. Эта их общая позиция была торжественно провозглашена в Братиславском заявлении.

Дальнейшее обострение обстановки в Чехословакии затрагивает жизненные интересы Советского Союза и других социалистических стран, интересы безопасности государств социалистического содружества. Угроза социалистическому строю в Чехословакии представляет собой вместе с тем угрозу устоям европейского мира.

Советское правительство и правительства союзных стран — Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Польской Народной Республики, исходя из принципов нерасторжимой дружбы и сотрудничества и в соот-

ветствии с существующими договорными обязательствами, решили пойти навстречу упомянутой просьбе об оказании братскому чехословацкому народу необходимой помощи.

Это решение находится в полном соответствии с правом государств на индивидуальную и коллективную самооборону, предусмотренным в союзнических договорах, заключенных между братскими социалистическими странами. Оно отвечает также коренным интересам наших стран в отстаивании европейского мира против сил милитаризма, агрессии и реванша, не раз ввергавших народы Европы в войны.

Советские воинские подразделения вместе с воинскими подразделениями названных союзных стран 21 августа вступили на территорию Чехословакии. Они будут незамедлительно выведены из ЧССР, как только создавшаяся угроза завоеваниям социализма в Чехословакии, угроза безопасности стран социалистического содружества будет устранена и законные власти сочтут, что в дальнейшем пребывании там этих воинских подразделений нет необходимости.

Предприняемые действия не направлены против какого-либо государства и ни в какой мере не ущемляют чьих-либо государственных интересов. Они служат цели мира и продиктованы заботой о его укреплении.

Братские страны твердо и решительно противопоставляют любой угрозе извне свою нерушимую солидарность. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств.

КОММУНИСТИЧЕСКИМ
И РАБОЧИМ ПАРТИЯМ ВСЕГО МИРА!

Товарищи! Сегодня Чехословацкая Социалистическая Республика против воли правительства, Национального собрания, руководства КПЧ и всего народа была оккупирована войсками пяти стран Варшавского договора.

Поскольку здание ЦК КПЧ, где заседает президиум ЦК КПЧ, занят оккупационными войсками, городской комитет КПЧ Праги обращается ко всем коммунистическим и рабочим партиям:

Товарищи, протестуйте против этого беспримерного нарушения социалистического интернационализма!

Требуйте от центральных комитетов коммунистических партий СССР, Польши, Венгрии, Болгарии и ГДР, чтобы, несмотря на временное присутствие оккупационных войск, не была парализована деятельность ЦК во главе с А. Дубчеком и деятельность правительства Черника!

Требуйте немедленного вывода оккупационных войск!

Мы призываем вас обсудить необходимость немедленного созыва совещания коммунистических и рабочих партий, которое заняло бы соответствующую позицию к акту беззакония против чехословацкого народа и его КПЧ.

Одновременно президиум решил информировать о создавшемся положении румынское и югославское посольства и требовать от них передачи сообщений центральным комитетам их партий. Желательно, чтобы эти страны в ускоренном порядке рассмотрели ситуацию, возникшую в ЧССР.

Городской партийный комитет заверяет пражан, что он полностью функционирует и просит о полной поддержке своих мероприятий.

ПРАЖСКИЙ ГОРКОМ КП «ВЕЧЕРНИ ПРАГА»,

21 АВГУСТА 1968

В ИНТЕРЕСАХ СОЦИАЛИЗМА И МИРА

Советские люди единодушно одобряют решение правительства СССР и правительства ЧССР и правительство других союзных стран о неотложной помощи братскому чехословацкому народу

Обязанность
д р у з ь и

НАШЕ ОБЩЕЕ ДЕЛО

События в Чехословакии в последние дни все больше и больше выказали законную тревогу у рабочего коллектива московского завода «Серп и молот». Вот и вчера, закончив смену, металлурги собрались в красном уголке союзпорокатного цеха. Слова выступающих были полны суровой озабоченности за судьбу социализма в ЧССР.

— Контрреволюционные элементы в Чехословакии и их подстрекатели из империалистического лагеря, — сказал оператор стана «450» Алексей Белоусов, — пытались отторгнуть ЧССР от социалистического сотрудничества, отнять у чехословацкого трудового народа свободу и независимость, завоеванную и кровью советских солдат, и кровью чехословацких патриотов. Наш народ не мог относиться с безразличием к тому, что реакция поставила под угрозу социалистический строй в Чехословакии и установленную волей народа государственность.

И потому мы, рабочие, верные интернациональной солидарности, сознавая всю опасность, нависшую над братским народом, горячо поддерживаем действия Советского правительства и пра-

вительство союзных стран, которые по просьбе партийных и государственных деятелей ЧССР решили оказать Чехословацкой Социалистической Республике необходимую помощь.

Рабочие единодушно приняли резолюцию, в которой, в частности, говорится: «Мы целиком и полностью одобряем деятельность Советского правительства и правительств союзных стран, которые, исходя из принципов неразрывной дружбы и солидарности и в соответствии с существующими договорными обязательствами, пошли на помощь братскому чехословацкому народу».

Митинги и собрания состоялись также на заводах «Красный пролетарий», имени Владимира Ильича, имени Дикхачева, Втором подлинниковом и других предприятиях, у литераторов, театральных работников столицы, во многих других коллективах. Вскоре митинги выступили с горячим одобрением действий Советского правительства и правительств братских стран, направленных на защиту социалистических завоеваний и мира.

На собрании в сортопрокатном цехе московского металлургического завода «Серп и молот», посвященном событиям в Чехословакии. На сцене — выступавший оператор стана «450» А. Д. Белоусов; справа — металлурги единодушно одобряют решение Советского правительства и правительств союзных стран пойти навстречу просьбе партийных и государственных деятелей ЧССР об оказании братскому чехословацкому народу неотложной помощи. Фото А. Устинова.

СЛОВО

ЛЕНИНГРАД, 21. (Корр. «Правды» М. Королев). Трудовой Ленинград единодушно поддерживает решение правительств СССР и союзных стран о оказании необходимой помощи Чехословацкой Социалистической Республике.

— Решение правительства ЧССР, одобряющее помощь братскому чехословацкому народу, — это очень правильная и своевременная мера, предпринятая социалистическими странами для защиты завоеваний социализма в ЧССР, — так заявил бригадир фрезеровщиков цеха крупных паровых турбин Металлического завода имени XXII съезда КПСС Н. В. Перлов. — Я от всей души горячо одобряю эту меру.

— Решение правительства ЧССР, одобряющее помощь братскому чехословацкому народу, — это очень правильная и своевременная мера, предпринятая социалистическими странами для защиты завоеваний социализма в ЧССР, — так заявил бригадир фрезеровщиков цеха крупных паровых турбин Металлического завода имени XXII съезда КПСС Н. В. Перлов. — Я от всей души горячо одобряю эту меру.

ЛЕНИНГРАДЦЕВ

Жалт волю народов этих стран и отмечает коренным интересом чехословацкого народа, — заявил начальник мехзавода Б. П. Кабулов. — Защиту социализма в Чехословакии мы рассматриваем как свой интернациональный долг.

Участники митинга единогласно одобряют энергичные действия Советского правительства и правительств братских союзных государств, оказавших помощь по просьбе партийных и государственных деятелей Чехословакии неотложную помощь чехословацкому народу.

СОЛИДАРНОСТЬ

— Я только что вернулся из Праги, — сообщил начальник цеха М. Кравченко. — И скажу вам откровенно: меня до глубины души возмутило то, что я там видел. По улицам разгуливали молодчики, издававшие над всем самым святым, что есть у человека нового мира.

Собрание рабочих завода единодушно одобрило коллективные действия социалистических стран по пресечению происков империализма против ЧССР.

СОЛИДАРНОСТЬ

— Я только что вернулся из Праги, — сообщил начальник цеха М. Кравченко. — И скажу вам откровенно: меня до глубины души возмутило то, что я там видел. По улицам разгуливали молодчики, издававшие над всем самым святым, что есть у человека нового мира.

Собрание рабочих завода единодушно одобрило коллективные действия социалистических стран по пресечению происков империализма против ЧССР.

МИНСК, 21. (По телефону). Все мы, белорусские литераторы, с повятым возмущением слушали сегодня утром Заявление ТАСС, обмечиваясь мнением по поводу событий в Чехословакии. Мы считаем, что мера, принятая Советским правительством и правительствами других социалистических стран, были необходимыми, ибо речь идет о судьбе братского нам народа.

Закон советских людей, закон настоящих интернационалистов — помогать в трудную минуту товарищам по борьбе, не позволять друг другу обижать. А дружба Советского Союза и Чехословакии скреплена кровью лучших сынов и дочерей наших стран, она мучала и закаляла в смертельных схватках с немскими фашистами. Чехи и словаки сами выбрали себе в жизни ясную и широкую дорогу социализма.

Я несколько раз бывал в братской Чехословакии, проехал ее из края в край. Видел воочию, как расцвели в послевоенные годы ее народное хозяйство, ее литература и искусство. Я чувствовал настроение народа, настроение моих друзей, писателей-коммунистов, и я понимаю, с каким гневом восприняли они политический контрреволюционный реставрирование капиталистической страны, оторвать Чехословакию от социалистического сотрудничества. Протянуть им руку помощи и поддержки — святое дело, братская обязанность стран социализма.

Петр БРЮВА,
Народный поэт Белоруссии,
лауреат Ленинской премии.

Одобрим!

ТАШКЕНТ, 21. (По телефону). Наши колхозники с энтузиазмом одобрили решение правительства Советского Союза и других социалистических стран — удовлетворить просьбу партийных и государственных деятелей Чехословакии об

ВСЕМ ПРОФСОЮЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ МИРА!

В ночь с 20 на 21 августа 1968 г. Чехословацкая Социалистическая Республика была оккупирована войсками Советского Союза, Польской Народной Республики, ГДР, Народной Республики Болгарии и Венгерской Народной Республики.

Это произошло без ведома президента ЧССР, правительства, Национального собрания и Центрального Комитета Коммунистической партии. Эта безосновательная, вероломная оккупация нашей страны прямо противоречит международному праву и Уставу Объединенных Наций. Наша страна была оккупирована, потому что мы хотим прийти к гуманному и глубоко справедливому социализму путем, который наиболее соответствует нашим условиям и возможностям.

Мы призываем вас от имени пяти с половиной миллионов членов чехословацких профсоюзов, от имени всех трудящихся, чтобы в интересах человечества вы всеми силами протестовали против этого насильственного акта.

СЕКРЕТАРИАТ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ПРОФСОЮЗОВ
И ПРЕДСЕДАТЕЛИ ЦЕНТРАЛЬНЫХ КОМИТЕТОВ ПРОФСОЮЗОВ

В ЗАЩИТУ ЗАВОЕВАННОЙ СОЦИАЛИЗМА

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ЕДИНОДУШНО ОДОБРИЛИ ДЕЙСТВИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР И ПРАВИТЕЛЬСТВ СОЮЗНЫХ СТРАН, КОТОРЫЕ РЕШИЛИ ПОЙТИ НАВСТРЕЧУ ПРОСЬБЕ ПАРТИЙНЫХ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ОБ ОКАЗАНИИ БРАТСКОМУ ЧЕХОСЛОВАЦКОМУ НАРОДУ НЕОБХОДИМОЙ ПОМОЩИ В СВЯЗИ С УГРОЗОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМУ СТРОЮ, КОТОРАЯ ВОЗНИКЛА В ЭТОЙ СТРАНЕ.

МОСКВА

1-й Московский часовой завод. Контрреволюции, вступившей в створ с силами реакции, за рубежом, не останавить твердой поступи народа Чехословакии к социализму! Эта мысль проходила красной нитью в выступлениях участников собраний, прошедших в цехах и отделах.

— Решение Советского правительства и правительств союзных стран отвечает коренным интересам трудящихся — отстоять европейский мир, — заявила в своем выступлении шифовщица И. Фидимонов. — Мы ясно и отчетливо понимаем, что введение советских и союзных вооруженных сил на территорию Чехословакии является свидетельством большой заботы о защите и ук-

реплении завоеваний социализма в братской стране.

Завод имени Владимира Ильича. В резолюции, принятой единогласно, труженники предприятия выразили уверенность, что передовые силы Чехословакии победят происки реакции.

— Мне, как участнику минувшей войны, — сказал слесарь В. В. Айдарханов, — хорошо помнятся дни, когда советские войска освобождали народы Европы от фашистского гнета. Участники этих событий знают, какой дорогой ценой досталась нам победа над гитлеризмом. Мы хорошо помним, с какой радостью встречали советских воинов-освободителей трудящиеся Чехословакии. И вот теперь мы вновь протянули руку помощи народу ЧССР.

Автозавод имени Лихачева. На всех участках, во всех цехах автозавода были при-

няты резолюции, одобряющие оказание братскому чехословацкому народу неотложной помощи.

ЛЕНИНГРАД

На митинге строителей паровых турбин Металлического завода имени XXII съезда КПСС слово взял фрезеровщик Н. В. Перелов.

— Сегодня мы узнали, что по просьбе партийных и государственных деятелей Чехословакии войска пяти стран — участниц Варшавского Договора введены в Чехословацкую Социалистическую Республику, — заявила он. — Это очень правильная и своевременная мера, предпринятая для защиты завоеваний социализма в Чехословакии.

Митинги состоялись сегодня также в объединении «Электросила», на Кировском заводе, на предприятиях Станкостроительной фирмы имени Я. М. Сверлова, на многих других заводах, фабриках, в учреждениях. В резолюциях ленинградцы единодушно отмечают, что неотложная интернациональная помощь братской Чехословакии служит целям мира.

БАКУ

В обденный перерыв несколько сот рабочих Бакинского завода нефтяного машиностроения имени Ю. Касимова собрались, чтобы поделиться мыслями.

— Мы полностью поддерживаем и одобряем действия Советского правительства и правительства других социалистических стран, решивших оказать братскую помощь чехословацкому народу, — заявила токарь Асиф Гусейнов.

ТАШКЕНТ

— Мы знаем, что трудовой народ Чехословакии предал идеям социализма, — сказал на многотысячном митинге коллектива завода «Таштекстильмаш» мастер А. П. Кротов. — Но знаем мы и то, что империалисты плетут заговор против этой страны и, пользуясь поддержкой кучки ими же вскорлеленных отщепенцев, пытаются нанести удар в спину чехословацкому народу. Долг народов-братьев — встать на защиту социалистических завоеваний ЧССР. (ТАСС).
21 августа.

ВОЗЗВАНИЕ К ВСЕМИРНОМУ СОВЕТУ МИРА

Уважаемые друзья!

На этот раз с горечью в сердцах обращаемся к вам мы, до сих пор стоявшие в передовых рядах тех, которые всегда осуждали насилие, агрессию, где бы они ни происходили, кто всегда выражал свою активную солидарность с жертвами насилия.

Ныне мы — жертвы насилия! Ныне мы — те, кто требует солидарности. Нас обвиняют в чем-то, чего мы не допустили и допустить не хотели. Если кто-либо может об этом судить, так это вы, всегда сотрудничавшие с нами: вы знаете наши взгляды, и не только взгляды, но и наши конкретные действия.

Если бы мы были захвачены империалистической армией, это было бы болезненно; но быть жертвой агрессии своих лучших друзей — это невероятно, это вызывает недоверие между всеми прогрессивными и миролюбивыми силами.

Мы хотели свободной, социалистической и демократической Чехословакии как нераздельной части социалистического лагеря. Мы хотели глубоко гуманного социализма, в котором действительно будет править народ. Мы — члены Варшавского договора, который должен был защитить от агрессии империализма, но не защитил нас от оккупации со стороны друзей.

Поскольку Всемирный совет мира всегда занимал определенную позицию по отношению к любой агрессии, против любого нарушения прав человека, мы ожидаем, что он поступит так и сейчас. Мы просим вас: поддержите наше ясное и бескомпромиссное требование, оккупанты должны быть немедленно выведены из нашей страны, если что-то еще можно сохранить. Это не только в наших интересах, но и в интересах всего социалистического лагеря и мира во всем мире.

Мы надеемся на вас! Информируйте все комитеты мира, ведь речь идет о мире во всем мире!

ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КОМИТЕТ ЗАЩИТЫ МИРА

ПРАГА, 22 АВГУСТА 1968

ВОЛЯ СОВЕТСКОГО НАРОДА ЕДИНА И НЕПОКОЛЕБИМА

Все советские люди твердо и решительно поддерживают действия, предпринятые для защиты дела социализма и мира

МОСКВА

Многотысячный коллектив Московского автозавода имени И. А. Лихачева единодушно одобряет действия Советского правительства и правительств других социалистических стран, направленные на защиту и укрепление социалистического строя в Чехословакии, на оказание помощи братскому чехословацкому народу в борьбе против обнаглевшей контрреволюции.

На собрании в прессовом корпусе наладчик Н. Г. Мичин заявил:

— Я участвовал в освобождении Чехословакии от фашистских захватчиков. Я хорошо помню, с какой любовью встречал народ этой страны нашу армию-освободительницу. И я не сомневаюсь, что подавляющее большинство населения Чехословакии с одобрением встретило помощь социалистических стран, которая продиктована заботой об интересах социализма и мира.

Собрания и митинги проходят на других предприятиях, в учреждениях, в творческих организациях интеллигенции. Москвичи единодушно одобряют решения правительств братских социалистических стран об оказании помощи чехословацкому народу, выражают твердую уверенность в том, что чехословацкие коммунисты, все трудящиеся обзудают распоясавшиеся силы контрреволюции, укрепят социалистический строй в своей стране. Советские люди шлют горячие приветствия своим славным и мужественным сынам — солдатам, сержантам, офицерам, которые с честью и достоинством выполняют на земле братской Чехословакии свой высокий долг патриотов и интернационалистов.

Более двухсот человек участвовало в собрании московских литераторов. Открывая собрание, парторг МК КПСС в Московской писательской организации А. Васильев охарактеризовал события, которые назревали и развивались в последнее время в Чехословакии и вызвали естественную озабоченность у всего советского народа, в том числе у московских литераторов.

Слово предоставляется поэссе Л. Татьянической. С волнением говорит она о том, что контрреволюционные силы в Чехословакии, подстрекаемые и поддерживаемые извне, угрожают социалистическому строю этой братской страны. Советские писатели, как и все советские люди, горячо поддерживают принимаемые меры, которые послужат укреплению социалистического строя Чехословакии. По-братски, по-дружески мы помогаем нашим братьям, на свободу которых покушаются враги социализма.

На трибуне, — писатель Г. Марков. Заявление ТАСС, подчеркивает оратор, — документ огромного значения, выражающий чувства миллионов советских людей, граждан нашего великого социалистического Отечества. Нас, советских литераторов, продолжает он, с Чехословакией связывают многие годы искреннего братства и дружбы. Нет сомнения, что в чехословацкой литературе, как и во всем чехословацком народе, существуют могучие силы, способные разгромить черные замыслы реакции.

На собрании также выступили писатели Б. Кербабаяев, А. Шарипов, И. Винниченко, Б. Соловьев, Е. Рябчиков, секретарь МК КПСС А. Шапошников. Все ораторы горячо поддержали меры, предпринятые правительством СССР и правительствами других социалистических стран, направленные на защиту социалистических завоеваний братской Чехословакии.

БАЛХАШ

Тысячи тружеников Балхашского ордена Ленина горно-металлургического комбината имени 50-летия Октябрьской революции, собравшись на митинг, выразили полную поддержку своевременным мерам Советского правительства и правительств стран социалистического содружества по оказанию помощи братскому чехословацкому народу в борьбе с контрреволюцией, в защите завоеваний социализма.

— Нам, советским людям, дороги интересы братского че-

хословацкого народа, — заявил слесарь В. С. Вершинин. — Защита социалистических завоеваний народов ЧССР, как и других братских стран, — общее дело всех государств и народов социалистического содружества, связанных между собой неразрывными узами интернационализма.

— Мы, советские люди, — сказал плавильщик Д. Шахатаев, — не допустим, чтобы добытые в совместной борьбе завоевания чехословацкого народа, его успехи в социалистическом строительстве были уничтожены контрреволюцией при поддержке международного империализма.

В. ГАНЮШКИН.
(Спец. корр. «Правды»).

БАКУ

Старейшее предприятие нефтяного машиностроения — завод имени Касимова расположен в гуще промыслов Ленинского района. Единодушное одобрение вызвало у всех здешних нефтяников решение Советского правительства и правительств союзных стран оказать необходимую помощь братской Чехословакии.

— Все мы с неослабным вниманием и тревогой следим за развитием событий в Чехословакии, — заявил на митинге слесарь Н. Костян. — Лично мне особенно дорога и близка Чехословакия: я был в составе Советской Армии, освобождавшей ее народы от фашизма. Решение Советского правительства и правительств союзных стран отвечает интересам всех народов, строящих новую жизнь.

— У советских людей, у всех братских народов сильно развито чувство локтя, — как бы продолжая речь товарища, сказал токарь Асиф Гусейнов. — Пусть знают враги мира и прогресса: братские народы твердо и решительно противопоставляют любой угрозе извне свою нерушимую солидарность.

Л. ТАИРОВ.
(Корр. «Правды»).

ОБРАЩЕНИЕ ДЕЛЕГАТОВ
XIV ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО СЪЕЗДА КПЧ
К КОММУНИСТИЧЕСКИМ ПАРТИЯМ ВСЕГО МИРА
(22 АВГУСТА 1968 Г., ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ)

Мы обращаемся к коммунистическим и рабочим партиям всего мира, в особенности к партиям и народам Советского Союза, ПНР, НБР, ГДР, ВНР, войска которых оккупировали нашу страну.

В январе наша партия вступила на путь возрождения социализма. Она начала в большой мере развивать его демократические и гуманные принципы в соответствии с условиями нового этапа нашего пути. Она верила, что принципы суверенитета и невмешательства будут уважаться и все спорные вопросы будут решены путем переговоров. Из этого исходило руководство нашей партии во всех послеянварских переговорах — двусторонних и многосторонних. Эта политика, включенная в «Программу действий» ЦК КПЧ, снискала нашей партии небывалый авторитет и поддержку. Обеспечение и укоренение этого пути должно было быть предметом обсуждения на XIV чрезвычайном съезде, подготовка к которому уже заканчивалась. Накануне этого съезда войска СССР, ПНР, НРБ, ГДР и ВНР без какого бы то ни было повода и без согласия законных правительственных и партийных органов, против воли нашего народа насильственно захватили нашу территорию, вызвали в стране беспорядок, сделали и делают невозможным продолжение начатого пути. Мы стоим перед горькой правдой: войска государств, в которых мы привыкли видеть друзей, ведут себя как оккупанты. Конституционные органы нашего государства и представители партии не могут продолжать выполнение своих функций. Они не имеют возможности обсудить возникшую ситуацию в нормальных конституционных формах. Они не имеют никакого доступа к средствам связи. Видные руководители интернированы. Нет сомнений в том, что эти действия должны привести к пагубным последствиям для всего международного коммунистического движения. Мы заявляем, что наш народ, а с ним и наша коммунистическая партия никогда не согласятся с такими действиями, отвергают их и сделают все для обновления нормальной жизни в нашей стране.

С этой целью по требованию и пожеланиям коммунистов и всей общественности собралась большая часть делегатов чрез-

вычайного XIV съезда, законным путем избранных на районных и областных конференциях, они обращаются к вам с настоящим призывом и просьбой о помощи.

Для того чтобы иметь возможность свободно продолжать наш социалистический путь, необходимо выполнить следующие требования:

1. Немедленно освободить всех интернированных представителей партии, правительства, Национального собрания, Чешского национального совета и Национального фронта и дать возможность им, а также президенту республики беспрепятственно выполнять свои функции.

2. Немедленно восстановить все гражданские права и свободы.

3. Незамедлительно начать ускоренный вывод оккупационных армий.

Чрезвычайный XIV съезд партии заявляет, что он не признает никаких других представителей партии и правительства, кроме тех, которые были избраны надлежащим демократическим путем.

В связи с трагическими последствиями оккупации нашей страны для дела социализма просим вас, товарищи:

Политически поддержите наше справедливое дело и выскажите свои взгляды представителям партий, ответственных за действия в отношении нашей страны. Рассмотрите возможность и желательность созыва совещания коммунистических и рабочих партий, в переговорах с которыми участвовала бы и наша делегация. Вступайте в контакт лишь с теми представителями нашей партии, которые будут избраны на этом съезде.

Защитите человеческое лицо социализма. Это наш интернациональный долг.

Делегаты XIV чрезвычайного съезда КПЧ

«Руде право», 23 августа 1968 (спецвыпуск к съезду)

СОВЕТСКИЙ НАРОД ВЫПОЛНИТ СВОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ ДОЛГ

ВО ИМЯ СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО

Как и все советские люди, я люблю чехословацкий народ, с большим уважением отношусь к его истории, к его культуре, к его достижениям. Этот народ добился немалых успехов в социалистическом строительстве. И я верю в его доброе будущее, верю, что трудящиеся Чехословакии с братской помощью, оказываемой Советским Союзом и другими социалистическими странами, сумеют преодолеть сопротивление сил внутренней реакции. Чехословакия была, есть и будет социалистической!

Ян СУДРАБАКЛН.
Народный поэт
Латвийской ССР.

г. Рига.

Нерушимая солидарность

Обстановка, сложившаяся в Чехословакии, не может не волновать советский народ. Нельзя допустить контрреволюционеры отторгнуть Чехословакию от социалистического лагеря. Я, как и все советские люди, горячо одобряю меры, предпринятые Советским правительством и правительствами других братских социалистических стран. Эти меры продиктованы интересами безопасности государств социалистического содружества и прежде всего самой Чехословакии. Угрозе реакции необходимо противопоставить нерушимую солидарность трудящихся.

Обострение обстановки в Чехословакии затрагивает не только жизненные интересы социалистических стран, но и представляет угрозу устойчивости европейского мира и безопасности. Поэтому меры по оказанию необходимой помощи братскому чехословацкому народу, несомненно, найдут понимание и поддержку у всех честных людей мира.

Ф. ДАВИТАЯ,
Академик Академии
наук Грузинской ССР.

ВЕРНОСТЬ ДРУЖБЕ

Как советский художник, я не могу не отметить небольшую роль некоторой части интеллигенции Чехословакии в развитии драматических событий в этой стране. Достаточно вспомнить выступления Прохазки, Ганзелки и других. Как могло случиться, что печать, радио и телевидение по существу превратились в рупор контрреволюционных сил? На экранах Чехословакии все чаще и чаще стали появляться фильмы, искажающие процесс социалистического строительства.

Наш долг, долг советской творческой интеллигенции, — с четких партийных позиций оценить события в Чехословакии, противопоставить идеологическим диверсиям всю революционную страстность, воспеть подлинного творца истории — народ.

Разумеется, события в Чехословакии нарастают не без участия контрреволюционных сил, пропагандистских организаций империализма. Но они не смогли бы найти такого развития внутри страны, если бы руководство КПЧ последовательно выполняло свой долг авангарда рабочего класса.

Мы уверены, что чехословацкий народ, опираясь на братскую помощь СССР и союзных социалистических стран, сумеет отстоять завоевания социализма.

С. ГЕРАСИМОВ,
Народный артист СССР,
кинорежиссер.

ЕДИНОДУШИЕ

МОСКВА

В Москве продолжаются митинги и собрания, на которых рабочие, служащие, деятели науки и культуры, все трудящиеся выражают свою безраздельную поддержку Ленинскому Центральному Комитету КПСС и Советскому правительству в их активной и последовательной внешнеполитической деятельности, направленной на обеспечение жизненных интересов советского народа и народов братских социалистических стран, на поддержку всех революционных, антиимпериалистических сил в совместной борьбе за дело мира, демократии и социализма.

В резолюциях, принимаемых трудящимися, выражается твердое убеждение, что попытки реакционных элементов в Чехословакии осложнить положение в стране, разжечь националистическую истерию и посеять вражду к Советскому Союзу и другим странам социализма потерпят полный провал.

Комбинат «Трехгорная мауфактура». Отделочница З. И. Медведина заявила в своем выступлении:

— Советские люди хорошо понимают, что прочный мир на земле может обеспечить только единство социалистических стран, крепкая дружба между братскими народами. Исходя из принципов нерасторжимой дружбы и сотрудничества, наше правительство, правительства союзных стран на деле оказывают братскому чехословацкому народу необходимую помощь в защите его социалистических завоеваний от посягательств внутренней контрреволюции, которую поддерживает империалистическая реакция извне. Мы полностью одобряем и поддерживаем это решение.

Первая образцовая типография имени А. А. Жданова. Выступая на собрании, печатник Г. Н. Шкуркин сказал:

— Сообщения, поступающие из Чехословакии, показывают, какой правильной и своевременной была мера правительства братских социалистических стран, оказавших народу ЧССР неотложную помощь, включая помощь вооруженными силами. Враги за рубежом подняли сейчас злобный вой. Это и понятно. Они делали все для того, чтобы отторгнуть Чехословакию от социалистического лагеря. Пусть знают они, что и вверд братские страны социализма противопоставят любой угрозе извне свою нерушимую солидарность. Никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств.

(ТАСС).

СВЕРДЛОВСК

Многолюдные митинги состоялись сегодня на «Уралмаше», Верхисетском металлургическом заводе, в производственном объединении «Уралобува» и на многих других предприятиях Свердловска.

— Дружба народов социалистического содружества нерушима, — заявил электросварщик «Уралмаша» В. Шумаков. — Во имя нашей общей цели — социализма и коммунизма — мы полностью поддерживаем решение правительства социалистических стран об оказании неотложной помощи ЧССР. Это решение — наше решение, выражение народной воли. Оно служит делу социализма и мира.

— Мы не можем оставаться равнодушными к тому, что контрреволюционные силы,

поддержанные империализмом, пытаются сорвать строительство социализма в стране, связанной с нами нерушимыми узлами братства и союда.

— Необходимо остановить тех, кто пытается угрожать миру в Европе, — сказал инженер, бывший воин Уральского добровольческого танкового корпуса, участвовавшего в освобождении Чехословакии от фашистских захватчиков, П. Логинов. — Коллектив Уралмашзавода полностью поддерживает твердую и решительную волю коммунистических партий и народов братских стран: никому и никогда не будет позволено вырвать ни одного звена из содружества социалистических государств. Мы еще теснее сплотимся вокруг нашей ленинской партии, будем неустанно работать над осуществлением планов коммунистического строительства.

В. ДАНИЛОВ,
(Корр. «Правды»).

ТАШКЕНТ

На митинге орден Ленина завода «Таштекстальмаш» выступавшие говорили: Мы не можем допустить, чтобы контрреволюционные силы, поддерживаемые империалистами, огляди у чехословацкого народа социалистические завоевания, добытые им в трудной борьбе. В доме брата случилась беда, и помочь ему — наш прямой долг.

На митинге Научно-исследовательского института курортологии и физиотерапии имени Семашко выступила участница боев за освобождение Праги: кандидат медицинских наук З. Далимова, заведующий отделением Т. Н. Абдуллаев и врач В. М. Бочков.

— Советские люди хорошо знают, — сказал Т. Н. Абдуллаев, — какой ценой досталась чехословацкому народу свобода. И мы от души приветствуем решение социалистических стран пресечь процесс реакции в Чехословакии.

В принятых резолюциях рабочие, служащие, инженерно-технические работники целиком и полностью одобряют деятельность правительства социалистических стран по оказанию помощи чехословацкому народу.

Ю. МУКИМОВ,
Н. ГЛАДКОВ,
(Корр. «Правды»).

ВИЛЬНЮС

В обстановке единого духа прошел митинг рабочих Вильнюсского завода голиковой аппаратуры. Собравшиеся горячо одобрили принятые пятью социалистическими странами меры помощи братской Чехословакии.

— Судьба социализма в братской стране волнует каждого из нас, — сказал в своей речи моторист сборочного цеха Ю. Пашкявичюс. — Нельзя допустить, чтобы контрреволюция растопила то, что чехословацкие трудящиеся достигли ценой огромных усилий. Мы горячо поддерживаем решительные меры Советского правительства и правительства союзных государств по оказанию помощи народу Чехословакии в защите завоеваний социализма.

— Коллектив нашего завода считает, что этот шаг стран социалистического содружества является совершенно своевременным, — подчеркивает в своем выступлении слесарь-инструментальщик автоматного цеха Ю. Сопатка. — Никому не позволим поднять руку на самое святое для наших народов — дело социализма, мира, демократии.

А. РУДИНСКАС,
(Корр. «Правды»).

Чехословацкая Социалистическая Республика незаконно оккупирована войсками Советского Союза и некоторых других стран Варшавского договора. Это грубейшим образом нарушает наш государственный суверенитет, принципы международного права и устав Организации Объединенных Наций. Оккупанты интернировали в неизвестном месте председателя Национального собрания, председателя правительства, первого секретаря ЦК КПЧ. Президент республики, Национальное собрание и правительство, пока еще их деятельность не прервана оккупантами, в прямом согласии с единодушным мнением всего народа категорически требуют немедленного отвода иностранных войск.

Экономическая и культурная жизнь нашей страны серьезно нарушена. Оккупанты вмешались также в деятельность Академии и чехословацких высших учебных заведений. Здание президиума Академии занято войсками, заняты некоторые институты Академии и факультеты вузов, ведущим чехословацким ученым угрожает преследование. Существует серьезная опасность того, что незаконная оккупация будет углубляться, что чехословацкий народ вновь утратит свою самостоятельность, что жестокое внешнее вмешательство нарушит движение по пути демократического и гуманного социализма, на который наш народ вступил несколько месяцев назад.

В этой ситуации, весьма важной не только для нашей страны, но и для всего мира, мы обращаемся к вам с просьбой всесторонне поддержать наше дело и помочь обновлению свободной жизни нашей страны.

ЧЕХОСЛОВАЦКАЯ АН

ОТСТОЯТЬ ДЕЛО СОЦИАЛИЗМА!

СОВЕТСКИЕ ЛЮДИ ЕДИНОДУШНО ОДОБРЯЮТ ПОМОЩЬ НАРОДУ ЧЕХОСЛОВАКИИ ПОД ЗАМЕНОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

Трудящиеся Москвы пристально следят за событиями в Чехословакии. Рабочие и служащие, деятели науки и культуры выражают свою безраздельную поддержку ленинскому Центральному Комитету партии и Советскому правительству в оказании помощи трудящимся Чехословакии — нашим братьям по классу.

Московский компрессорный завод «Борец». — Советские люди волнуют события, происходящие в братской Чехословакии, — заявила депутат Верховного Совета РСФСР разметчица З. Р. Григичева. — Реакционные силы пытаются оторвать чехословацкий народ от социалистического лагеря. Но это им не удастся. Наш народ, верный пролетарскому интернационализму, горячо поддерживает политику Советского Союза и других социалистических стран по оказанию помощи ЧССР. Центральный научно-исследовательский институт технологии машиностроения. — Действия Совет-

ского правительства и правительств союзных стран, — заявил заведующий лабораторией кандидат технических наук Г. Туляков, — являются исключительно своевременными. Мы уверены, что коммунисты, все честные трудящиеся ЧССР, опираясь на братскую поддержку социалистических стран, нанесут сокрушительный удар по контрреволюционерам, отстают свободу и независимость своей родины.

1-й Государственный подшипниковый завод. — История научила нас смотреть на вещи открытыми глазами, — заявил слесарь Н. М. Клинишев. — Поэтому нам не безразлично, что происходит в Чехословакии. Слишком большие жертвы понесли советские люди, освобождая народы Чехословакии от фашистского ига. Вот почему для нас дорога дружба с народами Чехословакии, которая родилась в совместной борьбе против фашизма и оккупации в ходе строительства социализма.

ХАРЬКОВ, 24 августа. (По телефону от общества, корр. «Известий» Г. Семенова). На заводе транспортного машиностроения имени Малышева немало рабочих участвовало в Великой Отечественной войне. Есть и такие, кто освободил Прагу. На митинге в сталелитейном цехе ветеранов митингующие коммунист

С. Емельянов сказал: — Мы хорошо помним, с какой радостью встречали чехословацкие братья наших воинов-освободителей в годы минувшей войны. Но силы контрреволюции хотели свергнуть Чехословакию с верного пути, возродить старые порядки. Сегодня, как и прежде, мы верны своему интернациональному долгу. Вместе с другими

социалистическими странами мы преградим дорогу реакции. Коллектив цеха единодушно принял резолюцию, в которой одобрил действия Советского правительства и правительства союзных стран по организации необходимой помощи братскому чехословацкому народу.

Прошли рабочие собрания на Харьковском тракторном заводе. Тракторостроители единодушно одобряют решение Советского правительства и стран социалистического лагеря об оказании народу братской Чехословакии всесторонней, в том числе и военной помощи.

СЛОВО ВЕТЕРАНОВ

С одобрением встретили мы решение правительства Советского Союза и других социалистических стран оказать братскому чехословацкому народу неограниченную помощь в защите социалистического строя. Сложившаяся там положение особенно глубоко волнует нас — бывших партизан, воювавших в Чехословакии.

Летом 1944 года наша партизанская группа оказалась в Восточной Словакии, где в то время началось народное восстание против фашистских поработителей. Никогда нам не забыть, с какой искренней радостью встречались с нами братья-словаки. Они делились с нами последние куски хлеба. Буквально каждый день к нам прибывало пополнение из местного населения. Шли все: мужчины и женщины, старики и подростки, часто целыми семьями. Вскоре наш небольшой отряд вырос в крупное партизанское соединение.

Много бойцов нашего соединения — людей разных национальностей погубило во имя того, чтобы в Чехословакии восторжествовал социализм. И вот в наши дни революционные элементы в створе с враждебными внешними силами пытаются ликвидировать завоевания народа, добытые кровью. Не бывать этому!

Мы твердо уверены, что трудящиеся Чехословакии при поддержке Советского Союза и других социалистических стран наведут у себя порядок и продолжат строительство социализма в своей стране.

Алексей САДЛЕНКО, бывший командир партизанского соединения в Чехословакии, почетный гражданин города Тисовец других городов и поселков Чехословакии. Знамя ТОВА, бывший начальник санитарной службы этого соединения, почетный гражданин чехословацкого поселка Опатка.

Владиво СТОК. (По телефону от общества, корр. «Известий» П. Демидова). На предпринятых, стройках, заводах и учреждениях Приморского края прошли собрания, митинги, беседы. Везде единодушно одобряются неотложные действия Советского правительства и правительства других социалистических стран по оказанию помощи братскому чехословацкому народу. Вот что говорит приморцы.

ВЛАДИВОСТОК. Ректор Дальинститута М. Г. Морозов: — Завоевания социализма в Чехословакии — дело не только чехословацкого народа, но и всех социалистических стран. Решение о вводе войск — это выражение воли всего советского народа, народов социалистических стран.

ИМАН. Домостроительный комбинат. Работница А. М. Овечкина: — Верность революционному учению проверяется в наши дни

БРАТЯ ПО КЛАССУ

АШХАБАД, 24 августа. (По телефону от общества, корр. «Известий» В. Шевченко). Защита социалистических завоеваний — общепризнанный долг всех социалистических государств, таково единодушное мнение трудящихся Туркменистана. На митингах и собраниях, состоявшихся на предприятиях Ашхабада, Красноводска, Гашауза, Чарджоу, Мары и других городов Туркменинии, рабочие, инженерно-технические работники и служащие все люди труда единодушно одобряют меры, предпринятые Советским правительством и правительствами других социалистических стран по оказанию помощи братскому чехословацкому народу.

— Социалистические страны — единая семья, — сказал на митинге работников Чарджоуского перфосферного завода имени Ленина аппаратчик А. Манеждуаев. — Всем нам дороги интернациональные интересы социалистического сотрудничества. Мы уверены, что империалистам не удастся оторгнуть Чехословакию от семьи социалистических стран. Поручкой тому — решительные меры, предпринятые Советским Союзом и другими союзными странами, помощь, которую мы оказываем братьям по классу.

Чувства горячей солидарности с братским чехословацким народом высказала швейномоториста Чарджоуской шелкоткальной фабрики Т. Алумбаева: — Мы поддерживаем меры, принятые социалистическим сообществом по оказанию помощи чехословацкому народу.

ВЛАДИВО СТОК. ПРОЛЕТАРСКАЯ СОЛИДАРНОСТЬ

не на словах, а на деле. Интересы социализма и коммунизма требуют активной наступательной борьбы за великие принципы марксистско-ленинского учения, против любых прожектов империалистов.

СПАССК-ДАЛЬНИЙ. Мастершейной фабрики К. П. Трусов: — Мне пришлось участвовать в подавлении контрреволюции в Венгрии. Пресечь вылазки империалистов в Чехословакии — наш общий долг. Мы не позволим возродить буржуазные порядки в стране братского народа.

Большой морозильный рыболовный ТРАУЛЕР «БАРАБИНСК». Матрос А. И. Голованов:

— Я поддерживаю меры Советского правительства. Мы были и будем солидарны с чехословацким рабочим классом в борьбе за интересы социалистического лагеря.

Я чешский студент, мне 22 года. В момент, когда я пишу это воззвание, советские танки стоят в большом парке почти под моими окнами. Дула орудий нацелены на правительственное здание с надписью: «За социализм и мир!» Этот лозунг на здании я помню с тех пор, как стал способен понимать окружающее. Однако прошло лишь семь месяцев со времени, когда эта надпись понемногу начала приобретать свой первоначальный смысл. В течение семи месяцев моей страной руководили люди, которые поставили целью доказать — вероятно, впервые в истории, — что социализм и демократия могут существовать вместе. Место, куда увезли этих людей, сейчас неизвестно. Я не знаю, увидим, услышим ли мы их еще когда-нибудь. Многого я не знаю. Например, я не знаю, долго ли советским солдатам не удастся заставить замолчать свободные радиостанции, правдиво информирующие наш народ. Не знаю также, встречусь ли я со своими друзьями за границей, если я когда-нибудь окончу свой университет, как я рассчитывал; но в этот момент все утрачивает свой первоначальный смысл. В 3 часа утра 21 августа 1968 года я проснулся совсем в другом мире, чем тот, в котором несколькими часами раньше лег спать.

Возможно, вы думаете, что чехи вели себя как трусы, потому что они не воевали. Но против танков нельзя идти с голыми руками. Я хотел бы заверить вас, что чехи и словаки вели себя как политически зрелый народ, который может быть сломлен физически, но морально — никогда. Потому я это пишу. Единственное, чем вы можете нам помочь, — не забудьте о Чехословакии. Мы просим вас, помогите нашему пассивному сопротивлению, постепенно усиливая напор общественного мнения во всем мире. Думайте о Чехословакии и тогда, когда она перестанет быть газетной сенсацией.

Единственная Чехословакия, которую мы признаем, — это Чехословакия свободная и нейтральная.

«СТУДЕНТ», 1 НЕДАТИРОВАННЫЙ СПЕЦВЫПУСК,
ПРИМЕРНО 23 АВГУСТА 1968

Единство и сплоченность

братских народов восторжествуют

В «Правду»
телеграфируют:

Из АЛЬМЕТЬЕВСКА Татарской АССР.

Я и мои товарищи нефтяники Татарии уверены в том, что Советское правительство и другие социалистические страны приняли единственно правильное решение, протянув руку помощи братскому народу Чехословакии. Как бы сегодня радовались враги социализма, если бы в этот решающий час мы проявили медлительность и нерешительность.

И еще. У советских людей солидарность с братскими народами никогда не была пустой фразой. Мы привыкли подкреплять действия родной партии и правительства ударным трудом. Так поступает сегодня многочисленный коллектив промысловиков Татарии. Он гордится тем, что у стен молодого города татарских нефтяников берет свое начало нефтепровод «Дружба», питающий жидким топливом европейские страны социализма, в том числе и Чехословакию. И мы сделаем все, чтобы поток нефти по этой трассе дружбы никогда не прекратился.

З. ШАРИФУЛЛИН.

Герой Социалистического Труда, мастер по добыче нефти промыслового управления «Елховнефть».

...с борта теплохода «Наманган».

Моряки теплохода «Наманган» Азовского пароходства горячо одобряют решение Советского правительства, правительства Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши об оказании братской помощи Чехословакии. Мы уверены, что с помощью социалистических стран чехословацкий народ преодолеет все препятствия на пути строительства социализма, что дружба между нашими народами будет вечной.

Желаем нашим братьям по классу — чехам и словакам полной и окончательной победы над контрреволюцией.

По поручению экипажа — капитан **ВОЛОШИН**, предсудкома плавсостава Азовского морского пароходства **ЯНДА**.

ОДОБРЯЕМ!

КИШИНЕВ

«Мы единодушно поддерживаем и одобряем действия Советского правительства и правительств стран — участниц Варшавского Договора, пришедших на помощь трудящимся Чехословакии» — так говорится в резолюции участников митинга на Кишиневском тракторном заводе.

Вся трудовая Молдавия солидарна с усилиями социалистических стран, оказывающих братскую помощь трудящимся Чехословакии в их борьбе с контрреволюцией.

Кишиневский завод «Электромашина». На многоядном митинге выступили рабочие, инженеры, служащие. Токарь инструментального цеха Л. Ярмоленко сказал:

— Решительные, энергичные меры правительств пяти социалистических стран правильны и своевременны. Это решение соответствует интересам чехословацкого народа и народов других стран социализма, отстаивающих мир против сил милитаризма, агрессии и реванша.

Гневно осудили попытки вмешательства международного империализма во внутренние дела социалистических стран сотрудники Института экономических исследований и научно-технической информации при Госплане Молдавской ССР. В принятой на митинге резолюции научные работники выразили уверенность, что Чехословацкая Социалистическая Республика под руководством рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии — одержит победу над контрреволюцией.

П. БОГАТЕНКОВ.
(Корр. «Правды»).

КРАСНОВОДСК

Трудящиеся туркменского портового города горячо и единодушно поддерживают решение правительств пяти социалистических стран об оказании необходимой помощи братским народам Чехо-

словакии в их борьбе с внутренней контрреволюцией и происками империализма.

— Мы, советские люди, — интернационалисты, — сказал, выступая на митинге коллектива типографии старейший коммунист, участник гражданской войны М. Семейко. — Мы оказали братскую помощь трудящимся Чехословакии в дни Словацкого национального восстания, а также в 1945 году, когда смертельная угроза нависла над Прагой. И сейчас мы готовы сделать все, чтобы отстоять и укрепить там завоевания социализма.

Участники собраний и митингов принимают резолюции, в которых заявляют, что не пожалеют сил для укрепления могущества Родины.

А. СОЛОМОНЧУК.
(Внештатный корр.
«Правды»).

ТАЛЛИН

В Советской Эстонии продолжают собрания и митинги, на которых трудящиеся республики единодушно одобряют решение Советского правительства и правительств других социалистических стран об оказании помощи народам Чехословакии в борьбе против контрреволюции.

— Пребывание в Чехословакии союзнических вооруженных сил поможет чехам и словакам отстоять и укрепить социалистический строй, способствует сохранению мира во всей Европе, — сказала работница фабрики резиновых изделий «Тегур» В. Нукк.

Директор Орусского торфокombината им. Я. Анвельта В. Ватис заявил:

— Советский народ и народы братских социалистических стран еще раз подтвердили свою непреклонную волю отстоять мир, социалистические завоевания, укрепить безопасность социалистического содружества.

И. РЕЙДИ.
(Корр. «Правды»).

МЫ С ВАМИ — БУДЬТЕ С НАМИ!

МЫ ОБРАЩАЕМСЯ К ВАМ И КОГДА НАШИ СЛОВА ГЛУШАТ

...Никто из нас не забудет, что в те минуты, когда в честь президента Свободы нынешние советские руководители велели вывесить на Внуковском аэродроме и на улицах Москвы чехословацкие флаги, их солдаты в наших селах стреляли в молодежь, несущую эти флаги как символ нашего несломленного патриотизма. Что когда к звукам нашего государственного гимна, узурпированного теми, кто его пограл, примешивался салют московских орудий, такие же орудия сеяли здесь, у нас, смерть и разрушения. Что пока на московском аэродроме и на улицах города «группы граждан» троекратно скандировали «Дружба, дружба, дружба!», гусеницы танков и сапоги солдат давили последние крохи этой дружбы, которая была в нашей стране столь истинной, как, вероятно, нигде более, и которая столь жестоко была выбита из наших мыслей и сердец.

Придет время, когда дни и ночи, начавшиеся 21 августа 1968 года, покажутся потрясающим, фантастическим, невероятным сном. Не все из нас доживут до этого времени. Но оно придет, и жить для него, работать для него, бороться за него — хорошо! Это единственный достойный человека образ жизни, единственная действительно человеческая жизнь.

«Свободные телевизионные новости», № 2,

24 АВГУСТА 1968

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

21 августа войска 5 стран — участниц Варшавского пакта — совершили вероломное и неспровоцированное нападение на Чехословакию.

Агрессивные действия СССР и его союзников встретили резкий отпор мирового общественного мнения.

Наиболее решительным выступлением против агрессии в Чехословакии (имеется в виду: в нашей стране. — Н. Г.) явилась сидячая демонстрация протеста, состоявшаяся 25 августа 1968 г. в 12 часов дня на Красной площади.

«Год прав человека в Советском Союзе.

Хроника текущих событий»,

выпуск 3, 31 августа 1968

Воскресенье, 25 августа 1968 года.

Полдень. Красная площадь заполнена провинциалами, интуристами. Милиция, отпускные солдаты, экскурсии. Жарко, полплощади отгорожена и пуста, кроме хвоста к мавзолею.

Перед боем часов в 12.00 разводится караул у Мавзолея: толпы любопытных, мальчишек бегут, глаза, туда и обратно — к Спасским воротам.

Часы бьют. Из Спасских выскакивает и мимо ГУМа в улицу проносится черная «Волга».

В этот момент у Лобного места, где народу довольно много — стоят, сидят, рассматривают Василия Блаженного, — садятся несколько человек (7–8) и разворачивают плакаты. На одном из них метров с тридцати можно прочесть «Прекратить советское вмешательство в Чехословакию».

...Через несколько секунд к сидящим со всех ног бросаются бежать около десятка человек с разных ближайших к месту точек на площади. Первое, что они делают — вырывают, рвут и комкают плакаты, ломают маленький чешский флаг, похожий на те, кото-

¹ Автор этой записи — Александр Самбор (1937–1980-е), переводчик, друг моих друзей Ирины Максимовой и Виктора Сипачева. От них он и узнал о демонстрации. Сами эти мои друзья активно занимались распространением самиздата и фотосамиздата (в частности, с самого начала до самого конца «Хроники текущих событий» перепечатывали и переснимали на позитивную пленку ее выпуски). Они же сделали и первые фотопленки «Полдня». — *Здесь и далее в сносках, а в тексте — в квадратных скобках — примечания автора, сделанные частично в 2005 году при подготовке журнальной публикации отрывков из книги (Урал. 2005. № 6), частично при подготовке данного издания. Примечания, которые были в изначальном тексте книги, либо так и называются примечаниями, либо даются в круглых скобках с подписью «Н.Г.».*

рые раздавали населению для встречи президента Свободы два дня назад. Ликвидировав плакаты, подбежавшие бьют сидящих в лицо, по голове.

Сбегается толпа. Базарное любопытство к скандалу, вопросы друг к другу: «Что произошло?»

Среди толпы, окруженные первыми подбежавшими, сидят несколько обычно одетых людей лет по 30–40. Две женщины — молодая в очках и постарше, с проседью. В детской коляске спит младенец нескольких месяцев на вид.

Любопытные не понимают, в чем дело, так как решительно ничего скандального заметить не могут, кроме того, что у одного из сидящих в кровь разбиты губы. Некоторые делают предположения: «Это, наверно, чехи», «Ну и сидели бы у себя», «Сюда-то чего пришли», «А если не чехи, то в милицию их, и все». Но общий тон сразу же становится более определенным. Из окружающей толпы через некоторые промежутки времени раздаются четко произносимые фразы: «Антисоветчики», «В милицию их», «Давить их надо», «Жидовские морды», «Проститутка, нарожала детей, теперь на Красную площадь пришла» (видимо, в адрес женщины с коляской).

Сидящие либо молча глядят на окружающие их лица, либо пытаются объяснить любопытным, что они здесь протестуют против агрессии СССР в Чехословакии. Их негромкие, не совсем отчетливые даже для близстоящих слова покрываются криками: «Сволочи», «Какая агрессия? Все знают, зачем мы туда пришли». Женщине, которая пробует вступить за сидящих, кричат: «А ее тоже надо арестовать».

...Это продолжается минуты 3–4. Милиционер свистками расчищает проход в толпе от светло-голубой «Волги», остановившейся в 7–10 метров от Лобного места со стороны ГУМа (наискосок по прямой). Люди без формы или каких-либо знаков отличия, руководимые несколькими людьми, — одни пробились через проход от машины, другие стояли в толпе около сидящих, — проводят к машине четверых мужчин и одну женщину (с проседью). Первый ведомый огрызается назад: «Не крути руки». Другого несут, волокут. Третий — с разбитыми губами — перед тем, как его вталкивают через заднюю дверь, успевает крикнуть «Да здравствует Чехословакия». Всех перед тем, как засунуть в «Волгу» через левую заднюю дверь, успевают ударить по голове, женщине, которую заталкивают последней, заламывают голову, чтобы влезла через пролет двери.

Машина отъезжает. У Лобного места остаются сидеть женщина в очках, рядом стоит, держась за ручку коляски, другая женщина.

Между ними и рядом стоящими начинается перебранка. Голоса: «Хулиганы», «Вам хлеб дают» — ответ: «У меня сломали чешский флаг».

Некоторые уговаривают женщину уйти, просят разойтись: «Граждане, дадим дыхнуть ребенку», одновременно идет базарная ругань без мата и крики: «Их тоже в милицию». Молодая блондинка в общем приятной наружности втолковывает: «Таких, как вы, надо давить. Вместе с детьми, чтобы они идиотиками не росли».

Никто не страгивается с места. После увоза мужчин проходит минут 8–10, и другая светло-голубая «Волга» (метраж в десяти между Лобным и Мавзолеем) останавливается. Женщин несут на руках, не так грубо, как с мужчинами, обращаясь по дороге. Вместе с коляской грузят в машину.

Неудовлетворенная толпа остается, но милиционер-регулирующий на площади настойчиво просит разойтись. В некоторых местах ожесточенные перебранки: «А что вы их защищаете!» Молодой человек в очках с назойливым терпением в голосе предлагает: «Давайте поговорим, разберемся», но партнеров для дискуссии не находит. Муж в тенниске энергично говорит толстеющей супруге в выходном платье: «Заткнись, если ничего не понимаешь». Она пыталась непрофессионально поставленным голосом присоединиться к хору осуждающих.

Народ начал было расходиться (пробило четверть первого), но тут свистки, беготня милиции, регулировщиков — из Спасских ворот вылетают две черные «Чайки» и по проходу шириной метров восемь между двумя толпами проскакивают в улицу мимо ГУМа.

В них занавески. Во второй машине на среднем сиденье вполборота человек в шляпе, а рядом с ним на заднем выглядывает через стекло правой дверцы физиономия, напоминающая фото Дубчека, который, как будет объявлено через два дня (во вторник), входил в делегацию ЧССР на переговорах в Москве.

Вслед за этим у зеленой «Волги» между Лобным местом и Василием Блаженным собирается новая толпа. У иностранца пытаются засветить пленку, он протестует по-русски с сильным акцентом. Машина трогается. Протесты смолкают. Толпа медленно рассредотачивается.

Слова: «Чехи протестуют, что флаг поломали». На вопрос: «А что такое?» — пожимают плечами.

На Спасской башне часы показывают 12.22.

В 16.00 25 августа Би-би-си в передаче новостей (на английском языке) упомянула сообщение Рейтер из Москвы о задержании «по

крайней мере» четырех человек на Красной площади, «по-видимому», в связи с демонстрацией группы интеллигенции против советского вмешательства в Чехословакии.

Через два дня одна из радиостанций, вещавших на СССР, сообщила, что среди задержанных — Павел Литвинов и Лариса Даниэль, жена сидящего писателя. Задержанным будет предъявлено обвинение в нарушении «общественного порядка».

Примечания к записи очевидца демонстрации. В этой записи не все точно, но я не знала ее автора и не имела права редактировать ее по существу. Поэтому только отмечу имеющиеся неточности.

Лозунги продержались так недолго, что автор записи, видимо, восстановил текст увиденного им лозунга по смыслу. Вероятно, он увидел лозунг «Руки прочь от ЧССР!» — самый заметный, размашисто черным по белому, а вспомнил его как «Прекратить советское вмешательство в Чехословакии».

Машин было не две, и меня увозили не вместе с другой женщиной. До меня увезли девять человек, в том числе трех женщин, — по крайней мере в трех машинах, а потом, после большого интервала, увезли меня, да и коляску засунули не в ту же машину, а искали машину отдельно. А за женщину, «увезенную» вместе со мной, автор записи, видимо, принял кагэбэшницу, которая била меня по губам, да только это видели лишь ближайšie к машине.

Мне кажется, что автор записи сгустил краски в изображении толпы. Мне толпа показалась более нейтральной, большая часть реплик принадлежала нескольким людям, оставшимся в толпе от той группы, что рвала у нас плакаты.

Накануне прошел дождь, но в воскресенье с самого утра было ясно и солнечно. Я шла с коляской вдоль ограды Александровского сада; народу было так много, что пришлось сойти на мостовую. Малыш мирно спал в коляске, в ногах у него стояла сумка с запасом штанов и распашонок, под матрасиком лежали два плаката и чехословацкий флажок. Я решила: если никого не будет, кому отдать плакаты, я прикреплю их по обе стороны коляски, а сама буду держать флажок.

Флажок я сделала еще 21 августа: когда мы ходили гулять, я прицепляла его к коляске — когда были дома, вывешивала в окне. Плакаты я делала рано утром 25-го: писала, зашивала по краям, надевала на палки. Один был написан по-чешски: «At' žije svobodné a nezávislé Československo!», т. е. «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия». На втором был мой любимый призыв: «За вашу и нашу свободу» — для меня, много лет влюбленной в Польшу, особенно нестерпимым в эти дни было то, что вместе с нашими войсками на территорию Чехословакии вступили и солдаты Войска Польского, солдаты страны, которая веками боролась за вольность и независимость против великодержавных угнетателей — прежде всего против России.

«За вашу и нашу свободу» — это лозунг польских повстанцев, сражавшихся за освобождение отчизны, и польских эмигрантов, погибавших во всем мире за свободу других народов. Это лозунг тех русских демократов прошлого века, которые поняли, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

Проезд между Александровским садом и Историческим музеем был перекрыт милицией: там стояла очередь в мавзолей. Когда я увидела эту толпу, мне представилось, что вся площадь, до самого

Василия Блаженного, запружена народом. Но когда я обошла музей с другой стороны и вышла на площадь, она открылась передо мной просторная, почти пустынная, с одиноко белеющим Лобным местом. Проходя мимо ГУМа, я встретила знакомых, улыбнулась им и прошла дальше не останавливаясь.

Я подошла к Лобному месту со стороны ГУМа, с площади подошли Павел, Лариса, еще несколько человек. Начали бить часы. Не на первом и не на роковом последнем, а на каком-то случайном из двенадцати ударов, а может быть и между ударами, демонстрация началась. В несколько секунд были развернуты все четыре плаката (я вынула свои и отдала ребятам, а сама взяла флажок), и совсем в одно и то же мгновение мы сели на тротуар.

Справа от меня сидела Лара, у нее в руках было белое полотнище, и на нем резкими черными буквами — «Руки прочь от ЧССР». За нею был Павлик. Доставая плакаты, я сознательно протянула ему «За вашу и нашу свободу»: когда-то мы много говорили о глубокой мысли, заключенной в этом призыве, и я знала, как он ему дорог². За Павликом были Вадим Делоне и Володя Дремлюга, но их я видела плохо: мы все сидели дугой на краешке тротуара, повторяющего своими очертаниями Лобное место. Чтобы увидеть конец этой дуги, надо было бы специально поворачиваться. Потому-то я потом и не заметила, как били Вадима. Позади коляски сидел Костя Бабицкий, с которым я до тех пор не была знакома, за ним — Витя Файнберг, приехавший на днях из Ленинграда. Все это я увидела одним быстрым взглядом, но, по-моему, на то, чтобы записать эту картину, ушло больше времени, чем то, что прошло от мгновения, как плакаты поднялись над нами, и до мгновения, как они затрещали. Вокруг нас только начал собираться народ, а из дальних концов площади, опережая ближайших любопытных, мчались те, кто поставил себе немедленной целью ликвидировать демонстрацию. Они налетали и рвали плакаты, даже не глядя, что там написано. Никогда не забуду треска материи.

Я увидела, как сразу двое — мужчина и женщина, портфелем и тяжелой сумкой — били Павлика. Крепкая рука схватила мой флажок. «Что! — сказала я. — Вы хотите отнять у меня чехословац-

² После того как в январе 1968-го, в последний день процесса Галанскова-Гинзбурга, Лариса Богораз и Павел Литвинов написали свое «Обращение к мировой общественности», им начала приходить обширная почта, и не только из разных уголков Советского Союза. Письма Ларисе, давно находившейся под неусыпной слежкой КГБ, были быстро перекрыты, но Павлу письма еще некоторое время приходили. Среди них было письмо школьников из Гданьска (см.: *Литвинов П.* Процесс четырех), которое заканчивалось призывом «За нашу и вашу свободу».

кий государственный флаг?» Рука поколебалась и разжалась. На мгновение я обернулась и увидела, как бьют Витю Файнберга. Плакатов уже не было, и только флажок мне еще удалось защитить. Но тут на помощь нерешительному товарищу пришел высокий гладколицый мужчина в черном костюме — из тех, кто рвал лозунги и бил ребят, — и злобно рванул флажок. Флажок переломился, у меня в руке остался обломок древка.

Еще на бегу эти люди начали выкрикивать различные фразы, которые не столько выражали их несдержанные эмоции, сколько должны были провоцировать толпу последовать их примеру. Я слышала только две фразы, их я и привела в своем письме: «Это все жида!» и «Бей антисоветчиков!». Они выражались и более нецензурно: на суде во время допроса Бабицкого судья сделала ему замечание за то, что он повторил одно из адресованных нам оскорблений.

Тем не менее собравшаяся толпа не реагировала на призывы «бить антисоветчиков» и стояла вокруг нас, как всякая любопытная толпа.

Почти все, кто бил ребят и отнимал плакаты, на короткое время исчезли. Стоящие вокруг больше молчали, иногда подавали неприязненные или недоуменные реплики. Два-три оратора, оставшиеся от той же компании, произносили пылкие филиппики, основанные на двух тезисах: «мы их освобождали» и «мы их кормим»; «их» — это чехов и словаков. Подходили новые любопытные, спрашивали: «Что здесь?» — «Это сидячая демонстрация в знак протеста против оккупации Чехословакии», — объясняли мы. «Какой оккупации?» — искренне удивлялись некоторые. Все те же два-три оратора опять кричали: «Мы их освобождали, 200 тысяч солдат погибло, а они контрреволюцию устраивают». Или же: «Мы их спасаем от Западной Германии». Или еще лучше: «Что же мы, должны отдать Чехословакию американцам?» И — весь набор великодержавных аргументов, вплоть до ссылки на то, что «они сами попросили ввести войска».

За этими ораторами трудно было слышать, кто из ребят что говорил; помню, кто-то объяснял, что «письмо группы членов ЦК КПЧ» с просьбой о вводе войск — фальшивка, даром оно никем не подписано. Я на слова «Как вам не стыдно!» сказала: «Да, мне стыдно — мне стыдно, что наши танки в Праге».

Через несколько минут подошла первая машина. После мне рассказывали люди, бывшие на площади, как растерянно метались в поисках машин те, кто отнял у нас лозунги. Найти машину в летнее воскресенье на Красной площади, по которой нет проезда, трудно, даже учитывая право работников КГБ останавливать любую

служебную машину. Постепенно они ловили редкие машины, выезжавшие с улицы Куйбышева в сторону Москворецкого моста, и подгоняли их к Лобному месту.

Ребят поднимали и уносили в машины. За толпой мне не было видно, как их сажали, кто с кем вместе ехал. Последним взяли Бабицкого, он сидел позади коляски, и ему достался упрек из толпы: «Ребенком прикрываетесь!» Я осталась одна.

Малыш проснулся от шума, но лежал тихо. Я передела его, мне помогла незнакомая женщина, стоявшая рядом. Толпа стояла плотно, проталкивались не видевшие начала, спрашивали, в чем дело. Я объясняла, что это демонстрация против вторжения в Чехословакию. «Моих товарищей увезли, у меня сломали чехословацкий флажок», — я приподнимала обломочек дровка. «Они что, чехи?» — спрашивал один другого в толпе. «Ну и ехали бы к себе в Чехословакию, там бы демонстрировали». (Говорят, вечером того же дня в Москве рассказывали, что на Красной площади «демонстрировала чешка с ребенком».) В ответ на проповедь одного из оставшихся на месте присяжных ораторов я сказала, что свобода демонстраций гарантирована конституцией. «А что? — протянул кто-то в стороне. — Это она правильно говорит. Нет, я не знаю, что тут сначала было, но это она правильно говорит». Толпа молчит и ждет, что будет. Я тоже жду.

— Девушка, уходите, — упорно твердил кто-то. Я оставалась на месте. Я подумала: если вдруг меня решили не забирать, я останусь тут до часу дня и потом уйду.

Но вот раздалось требование дать проход, и впереди подъезжающей «Волги» через толпу двинулись мужчина и та самая женщина, что была Павла сумкой, а после, стоя в толпе, ругала (и, вероятно, запоминала) тех, кто выражал нам сочувствие. «Ну, что собрались? Не видите: больной человек...» — говорил мужчина. Меня подняли на руки — женщины рядом со мной едва успели подать мне на руки малыша, — сунули в машину — я встретилась взглядом с расширенными от ужаса глазами рыжего француза [Клода Фриу, которого я видела накануне демонстрации у Ларисы Богораз], стоявшего совсем близко, и подумала: «Вот последнее, что я запомню с воли», — и мужчина, указывая все на ту же женщину, плотную, крепкую, сказал: «Садитесь — вы будете свидетелем». — «Возьмите еще свидетеля», — воскликнула я, указывая на ближайших в толпе. «Хватит», — сказал он, и «свидетельница», которая, кстати, нигде потом в качестве свидетеля не фигурировала, уселась рядом со мной. Я кинулась к окну, открыла его и крикнула: «Да здравствует свободная Чехословакия!» Посреди фразы «свидетель-

ница» с размаху ударила меня по губам. Мужчина сел рядом с шофером: «В 50-е отделение милиции». Я снова открыла окно и попыталась крикнуть: «Меня везут в 50-е отделение милиции», но она опять дала мне по губам. Это было и оскорбительно, и больно.

— Как вы смеете меня бить! — вскрикивала я оба раза. И оба раза она, оскалившись, отвечала:

— А кто вас бил? Вас никто не бил.

Машина шла на Пушкинскую улицу через улицу Куйбышева и мимо Лубянки. Потом я узнала, что первые машины ехали прямо на Лубянку, но там их не приняли и послали в 50-е отделение милиции. Мужчина по дороге сказал шоферу: «Какое счастье, что вы нам попались». А когда доехали, шофер сказал этому «случайному представителю разгневанной толпы»: «Вы мне путевочку-то отметьте, а то я опаздываю».

— Как ваша фамилия? — спросила я женщину в машине.

— Иванова, — сказала она с той же наглой улыбкой, с которой говорила «Вас никто не бил».

— Ну конечно, Ивановой назваться легче всего.

— Конечно, — с той же улыбкой.

На следствии я сказала: «Была случайно». Почему? Почему я не побоялась идти на площадь и почему впоследствии отрекалась?

24-е, вечер. Я знаю, что пойду, решила сразу. Почему? Понимание и возмущение, основанное на понимании, пришли позже. Я понимала интуитивно, что совершено насилие, что моя страна вновь становится жандармом Европы. И еще я понимала — идут мои друзья. Я пошла с друзьями.

Они пошли с Чехословакией. Они отдавали свою свободу Чехословакии. А я отдавала ее друзьям.

Я понимала, что впереди лагерь. Я готовилась к этому. Поздно ночью я чистила свою квартиру³ и писала письма друзьям и родителям (они были в отъезде). В решении своем я не сомневалась.

25-е. Красная площадь. Около двенадцати. Все в сборе, шутят, смеются. Вдруг появляется Вадик. Он узнал случайно. Ему не говорили, ведь он недавно вышел из тюрьмы. «Вадик, уходи!» — «Нет!» Он улыбается.

12 часов. Полдень. Сели. Мы уже по другую сторону. Свобода для нас стала самым дорогим на свете. Сначала, минут 3–5, только публика окружила недоуменно. Наташа держит в вытянутой руке флажок ЧССР. Она говорит о свободе, о Чехословакии.

Толпа глуха. Витя Файнберг улыбается рассеянной близоручкой улыбкой.

³ «Чистить квартиру» перед потенциальным обыском означало уничтожать или переносить в безопасное место весь самиздат и вообще все, что могут счесть «криминальным».

Вдруг свисток, и от мавзолея бегут 6–7 мужчин в штатском — все показались мне высокими, лет по 26–30. Налетели с криками: «Они продались за доллары!» Вырвали лозунги, после минутного замешательства — флажок. Один из них, с криком «Бей жидов!», начал бить Файнберга по лицу ногами. Костя пытается прикрыть его своим телом. Кровь! Вскакиваю от ужаса. (Потом Таня, присев на корточки, вытирала Виктору платком окровавленное лицо. — Н. Г.) Другой колотил Павлика сумкой. Публика одобрительно смотрела, только одна женщина возмутилась: «Зачем же бить!» Штатские громко выражали возмущение, повернутся лицом к публике.

Минут через пятнадцать подъехали машины, и люди в штатском, не предъявляя документов, стали волочить нас к машинам. Единственное желание — попасть в машину вместе со своими. Рвусь к ним, мне выворачивают руки. В одну машину, нанося торопливые удары, впихнули пятерых. Меня оттащили и «посадили» в другую машину. Со мной посадили испуганного юношу, схваченного по ошибке. Матерясь, повезли на Лубянку, позвонили, выругались и повернули к 50-му отделению милиции.

«Полтинник». Опять все вместе, оживлены, смеемся, шутим. Я, пожалуй, меньше всех думаю о дальнейшем. Мы вместе — это главное. Смотрю на Вадика: он улыбается, на рубашке расплылись темные пятна пота. Ему, пожалуй, сейчас тяжелее всех. Смотрю в окно — ходят люди, свободные... Вот я сейчас встану и выйду, встану и выйду, встану и...

Смотрю в окно — пыльный тротуар, солнце, голоса. Милиционер задергивает занавеску. Смотрю на товарищей — Витя улыбается разбитыми губами, остальные о чем-то разговаривают. Случайно заглядываю в окошечко КПЗ — на корточках сидят трое мужчин и смотрят без любопытства, холодно — люди из того мира.

В том, что меня ждет тюрьма, я не сомневаюсь. Вдруг, в разговоре, фраза: «Ну, тебя, Татка, конечно, не отпустят!» Мы уже разделились на людей без надежд и тех, кто вернется к свободе, к людям. Впервые мысль: а что, если попробовать? Подхожу к Ларе: «Лар, я попытаюсь выбраться?» — «Конечно, девочка, главное уже сделано!» Для меня главное уже кончилось. Для них только начиналось.

Прошло три часа. Тщетно требуем врача Вите. Наконец начинают вызывать. Уводят Павлика, он прощается с нами, уходит, Вадика — он улыбается нам в дверях. Меня. Второй этаж, обычная комната следователя. Я уже не думаю ни о чем. Только перебираю воспоминания *той* жизни, началась другая.

Допрос. «Я была случайно». (Кто этому поверит? За плечами уже три демонстрации — и все «случайно».) Рассказала, как били,

как отнимали лозунги. Взгляды поддерживаю. Допрос идет вяло. Вдруг: «Что же вы говорите, что были случайно? Боитесь отвечать за свои поступки? Вы нечестны».

Честность — здесь? Нужна ли с этими людьми честность? Позднее я поняла, что это была бы честность по отношению к себе.

Допрос окончен. Выводят — вижу Лару, она ободряюще улыбается.

Везут на обыск. Проезжаю по вечерней Москве, которую я никогда особенно не любила. Сейчас все мне дорого: гомон, суета, смех — все эти атрибуты свободы.

Дома никого не было. Здесь уже со мной перешли на «ты». Проводил обыск капитан милиции Боготоба, который меня допрашивал, и двое в штатском. Понятых привезли с собой. Два мальчика лет по 19: Андрей Истаков и Михаил Антусюк. Понятые сидели молча, перепуганные. На обыске не присутствовало ни одной женщины. Они обыскивали, я собирала вещи в авоську. Они роются в белье, рассматривают семейные фотографии, спрашивают, не веду ли я дневника. А я спрашиваю, холодно ли в камере: ведь на улице жара. Они видят, что я собираюсь серьезно, перестают «шутить», отводят глаза. Торопливо ем: есть не хочется, но когда еще придется. Они молчат. Выключаю газ, холодильник. Они молчат.

Обыск идет уже три часа. Они рылись в личных вещах отца, взяли две его пишущие машинки, поздравительные открытки от иностранных ученых. У меня забрали тетради, записные книжки, магнитофонные ленты.

«Можете остаться дома», — говорят они с усмешкой и уходят.

Затем пошли допросы. В протоколе ничего нового. Говорили, что в предыдущий раз, после Пушкинской площади, «пожалели», а сейчас мне «не уйти от расплаты». Следователь Галахов не отличался особой любезностью: с особым интересом он завел разговор о моих личных делах. Он даже вынул бумажку и зачитал мне имена моих «любовников», которых оказалось так много, что он не в состоянии был их запомнить. В этот список вошли имена всех моих друзей. Галахов явно не понимал, что такое друзья. После того как я сказала, что потребую заменить следователя, подобные вопросы прекратились. Много речей было сказано им, а позднее и Акимовой, о Н. Горбаневской: «ее место в психбольнице», «какая же она мать», «то, что она не в тюрьме, — наша гуманность». Расспросы были основаны на примитивном шантаже: «А вот Делоне говорит...» или «А вот мы вызовем вашего папу...». О Чехословакии говорили мало: на банальные фразы из передовиц бессмысленно было отвечать.

На последнем допросе сказали: «Мы решили пожалеть вас и на этот раз, но...» — и снова последовали угрозы.

Забирая у Акимовой вещи, взятые при обыске (часть отправили в КГБ), я спросила об ее впечатлении об обвиняемых. Акимова сказала: да, это очевидно, хорошие люди, они ей понравились, но почему они идут на заведомую расправу, ей непонятно; почему они свободе предпочитают тюрьму, любимой работе — каторжную, семье — лагерь; какая же это мать, которая подвергает своего ребенка опасности? Существует государство, закон, вы обязаны чтить законы. На вопрос: «Почему же вы не чтите законы?» — Акимова важно ответила: «Мы тоже можем ошибаться».

Через неделю после демонстрации меня выгнали из института. В приказе было сказано, что я не работаю, учась на заочном отделении Московского историко-архивного института. Я обратилась к юристу Министерства высшего образования. Она подтвердила справедливость моего возмущения соответствующим параграфом и буквой закона. Но Фемида оказалась бессильна перед старшим инспектором товарищем Шуйских. Он развел руками и сказал: «А мы же тебя не за это выгнали».

Итак, меня «пожалели»... Теперь мои друзья *там*, а я здесь. Мои мужественные, последовательные друзья. А я — здесь. Я преклоняюсь перед своими друзьями — перед Ларой, Павликом, Наташей, Костей, Витей, Володей, перед Вадиком, которого мы считали мальчишкой и который повзрослел такой страшной ценой.

Я отреклась. Пускай только от факта участия в демонстрации — не от друзей, не от убеждений, но отреклась. И вот я здесь. Кто же я?

Примечание. Эта книга была уже готова, и в ней был записанный мною Танин рассказ: когда-то я попросила ее вспомнить, кто где сидел, как кого забирали, что она помнит о «полтиннике», о следствии. Таня рассказала довольно коротко, не зная точно, зачем мне это, — я записала. Таня оказалась одним из первых читателей книги и, увидев этот короткий рассказ, перечисляющий факты, но опускающий самый важный факт, о котором у нас не принято было говорить, — факт ее участия в демонстрации, — решила восстановить истину. Так как следствие не доказало участия Тани в демонстрации, я тоже не считала себя вправе упоминать об этом. Я рада, что Таня написала об этом сама.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ДЕЛО О НАРУШЕНИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

50-е отделение милиции, в просторечии называемое «полтинник», находится — вернее, находилось — на Пушкинской улице, рядом с цыганским театром «Ромэн». Сейчас его почему-то перенумеровали в 19-е, но у дверей стоит все тот же мрачный милиционер, который упорно добивался от нас, чтобы женщины сидели с одной стороны от двери, а мужчины — с другой. И чтобы не смели подходить друг к другу.

Это отделение — ближайшее к Пушкинской площади, традиционному месту московских демонстраций. Видно, по традиции и нас отвезли туда же.

Эти три часа, которые мы провели в «полтиннике» все вместе, еще до допросов, я вспоминаю с нежностью. Демонстрация состоялась, и мы были счастливы. Лариса, просто почерневшая за последний тяжкий месяц (арест Марченко, арест ее [двоюродной] сестры Ирины [Белогородской], наконец, 21 августа — день вторжения и день суда над Толей Марченко), теперь поразительно просветлела. У нас было легко на сердце.

В комнате дежурного нас было 11 человек: кроме семи участников демонстрации, еще Таня Баева, Майя Русаковская, Инна Корхова и Миша Леман. Мишу, видно, приняли за нашего знакомого и посадили с нами. Где были все остальные свидетели, в первую очередь «свидетели», рвавшие плакаты и бившие ребят, неизвестно. Мы их не видели. А допросы их датировались 25 августа. Неизвестно и где были сами плакаты. Потом в материалах дела не оказалось ни фамилий «граждан», задержавших нас, ни фамилий «граждан», передавших плакаты в милицию, — почти никаких данных на этот счет. А между тем те немногие из этих «граждан», которые выступали в суде, уверенно рассказывали, как они издали

прочитали текст плакатов — даже карандашом написанное «Свободу Дубчеку».

Кстати, о плакатах.

— Какой был четвертый лозунг? — спросила я кого-то из ребят.

— С одной стороны «Позор оккупантам», с другой — «Свободу Дубчеку», — ответили мне. — Он и сам не помнит, какой стороной держал, кажется, «Позор оккупантам».

«Он» — это Володя Дремлюга. Мне бы у него спросить, и не было бы досадной ошибки в моем письме. Лозунг был «Долой оккупантов», а «Свободу Дубчеку» я опустила, решив, что раз он оказался на обороте плаката, то как бы и не было его.

Может быть, на меня повлияло и то, что писала я, как только кончились московские переговоры, и я уже знала об участии Дубчека в этих переговорах и о компромиссах, принятых при его участии. Имя Дубчека уже утратило частицу своего ореола.

В самом начале мы потребовали, чтобы Виктору Файнбергу сделали медицинскую экспертизу. В связи с этим дежурный милиционер записал все наши фамилии, имена и отчества, и дознанию не пришлось заниматься процедурой установления наших личностей. Через некоторое время приехал испуганный врач, Виктору увели, и больше мы его не видели. Как я потом узнала, в материалах дела этой экспертизы не было: то ли ее вообще не произвели, то ли выделили из дела вместе с остальными материалами Файнберга. А она была бы объективным показанием о методах расправы с демонстрантами.

Кроме того, мы заявили, что задержанные вместе с нами люди не участвовали в демонстрации: пусть их допросят раньше, чтобы зря не держать. Их допросили, но не отпустили, а продержали до позднего вечера, как и нас.

Когда прошло три часа, Володя Дремлюга встал и спокойно пошел к выходу, вызвав ярость нашего стража. Володя спокойно объяснил, что больше трех часов нас не могут держать без постановления о задержании. Мы присоединились к его заявлению. Милиционеры забежали, и вскоре в дверь заглянул какой-то человек:

— Литвинов здесь есть?

Павлика увели на допрос. За ним Ларису, следующей — меня.

Сидя в «полтиннике», мы не раз вспоминали пророческую песенку-пародию [Юлия Кима]: «Эх, раз, еще раз, еще много-много раз, еще Пашку, и Наташку, и Ларису Богораз».

Допрашивал меня следователь Московского УООП [управления охраны общественного порядка] Василенко. Я дала показания о расправе с демонстрантами: о том, как рвали плакаты, о побоях,

которые я видела, о том, как у меня поломали флажок, о женщине, которая била меня в машине. На все вопросы о самой демонстрации, о ее подготовке и организации я отказалась отвечать — только подчеркнула, что демонстрация была сидячая, поэтому ее участников легко отличить от людей, задержанных случайно. Свой отказ я объяснила тем, что единственными нарушителями общественного порядка на Красной площади были те, кто разгонял демонстрацию и избивал мирных демонстрантов, — поэтому только об их действиях я и буду говорить. Стремясь быть последовательной, я отказалась отвечать даже на вопрос, когда началась демонстрация. С готовым протоколом в руках и со мной Василенко спустился с третьего этажа в коридор второго и пошел в кабинет с кем-то советоваться. Из другого кабинета доносился неразборчивый яростный крик следователя. Можно было понять только: «Как вам не стыдно!» Отвечал ему голос настолько тихий, что об ответе можно было только догадываться по паузам в озлобленном крике. Мне сразу представилось, что там Лариса, и стало очень больно: лучше б на меня кричали. Я так и не знаю, кого так грубо допрашивали.

Снизу, где остался мой малыш, ничего не было слышно, как я ни прислушивалась.

Василенко вышел от начальства и снова пошел со мной наверх. Он взял новый лист для протокола, заполнил страницу анкетных данных и снова задал вопрос относительно демонстрации. Я сказала, что дала все показания, какие считаю нужным. Не добившись толку, следователь порвал пустой протокол и снова повел меня на второй этаж.

Конечно, оба раза он не так-то быстро соглашался с моим отказом от показаний. В ход шли все средства убеждения, вплоть до классического «А ваши товарищи всё рассказывают».

— Это их личное дело, — сказала я, улыбнувшись. Если б они и правда «всё» рассказывали, это ничего не изменило бы в моих показаниях. Да я-то знала моих товарищей. А вечером того же дня, во время очной ставки, о которой я еще скажу, я увидела на столе у майора Караханяна протокол Дремлюги — только анкетную страницу. Но и по ней было видно, что Володя оказался еще последовательнее меня. В обоих местах, где должна была стоять его подпись: под анкетными данными и под предупреждением об ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу ложных показаний, — следователю пришлось написать: «Подписать отказался».

А допрашивали нас как свидетелей. И опознавали — как «свидетелей». «Опознавали» меня вечером, в девятом часу, а все это время до опознания я провела в каком-то из кабинетов второго этажа,

ничего не зная о своем младенце. Меня стерегли — то один милиционер, то другой, притом они были очень недовольны этой заботой: у них, видно, и без нас хватало дела. Толстого пожилого милиционера я спросила, как там ребенок, не видел ли он. «Его нянчит ваша подруга». Потом уж я узнала, что с малышом больше всего нянчились Инна и Миша Леман, а был какой-то момент, когда с ним не осталось никого, кроме молодого и, к счастью, доброго милиционера. Малыш, впрочем, вел себя идеально, хотя мог бы и покричать: я кормила его в середине дня, а из того прикорма, что у него был, одну бутылочку кефира разлили, обыскивая коляску, а творог от жары испортился, так что без меня ребята дали ему съесть то немного, что оставалось.

С этим же толстым милиционером мы побеседовали о Чехословакии: «Вы сейчас говорите, что там контрреволюция и надо вводить войска — потому что так написано в газетах. А через месяц скажут, что не надо было вводить войска, — и вы будете повторять это за газетами». [Но сказали не через месяц, а через 22 года.]

Наконец милиционеры сдали очередь сторожить меня мальчикам из оперотряда. Всегда, когда я видела подобных мальчиков «на деле» — у суда над Буковским, у суда над Галансковым и Гинзбургом, я не могла удержаться от мысли, что в оперотряд идут от некоей неполноценности. Теперь, видя их, невольно слыша их разговоры, я еще раз в этом убедилась. Двое из них, как я поняла, работали продавцами в книжных магазинах, что ничуть не повышало их интеллекта. (Впрочем, сколько раз встречаешь каких-нибудь книжных «жучков», которые знают названия и цены всех редких книг на черном рынке, но самоуверенные суждения об этих книгах произносят со своих убогих спекулянтских позиций.) Момент наибольшего энтузиазма в беседе наступил, когда один из них рассказал, что какому-то знакомому привезли из Западной Германии порнографическое издание. Тут они все со знанием дела стали говорить о том, как эти книги там издают да кто какую книгу видел. Притом, учитывая мое присутствие, они, конечно, не говорили «порнография», а употребляли какой-то специфический, но весьма прозрачный условный термин.

Здесь же я получила четкое подтверждение нашему предположению, что понятыми на обыски теперь возят оперотрядчиков. При мне следователь дважды вызывал по двое ребят ехать понятыми. Парни из этой же компании были понятыми и на моем опознании.

Я видела и слышала моих сторожей, но сознание мое было отстранено. Я еще не предполагала, что меня выпустят, и, глядя в окно, навсегда запоминала бедный пейзаж: облупленные желтые

стены, замыкавшие голый внутренний двор, и два дерева, поднимавшиеся высоко позади стены. Впрочем, в какой-то момент я испытала ясное ощущение, что меня выпустят. Была я очень спокойна, только скорее хотела соединиться со своим ребенком.

Часов в восемь меня вызвали на опознание. Посадили рядом с двумя красивыми девочками, лет на десять меня моложе, и предложили некоему Олегу Константиновичу Давидовичу, молодому человеку в штатском, тонколицему и тонкогубому, опознать меня из «трех предъявленных для опознания». Ну он, конечно, опознал. И изложил, при каких обстоятельствах он меня видел и что я делала: более кратко на опознании, более подробно — на последовавшей за этим очной ставке. Это тот самый Давидович, старший лейтенант КГБ из лагерей строгого режима в Коми АССР, показаниям которого позднее суд поверил больше всего. Тогда в «полтиннике» я знала только те его показания, что касались меня: что я подошла к Лобному месту вместе со всеми демонстрантами, что я держала плакат, что демонстрантов никто не бил, а в отделение отправляли работники милиции и т. п. — словом, сплошная ложь. Он заявил, что я произносила «антисоветские речи», сравнивала ввод войск Варшавского пакта с гитлеровским вторжением.

Если прибавить к этому неизвестные мне тогда его показания, что вышел он на Красную площадь из ГУМа (а ГУМ в воскресенье закрыт), что Лариса не держала плаката, — можно почти твердо увериться, что он либо не был вовсе на площади, либо явился туда только помочь увозить демонстрантов.

Перед опознанием и очной ставкой меня вывели в коридор, и тут я в последний раз увидела Ларису. Ее увозили на обыск. «Ларик», — окликнула я. Она улыбнулась и помахала рукой. И все время улыбалась.

А после очной ставки я на минуту увидела Павлика. Он тоже был просветлен, но это выразалось не в радостном оживлении, как у Лары, а в какой-то особенно явной мягкости. Так я простилась с двумя своими сердечнейшими друзьями.

И наконец мне сказали: «Вы свободны. Пойдете с этим товарищем».

И, не слишком задумываясь, свободна ли я вообще или только от очной ставки, в сопровождении этого «товарища» я спустилась вниз, к моему младенцу, который как раз к этому времени доконал последние сухие штаны. А вся коляска была увешана мокрыми. Вместе с коляской нас погрузили в милицейский «газик» и повезли домой, на обыск.

В ЭТОТ вечер было произведено восемь обысков: у шести демонстрантов-москвичей и у двоих из задержанных с нами — у Тани Баевой и у Майи Русаковской.

Брали, как всегда, всякий самиздат, записные книжки, клочки бумаги с адресами, телефонами, личными записями. У Дремлюги изъяли... Уголовный кодекс. У меня взяли машинописного Мандельштама. У Дремлюги и у Майи Русаковской — американское издание Мандельштама. Впервые за долгое время снова брали на обысках мои стихи. Стихи Делоне изымали и прежде, изъяли и сейчас. У Делоне изъяли крест.

У Ларисы делали третий обыск за последний месяц, изымать было практически нечего, поэтому в поисках хоть чего-нибудь перерыли все, только что подушки не вспарывали. У Майи Русаковской перевернули вверх дном всю квартиру. К Татке на обыск поехали пятеро мужчин, без единственной женщины. Как проходили обыски у Павлика, у Вадима, у Володи, неизвестно: в это летнее воскресенье у них никого не было дома. Санька Даниэль, в этот день вернувшийся из Прибалтики, попал домой на обыск и успел проститься с мамой.

Все обыски проходили — по крайней мере заканчивались — в ночное время. А у меня и начался в 10 часов вечера, что уже считается ночным временем. Руководил обыском вполне корректный капитан милиции, понятыми были две молоденькие девочки, которые весь обыск просидели не шелохнувшись и испуганно отказались съесть предложенные им яблоки. Обыскивали комнату, кроме капитана, два человека, не назвавшие себя: один молчаливейший, ни слова за вечер, второй — наоборот, словоохотливый. Например, находит уведомление о вручении письма с лагерным адресом.

— Это кто же такой Гинзбург?

— Мой друг.

— Тоже в тюрьме сидит?

— В лагере.

— Да? А какая разница?

Я терпеливо объясняю разницу между тюрьмой и лагерем — не для этого фигляра, а для девочек, которые показались мне случайными в своем качестве оперотрядчиц.

— А за что же он сидит?

— По статье 70.

— Да? А что же это за статья?

Я опять объясняю: и что за статья, и что сделал, и почему «Белая книга». Гинзбург ее так не называл — это почему-то в ходе следствия она оказалась «Белой». Он назвал просто: сборник документов по делу Синявского и Даниэля.

Через минуту опять невинно спрашивает:

— Почему же он назвал ее «Белой книгой»?

— Я же вам объяснила, что это не он так ее назвал, а КГБ — вы КГБ и спросите.

И тут он единственный раз взрывается:

— Мы — не КГБ!

— А я не говорю, что вы — КГБ. Я говорю: спросите в КГБ. Молчаливый молчит. Похоже, что он-то и есть КГБ.

Словоохотливый находит коробку гуаши:

— Отсюда мазала?

— А что у нас, — спрашиваю я, — допрос или обыск?

— Ну, — он недоволен, но говорит почти ласково, — сказала бы, что нет, и оставили бы.

Капитан просматривает книги, кивает на сборник стихов Глеба Горбовского:

— Хороший поэт.

Время приближается к 2 часам ночи. Девочки сидят прямо-прямо и изо всех сил борются со сном. Маленький Оська давно спит на диване. Ясик, мой старший сын, не проснулся, когда мы пришли, и продолжает спать при свете, при разговорах. Мамино лицо окаменело, но, в общем, она держится более спокойно, чем я ожидала. Обыск кончается. Я заявила протест против проведения обыска в ночное время и против изъятия оригиналов подписей под письмом Генеральному прокурору по поводу процесса Гинзбурга и Галанскова.

Надо сказать, что из всех материалов обысков мало что было приобщено к делу: взятые у меня гуашь и кисточка; доска, на кото-

рой писался и отпечатался текст не принесенного на площадь плаката, изъятая у Бабицкого, — пожалуй, что все. Тем не менее не все изъятое было возвращено: материалы обысков Богораз, Литвинова, Русаковской были переданы «для проверки» в КГБ, то же самое — и часть материалов, изъятых у Тани Баевой. Остальное было возвращено. (В нарушение всех законов был произведен обыск у матери Володи Дремлюги, в Мелитополе, — 7 октября, когда следствие было давно закончено.)

А наутро после обыска в кармане халата я обнаружила забытый мною кусок материи с надписью «За вашу и нашу свободу»: мне не понравилось, как я написала, и я переписала заново, а «черновик» выбросить забыла. Действительно, трудно сделать тщательный обыск в нашей тесной, захламленной, заваленной книгами комнате [мы жили тогда вчетвером в одной комнате коммунальной квартиры]. Да и некоторая, как ни странно, гуманность. Уходя, мне сказали: «Скажите спасибо вашим детям, что обыск кончился так быстро». Назавтра мне велели явиться на Петровку, 38, к следователю Стрельцову.

26 августа утром я уже знала, у кого были обыски, кто арестован. Формально это еще был не арест — задержание. 28-го должно было окончательно выясниться, не выпустят ли ребят.

С утра я ходила записывать Ясика в школу. К часу поехала на Петровку, попросив одну из подруг посидеть с малышом. Обещанного пропуска в бюро пропусков не было, а молодой человек в окошке сказал: «Дозванивайтесь сами Стрельцову». Я объяснила, что мне Стрельцов не нужен, это я ему нужна. И написала аналогичное заявление начальнику управления: явилась, пропуска не получила, дозваниваться не стану, ухожу. Это чтобы не сказали, что я не приходила. И, пользуясь некоторым пробелом в лимите времени (во времени меня связывали часы кормления ребенка), я отправилась по своим делам.

Я обычно не замечаю слезку — оттого и считаю, что за мной не следят. Но тут было бы слишком трудно не заметить. При том слезку вели не какие-нибудь начинающие юнцы, а опытные лбы — вероятно, скинувшие со своих плеч ношу неусыпной слезки за Литвиновым и Богораз. Выглядело это очень смешно: здоровенные пожилые мужики, остановишься, обернешься на них, и они, застигнутые врасплох, начинают любоваться небом, деревьями или внимательно глядят себе под ноги. Я забежала в знакомую редакцию [«Юности», где работали мои друзья Сергей Дрофенко и Виктор Славкин] и из окошка увидела сосредоточенного типа на той стороне неширокой улицы. Когда я выходила из дверей редакции, он и другой такой же сидели на лавочках по обе стороны двери, и я волей-неволей прошла через этот почетный караул.

И как только я вернулась домой, раздался звонок:

— Наталья Евгеньевна? Это говорит Федоров, зампрокурора города Москвы. Что же вы не пришли? Я специально приехал с вами поговорить.

— Я же оставила заявление, — объяснила я и повторила то, что там было сказано. Затем я обещала, что приеду, когда покормлю ребенка.

Не знаю, раздумал ли Федоров со мной говорить или вообще не собирался, но в этот вечер у меня было два опознания и одна очная ставка — ничего больше. Когда я шла к кабинету следователя, Стрельцов стоял с каким-то мальчиком за дверью, ведущей в глубь здания. Когда я проходила, он сильно толкнул парня — оттолкнул, чтобы я его не видела. Этот-то мальчик, 19-летний слесарь из Ростова, и опознал меня. Владимир Ударцев. С ним же была и очная ставка. Набитый газетной терминологией, он путал агрессию с эскалацией и все время говорил, что я выступала против «эскалации в Чехословакии». Когда я спросила, видел ли он, как задерживали и били демонстрантов, он сжался, как запуганный зверек, и злобно закричал: «Вас всех, всех следовало убить». Следователь обращался с ним на «ты», пренебрежительно, и мне вообще казалось, что парня взяли на площади, поддержали ночку в КПЗ, припугнули и сделали из него хорошего свидетеля, возненавидевшего нас, — ведь это из-за нас схватили его, ни в чем не повинного. Но это, конечно, психологическая гипотеза.

Еще он сказал: «Они сами себя побили». Эта версия потом повторялась в следствии: «ударил себя кулаком», «побили друг друга», но все-таки ею не воспользовались.

В конце его показаний я широко раскрыла глаза — пока еще от удивления, а не от ужаса. Он сказал, что, когда меня стали задерживать, я сбила очки с мужчины и *стала душить своего ребенка*. Чтобы нанести ему повреждения и потом сказать, что их (демонстрантов) били. Мне это представилось такой несусветной чушью, что я сказала: «Да вы, наверное, не видели, как детей держат». Я решила, что ему показалось. И что он честно рассказывает то, что ему показалось.

Позже я узнала, что в деле было еще несколько показаний о том, что я «душила ребенка». «Показаться» нескольким людям не могло. Речь шла, безусловно, об искусственном создании доказательств, которое инспирировалось дознанием и следствием. Видно, потом следствие осознало чрезмерную неправдоподобность этой версии и отказалось от нее. Кстати, и Ударцев на суде отказался от этих показаний.

В тот же день меня опознала Татьяна Михайловна Великанова, жена Бабицкого. Она пришла разыскивать своего мужа, а ее сейчас же допросили как свидетеля да еще привели на опознание. Таким незабываемым образом мы познакомились.

Допрашивал меня не Стрельцов, а следователь, фамилию которого я забыла. От него я впервые услышала версию о том, что нас «спасли». Когда я сказала, что нас били при задержании, он сказал, что, если б нас не задержали, толпа растерзала бы нас. Это тоже была следственная версия, повторенная потом на суде прокурором. Она не имела ничего общего с действительностью, но была призвана оправдать действия тех, кто применил насилие.

Стрельцов руководил ходом дознания. Он подписал постановление о возбуждении дела «по факту организации и активного участия в групповых действиях, нарушивших общественный порядок в 12 часов 25 августа 1968 г. на Красной площади». По кабинетам Петровки уже толклись и командовали работники прокуратуры: тот самый Федоров и следователь Гневковская. Уходя, я слышала, как Федоров сказал про Ударцева: «Вы ему выпишите пропуск на выход, но он нам еще будет нужен». Я тогда не знала, кто эти люди, и решила, что из КГБ, — по хозяйскому тону. У меня есть еще некоторые сведения о показаниях, данных на дознании и на следствии, но здесь я ограничусь лишь непосредственными впечатлениями, а все остальное изложу в рассказе «Следствие», так как не всегда могу с уверенностью утверждать, когда были даны те или иные показания — на дознании или на следствии. Кроме того, именно в эти первые дни была положена основа всех следственных версий, под которую потом подгоняли остальные показания.

Я решила написать свое письмо, поняв, что о нашей демонстрации ничего не известно, кроме неопределенных слухов. Заглушаемое западное радио передавало о «попытке» демонстрации, и то «по слухам». Если уж я осталась на свободе, то я должна была довести дело до конца: смысл и цель демонстрации, ее лозунги и ее участники не должны были остаться лишь достоянием слухов. Я написала и отправила это письмо 28 августа, убедившись, что три дня прошло, а демонстрантов не собираются освобождать.

Предварительные примечания к письму. Ошибку с текстом плаката я уже объяснила. Мне представляется не вполне удовлетворительной и фраза, в которой присутствие работников КГБ на площади объясняется только тем, что они дежурили в ожидании чехословацких машин. Как позднее стало ясно, первыми к нам кинулись в основном те, кто вел слежку — за Павлом, за Ларисой, может быть, еще за кем-то из нас. Все они служат в одной и той же воинской части 1164 — какого рода войск, неизвестно, но какого рода войск офицеры занимаются слежкой за такими людьми, как Литвинов, Богораз, Якир, Григоренко?

⁴ Это письмо я писала при участии Андрея Амальрика, который был связан с иностранными корреспондентами и приехал ко мне с предложением написать письмо. Я уже и сама понимала, что надо бы что-то написать, но, не зная, как передать написанное на Запад, оставалась в растерянности. Андрей потом еще подсократил и подредактировал текст и в этом виде передал корреспондентам. Здесь, как и в книге (и во всех ее переводах на иностранные языки), печатается полный, не отредактированный Андреем текст. Но следы участия Андрея видны и здесь. Я, например, хотела написать: «Вадим Делоне, студент, Наталья Горбаневская, инженер-переводчик» (я работала в отделе технической информации, и моя официальная должность была инженер), но Андрей настоял, чтобы в обоих случаях было поставлено «поэт».

ГЛАВНЫМ РЕДАКТОРАМ ГАЗЕТ:

«Руде право», «Унита», «Морнинг стар», «Юманите», «Таймс»,
«Монд», «Вашингтон пост», «Нойе цюрхер цайтунг»,
«Нью-Йорк таймс»

Уважаемый господин редактор, прошу Вас поместить мое письмо о демонстрации на Красной площади в Москве 25 августа 1968 г., поскольку я единственный участник этой демонстрации, пока оставшийся на свободе.

В демонстрации приняли участие: Константин Бабицкий, лингвист, Лариса Богораз, филолог, Вадим Делоне, поэт, Владимир Дремлюга, рабочий, Павел Литвинов, физик, Виктор Файнберг, искусствовед, и Наталья Горбаневская, поэт. В 12 часов дня мы сели на парапет у Лобного места и развернули лозунги: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (на чешском языке), «Позор оккупантам», «Руки прочь от ЧССР», «За вашу и нашу свободу». Почти немедленно раздался свист, и со всех концов площади к нам бросились сотрудники КГБ в штатском: они дежурили на Красной площади, ожидая выезда из Кремля чехословацкой делегации. Подбегая, они кричали: «Это всё жиды! Бей антисоветчиков!» Мы сидели спокойно и не оказывали сопротивления. У нас вырвали из рук лозунги, Виктору Файнбергу разбили лицо в кровь и выбили зубы. Павла Литвинова били по лицу тяжелой сумкой, у меня вырвали и сломали чехословацкий флажок. Нам кричали: «Расходитесь! Подонки!» — но мы продолжали сидеть. Через несколько минут подошли машины, и всех, кроме меня, затолкали в них. Я была с трехмесячным сыном, и поэтому меня схватили не сразу: я сидела у Лобного места еще около 10 минут. В машине меня били. Вместе с нами было арестовано несколько человек из собравшейся толпы, которые выражали нам сочувствие, — их отпустили только поздно вечером. Ночью у всех задержанных провели обыски по обвинению в «групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок». Один из нас, Вадим Делоне, был уже ранее условно осужден по этой статье за участие в демонстрации 22 января 1967 г. на Пушкинской площади. После обыска я была освобождена, вероятно, потому, что у меня на руках двое детей. Меня продолжают вызывать для дачи показаний. Я отказываюсь давать показания об организации и проведении демонстрации, поскольку это была мирная демонстрация, не нарушившая общественного порядка. Но я дала показания о грубых и незаконных действиях лиц, задержавших нас, я готова свидетельствовать об этом перед мировым общественным мнением.

Мои товарищи и я счастливы, что смогли принять участие в этой демонстрации, что смогли хоть на мгновение прорвать поток разнузданной лжи и трусливого молчания и показать, что не все граждане нашей страны согласны с насилием, которое творится от имени советского народа. Мы надеемся, что об этом узнал или узнает народ Чехословакии. И вера в то, что, думая о советских людях, чехи и словаки будут думать не только об оккупантах, но и о нас, придает нам силы и мужество.

Наталья Горбаневская

Москва А-252, Новопесчаная ул., 13/3, кв. 34

28 августа 1968

Итак, 28 августа дело было передано в прокуратуру города Москвы, следствие приняла бригада следователей во главе с небезызвестной Людмилой Сергеевной Акимовой. В свое время Акимова руководила следствием по делу о демонстрации на Пушкинской площади — до того, как это дело передали в КГБ. В том же следствии участвовала и Гневковская, тоже входившая в состав бригады по нашему делу. Кажется, и тогда, и сейчас она вела в основном следствие по Делоне. Кроме них, в бригаде были следователи Галахов, Лопушенков и Соловьев. Я была уже знакома с Акимовой. 23 августа я была у нее на допросе по делу Ирины Белгородской. На день раньше у нее была Лариса. Меня Акимова запомнила особенно хорошо, потому что я пришла на допрос с ребенком и он кричал как резаный — до того, что кто-то прибежал в кабинет и спросил:

— Людмила Сергеевна, что у вас такое?

— Это у меня свидетель по делу Ирины Белгородской, — ответила она, ударяя на каждом слове, как бы говоря: сами понимаете, какие по этому делу вредные свидетели.

Но дело было не во вредности: мне не с кем было оставить малыша [мама с Ясиком уехали — и вернулись накануне демонстрации, о которой, конечно, заранее ничего не знали].

После 26 августа меня не вызывали на допросы до 3 сентября, а 3 сентября допрашивали уже как «подозреваемую» — предъявляя ст. 190³ УК РСФСР. Только эта статья фигурировала и в первоначальном обвинении, предъявленном ребятам.

Кстати, всех задержанных с нами на площади — Таню Баеву, Майю Русаковскую, Мишу Лемана, Инну Корхову — допрашивали как свидетелей, и только в момент окончания следствия было вынесено постановление о прекращении против них уголовного дела,

так как «не установлено, что они знали заранее» о демонстрации и «приняли активное участие». Если дело прекращено — значит, оно было возбуждено, значит, всех четверых тоже должны были допрашивать как подозреваемых, а не как свидетелей. Это не мелочь: свидетель обязан давать показания — подозреваемый так же, как и обвиняемый, имеет право дать объяснения и не несет ответственности ни за отказ от дачи показаний, ни за ложные показания. Таким образом, правовое положение этих четырех человек было ущемлено, права их грубо нарушены. Притом как раз их четверых допрашивали по несколько раз, у Инны и Майи были очные ставки с Павликом, следствие искало, кого бы объявить организатором «групповых действий», и единственная ниточка, за которую оно цеплялось, состояла в том, чтобы найти, кто от кого узнал о демонстрации. Инна Корхова дала те же показания, что позднее на суде (см. дальше запись судебного процесса). Она действительно не знала заранее о демонстрации. Мне врезалось в память, как в «полтиннике» она печально сказала: «Ох, ребята, если б я знала заранее, как бы я вас отговаривала!»

Следствие на всякий случай вызывало на допросы людей, известных им по делу о Пушкинской площади: нескольких приятелей Делоне, которые, естественно, ничего не знали о его участии в демонстрации, — сам Вадим узнал о будущей демонстрации только утром 25-го; Илью Габая, который 25 августа вообще был в археологической экспедиции в Молдавии. Когда 3 сентября меня вызвали на допрос, со мной поехала Галя Габай, жена Ильи, — пока меня допрашивали, она сидела под лефортовской стенкой и нянчила моего малыша. Следователь Галахов долго допытывался: «Кто с вами приехал?» Я сказала, что их не должно интересовать, кто из моих подруг нянчит моего ребенка: «Если вам надо, спросите ее сами». Он отпустил меня и вызвал Галю на допрос на всякий случай. Я ждала ее с малышом в комнате для свидетелей. Там же сидел какой-то весьма молодой человек — как потом оказалось, Саша Епифанов, приятель Вадима.

— Это что, тоже свидетель? — спросил он, указывая на Оську.
— Нет, подозреваемый.

Услышав от Гали ее фамилию, Галахов несколько оторопел. Еще более неожиданным для него было то, что Галя могла дать конкретные показания: она была в тот день на Красной площади с сыном Алешкой. Правда, Галя была далеко от демонстрации и видела только, как демонстрантов сажали в машины.

Вызвали на допрос Петра Якира. Собственно, протокол его допроса весьма краток: на Красной площади не был, об обстоя-

тельстввах демонстрации знает от Татьяны Баевой, подруги его дочери Ирины, и из письма Горбаневской, услышанного по западному радио.

Зампрокурора Федоров вошел во время допроса и нагло сказал: — Что, не дает показаний? — обращаясь к Якиру: — Вы не выдумывайте насчет милиции, мы все равно знаем, что вы — организатор демонстрации.

Кстати, Якир и не говорил ничего насчет милиции, но Федоров, вошедший посреди допроса, поспешил высказать то, что ему было известно: что утром 25 августа Петра Якира задержали на одной из улиц в Москве и больше часа продержали в отделении милиции «для проверки документов». Надо сказать, что с этим задержанием было связано множество слухов, ходивших по Москве: прежде всего на этом основывались те, кто считал, что о демонстрации было известно заранее. Этот вопрос — было или не было известно о демонстрации — вызывал естественный интерес. Я думаю, что точно мы этого не узнаем, разве что когда-нибудь раскроются архивы КГБ.

Мое личное мнение — что о демонстрации заранее не было известно. Когда мне говорят: «А почему же вас так быстро схватили?» — я удивляюсь. Для тех условий, в которых мы были, нас схватили недостаточно быстро. На Красной площади всегда есть сотрудники КГБ и охраны МВД (тогда еще МООП). За некоторыми из демонстрантов пришли оперативники, осуществлявшие за ними постоянную слежку. Если б они хотели, они могли бы вообще не допустить демонстрации. Если б они знали о демонстрации, но имели бы задание дать демонстрации начаться, чтобы получить повод для ареста, они могли бы все сделать более проворно: не только стремглав вырвать плакаты и нанести удары, но и в тот же момент подогнать машины, а не метаться по площади и вокруг в поисках машин. К тому же, как доказывает практика, гебисты стараются осуществлять подобные акции чужими руками, обычно руками оперотрядчиков. Только неожиданность заставила их кинуться на нас, неподготовленность — и это привело к тому, что некоторым из них пришлось не укрываться в тени, как это принято для оперативников, а быть вызванными в суд свидетелями. Впрочем, эта «ошибка» во время суда была исправлена: между первым и вторым днем суда двое из них уехали в командировку, а третий просто исчез.

Ничего не доказывает и задержание Якира. Существует несколько версий, почему его задержание доказывает то, что о демонстрации знали. Первая: решили «спасти», не сажать старого лагерника, не усиливать скандала. Вторая: решили не сажать, чтобы не придавать большего веса делу. Обе они имеют мало почвы под но-

гами. Сам Якир считает, что о демонстрации известно не было, и объясняет свое задержание просто: он выехал из дому вместе с женой, и за ним поехала одна машина с троими людьми (кстати, столь слабая слежка — обычно за Якиром ездили две машины — тоже доказательство того, что оперативная служба не имела никаких подозрений). Потом Петр и его жена встретились с тремя своими знакомыми (ни один из них не участвовал в демонстрации) и разошлись в три разных стороны. Два гебиста пошли за двумя парами, а на Петра, который остался один, остался один гебист за рулем машины. Осуществлять слежку один на один трудно, и, чтобы Петр не «ускользнул», гебист попросил ближайшего милиционера задержать его «для проверки документов»⁵.

На допрос Якир ехал тоже в сопровождении двух машин слежки, хотя вез его следователь Галахов на служебной машине прокуратуры. Слежка проводила их до самого Лефортова. Когда Якир сказал об этом следователю, тот промолчал, но, приехав, сказал Акимовой, что вот Петр Ионыч говорит, да и правда ехали машины, на что Акимова, мило улыбнувшись, сказала: «Ну, это другое ведомство».

Слежка в эти дни и долго еще потом была в самом деле густая и весьма откровенная. Я ходила с колясочкой в детскую поликлинику, в ясли — узнать, когда примут малыша, в школу — встречать Ясика, в магазин, все это на пространстве двух кварталов, и все время, туда и сюда разворачиваясь по Новопесчаной и узкому Чапаевскому переулку, ездила то одна, то другая «Волга». Это забавно, пока внове, как игра: смешно, например, уйти от слежки, едучи в «Детский мир» за покупками. Потом уже стараешься не замечать: надоедает фенотип гебиста.

Моментом пик в слежке был день, когда я собралась крестить своего малыша, за неделю до суда. Слежка началась не с меня: машина приехала к моему дому вслед за Верой Лашковой, Осиной крестной, и потом поехала за нами в церковь. Вот за что получали свою высокую зарплату пять больших и толстых гебистов. Впрочем, они не ограничивались нами. Один из них живо включился в разговор об искусстве, который вели возле церкви худенький юноша и художник с бородкой. Затем он сменил поле деятельности и по-

⁵ Есть, увы, куда более правдоподобная версия: Якир решил на демонстрацию не идти, но, боясь обвинения в трусости (из нас такого обвинения, конечно, никто не предъявил бы: мы считали правом каждого идти или не идти на демонстрацию), выдумал историю с задержанием. Весьма подробную и убедительную, как вы могли заметить.

шел в комнату, где регистрируют крестины и прочие обряды. В результате этого визита мне отказали в крещении⁶.

Но я отвлеклась от изложения хода следствия.

Ряд людей был вызван на допросы по признаку знакомства: Валентина Савенкова (жена Петра Якира), Юлий Ким. Кима задержали на улице вместе с его товарищем Герценом Копыловым, доктором наук, физиком из Дубны, который и на площади не был и с нами ни с кем не был знаком. Их привели в ближайшее, 52-е отделение милиции, приехал Галахов и на всякий случай допросил обоих.

Татьяна Великанова, жена Бабицкого, сообщила на допросе, что на площади присутствовали две ее подруги — Медведовская и Панова, а также товарищ Бабицкого по Институту русского языка Крысин и что все трое готовы дать показания. Следствие допросило Панову и Медведовскую (Крысин был в отпуске), но так же, как и всех остальных неугодных свидетелей, не вызвало в суд. И потом, когда суд удовлетворил некоторые ходатайства адвокатов и подсудимых о вызове дополнительных свидетелей, не была вызвана Панова: между тем ее показания очень полно представляли картину демонстрации и расправы с демонстрантами. Она видела, как били Файнберга, и хорошо запомнила в лицо того, кто его бил. Потом она узнала этого человека около суда. Она видела, как меня с малышом заталкивали в машину, и, как оказалось, именно в ее сторону я указала, прося взять «еще свидетеля». Я не знала тогда не только Панову, но и Великанову: просто указала на ближайшее человеческое, доброе лицо.

Одновременно с тем, как вызывали нас и наших знакомых, следствие вело свою основную работу: собирало материалы против нас. Главными свидетелями здесь были те, кто нас задерживал, и ряд лиц, присутствовавших на площади. Как они нашли этих последних, я точно не знаю. В каком-то из показаний на суде говорится, что на площади был человек с кинокамерой, который записывал свидетелей. Интересно: с кинокамерой — а не лежит ли где-нибудь в архивах прокуратуры или КГБ кинолента о нашей демонстрации? Если она есть, то это уникальный документ: у иностранных туристов, снимавших на площади, засветили пленки.

Любопытны показания, данные немногочисленными официальными лицами.

⁶ Оську мы крестили в тот же день, но позже, уйдя от слезки, и не в церкви, а дома у одной старухи-прихожанки. Крестил о. Димитрий Дудко. Так и надо было сделать с самого начала, но с о. Димитрием договаривался Анатолий Эммануилович Краснов (Левитин), который, видно, хотел, чтоб все прошло торжественно, в церкви...

25 августа капитан мотомехполка милиции Стребков, который вместе с сержантом Кузнецовым нес службу на Красной площади, в своем рапорте заявил, что около 12 часов им «приказано было» — кем, Стребков не указывает — подъехать к Лобному месту, «где группа лиц учинила хулиганство». Далее он рассказывает: «Мне в машину посадили неизвестного, я доставил его в 50-е отделение милиции. В 50-м отделении милиции у этих лиц отняли плакат „Руки прочь от ЧССР“».

Стребков и Кузнецов отвозили Бабицкого, т. е. это была предпоследняя машина, притом и эти единственные возле демонстрантов работники милиции не участвовали в самом задержании: кто-то приказал им подъехать, кто-то посадил им человека в машину. Заявление же, что плакат был отнят в отделении милиции, видно, настолько очевидно противоречило фактам, что в тот же день, 25 августа, Стребкову пришлось написать второй рапорт.

В этом рапорте говорилось следующее: «Мне дали команду» — кто же все-таки дал команду? — «подъехать к Лобному месту и оказать помощь сотрудникам милиции» — ага, уже появляется версия о сотрудниках милиции, которые нас якобы задерживали. «В отделении милиции я увидел плакат, который принес сотрудник комитета и сказал, что при обыске обнаружил. У кого — не знаю». Когда милиционер говорит «сотрудник комитета», это не означает работника Комитета по делам науки и техники или же физкультуры и спорта — это сотрудник Комитета государственной безопасности. Итак, сотрудник комитета принес плакат и сказал, что обнаружил его при обыске. Но нас в милиции не обыскивали, да и плакатов при нас уже не было.

Вообще вопрос о плакатах остался загадочным. Все четыре плаката и флажок были в материалах дела и фигурировали на суде, но откуда их взяло следствие, остается неясным. Единственный свидетель, Долгов, все из той же воинской части 1164, показал, что изъясил два плаката.

Весьма любопытны и результаты криминалистических экспертиз вещественных доказательств. Эксперты либо ничего не решаются утверждать, либо делают неверные выводы. Будь у них в период следствия хотя бы те показания о плакатах, которые ребята давали на суде, да еще знай они то, что твердо известно мне, — и они бы подогнали свои выводы под обстоятельства. Но так как в период следствия на этот счет не было никаких показаний, эксперты лепили свои заключения вслепую.

Экспертиза тканей заключила, что все плакаты выполнены на группе однотипных тканей, притом плакаты «Свободу Дубчеку»

и «Руки прочь от ЧССР» — на разных тканях и не на тех, что остальные два плаката и флажок. Но вот одинакова ли ткань этих двух плакатов (сделанных мною из одной и той же ветхой детской простынки) — решить нельзя. Одна ли ткань — плакаты и кусок, изъятый у Бабицкого, — решить нельзя. На этой ли доске делали плакаты, решить нельзя, но «что-то на ней делали».

Экспертиза красителей легко установила вещи очевидные: что «Долой оккупантов» и «Свободу Дубчеку» написано карандашом, что «Руки прочь от ЧССР» написано тушью. И далее сделала вывод, что тушью раскрашен флажок, только нельзя установить, той или не той же, что «Руки прочь...». Мне кажется, не надо быть экспертом, чтобы отличить акварель от туши: синий уголок и красная полоска на белом полотнище флажка были сделаны обыкновенной детской акварелью. (А плакаты мои — гуашью.)

Экспертиза почерка заявила, что установить, кем выполнены тексты на плакатах, невозможно. Для того чтобы произвести эту экспертизу, следствие взяло образцы почерка печатными буквами у арестованных — впрочем, не у всех: я знаю, что Литвинов отказался дать образец почерка, возможно, это сделали и другие, верные общей линии отказа участвовать в следственных действиях. А Вадим Делоне написал печатными буквами свое стихотворение «Прощание с Буковским». Усмотрев в нем «криминальность», Акимова тут же приобщила его к делу, составив акт, что это стихотворение действительно написано Делоне.

Кроме этих экспертиз, были произведены столь же неопределенные по выводам экспертизы палочек (плакатов и флажка), краски и гуаши, органического красителя, ниток, кистей. Мне кажется, все это множество экспертиз должно было лишь симулировать тщательность следствия. Ведь если вспомнить, что впоследствии тексты этих плакатов — только они одни — послужили материалом для обвинения и осуждения по ст. 190¹ УК РСФСР, становится ясным, что не была произведена единственно важная экспертиза: экспертиза текста, смысла, содержания плакатов — содержат ли данные лозунги клевету на советский строй. Гораздо удобнее утверждать такие обвинения голословно — по крайней мере, не запутаешься.

Теперь я опять должна рассказать о себе. Мое положение было в высшей степени неясным. Я была единственным участником демонстрации, оставленным на свободе. Я понимала, что оставили меня из-за детей, но долго ли это протянется, трудно было понять. Во всяком случае, мои друзья организовали что-то вроде моей охраны: провожали меня, если я куда-нибудь ехала, особенно на допросы. Это почему-то вызывало раздражение следователей и гебистов.

26 августа, пока я была на Петровке, в соседнем скверике меня ожидал один мой товарищ [Володя Рокитянский, друг Ильи Габая]. К нему подошел некто с удостоверением угрозыска, проверил документы, заявил, что у него печать в паспорте не в порядке, после чего этого юношу продержали час в ближайшем отделении милиции и выпустили примерно через полчаса после того, как я вышла и, не найдя его, уехала.

3 сентября за мной также явились на допрос неожиданно, но я дозвонилась до ребят, и со мной поехала Галя Габай. Допрашивал меня Галахов, следователь грубый и неумный, о чем я уже знала от тех, кто у него побывал. Я отказалась давать вообще какие бы то ни было показания, заявив, что считаю следствие незаконным, а о нарушении общественного порядка, совершенном теми, кто разогнал демонстрацию и бил демонстрантов, я уже дала показания на дознании.

Теперь я была подозреваемая, а не свидетель, и вообще не обязана была давать показания и даже мотивировать свой отказ. Тем не менее Галахов задавал и задавал мне вопросы и записывал мои отказы, время от времени напоминая мне, что ему спешить некуда, у него целый рабочий день впереди, а у меня ребенок на улице, на чужих руках. Произносил он и более определенные угрозы: «Вы не думайте, у нас есть тюрьмы, куда помещают с грудными детьми». Вероятно, чтобы спастись от этой тюрьмы, я должна была немедленно начать давать показания.

Между прочим, тогда я обнаружила странный психологический эффект. Обычно следствие пользуется заключением под стражу как средством давления на психику обвиняемого. Человека изолированного, ощутившего вкус тюрьмы, кажется, легче обработать, легче извлечь из него показания, угодные следствию. Я думаю, что такой случай, как у меня, тоже должен бы давить на сознание: когда ты на свободе и, кажется, только от тебя зависит, остаться на свободе или не остаться, эта свобода, воздух, которым дышишь, деревья, под которыми идешь, становятся особенно дороги. И все-таки ни угроза лишения свободы — на меня, ни камеры Лефортовской тюрьмы — на ребят никак не повлияли: просто очень здраво и спокойно мы к этому относились.

К концу допроса пришел Федоров, от имени прокурора г. Москвы наблюдавший за этим следствием. Он тоже стал задавать мне вопросы, но, получив опять-таки отказ, не стал, как Галахов, тянуть волынку, а сказал:

— Ну, напишите: «Прошу больше не задавать мне вопросов, отказываюсь отвечать» — и мотивируйте причины отказа.

И под занавес, не в протокол, задал мне самый идиотский вопрос, некую идею-фикс этого следствия:

— Кто отец ваших детей?

Всех, кто хоть чуточку был со мной знаком, спрашивали обо мне, о моей психике — не наблюдали ли каких отклонений (или прямо говорили допрашиваемым: «Ну, Горбаневская — это же больной человек»), спрашивали про моих детей и, наконец, всех, всех — кто отец моих детей. Я сказала Федорову, что я и с ближайшими друзьями на эту тему не говорю — тем более с вами не стану. «Ну как же, — сказал Федоров, — ведь если мы вас заключим под стражу, мы должны это знать. Кто же о них позаботится?» — «Позаботятся», — заверила я этого гуманиста.

И в заключение мне сказали, что мне надо будет поехать в Институт Сербского на психиатрическую экспертизу, что мне позвонят, предупредят накануне и приедут за мной.

Экспертизу, насколько я знаю, проходили все обвиняемые, но для всех, кроме Виктора Файнберга, ограничились амбулаторной экспертизой: по-моему, ребят даже не возили в Сербского, а эксперты приезжали в Лефортово. Виктора после амбулаторной экспертизы положили на стационарную.

Я проходила только амбулаторную экспертизу. За мной приехали 5 сентября, в одиннадцатом часу утра, конечно, без всякого предупреждения, и следователь Лопушенков стоял под дверью, пока я кормила и собирала малыша, пока дозванивалась ребятам, чтоб кто-то приехал проводить меня в Институт Сербского, а кто-то — побыть с Ясиком, пока бабушки нету дома. Потом я пошла в школу встречать Ясика, разминулась с ним, а машина со следователем ездил за мной и за детской коляской — чтобы я не сбежала. Наконец Ясик нашелся, и приехали ребята⁷. «Вы пришли ко мне на день рождения?» — спросил он их радостно и так же радостно остался играть с ними в футбол.

Ребята обещали, что Галя Габай приедет прямо в Сербского. Потом она действительно приехала, но не могла туда попасть: вход по пропускам. И лишь случайно встретила Акимову, которую хорошо знала с того времени, как Илья сидел в Лефортове по делу Буковского. Акимова вывела меня к выходу, и я отдала Гале Оську. Но это было уже перед заключительным этапом экспертизы, после длительной беседы с врачом-ординатором, перед беседой на представительной комиссии. Кстати, все это время малыш был спокоен, ел, спал, и Акимова была несколько удивлена.

⁷ Илья Габай (1935–1973), политзаключенный в 1967 и 1969–1972 годах, и Виктор Тимачев (1935–1995).

Врач-ординатор, молодая приятная женщина, недавно вернувшаяся на работу после того, как год просидела дома со своим маленьким сыном, разговаривала со мной очень долго. Мне кажется, ей было даже интересно — не медицински интересно, а просто так, и я ей даже понравилась, но вот то, что я предполагала, что меня могут арестовать, и все-таки пошла на демонстрацию, вселяло в нее ужас. Мы разговаривали так долго, что Акимова, несколько раз проходя через этот кабинет, нетерпеливо спрашивала, скоро ли мы кончим.

Перед ординатором лежала моя история болезни из районного диспансера. Я не была там с осени, с того момента, когда врачи кричали на меня, требуя, чтобы я не смела рожать. Имел ли диспансер прямое отношение к тому, как меня в феврале принудительно положили в больницу им. Кащенко, я точно не знала. Дело ведь обстояло так: 12 февраля врач женской консультации внезапно потребовала, чтобы я легла в больницу — с диагнозом «анемия, угрожающий выкидыш», а 15 февраля меня насильно перевезли из родильного дома, где я лежала, в психиатрическую больницу. И вот теперь, разговаривая с врачом Института Сербского, я увидела последнюю запись в диспансерной истории болезни: «беседа с представителем К. Г. Б.» и дата: «12.2.68 г.». Так я получила наглядное доказательство, что вся эта история с больницей была прямым делом рук КГБ.

Потом я долго ждала, пока со мной будет разговаривать комиссия. Вероятно, в это время там читали результат беседы ординатора и заслушивали ее выводы.

Комиссия состояла из трех человек: ординатор — она, видимо, уже доложила свою точку зрения и теперь не задала ни одного вопроса; белокурая пожилая дама, которая задала мне только один вопрос: «Почему вы взяли ребенка на площадь? Вам не с кем было его оставить или вы просто хотели, чтоб он участвовал в демонстрации?» — «Не с кем было оставить, — сказала я честно. — Да еще мне в два часа надо было его кормить». — «Ну, до двух часов было много времени, вы могли оставить его где-нибудь у знакомых». Я пожала плечами. Оставить трехмесячного ребенка у знакомых? Да и не думала же я, что к двум часам смогу прийти к знакомым.

Из трех человек, написала я и поставила двоеточие, а назвала пока только двух. Третьим был — и руководил экспертизой — неизвестный профессор Лунц. Я прекрасно знала, кто такой Лунц, и прекрасно знала, что ни от каких моих ответов не будет зависеть результат экспертизы, но вела себя лояльно, отвечала на все вопросы — и о давней своей болезни, и о Чехословакии, и о том, нравит-

ся ли мне Вагнер. Вагнер мне не нравится. Какое значение этот вопрос может иметь для экспертизы? Кого можно считать вменяемым — кому нравится Вагнер или кому не нравится? Нет, это я сейчас задаю вопросы. Лунцу я просто сказала: нет, не нравится. — А кто нравится? — Моцарт, Шуберт, Прокофьев.

Через неделю, 12 сентября, в день окончания следствия, я узнала результат экспертизы и свою странную судьбу. Заключение экспертизы, подписанное профессором Лунцем, гласит, что у меня «не исключена возможность вялотекущей шизофрении», — замечательный диагноз! Хотела бы я знать, многим ли лицам, особенно интеллигентам, можно твердо написать «исключена возможность». И после этого проблематичного диагноза той же бестрепетной рукой написано, что я «должна быть признана невменяемой и помещена на принудительное лечение в психиатрическую больницу специального типа».

Я не знаю, оказалась ли прокуратура города Москвы гуманнее профессора Лунца, или просто высшие сферы скомандовали избежать чрезвычайного скандала (впрочем, посадить мать двоих маленьких детей в тюремную больницу — скандал большой, но не больший же, чем ввести войска в Чехословакию), но только прокуратура вынесла постановление о прекращении дела ввиду того, что я невменяема, и ввиду того, что у меня двое детей. Меня передали на попечительство матери.

«Не исключена возможность», что вынесенное Лунцем заключение еще аукнется в моей жизни. [Аукнулось — и с Лунцем я встречалась еще не раз.]

Кстати, сразу после суда над демонстрантами меня вызвали в диспансер. Главный врач диспансера Шостак, не спросив даже, как я себя чувствую, задала мне один-единственный, весьма медицинский вопрос: считаю ли я правильным свое поведение.

— Да, — сказала я.

— И ваш поступок в августе? — Слово «демонстрация» она произнести не решалась.

— Да, — сказала я.

— Ну, вам нельзя оставаться дома.

Я пожала плечами. На этом мы расстались. Пока что я дома. [Дома я пробыла до 24 декабря 1969 года.]

Того же 12 сентября следствие завершило свою работу. Накануне Татьяне Великановой впервые сказали, что обвиняемым будут предъявлены две статьи Уголовного кодекса: 190³ и 190¹. Мы долго гадали, на основе чего же предъявят ст. 190¹. Может быть, по каким-нибудь самиздатовским документам, найденным при обысках? Ничего подобного, обвинение по этой статье основывалось исключительно на том же единственном факте демонстрации. Читатель увидит это, прочитав в материалах суда обвинительное заключение.

В общем, все выглядело так, как сказал следователь Галахов обвиняемому Дремлюге: «Был бы человек, а статья найдется».

Мое дело было прекращено. Неизвестно когда возбужденное дело против Баевой, Корховой, Лемана, Русаковской было прекращено. Дело Файнберга, находившегося в тот момент на стационарной психиатрической экспертизе в Институте Сербского, было выделено в особое производство. Против этого возражали все адвокаты и обвиняемые.

Адвокат Файнберга С. Л. Ария заявил ходатайство, в котором утверждал, что так как по предъявленному обвинению действия Файнберга непосредственно связаны с действиями остальных обвиняемых, то и приговор по их делу, по существу, будет решать вопрос о противоправности действий Файнберга — и в этой важнейшей стадии процесса Файнберг будет лишен возможности защищать свои интересы. Адвокат заявил, что выделение дела Файнберга ограничит его процессуальные права и возможность объективно рассмотреть его обвинение. Поэтому адвокат ходатайствовал о том, чтобы постановление о выделении дела Файнберга было отменено, а следствие приостановлено до выяснения заклю-

чения судебно-психиатрической экспертизы. Об этом же ходатайствовали и другие адвокаты.

В ходатайствах было отказано. Следствие мотивировало отказ тем, что «действия каждого обвиняемого в материалах дела разграничены» и «установление виновности обвиняемых в суде не повлечет за собой автоматического решения вопроса о виновности Файнберга». Читатель увидит, как были «разграничены» действия каждого обвиняемого: в обвинительном заключении для всех пяти обвиняемых была дословно повторена одна и та же формулировка, нигде не говорилось о том, кто что сказал, кто какой лозунг держал и т. п., — суд пошел еще дальше, употребив в приговоре формулировку «все они» и описывая действия демонстрантов вкупе, что противоречит советскому уголовно-процессуальному праву даже в случае групповых действий.

В этот же период окончания следствия, знакомясь с делом, подавали свои ходатайства обвиняемые.

Вадим Делоне потребовал произвести следствие, т. е. выявить лиц, действительно нарушивших порядок на Красной площади, избивавших и оскорблявших демонстрантов. Следствие ответило, будто бы оно «не располагает материалами, что в отношении обвиняемых во время задержания и доставления в отделение милиции кем-либо были допущены противоправные действия, а потому нет необходимости в установлении этих лиц».

Лариса Богораз заявила ходатайство о соединении касающихся ее материалов дела Ирины Белгородской с материалами данного дела, чтобы обвинение по ст. 190¹ рассматривалось во всем объеме инкриминируемых Богораз действий. Следствие ответило, что «в настоящий момент» оно не ставит вопроса об уголовной ответственности Богораз по данным документам и что у Белгородской при обыске найдено много других материалов. Таков же был ответ на аналогичное ходатайство Литвинова. А через несколько месяцев Ирина Белгородская была осуждена за распространение именно того письма в защиту Марченко, о котором шла речь в ходатайствах Богораз и Литвинова.

Литвинов заявил также наиболее радикальное и, по-моему, наиболее нужное ходатайство: о прекращении дела за отсутствием состава преступления. На что следствие ответило, что дело прекращено быть не может, так как «виновность доказана материалами дела»⁸.

⁸ Все формулировки из следственного дела, к которому я, разумеется, доступа не имела, а также тексты обвинительного заключения и приговора, вошедшие в запись суда, я получила от адвоката Софьи Васильевны Калистратовой (см. предисловие).

В этот же период окончания следствия и позже, почти до самого суда, шел сильный нажим на адвокатов. Не желая повторить судьбу Золотухина [исключенного из коллегии адвокатов, так как он потребовал оправдательного приговора Александру Гинзбургу], отказался от защиты Бабицкого адвокат Попов. Адвокат Ария отказался от защиты Дремлюги. Об этом писали в несохранившемся (изъято при обыске 19 ноября у Григоренко) письме П. Г. Григоренко и А. Е. Костерин.

В начале октября стала известна дата суда над демонстрантами.

Кого и за что судят в московском городском суде
в среду 9 октября 1968 г.?

Обвинение отвечает на этот вопрос так: «Будет слушаться простое уголовное дело — нарушение общественного порядка».

Так ли это?

Действительно ли перед судом предстанут нарушители *общественного* порядка, т. е. хулиганы, действующие не против отдельных личностей, а против всего *общества*?

Чтобы ответить на этот вопрос, посмотрим, какое действие инкриминируется подсудимым как нарушение общественного порядка и кто эти подсудимые.

25 августа с. г. группа молодежи устроила на Красной площади сидячую демонстрацию протеста против оккупации Чехословакии советскими войсками. Иными словами, они выразили свое отношение к происшедшему событию способом, предусмотренным Конституцией СССР. Орава хулиганов набросилась на демонстрантов и избивала их. Никто не вступился за них, никто из хулиганов не был арестован. Арестовали и вот теперь судят самих демонстрантов. Как их избивали и как арестовывали, описано в письме поэтессы Натальи Горбаневской, а политическая оценка содеянного ими видна из письма переводчика Анатолия Якобсона. Оба письма прилагаются.

Таким образом, нарушением общественного порядка названо использование гражданами своих конституционных прав. Шутники! При этом опасные шутники сидят в Московской городской прокуратуре.

Эти шутники, срабатывая это противозаконное дело, пытались всячески очернить обвиняемых, представить их как людей низкого морального уровня. В этих целях не брезговали даже сбором грязных сплетен. Но это попытки с негодными средствами.

Лингвист Лариса Богораз смело и безбоязненно, несмотря на прямые угрозы КГБ, неоднократно выступала против произвола лагерной администрации в местах заключения ее мужа Юлия Даниэля. Вместе с Павлом Литвиновым она подписала известное «Обращение к мировой общественности», а также письмо 12-ти «Президиуму консультативного Сопредседания Коммунистических партий в Будапеште». Копии обоих этих документов прилагаем.

Физик Павел Литвинов известен всему миру как инициатор открытой мужественной борьбы против незаконных репрессий в нашей стране, как нескгибаемый и неустрашимый боец против всякого произвола. За это он подвергался различным гонениям (вызовы в КГБ, увольнение с работы), но не склонился перед произволом.

Остальные подсудимые — лингвист Константин Бабицкий, поэт Вадим Делоне и рабочий Владимир Дремлюга тоже неоднократно выступали против всяческого произвола властей.

Сочувственное отношение к процессу демократизации общественной жизни в ЧССР, к чехословацкому народу и ведущей его силе — КПЧ — вырабатывалось у них и крепло постепенно, начиная с января с. г. Это их отношение было выражено письменно задолго до событий 21 августа 1968 г. Все они сочувственно отнеслись к письму группы советских коммунистов «Членам КПЧ и всему чехословацкому народу» (письмо к сему прилагается). А один из них, Владимир Дремлюга, был в числе молодежи, сопровождавшей представителей этой группы — Григоренко П. и Яхимовича И. — к посольству ЧССР. Как видим, процесс — чисто политический. Снова, как и на процессах Синявского–Даниэля, Хаустова, Буковского–Делоне–Кушева, Гинзбурга–Галанскова и др., людей судят не за действия, а за убеждения! Судят *совесть* нашего народа!

Мы решительно протестуем против этого беззакония и требуем от суда прекращения дела за явным отсутствием состава преступления.

Товарищи судьи!!!

Если вам дороги интересы Родины и нашего народа, вы немедленно прекратите это искусственно и нечистоплотно созданное дело.

Мы просим всех граждан СССР, все прогрессивное человечество поддержать это наше требование.

Приложение — пять документов, упомянутых в тексте.

Илья Габай, Александр Каплан, Петр Григоренко, Надежда Емелькина, Алексей Костерин, Иван Рудаков, Петр Якир

Примечание. Я не привожу здесь приложений. Два из них, непосредственно связанные с содержанием книги (мое письмо и письмо Анатолия Якобсона), приведены в других местах книги.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ
ШЕМЯКИН СУД

В МОСКОВСКОМ ГОРОДСКОМ СУДЕ

9 октября в г. Москве начался судебный процесс по уголовному делу Бабицкого К. И., Богораз-Брухман Л. И., Делоне В. Н., Дремлюги В. А. и Литвинова П. М., обвиняемых в нарушении общественного порядка на Красной площади в Москве 25 августа с. г.

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА», 10 ОКТЯБРЯ 1968

Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л. И.
Председателю Совета Министров СССР тов. Косыгину А. Н.
Председателю Президиума Верховного Совета СССР
тов. Подгорному Н. В.

Мы, нижеподписавшиеся, пришли сегодня, 9 октября 1968 г., на суд над Л. Богораз, К. Бабицким, В. Делоне, В. Дремлюгой, П. Литвиновым, протестовавшими против ввода советских войск в ЧССР и пролития крови советских и чехословацких граждан, но в зал попасть не смогли. Процесс, видимо, специально перенесли в помещение нарсуда Пролетарского района г. Москвы, в котором нет ни одного зала, где могло бы вместиться более 30 человек. К тому же в зал пропустили в первую очередь публику, подобранную КГБ.

Нет никакого сомнения, что сделано это для того, чтобы превратить процесс, объявленный открытым, в фактически закрытый, как это было на процессе Синявского–Даниэля, Галанскова–Гинзбурга и др. Мы убеждены, что сам суд на такое решиться не мог, что сделано это по указанию свыше.

Исходя из этого, мы вправе предполагать, что и в данном случае готовится незаконная расправа. Чистые дела в темноте не делаются. Если эти люди действительно совершили преступление, суд обязан доказать это открыто. Без открытого разбирательства нет суда — есть незаконная расправа. Чтобы этого не произошло, мы просим вас немедленно вмешаться и прекратить незаконное — приостановить закрытое ведение суда, перенести слушание дела в достаточно просторное помещение, убрать из зала суда и с подступов к нему всех агентов КГБ.

Если вы этого не сделаете, вся вина за происходящий произвол падет на вас персонально, ибо ни мы и ни один честный человек в мире не поверит, что подобное могло быть сотворено без вашего ведома, вернее, без ваших прямых указаний.

Всего под письмом 56 (пятьдесят шесть) подписей. Экземпляр с подлинными подписями посылается Генеральному секретарю ЦК КПСС тов. Брежневу Л. И.

Ответ направлять по адресу: Москва Г-21, Комсомольский проспект, 14/1, кв. 96, Григоренко Петру Григорьевичу.

За несколько дней до процесса меня, в числе нескольких активных членов партии с нашего предприятия, вызвали в райком партии. Всего там собралось человек тридцать. Нам сказали, что будет судебный процесс над группой лиц, выступивших с клеветой на советский строй, и что мы должны присутствовать на судебном заседании. Нам сказали, как мы должны вести себя: не делать никаких записей, сидеть вместе со своей группой, стараться не отвечать на вопросы со стороны других присутствующих, а если придется отвечать, как мы попали на суд, сказать, что сегодня день отгула на работе, утром случайно зашли и заинтересовались. Затем было предложено разделиться на три группы, кто в какой день пойдет. Мне достался второй день.

Сбор был назначен на восемь часов. Подъехала закрытая машина и доставила нашу группу в Серебрянический переулок. Мы вышли из машины не у самого здания суда; какой-то человек пошел впереди нас и провел в здание суда, в большую комнату на третьем этаже. Там мы сидели часа полтора; вместе с нами находилось много молодых людей: курили, играли в домино. Потом уже нам стало известно, что они дежурили весь день у здания суда. Около 10 часов нас провели в зал.

В зале было всего человек пятьдесят. Среди них сразу можно было отличить родственников подсудимых от тех, кто попал сюда подобно мне. Родственники смотрели на нас неприязненно. Мне стало неудобно, что мы, совсем чужие люди, станем свидетелями их горя.

Невозможно восстановить в памяти содержание судебного заседания. Было много речей, и они вызывали разные чувства, а главное — непонимание того, что здесь происходит. Из подсуди-

мых мне больше всего понравился красивый мальчик с нерусской фамилией. Подсудимый, которого звали Павел (фамилию я не помню), был, как мне сказали, внуком какого-то великого артиста, а женщина — женой тоже какого-то известного человека. Мне показалось, что все подсудимые — хорошие люди.

Когда мы, очень усталые, выходили через главный подъезд суда, то увидели громадную толпу людей, стоявших перед зданием. Не знаю, как другим, но мне стало очень стыдно. Мы гуськом шли через толпу, и кто-то сказал, указывая на нас: «Посмотрите, какие морды подобрали».

СУДЕБНОЕ ЗАСЕДАНИЕ
МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО СУДА
9–11 ОКТЯБРЯ 1968
В ПОМЕЩЕНИИ НАРОДНОГО СУДА
ПРОЛЕТАРСКОГО РАЙОНА Г. МОСКВЫ

*Состав суда: председательствующий — В. Г. Лубенцова,
народные заседатели — П. И. Попов и И. Я. Булгаков.*

*Государственный обвинитель: пом. прокурора
г. Москвы В. Е. Дрель.*

*Защитники: адвокаты Д. И. Каминская, С. В. Калистратова,
Ю. Б. Поздеев, Н. А. Монахов.*

Секретарь суда: В. И. Осина.

9 октября 1968, 9.00

*Первый день суда. Здание Пролетарского районного суда, Се-
ребрянническая набережная, 15. Третий этаж. Небольшой
зал, мест на 40, с трудом вместивший 60–70 человек. Как
характеризовал один из присутствующих, «судья Лубенцова,
седая женщина в сером костюме, подчеркнуто и естествен-
но вежлива, похожа на учительницу или завуча хорошей
школы». О заседателях Попове и Булгакове, слесаре и инже-
нере, тот же человек пишет: «Один помоложе, вид боксера,
второй седой, носатый... придирчивый, скрипучий голос».
Прокурор Дрель в темно-лиловом ведомственном мундире,
«коренастый, плоское лицо, педантичен, многословен, высо-
кий голос звучит словно обиженно». На скамье подсудимых
впереди Делоне, Дремлюга, Богораз, позади Бабицкий и Лит-
винов. С обеих сторон от скамьи подсудимых — два конвой-
ных солдата без винтовок.*

*Заседание начинается с удостоверения явки подсудимых, на-
ходящихся со дня ареста в следственном изоляторе Комите-
та государственной безопасности.*

Судья: Богораз-Брухман Лариса Иосифовна.

Секретарь суда: Доставлена.

Судья: Литвинов Павел Михайлович.

Секретарь: Доставлен.

Судья: Делоне Вадим Николаевич.

Секретарь: Доставлен.

Судья: Бабицкий Константин Иосифович.

Секретарь: Доставлен.

Судья: Дремлюга Владимир Александрович.

Секретарь: Доставлен.

Объявляется состав суда. Отводов участникам судебного разбирательства не поступает.

Следует заявление ходатайств.

Богораз: Имею несколько ходатайств. Первое. Прошу вызвать дополнительных свидетелей. Следствие предложило для вызова в суд только тех свидетелей, которых сочло нужным, и не включило никого из тех, чьи показания совпадают с объяснениями подсудимых. Я прошу вызвать Баеву, Русаковскую, Лемана, которые присутствовали на площади и видели, как все это происходило.

Второе. Я заранее решила, что на суде буду защищаться сама. До суда я нуждалась в консультации адвоката, которую и получила. Я вполне доверяю адвокату Каминской, но на предварительном следствии я ничего не говорила о мотивах своих действий, и они остались неизвестны адвокату. Я отказываюсь от защитника и прошу суд предоставить мне возможность самой осуществить право защиты, предусмотренное ст. 111 Конституции СССР и ст. 19 УПК РСФСР.

Третье. Знакомясь с делом, я прочла ходатайство Делоне о проведении дополнительного следствия и поддерживаю его, так как считаю необходимым установить личность и привлечь к ответственности тех, кто действительно нарушал порядок на площади и применял к нам физическое насилие.

На основании ст. 18 УПК я прошу допустить в зал суда наших друзей.

Делоне: Заявляю ходатайство о направлении дела на дополнительное следствие с целью выявить лиц, своими хулиганскими действиями действительно нарушивших порядок на Красной площади 25 августа 1968 года. Я имею в виду лиц, которые избивали у Лобного места Файнберга, меня и Литвинова, оскорбляли демонстрантов выкриками: «Хулиганы! Бандиты! Антисоветчики!», провоцируя толпу на необдуманные действия. В том числе я имею в виду лиц,

которые на предварительном следствии показали, что они вырывали лозунги у мирных демонстрантов и мешали проведению демонстрации, т. е. осуществлению конституционного права, предусмотренного ст. 125 Конституции СССР. Эти лица были в штатском и не имели — либо не представляли — никаких полномочий; если же у них и были какие-то полномочия, то они их превысили, применяя к нам физическую силу. Я считаю необходимым потребовать объяснения их незаконных действий и решить вопрос об их уголовной ответственности.

Если суд отклонит мое первое ходатайство и начнет слушание дела, то я прошу, чтобы были вызваны свидетели Великанова, Русаковская, Баева, Леман, Панова, Медведовская. Их показания существенно отличаются от показаний свидетелей, вызванных в суд по списку, составленному следствием. Кроме того, я прошу допустить в зал суда моих друзей.

Литвинов: Я полностью присоединяюсь к ходатайствам Богораз и Делоне. Направление дела на дополнительное следствие считаю необходимым, так как следствие не выявило тех лиц, которые участвовали в нашем задержании, при этом избивали демонстрантов и этим нарушили порядок на Красной площади. Считаю совершенно необходимым вызов свидетелей Пановой и Баевой: против Баевой было возбуждено уголовное преследование по нашему делу, прекращенное только 12 сентября; Панова сама предложила себя как свидетеля и добровольно дала свидетельские показания на предварительном следствии.

Я также ходатайствую о допуске в зал наших друзей. Они имеют большее право здесь присутствовать, чем те лица, которых мы видим перед собой.

Бабицкий поддерживает все заявленные ходатайства.

Дремлюга: Я прошу о том, чтобы в зале суда присутствовали мои друзья. Друзья, а не собравшиеся здесь «товарищи». Я даже не прошу этого, а требую: ведь у меня нет в Москве никаких родственников.

Адвокат Каминская (защитник Богораз и Литвинова): По поводу ходатайства Богораз: коль скоро она желает защищаться самостоятельно, прошу суд удовлетворить ее просьбу в соответствии со ст. 50 УПК РСФСР. Я полностью поддерживаю ходатайства о производстве дополнительного расследования и о вызове в суд дополнительных свидетелей. В список, приложенный к обвинительному заключению, не

вошел никто из тех свидетелей, которых следствие считает знакомыми подсудимых. Однако ст. 20 УПК РСФСР возлагает на следствие и суд обязанность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела. Поэтому я ходатайствую о вызове свидетелей Баевой, Великановой, Пановой, Медведовской, Русаковской, Лемана, Габай.

В согласии со ст. 20 УПК дополнительное расследование является необходимым, так как органы следствия игнорировали утверждения обвиняемых и другие материалы дела, свидетельствующие об обстановке, в которой происходило задержание подсудимых. Оставлен без внимания ряд свидетельств людей, которые первыми увидели события, а также свидетельств о поведении тех людей, которые первыми начали задерживать участников этих событий. Защита, в частности, ставит вопрос о проверке того, участвовали ли в задержании сотрудники милиции, так как показания свидетеля Стребкова о том, что сотрудник милиции помогал доставлять в машину Литвинова, Делоне и других, находится в противоречии с показаниями других свидетелей.

Доследование необходимо также для объединения настоящего дела с делом Файнберга. Следствием принято неправильное постановление о выделении дела Файнберга, который в настоящий момент находится на стационарной судебно-психиатрической экспертизе. Экспертиза еще не дала заключения о вменяемости Файнберга. Если Файнберг вменяем, его показания имеют существенное значение для исследования обстоятельств дела.

Адвокат Калистратова (защитник Делоне): Список лиц, подлежащих вызову в судебное заседание, составлен следователем с явным нарушением ст. 20 УПК. Все свидетели, которые подтверждают показания подсудимых и опровергают обвинение, оказались за пределами списка. Я настаиваю на вызове в судебное заседание свидетелей-очевидцев, допрошенных в предварительном следствии: Великановой, Пановой, Русаковской, Лемана, Медведовской, Баевой, Габай. Кроме того, считаю необходимым вызов свидетеля Крысина, который вызывался к следователю, но не был допрошен, так как находился в отпуске. В настоящее время Крысин в Москве, может явиться в суд и дать показания о событиях, очевидцем которых он являлся.

Дело в отношении Файнберга выделено с нарушением ст. 26 УПК РСФСР. Каждый из обвиняемых по настоящему делу,

в том числе и Файнберг, в своих показаниях удостоверяет те или иные детали вменяемого всем обвиняемым события, которое обвинением квалифицируется как групповые действия. Поэтому выделение дела Файнберга неизбежно помещает всестороннему и полному исследованию обстоятельств дела. Я ходатайствую о направлении дела к рассмотрению для объединения дел.

Поддерживаю ходатайство Вадима Делоне о направлении дела к рассмотрению. Мне как адвокату несвойственно требовать привлечения кого-либо к уголовной ответственности, тем более когда в деле участвует прокурор. Но подсудимые не признают себя виновными и указывают, что действительными виновниками нарушения общественного порядка были лица, производившие их задержание, поэтому необходимо установить этих лиц и проверить объяснения подсудимых. Это можно сделать только в процессе рассмотрения.

Адвокат Поздеев (защитник Бабицкого): Поскольку цель процесса — установление истины, я поддерживаю ходатайство моих коллег.

Адвокат Монахов (защитник Дремлюги): Поддерживаю заявленные ходатайства. Считаю необходимым направление дела на дополнительное расследование. Я не связываю вопрос о дополнительном расследовании с привлечением к уголовной ответственности каких-либо других лиц — расследование необходимо для установления действительных обстоятельств события, имевшего место на Красной площади.

Прокурор: Я не согласен с ходатайством подсудимых о проведении дополнительного расследования. Следственными органами были приняты исчерпывающие меры для выяснения истины. Нет основания для того, чтобы дополнительно расследовать действия тех лиц, которые пресекали преступные действия подсудимых. Если судом будет установлено, что какие-либо из этих лиц поступали неправильно, то суд может на основании ст. 321 УПК вынести частное определение. Не вижу никакой причинной связи между преступными действиями подсудимых и действиями граждан, принимавших меры против них. У суда нет оснований для дополнительного расследования.

О вызове новых свидетелей. Поскольку уже вызваны в качестве свидетелей 17 человек, все они давали показания с достаточной полнотой — прошу суд сделать замечание адвока-

там, которые меня не слушают, — (судья *делает замечание адвокатам Калистратовой и Каминской*) — имеющиеся свидетели дали исчерпывающие показания, но вместе с тем, учитывая ходатайства, я полагал бы возможность вызвать дополнительно Великанову и Медведовскую.

Я возражаю против объединения настоящего дела с делом Файнберга. Не исключено, что его признают невменяемым, и тогда его показания не будут иметь значения. Ждать решения экспертизы явно нецелесообразно, так как это повлекло бы значительную задержку в слушании дела. Выделение дела Файнберга не ущемляет прав подсудимых.

Суд удаляется на совещание. Через полчаса оглашается определение.

Определение суда: Ходатайство Богораз о предоставлении ей возможности защищаться самой — удовлетворить. Ходатайство о направлении дела на дополнительное расследование отклонить. Ходатайство об объединении настоящего дела с делом Файнберга отклонить. Вызвать и допросить дополнительных свидетелей Великанову, Лемана, Медведовскую. Ходатайства о вызове других свидетелей отклонить.

Судья: Подсудимые, ваши ходатайства о допущении друзей и родственников в зал мы будем решать в рабочем порядке. Поскольку это не имеет отношения к существу дела, это не включается в определение.

Литвинов: Но сами наши ходатайства внесены в дело?

Судья: Они внесены в протокол.

Судья зачитывает обвинительное заключение.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обвинению:

БОГОРАЗ-БРУХМАН Ларисы Иосифовны,

ДЕЛОНЕ Вадима Николаевича,

ЛИТВИНОВА Павла Михайловича,

БАБИЦКОГО Константина Иосифовича,

ДРЕМЛЮГИ Владимира Александровича

по ст. ст. 190¹ и 190³ УК РСФСР

25 августа 1968 года Следственным Управлением УООП Мосгорисполкома было возбуждено уголовное дело по факту учинения групповых действий на Красной площади, грубо нарушивших общественный порядок. По делу арестованы и привлечены к уголовной ответственности БОГОРАЗ-БРУХМАН Л. И., ДЕЛОНЕ В. Н., ЛИТВИНОВ П. М., БАБИЦКИЙ К. И., ДРЕМЛЮГА В. А. и ФАЙНБЕРГ В. И. Материалы в отношении ФАЙНБЕРГА выделены в отдельное

производство. Активной участницей групповых действий на Красной площади была ГОРБАНЕВСКАЯ Н. Е., уголовное дело на которую, в связи с признанием ее судебно-психиатрической экспертизой невменяемой, прекращено. Расследованием установлено:

БОГОРАЗ-БРУХМАН, ДЕЛОНЕ, ЛИТВИНОВ, БАБИЦКИЙ, ДРЕМЛЮГА и ФАЙНБЕРГ, будучи несогласны с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, вступили в преступный сговор с целью организации группового протеста против временного вступления на территорию ЧССР войск пяти социалистических стран. Для придания своим замыслам широкой гласности они заранее изготовили из белой материи плакаты с текстами: «Руки прочь от ЧССР», «Долой оккупантов», «За вашу и нашу свободу», «Свободу Дубчеку», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (последний на чешском языке), то есть содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

Затем, после предварительной договоренности, БОГОРАЗ-БРУХМАН, ЛИТВИНОВ, БАБИЦКИЙ, ДРЕМЛЮГА, ФАЙНБЕРГ и ДЕЛОНЕ 25 августа с. г. в 12 часов дня прибыли к Лобному месту на Красной площади, доставив с собой спрятанные указанные плакаты, где во исполнение своего преступного сговора приняли активное участие в групповых действиях, развернули плакаты и, обращаясь к находившейся на площади публике, стали выкрикивать аналогичные с плакатами призывы, чем грубо нарушили общественный порядок и нормальную работу транспорта. Этими действиями БОГОРАЗ-БРУХМАН, ДЕЛОНЕ, ЛИТВИНОВ, БАБИЦКИЙ, ДРЕМЛЮГА и ФАЙНБЕРГ вызвали возмущение находившихся на Красной площади граждан.

Участие указанных лиц в групповых действиях на Красной площади подтверждается показаниями допрошенных по делу свидетелей. Свидетель ЯСТРЕБА показала, что она 25 августа с. г. в 12 часов дня, находясь на Красной площади вблизи Лобного места, стала очевидцем следующего: «...Со стороны Спасских ворот к Лобному месту к Горбаневской подошли Богораз, Литвинов, Делоне и кто-то еще. После разговора с Богораз Горбаневская села на парапет у Лобного места, и сразу же рядом с ней демонстративно сели Богораз, Делоне, Литвинов и Файнберг. Буквально мгновенно все они вскинули руки вверх. У Литвинова в руках был лозунг: „За вашу и нашу свободу“. В руках у Горбаневской был трехцветный флажок. Почти сразу же у них отобрали лозунги. Литвинов, Делоне, Богораз, Горбаневская и Файнберг даже не поднялись на ноги, а продолжали сидеть. Вокруг собралась большая толпа граждан, которые возмущались их поведением. В общей сложности собралось более 100 человек народу...» Аналогичные показания дали свидетели ДОЛГОВ, БОГАТЫРЕВ, САВЕЛЬЕВ, ИВАНОВ, ФЕДОСЕЕВ, ВЕСЕЛОВ, ДАВИДОВИЧ, УДАРЦЕВ, САВИЛОВ, ВАСИЛЬЕВ, БЕСЕДИН, КУЗНЕЦОВ, СТРЕБКОВ,

КУКЛИН, РОЗАНОВ. Допрошенная в качестве свидетеля КОРХОВА, знакомая обвиняемого ЛИТВИНОВА, показала, что 25 августа с. г. она, будучи предварительно уведовлена ЛИТВИНОВЫМ, пришла вместе с ним на Красную площадь и наблюдала организованные обвиняемыми групповые действия, нарушившие общественный порядок. Кроме того, содеянные обвиняемыми противоправные действия подтверждаются вещественными доказательствами, изъятыми при их задержании и обысках, документами, заключениями криминалистических экспертиз, которые установили, что оргалитовая крышка, изъятая у БАБИЦКОГО, использовалась для изготовления плакатов. Обвиняемая БОГОРАЗ-БРУХМАН еще до участия в названных групповых действиях, проявляя недовольство, 22 августа 1968 года направила заявление на имя директора института и в профсоюзную организацию по месту своей работы с выражением протеста по вышеназванному решению Советского правительства.

В предъявленном обвинении БОГОРАЗ-БРУХМАН, ДЕЛОНЕ, ЛИТВИНОВ, БАБИЦКИЙ и ДРЕМЛЮГА не отрицают факта прибытия 25 августа с. г. на Красную площадь с плакатами вышеупомянутого содержания и факта их развертывания, однако в этих своих действиях не усматривают преступления и поэтому виновными себя не признали. Об организации и подготовке групповых действий на Красной площади обвиняемые дать показания отказались. Содеянные обвиняемыми преступления подтверждаются собранными по делу доказательствами, анализ которых приведен в описательной части обвинительного заключения.

Обвиняемые ЛИТВИНОВ, ДРЕМЛЮГА, ДЕЛОНЕ последнее время общественно полезным трудом не занимались, БОГОРАЗ-БРУХМАН в августе 1968 года уволена с работы за прогул. ЛИТВИНОВ и ДРЕМЛЮГА в быту характеризуются отрицательно. БАБИЦКИЙ к служебным обязанностям относился добросовестно, но в коллективе допускал нездоровые антиобщественные суждения. На основании изложенного ОБВИНЯЮТСЯ:

БОГОРАЗ-БРУХМАН Лариса Иосифовна, 1929 г. р., уроженка г. Харькова, еврейка, беспартийная, замужняя, на иждивении сын 1951 г. р., образование высшее, работала старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института технической информации, классификации и кодирования, ранее не судима, прож. Москва, Ленинский проспект, 85, кв. 3 — в том, что она, будучи несогласна с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, 22 августа 1968 г. направила об этом два заявления по месту своей работы на имя директора и в профсоюзную организацию Всесоюзного научно-исследовательского института технической информации, классификации и кодирования, а затем с целью организации в г. Москве группового протеста по названным вопросам вступила в преступный сговор

с обвиняемыми по данному делу — ЛИТВИНОВЫМ, БАБИЦКИМ, ДРЕМЛЮГОЙ, ДЕЛОНЕ, ФАЙНБЕРГОМ и ГОРБАНЕВСКОЙ, заранее изготовив плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно: «Руки прочь от ЧССР», «За вашу и нашу свободу», «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (последний на чешском языке), 25 августа с. г. в 12 часов дня явилась к Лобному месту на Красную площадь, где совместно с БАБИЦКИМ, ДЕЛОНЕ, ДРЕМЛЮГОЙ, ЛИТВИНОВЫМ, ФАЙНБЕРГОМ, ГОРБАНЕВСКОЙ и другими лицами приняла активное участие в групповых действиях, грубо нарушивших общественный порядок и нормальную работу транспорта: развернула вышеуказанные плакаты, выкрикивала лозунги аналогичного с плакатами содержания, чем вызвала возмущение собравшихся вокруг граждан, — то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 190¹ и 190³ УК РСФСР.

ДЕЛОНЕ Вадим Николаевич, 1947 г. р., уроженец г. Москвы, русский, беспартийный, образование среднее, холост, без определенных занятий, осужден Мосгорсудом 1 сентября 1967 г. по ст. 190³ УК РСФСР к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком пять лет, прож. г. Москва, Пятницкая ул., 12, кв. 5 — в том, что он, будучи несогласен с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, с целью организации в г. Москве группового протеста по названным вопросам вступил в преступный сговор с обвиняемыми по настоящему уголовному делу ЛИТВИНОВЫМ, БОГОРАЗ-БРУХМАН, БАБИЦКИМ, ДРЕМЛЮГОЙ, ФАЙНБЕРГОМ и ГОРБАНЕВСКОЙ, заранее изготовив плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а именно: «Руки прочь от ЧССР», «За вашу и нашу свободу», «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (последний на чешском языке), 25 августа с. г. в 12 часов дня явился к Лобному месту на Красной площади, где совместно с перечисленными обвиняемыми и другими лицами принял активное участие в групповых действиях, грубо нарушивших общественный порядок и нормальную работу транспорта: развернул вышеуказанные плакаты, выкрикивал лозунги аналогичного с плакатами содержания, чем вызвал возмущение собравшихся вокруг граждан, — то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 190¹ и 190³ УК РСФСР.

ЛИТВИНОВ Павел Михайлович, 1940 г. р., уроженец г. Москвы, русский, беспартийный, на иждивении один ребенок 8 лет, образование высшее, по профессии физик, без определенных занятий, ранее не судим, прож. Москва, ул. Алексея Толстого, 8, кв. 78 — в том, что он, будучи несогласен с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи

чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, с целью организации в г. Москве группового протеста по названным вопросам, вступил в преступный сговор с обвиняемыми по настоящему делу БОГОРАЗ-БРУХМАН, БАБИЦКИМ, ДРЕМЛЮГОЙ, ДЕЛОНЕ, ФАЙНБЕРГОМ и ГОРБАНЕВСКОЙ... (далее в точности повторена предыдущая формулировка).

БАБИЦКИЙ Константин Иосифович, 1929 г. р., уроженец г. Москвы, еврей, беспартийный, образование высшее, женат, имеет на иждивении трех детей — 1953, 1955 и 1958 гг. р., младший научный сотрудник Института русского языка АН СССР, ранее не судим, прож. Москва, ул. Красикова, 19, кв. 86 — в том, что он, будучи несогласен с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, с целью организации в г. Москве группового протеста по названным вопросам, вступил в преступный сговор с обвиняемыми по настоящему уголовному делу ЛИТВИНОВЫМ, БОГОРАЗ-БРУХМАН, ДРЕМЛЮГОЙ, ДЕЛОНЕ, ФАЙНБЕРГОМ и ГОРБАНЕВСКОЙ... (далее в точности повторена та же формулировка).

ДРЕМЛЮГА Владимир Александрович, 1940 г. р., уроженец г. Саратова, русский, беспартийный, образование среднее, женат, без определенных занятий, ранее судим в 1963 г. нарсудом Ждановского р-на г. Ленинграда по ст. 174 и 154 ч. 1 УК РСФСР, осужден к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года, прож. г. Москва, Метростроевская ул., 7, кв. 44 — в том, что он, будучи несогласен с политикой КПСС и Советского правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу в защите его социалистических завоеваний, одобренной всеми трудящимися Советского Союза, с целью организации в г. Москве группового протеста по названным вопросам вступил в преступный сговор с обвиняемыми по настоящему уголовному делу ЛИТВИНОВЫМ, БОГОРАЗ-БРУХМАН, БАБИЦКИМ, ДЕЛОНЕ, ФАЙНБЕРГОМ и ГОРБАНЕВСКОЙ... (далее в точности повторена та же формулировка).

Настоящее уголовное дело подлежит направлению в Мосгорсуд для рассмотрения по существу.

Обвинительное заключение составлено 20 сентября 1968 года.

Ст. следователь Прокуратуры г. Москвы советник юстиции АКИМОВА

Согласен: Зам. начальника следственного управления Прокуратуры

г. Москвы ст. советник юстиции ФЕДОРОВ.

Судья по очереди опрашивает всех подсудимых: Понятно ли обвинение? Признаете ли вы себя виновным?

Все подсудимые дают одинаковый ответ: Обвинение понятно, виновным себя не признаю.

Судья: Товарищ прокурор, что вы имеете сказать о порядке судебного следствия?

Прокурор: Предлагаю начать с допроса подсудимых, в следующем порядке: Богораз-Брухман, Литвинов, Бабицкий, Делоне, Дремлюга; допрос свидетелей в порядке списка, представленного обвинением.

Судья: Подсудимая Богораз, не возражаете ли вы против предложенного прокурором порядка судебного следствия?

Богораз: Против порядка допроса подсудимых возражений не имею. Что касается порядка допроса свидетелей, прошу допросить в первую очередь официальных лиц и работников милиции Стребкова, Кузнецова, Розанова и Куклина.

Делоне, Литвинов, Бабицкий, Дремлюга поддерживают предложение Богораз.

Дремлюга просит, чтобы в отдельную группу были выделены еще пять свидетелей из воинской части 1164: Долгов, Богатырев, Иванов, Веселов и Васильев.

Адвокаты поддерживают ходатайства подсудимых. После совещания судебная коллегия объявляет, что свидетели будут вызываться в порядке, указанном в списке, представленном обвинению.

Перерыв

ДОПРОС ПОДСУДИМОЙ

БОГОРАЗ-БРУХМАН ЛАРИСЫ ИОСИФОВНЫ

Судья: Подсудимая Богораз, встаньте. Что вы можете сказать по существу предъявленного вам обвинения?

Богораз: 25 августа около 12 часов я пришла на Красную площадь, имея при себе плакат, выражающий протест против ввода войск в Чехословакию. В 12 часов я села на парапет у Лобного места и развернула плакат. Почти сразу подбежали люди мне лично незнакомые, хотя я их не раз видела около себя в разных местах. Подбежав ко мне, они отняли плакат. С левой стороны я увидела Файнберга. У него было разбито лицо. Его кровью забрызгали мне блузку. Я увидела, как мелькает сумка, кто-то бьет Литвинова. Собралась толпа. Я услышала голос: «Бить не надо — что здесь происходит?» Я ответила: «Я провожу мирную демонстрацию, но у меня отняли плакат». Остальных я не видела. Ко мне подошел гражданин в штатском и предложил идти к машине. Он не предъявил никакого документа, но я за ним последовала. Я увидела, как вели Литвинова и били по спине. В ма-

шине было человека четыре. Меня схватили за волосы и головой впихнули в машину. Я также видела в машине Файнберга с выбитыми зубами. В 50-м отделении милиции, куда нас привезли, мы все потребовали медицинской экспертизы для Файнберга. Ему разбили лицо и выбили зубы. Вечером из милиции меня привезли домой для обыска.

Судья: Какое содержание плаката, который вы подняли?

Богораз: Я отказываюсь назвать содержание своего плаката.

Судья: Почему?

Богораз: Не имеет значения, какой именно плакат был у меня в руках. Я не снимаю с себя ответственности ни за один из плакатов. *(Называет тексты всех плакатов.)*

Судья: Кто был вместе с вами на Красной площади?

Богораз: Я отказываюсь отвечать на вопросы, касающиеся других подсудимых. Я отвечаю только за себя.

Судья: Известно ли было вам, что придут другие люди?

Богораз: Нет, не было известно. Я для себя заранее решила, что пойду. Мне даже 25-го не было известно, придут ли другие.

Народный заседатель: Вы знали, что вам будет за это? Вы знали, что это будет именно на Красной площади?

Богораз: Заранее ничего не было известно.

Народный заседатель: Когда вам стало известно?

Богораз: Когда я пошла на Красную площадь.

Судья: Одновременно ли вы сели на тротуар?

Богораз: Не помню, затрудняюсь ответить.

Судья: Одновременно ли сели и подняли плакаты?

Богораз: Мне трудно сказать.

Судья: Работали ли вы?

Богораз: Да, я работала во ВНИИТИ в должности старшего научного сотрудника. О том, что я уволена, я узнала уже в тюрьме. 22 августа, в четверг, я сделала устное заявление начальнику своего отдела о том, что я объявляю забастовку в знак протеста против ввода войск в Чехословакию, в пятницу подала письменное заявление об этом в дирекцию и профком, и мне не сообщили о моем увольнении, 23-го была пятница, в субботу институт не работал, то есть уволили меня после ареста.

Прокурор: Почему вы выбрали именно Красную площадь?

Богораз: Этот протест был адресован правительству, а по традиции принято то, что адресовано правительству, выражать на Красной площади. Во-вторых, на Красной площади нет движения транспорта.

Прокурор: Но вы же знаете, где находится здание ЦК, здание Совета Министров, — они же не на Красной площади.

Богораз: Я повторяю, что на Красной площади нет движения и что такая уж традиция — обращаться к правительству на Красной площади.

Прокурор: Как давно вы знаете подсудимых?

Богораз: Литвинова — полтора-два года, Бабицкого — шесть-семь или восемь лет, Делоне — приблизительно полгода-год, Дремлюгу — месяца два.

Прокурор: Почему он, поддерживая ваше ходатайство, называл вас по имени — Лариса?

Богораз: Потому что это мое имя. А вообще спросите у него.

Прокурор: Охарактеризуйте ваши отношения с подсудимыми.

Богораз: С Литвиновым очень близкие, дружеские отношения, Бабицкого тоже считаю своим другом, если он не возражает. С Дремлюгой хорошие отношения, с Делоне — тоже, насколько позволяет разница в возрасте.

Прокурор: Когда в последний раз до 25-го вы виделись с подсудимыми?

Богораз: Отказываюсь отвечать на этот вопрос и затрудняюсь на него ответить.

Прокурор: Почему?

Богораз: Я отказываюсь отвечать на что-либо касающееся остальных и отвечаю только за себя. Ведь дело Файнберга вы же выделили.

Прокурор: Чем вы можете объяснить, что вы оказались вместе у Лобного места?

Богораз: Видимо, тем, что каждый хотел выразить свой протест именно там.

Прокурор: Был ли у вас об этом предварительный разговор?

Богораз: Отказываюсь отвечать.

Прокурор: Не кажется ли вам странным совпадение, что вы все оказались у Лобного места вместе? Нельзя ли предположить договоренность?

Богораз: Мне не кажется это странным: это или совпадение, или закономерность. Допускаю и то и другое.

Прокурор: Какой плакат вы держали?

Богораз: Я уже сказала, что отказываюсь отвечать. Я не снимаю с себя ответственности за все плакаты.

Прокурор: Как же вы принимаете на себя ответственность за все другие плакаты, если у вас не было предварительной договоренности и вы не могли знать, что на них написано?

Богораз: Мне известны тексты всех плакатов, каждый из них выражает то, что могла сказать я.

Прокурор: Откуда они вам известны?

Богораз: Я их видела на Красной площади, и они мне известны из материалов дела.

Прокурор: Но вы сидели все в один ряд?

Богораз: Файнберг сидел рядом, Бабицкий немного позади, рядом с ним Горбаневская, точно не помню.

Прокурор: Каким же образом вы могли видеть плакаты?

Богораз: Посмотрела направо, налево и увидела. В деле есть показания свидетелей, которые видели эти плакаты, стоя спиной к ним.

Прокурор: Какого размера был ваш плакат?

Богораз: Отказываюсь отвечать.

Судья: Какого цвета был плакат? Опишите его. Он был исполнен на белом материале?

Богораз: Отказываюсь конкретизировать, но могу сказать, что он выполнен на белом материале кистью.

Прокурор: Какого цвета была надпись?

Богораз: Отказываюсь отвечать.

Прокурор: Почему вы отказываетесь отвечать о том плакате, который был в ваших руках?

Богораз: Я не хочу снимать с себя ответственность за все другие плакаты.

Прокурор: Когда вы шли на площадь, были ли у вас лично какие-нибудь вещи в руках?

Богораз: Плакат.

Прокурор: Как вы его держали?

Богораз: Завернутым в газету.

Прокурор: Кто изготовил плакат?

Богораз: Я.

Прокурор: Когда и где?

Богораз: Накануне, у себя дома.

Прокурор: Кому-нибудь было известно, что вы делаете?

Богораз: Не думаю. Нет.

Прокурор: 24-го вы встречались с кем-нибудь из подсудимых?

Богораз: Не помню.

Прокурор: А 25-го утром вы видели кого-нибудь из них?

Богораз: Наверняка нет.

Прокурор: А на Красной площади кого из них вы увидели первым?

Богораз: Затрудняюсь сказать. Я пришла за 20 минут и ходила по Красной площади.

Судья: Вы все вместе пришли на Лобное место или кто-нибудь подошел первым?

Богораз: Затрудняюсь сказать.

Прокурор: Вот вы говорили, что адресовали свой протест правительству и поэтому пришли на Красную площадь, где по традиции принято адресоваться к правительству. Так я вас понял?

Богораз: Так. Но еще и потому, что на Красной площади нет движения транспорта.

Прокурор: А почему вы не обратились в правительство с письмом?

Богораз: Мне приходилось обращаться к правительству раньше, по другим поводам, и ни на одно из моих писем я не получила ответа.

Прокурор: А почему вы не избрали другую площадь или тихую улицу? Место, избранное вами, лежит на трассе движения от Спасской башни в сторону ГУМа.

Богораз: Если бы я это знала, я бы выбрала другое место. Я бывала на Красной площади и никогда не видела движения.

Прокурор: Представляли ли вы себе, что ваши действия привлекут внимание экскурсантов и других граждан? Разве вы не предвидели, что ваше выступление вызовет возмущение граждан и будет нарушением порядка?

Богораз: Я допускала возможность, что это привлечет внимание, но я не считала, что граждане кинутся с кулаками и станут отнимать плакаты.

Прокурор: Так что ж вы думали: что граждане благожелательно отнесутся к вашим действиям?

Богораз: Я не знаю, какой была и какой могла быть действительная реакция граждан, если бы не вмешались эти лица — те, кто на нас набросились.

Прокурор: Если вы читаете газеты, если слушаете радио, наше советское радио, вы должны знать, как советские трудящиеся относятся к политике партии и правительства.

Богораз: Да, я читала газеты и слушала радио.

Прокурор: Так разве вам не было ясно?

Богораз: Я тоже советская трудящаяся, но отнеслась к этому совсем по-другому. Но я не могла выразить свое отношение в газетах. И я вовсе не уверена, что все, что было написано в газетах, отражает мнение всех граждан. Скорее наоборот. К сожалению, моего отношения к этим вопросам не узнает никто за пределами этого зала.

Прокурор: Имеете ли вы научную степень?

Богораз: Да, я кандидат филологических наук.

Прокурор: Когда вы защитили кандидатскую диссертацию?

Богораз: Кандидатскую диссертацию защитила в феврале 1965 года.

Прокурор: В деле имеется производственная характеристика, где отмечено, что вы систематически опаздывали или не являлись на работу. Что вы можете сказать по этому поводу?

Богораз: Мне случалось опаздывать, но не чаще, чем другим.

Прокурор: Здесь рассматривается дело не других сотрудников, и это ваша характеристика.

Богораз: Моя характеристика заключается в том, что я не отличаюсь от других сотрудников.

Адвокат Каминская: Признаете ли вы правильной формулировку обвинительного заключения о несогласии с политикой партии и правительства по оказанию братской помощи Чехословакии?

Богораз: Нет, не признаю. В обвинительном заключении сказано, что я будто бы не согласна с политикой оказания братской помощи. Это неправда. Мой протест относился к конкретной акции правительства. Я вполне согласна с оказанием братской помощи, например экономической, но не согласна с вводом войск.

Каминская: Признаете ли вы правильной формулировку обвинительного заключения о том, что вы вступили в преступный сговор?

Богораз: Нет.

Каминская: Подтверждаете ли вы, что, как указано в обвинительном заключении, вы выкрикивали лозунги?

Богораз: Не подтверждаю.

Адвокат Калистратова: А кто-нибудь из других лиц рядом с вами выкрикивал лозунги? В частности, Делоне?

Богораз: Нет, я не слышала никаких выкриков, в частности не слышала и голоса Делоне.

Калистратова: Скажите, когда у вас отнимали плакаты, оказывал ли кто-нибудь физическое сопротивление? В частности, Делоне?

Богораз: Нет, ни Делоне, ни кто-либо из остальных сопротивления не оказывал.

Судья: Задавайте вопросы подсудимой Богораз о ее действиях.

У вас еще будет время спрашивать о вашем подзащитном.

Калистратова: Я учту ваше замечание. Скажите, Богораз, считаете ли вы, что тексты лозунгов содержат заведомо ложные

измышления, порочащие наш общественный и государственный строй?

Богораз: Нет, я этого не считаю. В этих лозунгах не было никаких измышлений.

Калистратова: Когда вы для себя решили выступить с протестом, думали ли вы, что можете нарушить общественный порядок?

Богораз: Я специально думала об этом, так как я знала об ответственности за нарушение общественного порядка, и я сделала все, чтобы его не нарушить. И я его не нарушала.

Адвокат Поздеев: В течение какого времени продолжалось это событие на Лобном месте?

Богораз: Не более 10 минут, скорее даже меньше.

Поздеев: Проезжали ли в это время машины по площади?

Богораз: Нет, в это время не было ни одной машины, за исключением той, которую пригнали, чтобы нас увезти.

Поздеев: Вы не помните, как был одет Литвинов?

Богораз: Кажется, белая рубашка и серые брюки.

Адвокат Монахов: Скажите, вы сидели на проезжей части или на тротуаре?

Богораз: На тротуаре. Вплотную к стенке Лобного места.

Монахов: Могли вы мешать проезду машин?

Богораз: Нет, не могли. Да там и машин не было.

Судья: А толпа, собравшаяся около вас, была тоже на тротуаре или на проезжей части?

Богораз: Я не считаю, что там есть проезжая часть, но собравшиеся люди были не на тротуаре.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ЛИТВИНОВА ПАВЛА МИХАЙЛОВИЧА

Литвинов: Вкратце я остановлюсь на мотивах моего поступка.

21 августа советские войска перешли границы Чехословакии. Я считаю эти действия советского правительства грубым нарушением норм международного права и нарушением статьи конституции о праве наций на самоопределение. Как советский гражданин я считал необходимым протестовать — так или иначе. Демонстрация — это законная форма выражения протеста. Поэтому 25 августа я пришел на Лобное место и поднял плакат. Сразу, как только мы сели, к нам бросилась группа людей. Они бежали быстро, с разных сторон. Подбежав, они вырвали плакаты. Первыми ко мне подбежали мужчина с портфелем и женщина с сумкой. Мужчина на портфелем нанес мне несколько ударов, в том числе по

голове. Возможно, удары наносила и женщина. Раздался треск, и, оглянувшись, слева от себя я увидел окровавленное лицо Файнберга — у него были выбиты зубы. На нас бросились сначала 5 или 6 человек, потом их стало больше. Женщина с сумкой кричала все время в сторону, явно собирая толпу. Эти люди кричали: «Хулиганы, тунеядцы, антисоветчики!» Остальная толпа недоумевала. Некоторые граждане задавали вопросы. Практически они не могли понять, в чем дело: они не успели увидеть содержание плакатов.

Люди задавали вопросы, зачем мы здесь, мы спокойно отвечали, объясняя причину демонстрации. Кричали и шумели только те граждане, которые напали на нас. После этого нас стали затаскивать и впихивать в машины эти же граждане. Сопротивления мы не оказывали, хотя они не имели никаких знаков отличия и ничем не могли доказать свое право арестовывать нас. Мы не видели никого в форме, никто не предъявлял нам документов. Меня впихнули в машину, где было человек шесть. Мы провели целый день в 50-м отделении милиции, где мы сразу потребовали произвести судебно-медицинскую экспертизу по поводу выбитых зубов Файнберга.

Судья: Вы держали в руках плакат. Откуда он появился?

Литвинов: Я не снимаю с себя ответственности ни за один плакат, бывший на площади, и не вижу причины отвечать на этот вопрос.

Судья: Вы пришли на площадь один?

Литвинов: Я отказываюсь отвечать.

Судья: Была ли договоренность с другими подсудимыми о времени и месте встречи?

Литвинов: Не было.

Судья: В материалах дела отмечено, что вы нигде не работаете. На какие же средства вы живете? Ведь у вас есть ребенок, которому вы должны помогать.

Литвинов: Я был уволен в начале этого года формально за прогул, но фактически не за это, так как никаких замечаний по работе у меня не было. Однако меня уволили. Существовал я на переводы и частные уроки. Имена лиц, которым я давал частные уроки, я называть не собираюсь. Я все время пытался устроиться на работу. Подавал на конкурс в два вуза. Обратился в комиссию по трудоустройству в горисполком. Там мне предложили работу, но меня на эту работу не взяли, так как она не соответствовала моей специальности.

Затем начал оформляться в Институт горного дела, но оформление затянулось. В августе я устраивался на завод. Разные люди пытались мне помочь, но безуспешно. Я старался зарабатывать уроками и переводами и давал деньги на воспитание сына, но меньше, чем обычно.

Судья: Накануне 25-го вы звонили кому-нибудь из знакомых?

Литвинов: Да, я звонил своей знакомой Инне Корховой 24-го и назначил ей свидание у метро «Проспект Маркса» в половине двенадцатого без объяснения причин. Встретившись, мы пошли в сторону Красной площади, я ей тоже ничего не объяснил. Сказал только: «Останься на тротуаре и смотри на все, что будет». После этого я увидел ее только в милиции.

Народный заседатель: Почему вы выбрали именно Лобное место?

Литвинов: Основные мотивы: отсутствие движения транспорта; и Красная площадь — это подходящее место для предания гласности обращения к правительству.

Народный заседатель: Кто выбрал место и время?

Литвинов: Я отказываюсь отвечать.

Судья: Как давно вы знаете остальных подсудимых и в каких отношениях с ними состоите?

Литвинов: Богораз — около двух лет, мы друзья. Бабицкого — полгода-год, знаю мало, но отношения у нас хорошие. Дремлюгу — 4–5 месяцев, виделись не часто, отношения хорошие. Делоне знаю лет 15, последнее время видел его редко, близких отношений между нами не было.

Прокурор: Когда в последний раз перед 25 августа вы виделись с каждым из подсудимых?

Литвинов: Не помню и отказываюсь говорить о других. Когда мы виделись в последний раз, не имеет отношения к делу.

Прокурор: В каком месте вы встретились с Богораз?

Литвинов: Недалеко от Лобного места.

Прокурор: Была ли между вами предварительная договоренность?

Литвинов: Не было.

Прокурор: Значит, это случайное совпадение?

Литвинов: Думаю, что это не случайное совпадение.

Прокурор: Как же вы так говорите?! Вот вы физик, должны рассуждать логично. Если это не случайность, значит, была договоренность.

Литвинов: Нет, это не противоречит логике. Я могу вам предложить несколько вариантов иных возможностей. Напри-

мер — я не утверждаю, что так было, но возможен следующий вариант: некое третье лицо сообщило и мне, и Богораз о том, что 25-го готовится демонстрация. Мы могли там встретиться без всякой предварительной договоренности, но в то же время не случайно.

Прокурор: Если бы вы были один, вы бы все равно пошли?

Литвинов: Безусловно.

Прокурор: Чем вы объясните, что вы оказались 25-го именно в 12 часов на Красной площади?

Литвинов: По-моему, это не имеет отношения к существу дела.

Прокурор: Вы должны быть заинтересованы в выяснении всех обстоятельств, связанных с этим делом, а вы все время отказываетесь отвечать.

Литвинов: Я не вижу ничего предосудительного ни в моих действиях, ни в действиях других подсудимых.

Прокурор: Если вы не видите состава преступления, то тем более непонятно, почему вы не хотите говорить о них.

Литвинов: Потому что обвинение считает их преступными, я не хочу ему помогать.

Прокурор: Но я спрашиваю о ваших поступках.

Литвинов: Я отказываюсь говорить о себе то, что может служить отягчающим обстоятельством для других.

Прокурор: Какой вы держали лозунг?

Литвинов: Содержание лозунга: «За вашу и нашу свободу», но я не снимаю с себя ответственности ни за один лозунг.

Прокурор: Каков внешний вид плаката?

Литвинов: Кусок полотна с палочками, длиной 20–25 см.

Прокурор: Как вы были одеты?

Литвинов: В белой рубашке и серых брюках.

Прокурор: Могли ли вы спрятать плакат в одежде?

Литвинов: Отказываюсь отвечать.

Прокурор: Почему вы отказываетесь отвечать? Ведь это имеет прямое отношение к фактическим обстоятельствам дела.

Литвинов: На мой взгляд, фактические обстоятельства заключаются в том, что мы сели на тротуар и подняли плакаты.

Прокурор: Как давно вы знакомы с Корховой и когда вы встречались с ней в последний раз?

Литвинов: Мы знакомы примерно два года. Встречались то часто, то редко. Перед 25 августа — приблизительно за неделю.

Прокурор: Причина вашего звонка Корховой?

Литвинов: Я хотел, чтобы на площади был человек, ничего не знающий: я был уверен, что будет провокация, и хотел, что-

бы на площади присутствовал человек, который мог бы объективно осветить происходящие события.

Прокурор: Какие у вас отношения с Русаковской?

Литвинов: Фактический брак в течение нескольких месяцев.

Прокурор: Известно ли вам, что Русаковская была на площади?

Как и когда она узнала о готовящемся событии? Ставили ли вы ее в известность?

Литвинов: В известность не ставил, но в остальном отказываюсь отвечать, так как Русаковскую отклонили как свидетеля.

Прокурор: Представляли ли вы себе, что ваше появление около автомобильной трассы может повлечь за собой нарушение движения?

Литвинов: Не представлял, так как знал, что там нет автомобильного движения.

Прокурор: А знали ли вы, что то, что вы собирались сделать, представляет собой нарушение закона?

Литвинов: Я знаком с Конституцией и законом. Я считаю, что статья 190³ не отменяет гарантированную статьей 125 Конституции свободу демонстраций. Я не собирался нарушать закон и считаю, что я его не нарушил.

Прокурор: Вы так хорошо знаете статьи Конституции о своих правах, а знаете ли вы 130 статью Конституции?

Литвинов: Я не знаю по номеру, но содержание, наверно, знаю.

Прокурор: Статья 130 обязывает каждого гражданина соблюдать законы.

Литвинов: Я хотел соблюдать закон и считаю, что соблюдал его.

Прокурор: Знаете ли вы 112 статью Конституции?

Адвокат Каминская: Возражаю против вопроса прокурора. Мы рассматриваем конкретное предъявленное обвинение, и нет никаких оснований устраивать здесь экзамен по знанию Конституции.

Судья: Ваш следующий вопрос, товарищ прокурор.

Прокурор: Чем вы объясняете, что вы нарушили свою основную конституционную обязанность трудиться?

Литвинов: Я не повинен в этом. Виновны те, кто незаконно уволил меня и кто не принимал меня на работу.

Прокурор: Если вы считали свое увольнение неправильным, обращались ли вы с жалобой в надлежащие инстанции?

Литвинов: Я обращался в городской совет профсоюзов, и мне сказали, что дело судом принято не будет.

Прокурор: На какие средства вы жили?

Судья: Товарищ прокурор, суд уже уточнял этот вопрос.

Прокурор: Оказывали ли вы материальную помощь своему ребенку?

Литвинов: Когда я работал, я давал 30–40 руб. в месяц в соответствии с заработком. В последнее время, когда я не работал, — немного меньше.

Адвокат Каминская: Какую должность вы занимали в институте?

Литвинов: Ассистент.

Каминская: Это конкурсная должность?

Литвинов: Да. Увольнение с конкурсной должности не разбирается судом.

Каминская: Считаете ли вы, что уклонялись от своих конституционных обязанностей?

Литвинов: Ни в коем случае. Я старался найти работу.

Каминская: Почему вы говорите, что были формально уволены за прогул?

Литвинов: Потому что у нас это было обычным делом, что преподаватели подменяли друг друга во время лабораторных работ. Я пропустил два дня, предварительно договорившись. Мне было сделано замечание в учебной части, что я не поставил учебную часть в известность об этом. Однако после этого меня — как лучшего преподавателя — направили в командировку для обмена опытом. После возвращения меня уволили за пропущенные два дня.

Каминская: Выкрикивали ли вы лозунги аналогичного с плакатами содержания?

Литвинов: Я ничего не выкрикивал и не слышал, чтобы кто-нибудь что-нибудь выкрикивал.

Каминская: Считаете ли вы тексты лозунгов ложными или клеветническими?

Литвинов: Я не считаю их ложными и не считаю, что они носили клеветнический характер.

Каминская: Видели ли вы хотя бы одну машину, выходящую из Спасских ворот?

Литвинов: Нет, не видел.

Каминская: Оказывали ли вы сопротивление лицам, которые вас задерживали?

Литвинов: Не оказывал.

Каминская: Чем вы отвечали на удары, которые вам были нанесены?

Литвинов: Ничем. Я продолжал сидеть, так же как и мои товарищи.

Каминская: Видели ли вы, чтобы кто-нибудь оказывал сопротивление?

Литвинов: Нет, никто сопротивления не оказывал.

Каминская: Вы могли бы опознать людей, которые вас задерживали и били?

Литвинов: Кое-кого могу опознать.

Адвокат Калистратова: Вы сказали, что держали лозунг. Вы один держали его или с кем-нибудь?

Литвинов: Мы держали вдвоем. Вторым был Делоне или Файнберг.

Адвокат Монахов: С того момента, как вы развернули плакаты, вы оставались на тротуаре? Или сошли на проезжую часть?

Литвинов: Я не сходил с тротуара и вообще не знал, что там есть проезжая часть.

Народный заседатель: Вы сказали о том, что будет провокация.

Литвинов: Да, я был в этом убежден.

Народный заседатель: Почему вы не заявили в органы охраны общественного порядка, чтобы вас оградили от провокации? (Смех в зале.)

Судья: Прошу прекратить смех. Здесь не происходит ничего смешного.

Литвинов: Так как провокация должна была быть связана с моими действиями, то о чем же я должен был заявлять, кого предупреждать?

Адвокат Каминская: Предполагали ли вы, идя на демонстрацию, что с вами поступят так, как поступили? И знали ли вы, что, поступая так, вы навлекаете на себя опасность привлечения к ответственности?

Судья: Товарищ адвокат, суд делает вам замечание. Вы подсказываете подсудимому ответы.

Каминская: Чем вы объясняете, что вы пошли на площадь, зная, что вам предстоят серьезные неприятности?

Литвинов: Я был глубоко убежден в правоте своих действий и как советский гражданин был обязан протестовать против грубой ошибки, совершенной правительством.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО БАБИЦКОГО КОНСТАНТИНА ИОСИФОВИЧА

Бабицкий: Полагая, что ввод советских войск в Чехословакию наносит прежде всего большой вред престижу Советского Союза, я считал нужным довести это свое убеждение до сведения правительства и граждан. Для этого в 12 часов 25 августа я явился на Красную площадь, сел на тротуар около Лобного места и поднял плакат. Очень быстро, через полто-

ры-две минуты, около нас оказалось 5–6 человек в штатском, которые очень грубо и резко вырвали у нас плакаты. Никто из нас не оказал сопротивления. При этом люди в штатском выкрикивали грубые оскорбления. Один из них выкрикивал: «У, сука, антисоветчик».

Судья: Я прошу вас, Бабицкий, не повторять в зале суда эти выражения. Вы с высшим образованием, работаете в Институте русского языка. Хотя они цензурные, но в зале суда их не следует употреблять. Достаточно сказать, что это были грубые выражения.

Бабицкий: Хорошо. Тот человек, который вырвал плакат у меня и Файнберга, два раза ударил его по лицу, по зубам, в результате чего зубы были выбиты и пошла кровь. После этого сбежался народ. Мы сидели минуты три, окруженные довольно большой толпой — человек пятьдесят. Во время этого происходил обмен мнениями между сидевшими и стоявшими. Слышались оскорбительные выкрики лиц, отнимавших плакаты. Одной женщине, которая возмутилась текстами плакатов, я сказал: «Друзья, это великая ошибка, мы теряем своих лучших друзей, чехов и словаков». Больше как будто ничего не говорил. Все было без крика, в этом не было необходимости. В толпе было в большей степени недоумение: «Что произошло?» После этого те люди стали поднимать нас и уводить, говорили бранные слова, толкали в бок и в спину. Доведя до машины, два человека впихнули меня туда.

Судья: Вы не отрицаете, что вы были на Красной площади и держали плакат? Какой плакат вы держали?

Бабицкий: Я называл его уже на предварительном следствии: «At' žije svobodné a nezávislé Československo!»

Судья: Откуда у вас в руках появился этот плакат?

Бабицкий: Я предпочитаю не отвечать на этот вопрос. Я полагаю, что задача обвинения — доказать, что был факт преступления, а задача суда — дать оценку этому факту, иначе может быть совершена судебная ошибка.

Судья: Показания подсудимого в совокупности со всеми другими доказательствами помогут суду сделать оценку. Если вы не желаете отвечать, вы можете не отвечать. Вы принесли его с собой?

Бабицкий: Это такой же вопрос.

Судья: Кто изготовил этот плакат?

Бабицкий: Я отказываюсь отвечать.

Судья: Дома вы изготавливали какой-либо лозунг?

Бабицкий: Да, но он не фигурировал на Красной площади.

Судья: Какого содержания лозунг вы изготовили дома?

Бабицкий: Текст известен, поэтому мне ничего не остается, как ответить: «Долой интервенцию из ЧССР!»

Судья: Вы изготовили его с помощью оргалитовой доски, которую у вас нашли при обыске?

Бабицкий: Да.

Судья: Вы договаривались с кем-нибудь из подсудимых?

Бабицкий: Нет, я пришел на Красную площадь по собственному почину. Договоренности не было.

Народный заседатель: Как вы оцениваете, что ваше собрание так быстро, так оперативно разогнали?

Бабицкий: Нас, очевидно, ждали.

Народный заседатель: А с кем вы договаривались идти на Красную площадь?

Бабицкий: Я отказываюсь отвечать.

Прокурор: Когда вы изготовили тот лозунг, который остался у вас дома?

Бабицкий: Отказываюсь отвечать.

Прокурор: Для чего вы его изготовили?

Бабицкий: Чтобы принести на площадь. У меня возникло минутное колебание, и я этот плакат с собой не взял.

Прокурор: Где он?

Бабицкий: Я полагаю, уничтожен. Большого я говорить не желаю.

Прокурор: Был ли у вас с собой лозунг, когда вы пришли на Красную площадь?

Бабицкий: Отказываюсь отвечать.

Прокурор: Почему?

Бабицкий: Потому что этот вопрос не относится к сути дела. Была демонстрация, и был разгон демонстрации, а все остальное не имеет значения.

Прокурор: В какое время и в каком месте вы встретились с Богораз и Литвиновым?

Бабицкий: У Лобного места, времени точно не помню.

Прокурор: Знали ли вы заранее, что на Красной площади будут Богораз и Литвинов?

Бабицкий: Я отказываюсь отвечать. Я уже один раз мотивировал, почему, — считаю, что это не имеет отношения к существу дела.

Судья: Вам предъявлено обвинение в предварительном сговоре, и это вопросы по существу предъявленного обвинения, а не

праздное любопытство. Поэтому вы обязаны отвечать на эти вопросы.

Прокурор: Кто-нибудь из других лиц, кроме подсудимых, знал, что вы собираетесь идти на Красную площадь?

Бабицкий: Отказываюсь отвечать.

Прокурор: Понимали ли вы, что вы своими действиями собираетесь нарушить общественный порядок?

Бабицкий: Я не только не предполагал нарушить общественный порядок, но принял все меры, чтобы он не был нарушен.

Прокурор: Какое у вас образование?

Бабицкий: В 1953 году я окончил институт инженеров связи, в 1960 году закончил филологический факультет МГУ.

Адвокат Поздеев: В чем вы были одеты?

Бабицкий: Как сейчас, за исключением пиджака.

Судья: «Как сейчас» в протокол не запишешь. Скажите точнее.

Бабицкий: Белая рубашка, серые брюки.

Поздеев: За время вашей научной деятельности были ли у вас опубликованы научные работы и сколько?

Бабицкий: Двенадцать вышли, три находятся в печати.

Поздеев: Вы видели тексты лозунгов? Знаете их текст?

Бабицкий: Не могу сказать, что видел их все, они стали мне известны из материалов следствия.

Поздеев: Переведите текст своего лозунга.

Бабицкий: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия».

Поздеев: Вы искренне были убеждены в своей правоте? Или у вас были другие цели?

Бабицкий: Я не побоюсь сказать, что цели были... (поколебавшись) высокие. Разве пойдешь в тюрьму из-за того, в чем искренне не убежден?

Поздеев: Считаете ли вы, что лозунги содержали лживые измышления и клевету на наш общественный строй?

Бабицкий: никоим образом. Я решительно отрицаю, что содержание лозунгов порочит общественный и государственный строй. Ни один лозунг не содержит ни клеветы, ни измышлений. Ни один человек в СССР не стал бы спорить с требованием свободы и независимости Чехословакии. Против текста этого лозунга, я думаю, не станет возражать ни один здравомыслящий человек. Об остальных лозунгах могу сказать то же самое.

Поздеев: Кто вас сажал в машину: лица в гражданском или работники милиции?

Бабицкий: К машине меня подвели лица в гражданском, внутри был милиционер, он открыл дверцы.

Поздеев: Пытались ли вы оказать сопротивление?

Бабицкий: Нет, никакого сопротивления я не оказывал: ни милиции, ни гражданским лицам, совершавшим хулиганские действия, — даже тому мерзавцу, который выбил зубы Файнбергу.

Судья: Подсудимый, я вас предупреждала.

Бабицкий: Извините.

Поздеев: Кроме фразы о «тяжелой ошибке», вы ничего не говорили?

Бабицкий: Не помню других фраз. Кажется, я больше ничего не говорил.

Поздеев: Слышали ли вы выкрики?

Бабицкий: Никаких выкриков я не слышал, а содержание разговора других трудно было услышать.

Адвокат Монахов: Сходили ли вы с тротуара на проезжую часть до момента задержания?

Бабицкий: Я не поднимался. Даже при задержании я не сам поднялся, а меня подняли.

Монахов: Почему вы продолжали сидеть на тротуаре?

Бабицкий: Я не поднялся, и никто не поднялся. Мы сидели, чтобы ни малейшим движением не нарушить порядка.

Адвокат Каминская: За то время, что вы сидели, проезжала ли хоть одна машина?

Бабицкий: Я никогда не видел, чтобы там проезжали машины, потому и выбрал это место.

Каминская: Оказывал ли сопротивление хоть кто-нибудь из ваших товарищей?

Бабицкий: Никто не оказывал никакого сопротивления, даже Файнберг.

Судья: Суду уже совершенно ясно, что никто из подсудимых сопротивления не оказывал.

Адвокат Калистратова: Узнаете ли вы кого-нибудь из тех, кто вас задерживал и отнимал плакаты?

Бабицкий: Я наверняка узнаю в лицо человека, ударившего Файнберга и вырвавшего плакат у меня, и еще одного, ругавшегося.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ДЕЛОНЕ ВАДИМА НИКОЛАЕВИЧА

Делоне: Прежде всего хочу сказать, что я не признаю себя виновным. Обвинение должно быть объективным и базироваться на фактах. Я считаю предъявленное мне обвинение несо-

стоятельным, юридически безграмотным и недоказанным. На предварительном следствии я заявил, что я, будучи не согласен с действиями правительства, участвовал в выражении протеста против ввода войск в Чехословакию и держал один из плакатов. Все остальное в обвинительном заключении не соответствует действительности.

Во-первых, я протестовал не против братской помощи, а против ввода войск в Чехословакию. В обвинительном заключении сказано, что для предания своих преступных замыслов огласке я вступил в преступный сговор. Ни в какой преступный сговор я не вступал, да и не было преступного сговора, так как нет состава преступления. О возможности демонстрации или митинга я узнал только 25-го, и никакими материалами дела это не опровергнуто. У следствия есть точные данные, что 24-го я вообще не был в Москве.

Действительно, я участвовал в протесте и развернул один из плакатов. Я не считаю, что тексты плакатов содержат заведомо ложные измышления, порочащие действия советского правительства. Мы в текстах плакатов не сообщали никаких фактов, а лишь наше отношение к ним, следовательно, ложными, тем более заведомо ложными, они быть не могут и никого не могут дезинформировать.

Мне предъявлено обвинение в нарушении общественного порядка. Но оно явно несостоятельно.

Да, я действительно явился на Красную площадь в 12 часов, однако никакого нарушения общественного порядка ни со стороны моих друзей, ни с моей стороны не было. Никаких лозунгов я не выкрикивал, и нет об этом ничего в показаниях свидетелей. Я не мог нарушить движение транспорта, так как ни одна машина от Спасской башни в сторону ГУМа не проходила. Мне вообще не было известно, что эта часть Красной площади проезжая. Наоборот, на площади часто собирается много народу, часто ходят и толпами, экскурсоводы подводят большие группы людей к Лобному месту, по долгу останавливаются там. Возможно, мы и могли бы нарушить движение транспорта, если бы находились на проезжей части, но я сидел на бортике тротуара и оставался на этом месте вплоть до момента, когда меня потащили в машину.

В обвинительном заключении говорится про возмущение ряда граждан, а в чем оно выражено? В явно хулиганских и заведомо провокационных действиях нескольких лиц.

Текст лозунгов, конечно, был необычным и должен был привлечь к себе внимание, но дело личной совести граждан реагировать на них по мере своей воли и выдержки. Они должны были действовать в рамках порядка, даже если бы им не нравился текст лозунгов. Правда, я действительно развернул лозунг. Но ведь всем вам известны примеры, когда на Красной площади появляются толпы людей с различными лозунгами. (*Оживление в зале.*)

Судья: Подсудимый Делоне, суд вынужден прервать вас. Вы должны давать объяснения по существу дела, а вы уже даете анализ. Вам будет потом предоставлена эта возможность.

Делоне: Я хочу объяснить мотивы своих действий. 21 августа я узнал о вводе войск в Чехословакию и был возмущен этой акцией правительства. Она противоречит праву нации на самоопределение и всем нормам международного права. И мне казалось, что если я не выражу своего протеста, то тем самым я своим молчанием поддержу это действие. Поэтому я должен был выйти с протестом. Уже 21 августа я думал о формах протеста. Последний раз я видел всех подсудимых 21-го, но никаких разговоров о демонстрации тогда не было. 25-го утром я вернулся с дачи и зашел к знакомому, где мне сказали, что 24-го был какой-то митинг на Красной площади и что, возможно, 25-го тоже будет. Я приехал на Красную площадь приблизительно без двадцати 12, до этого ни с кем не встречался. Около двенадцати я встретил своих знакомых: Богораз, Дремлюгу и Литвинова — у Лобного места. Кто-то сказал, что тоже собирается протестовать. Мне дали плакат, я не хочу говорить, кто. Убедившись, что текст полностью соответствует моим убеждениям, я его поднял. Сейчас я могу сказать, какой был текст плаката: «За вашу и нашу свободу!» Как только мы подняли плакаты, к нам бросились несколько человек: трое мужчин, а затем еще двое. Они бежали со стороны ГУМа со всех ног, было видно, что они стояли наготове, по-видимому, специально подготовленные к тому, чтобы спровоцировать сопротивление. Они вырывали лозунги. Человек, который вырвал у меня лозунг, выразился в мой адрес нецензурно и два раза ударил меня портфелем. Литвинова тоже били. У Файнберга все лицо было разбито. Я не пошевелился и не встал. Начала собираться толпа. Обращаясь к толпе, эти люди в штатском выкрикивали: «Хулиганы, антисоветчики!», тем самым провоцируя ее. Представителей власти я не видел. Никто из нас

не пытался бежать. Кто-то из тех, кто первыми бросились на нас, приказал доставить машину. Подъехали машины. Мы не собирались бежать и продолжали сидеть.

Нас стали хватать чрезвычайно грубо. Мне заломили руку за спину с явным намерением причинить боль. Меня бросили в машину. Именно бросили — так, что я ударился лицом в сиденье. Потом туда же бросили Литвинова. Мне показалось, что его ударили, по крайней мере очень сильно толкнули. Я не могу утверждать, но предполагаю, что это были сотрудники КГБ. В отделении милиции эти люди в штатском показали книжечки — по-моему, удостоверения госбезопасности. Один из них в приказном тоне заявил милиционерам: «Никого не выпускать».

Прокурор: Уточните, с какой целью вы поехали на Красную площадь?

Делоне: Я поехал узнать, будет что-нибудь или нет. По дороге я решил, что если будет демонстрация по поводу Чехословакии, то я приму в ней участие и буду вести себя предельно сдержанно.

Прокурор: Как фамилия знакомого, который сообщил вам о том, что готовится демонстрация?

Делоне: Я отказываюсь называть фамилию знакомого.

Прокурор: Если вы не знали, что будет, то как вы собирались выразить свой протест?

Делоне: Я надеялся держать один из лозунгов, так оно и произошло.

Прокурор: Значит, вы знали, что будут плакаты?

Делоне: Я не знал, но предполагал. Мне сказали, что, возможно, будет митинг или демонстрация. Демонстрация предполагает плакаты. Я решил, что, если будет демонстрация, я так или иначе должен высказать свой протест.

Прокурор: Кто вам дал лозунг?

Делоне: Отказываюсь отвечать.

Судья: А как объяснить, что вы с Литвиновым держали один и тот же лозунг «За вашу и нашу свободу!»?

Делоне: Я держал этот лозунг с одной стороны, а Литвинов — с другой.

Судья: Кто дал вам этот лозунг?

Делоне: Пожалуй что я даже не помню.

Прокурор: Как был сделан этот лозунг? Специально подготовлен для показа?

Делоне: Да, это был холст на планках.

Прокурор: Какой размер плаката?

Делоне: 30–40 см.

Прокурор: В ваших показаниях на суде есть противоречия с показаниями на предварительном следствии. Почему?

Делоне: Какие противоречия?

Прокурор: Сначала ответьте, почему, а потом я скажу, какие.
(Смех по всему залу.)

Прокурор читает показания от 28 августа, где Делоне показывает, что выкрикивал лозунги.

Делоне: Я действительно один раз выкрикнул, а вернее, громко сказал: «Свободу Чехословакии!» Но это было не на Красной площади — я сказал это, когда машина, которая меня везла, отошла на некоторое расстояние от Лобного места.

Прокурор: К кому же был обращен лозунг?

Делоне: Это была эмоциональная реакция на применение ко мне силы.

Прокурор: А кто ехал с вами в машине?

Делоне: Двое в штатском.

Прокурор: А из ваших знакомых?

Делоне: Литвинов и Дремлюга.

Прокурор: Так к кому вы обращались — к Литвинову или к Дремлюге?

Делоне: Не было смысла обращаться к Литвинову и Дремлюге. Я обращался к везущим нас.

Прокурор: В протоколе вашего допроса сказано, что вы кричали несколько раз.

Делоне: Я сказал: «Возможно, я кричал несколько раз», так как я не хотел давать неверных показаний. А теперь утверждаю, что один.

Прокурор: Были ли граждане поблизости, когда вы выкрикивали лозунги?

Делоне: Нет, граждан поблизости не было.

Прокурор: В протоколе вашего допроса от 28 августа есть ваши показания, что вы выкрикивали эти лозунги еще у Лобного места.

Делоне: У меня как раз была поправка к протоколу.

Прокурор: Но не по этому вопросу.

Делоне: Нет, именно по этому вопросу.

Судья ищет в деле соответствующую поправку к протоколу.

Прокурор: Когда и за что вы привлекались к уголовной ответственности?

Делоне: 27 января 1967 года я был арестован за участие в демонстрации протеста.

Прокурор: Вас осудили не за демонстрацию, а за групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок. Значит, вы знали о противоправном характере подобных действий?

Делоне: Я не считал и не считаю, что действия, которые мы совершали на Красной площади, нарушают общественный порядок. И предыдущий приговор я считаю несправедливым, Буковского осудили неправильно.

Судья: Приговор вступил в законную силу, и обсуждать его вы не имеете права.

Прокурор: Вам разъяснили значение той меры условного наказания?

Делоне: Да, разъяснили приговор.

Прокурор: В каком высшем учебном заведении вы учились в последний раз?

Делоне: В Новосибирском университете, с января до июня 1968 года.

Прокурор: Почему вы его оставили?

Делоне: Было несколько причин: я поступил туда по настойчивому совету родных; языкознание как профессия меня не устраивало; кроме того, в мае 1968 года я был в Москве и узнал, что потерял московскую прописку. Потом была статья про меня в «Вечернем Новосибирске», мягко говоря, очень тенденциозная. После этого мне стало неудобно там оставаться.

Судья: Когда вас исключили?

Делоне: Я ушел в июне 1968 года. Я хотел бы еще добавить по тексту обвинительного заключения. Там сказано, что я не занимался общественно полезным трудом. Но ведь я задержался в Новосибирске, потому что у меня была там литературная работа. В Москве меня долго не прописывали, 7 августа я был прописан, а паспорт получил только 12-го. Поэтому я не мог устроиться на постоянную работу.

Адвокат Калистратова: С кем вы вели переговоры об устройстве на работу?

Делоне: В МГУ на геофаке, об устройстве в экспедицию в Норильск, так как для этого не требовалась постоянная московская прописка. Мне уже дали направление.

Калистратова: Вас не привлекала специальность, которую вам мог дать Новосибирский университет. А какая специальность вас привлекает?

Делоне: Я пишу стихи. Меня привлекает творческая работа. Я все время работал над стихами. В Новосибирске я писал статьи и участвовал в литературных конкурсах.

Калистратова: Была ли как-либо отмечена ваша литературная работа?

Делоне: Я получил вторую премию на конкурсе Новосибирского клуба «Под интегралом» и Советского райкома комсомола к 50-летию Октября.

Калистратова: Ваши стихи печатались где-нибудь?

Делоне: Нет, они лежат в разных редакциях и пока еще не печатались.

Адвокат Поздеев: Вы давно знаете Бабицкого?

Делоне: Нет, до 25 августа я с ним не встречался.

Адвокат Монахов: Вы подтверждаете показания других подсудимых, что никто из вас не сходил с тротуара?

Делоне: Да, я подтверждаю, что никто не сходил.

Монахов: Можете ли вы припомнить, не разбились ли там кому-нибудь очки?

Делоне: Нет, не помню.

Богораз: Хочу спросить подсудимого Делоне — знал ли он конкретно, что именно мы будем принимать участие в демонстрации?

Делоне: Нет, не знал.

Богораз: А когда вы пришли на площадь, вы поняли, что мы собираемся протестовать?

Делоне: Да, понял, увидев и услышав вас и других.

Богораз: А 21 августа вы догадывались о моих намерениях протестовать против ввода войск?

Делоне: Конкретного разговора не было, но, зная вас достаточно... (Смех в зале.)

Прокурор (обращаясь к Богораз): Вы говорите, что уже 21-го выражали свое отношение. Как же вы могли знать, ведь в печати было сообщено 22-го?

Богораз: Я хорошо помню: и по радио и в печати сообщалось 21-го о вводе войск в Чехословакию. Я этот день хорошо помню. В этот день мы все виделись на процессе моего друга Анатолия Марченко.

Прокурор: Сообщение было опубликовано 22 августа.

Богораз: Нет, 21-го.

Прокурор: Нет, 22-го.

Судья: Товарищ прокурор, суд выяснит и уточнит это обстоятельство.

ДОПРОС ПОДСУДИМОГО ДРЕМЛЮГИ
ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Дремлюга: К сожалению, мне приходится говорить последним.

Ничего нового я добавить не могу к тому, что здесь уже говорили. Мне придется останавливаться только на мотивах моих действий. Я решил принять участие в демонстрации уже давно, еще в начале августа. От своего знакомого, военнослужащего танковой части, я узнал, что его часть еще в мае перешла границу Чехословакии, вступила в город Кошице и была там больше месяца. Я решил тогда же, что, если в Чехословакию введут советские войска, буду протестовать.

Судья: Подсудимый, это все понятно. Вы заранее решили, а теперь расскажите, как вы осуществляли свое решение.

Дремлюга: 21 августа я узнал про ввод советских войск из газет. Не по радио, советское радио я не слушаю. Поэтому я пошел на площадь. По сговору или без сговора, это к делу не относится, этого не нужно для статьи 190. Я написал двусторонний лозунг, написал его сам. С одной стороны: «Свободу Дубчеку!», а с другой: «Долой оккупантов!»

Как все было, здесь уже рассказывали. Свидетель Долгов из воинской части 1164 ударил Литвинова два раза сумкой и ногой по ноге, ругался. Литвинов продолжал сидеть. Стоявший с Долговым рядом кричал Литвинову: «Давно я за тобой охочусь, жидовская морда»; и еще крикнул: «У, ...» Дальше следовало то слово на «с» из четырех букв, которое вы здесь не разрешаете произносить, и далее «антисоветчики!».

Судья: Подсудимый, я делаю вам замечание и прошу подбирать фразы, которые можно употреблять в зале суда.

Дремлюга: По дороге в отделение милиции я открыл окно машины и, пока нас везли, все время кричал: «Свободу Дубчеку!» Я повторил это раз пять–десять.

Прокурор: Кого вы знаете из подсудимых и как давно?

Дремлюга: Я знаю всех подсудимых, и всех недавно, порядка трех-четырёх месяцев. В Москве я поселился недавно, раньше жил в Ленинграде. Прописали меня только 27 марта, после четырехмесячной волокиты.

Прокурор: На каком основании вас прописали?

Дремлюга: Я женился, прописался у жены.

Прокурор: Итак, вы недавно знаете подсудимых. Какие у вас с ними отношения?

Дремлюга: Знаю три-четыре месяца. Со всеми прекрасные отношения.

Прокурор: Бывали ли вы у них дома?

Дремлюга: Да, иногда.

Прокурор: Когда вы в последний раз видели подсудимую Богораз до 25-го?

Дремлюга: 22-го, вернее, в ночь с 22-го на 23-е, ночевал у нее дома.

Прокурор: А когда видели Литвинова?

Дремлюга: 21 августа на суде над Анатолием Марченко.

Прокурор: А когда вы виделись с Бабицким?

Дремлюга: За месяц до этого.

Прокурор: А когда виделись с Делоне?

Дремлюга: 21 августа.

Прокурор: В тот день вы уже приняли решение или только обсуждали ваше предстоящее выступление?

Дремлюга: Нет, в этот день личная судьба Анатолия Марченко волновала меня больше всего. Умом я, конечно, понимал, что такая акция... я хотел сказать слово, но воздержусь — совершенная нашим правительством — это страшное преступление, гораздо более важное, чем осуждение одного человека, но эмоционально судьба Марченко в тот день волновала меня больше.

Судья: Подсудимый, придерживайтесь сути дела.

Прокурор: Вы очень эмоционально отвечаете, но не на заданные вам вопросы. Были ли у вас до 25-го разговоры с другими подсудимыми?

Дремлюга: Был обмен мнениями.

Прокурор: Включал ли этот обмен мнениями подготовку к вашему выступлению?

Дремлюга: Нет, не включал.

Прокурор: Где вы встретили подсудимую Богораз 25-го?

Дремлюга: У Лобного места.

Прокурор: Когда вы пришли туда, кто там был?

Дремлюга: Не стану перечислять. Вам все известны.

Прокурор: Когда точно вы пришли на Красную площадь?

Дремлюга: Без десяти, без семи двенадцать.

Прокурор: Чем вы объясните, что, придя на Красную площадь, вы подошли именно к этим людям?

Дремлюга: Потому что эти люди — мои знакомые. Не подойду же я к товарищам, которые мне не знакомы.

Прокурор: Когда вы сели у Лобного места?

Дремлюга: Сел ровно в 12 часов.

Прокурор: Вы сказали, что пришли без десяти, без семи двенадцать. Что вы делали эти семь-десять минут?

Дремлюга: Разговаривал с друзьями.

Прокурор: С кем именно?

Дремлюга: Со всеми.

Прокурор: Назовите фамилии.

Дремлюга: Вам что, всех подсудимых перечислить? Литвинов, Богораз, Файнберг, Горбаневская, Делоне, Бабицкий, Дремлюга. То есть Дремлюга — это я. *(Оживление в зале.)*

Прокурор: О чем вы говорили?

Дремлюга: О прекрасной погоде. *(Шум в зале.)*

Судья: Суд еще раз делает вам замечание. Нельзя таким тоном разговаривать. Прокурор спрашивает вас вежливо, по существу дела. Вы можете отказываться отвечать, но, отвечая, обязаны разговаривать вежливо.

Прокурор: Какого размера лозунг вы держали?

Дремлюга: 50 сантиметров на метр.

Прокурор: Как он выглядел?

Дремлюга: Только полотно, палочек не было.

Прокурор: Знали ли вы, что у других тоже были с собой лозунги?

Дремлюга: О других плакатах не знал.

Прокурор: Чем вы можете объяснить, что избрали именно Красную площадь для своих действий?

Дремлюга: Вам уже объяснили, что на Красной площади нет движения. Я до того несколько раз ходил туда, я даже хронометрировал, там одна машина раз в два часа проходит.

Прокурор: Значит, вы искали тихого места, почему же вы не пошли, например, в Александровский сад?

Дремлюга: Я плохо знаю Москву, я ведь приезжий. Кроме того, там, в саду, нет людей, и они бы еще больше распоясались — эти, как вы их называете, «лица».

Судья: Нужно говорить: граждане, у нас все граждане.

Дремлюга: Так вот эти граждане там еще больше бы распоясались.

Прокурор: Так, значит, единственный мотив — это отсутствие транспорта?

Дремлюга: Да.

Прокурор: К моменту совершения преступления вы работали?

Дремлюга: В последний месяц я не работал. До этого я работал поездным электриком.

Прокурор: Где вы учились?

Дремлюга: Учился в Ленинградском университете, меня исключили.

Прокурор: За что именно вас исключили?

Дремлюга: За незаконное присвоение звания советского чекиста. Долго было бы рассказывать. Это была шутка над одним бывшим сотрудником КГБ. Я жил с ним в одной квартире. В мое отсутствие по моей просьбе ему передали письмо, адресованное мне, с надписью: «Капитану службы КГБ Владимиру Дремлюге». Сосед, конечно...

Судья: Говорите коротко, с какой формулировкой вас выгнали.

Дремлюга: За недостойное поведение, порочащее звание советского студента.

Прокурор: Вы были членом ВЛКСМ?

Дремлюга: Да, с 1955 по 1958 год.

Прокурор: Почему выбыли?

Дремлюга: Исключили.

Прокурор: За что?

Дремлюга: За усы. (Смех в зале.)

Судья: Подсудимый, я вас уже предупреждала. Что это значит?

Дремлюга: Я говорю правду, так и было сказано: «за разрушение советской семьи, неуплату членских взносов и за усы».

Прокурор: За что вы привлекались ранее к суду?

Дремлюга: По 174-й статье, за перепродажу автомобильных покрышек.

Прокурор: В деле имеется ваша записка с именами 48 женщин в возрасте от 17 лет и выше. Это что же, всё ваши знакомые?

Дремлюга: Да, знакомые.

Прокурор: Этот список ваших знакомых касается вашей интимной жизни?

Дремлюга: Можно сказать: «Да».

Адвокат Монахов: Вы хотите сказать «в том числе и интимной жизни»?

Дремлюга: Да, в том числе.

Судья: Суд этим вопросом сейчас заниматься не будет.

Монахов: Считали ли вы 25 августа, что в вашем плакате содержатся заведомо ложные сведения?

Дремлюга: Я не усматриваю в текстах лозунгов заведомо ложных сведений. В частности, в лозунге «Свободу Дубчеку!» клеветы не было. Я знал, что Дубчек интернирован, это была правда.

Прокурор: Откуда вы взяли, что Дубчек интернирован?

Дремлюга: Я слушал израильское радио. Да и в наших газетах никаких сведений о Дубчеке не было. Писали только, что он ревизионист и предатель. Президент Свобода приехал в Москву...

Судья: Все ясно, можете не продолжать.

Дремлюга: Вы мне затыкаете рот, когда я хочу объяснить мотивы своих действий.

Монахов: Правильно ли я вас понял, что вы из наших газет сделали вывод, что Дубчек, видимо, интернирован?

Дремлюга: Да, правильно.

Адвокат Каминская: Оказывали ли вы или кто-нибудь рядом с вами сопротивление лицам, которые вас задерживали?

Дремлюга: Не оказывал сопротивления ни я, ни кто-либо другой.

Каминская: Предъявляли ли они вам какие-либо удостоверения?

Дремлюга: Никто никаких удостоверений не предъявлял.

Каминская: Были ли у них нарукавные повязки?

Дремлюга: Нет, ничего не было.

Каминская: Предлагал ли вам кто-либо из них покинуть Лобное место?

Дремлюга: Наоборот, они нас окружили, боясь, чтобы мы не покинули это место.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЕЙ

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ СТРЕБКОВА ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА

Стребков: Это было 25 августа с. г. Я нес службу на Красной площади, на патрульной машине. Около 12.00 получил команду в срочном порядке подъехать к Лобной части Красной площади. Когда подъехал, увидел очень много народу, толпу. Я не понял, что случилось. Открыл дверку, вышел из машины, только остановился, подходят трое граждан: двое по бокам, один в середине. Ведут его под руки. Дали указание доставить срочно гражданина в 50-е отделение милиции. В милиции передал гражданина дежурному на руки, доложил обстановку дежурному по городу и вернулся на Красную площадь.

Судья: Можете вы опознать среди подсудимых, кого именно вы доставили в отделение милиции?

Стребков: Пожалуй, нет. Кажется, в белой рубашке и очках. Кажется, он (*показывает на Бабицкого*).

Прокурор: Как вы сможете охарактеризовать движение в том месте?

Стребков: Не понял.

Прокурор (поясняет): Проезжали ли там машины?

Стребков: Нет, там движение запрещено, в это время был допуск в мавзолей.

Прокурор: А из Спасских ворот? Им надо было проезжать мимо Лобного места?

Стребков: Нет, машины идут напрямую из Кремля по ул. Куйбышева. Мимо Лобной части, но в стороне.

Прокурор: Как вел себя этот гражданин?

Стребков: Вел себя спокойно, ни слова.

Прокурор: А те лица, которые сажали его в машину?

Стребков: Не видел. Посадили и сказали доставить.

Прокурор: Подсудимый Бабицкий, этот свидетель доставил вас в отделение милиции?

Бабицкий: Я полагаю, что этим гражданином я был доставлен в милицию. *(Бабицкий к свидетелю вопросов не имеет.)*

Богораз: Кто отдал приказ подъехать к Лобному месту?

Стребков: Я получил команду от старшего по наряду.

Богораз: А доставить в отделение милиции?

Стребков: Эту команду мне дали неизвестные граждане.

Богораз: В деле есть два ваших рапорта. Там сказано, что в отделении милиции вы видели плакат в руках сотрудника КГБ. Расскажите об этом подробнее.

Стребков: Пока я звонил по телефону в соседней комнате, зашел гражданин. Потом оказался сотрудником КГБ. Он принес лозунг: «Руки прочь от Чехословакии!»

Адвокат Каминская: Видели ли вы машины, идущие из Спасских ворот?

Стребков: Каждую минуту шныряют туда и обратно правительственные машины.

Каминская: Но толпа была в стороне?

Стребков: Да.

Каминская: Значит, она не мешала движению?

Стребков: Нет, не мешала. Там постовой стоит.

Каминская: Сколько времени вы пробыли у Лобного места?

Стребков: Одну-две минуты, машина оперативная.

Каминская: Сколько машин за это время вышло из Спасских ворот?

Стребков: Не знаю, не обращал внимания.

Адвокат Калистратова: От кого вы узнали, что плакат принес именно сотрудник КГБ?

Стребков: Он назвал себя.

Калистратова: Что он сказал при этом?

Стребков: Что он при обыске отобрал плакат.

Калистратова: Вам дали команду отвезти их в 50-е отделение милиции. Какие граждане дали вам эту команду?

Стребков: Какие-то граждане.

Калистратова: И вы исполнили команду каких-то граждан?

Стребков: Да.

Судья (одновременно с ответом Стребкова): Ответ на этот вопрос уже получен.

Адвокат Поздеев: Оказывал ли задержанный гражданин сопротивление?

Стребков: Нет, не сопротивлялся.

Адвокат Монахов: С какой целью вы находились на Красной площади?

Стребков: Следил за порядком.

Монахов: Останавливались ли машины?

Стребков: Не обращал внимания.

Каминская: В ваших предварительных показаниях сказано, что вы взяли последнего. Уточните.

Стребков: Не знаю, оставался ли там кто-нибудь. Да, по-моему, я отвез последнего. Я думаю так, потому что других машин не было.

Бабицкий: Если завтра к вам подойдут двое, ведущие третьего, и прикажут отвезти его, вы исполните их приказание?

Судья: Вопрос предположительный и поэтому снимается.

Бабицкий: Граждан вы не знали?

Стребков: Нет.

Бабицкий: Что заставило вас выполнить приказание людей, которых вы не знаете?

Стребков: Я, как работник милиции, обязан задержать по требованию любого.

Дремлюга: Предъявляли ли они документы?

Стребков: Нет, не предъявляли.

Дремлюга: На каком расстоянии от Лобного места проходят машины?

Стребков: Не могу сказать.

Дремлюга: Вы сказали, что ОРУД перекрыл движение на Красной площади в связи с очередью в мавзолей. С какой стороны была толпа?

Стребков: Со стороны собора.

Дремлюга: С какой стороны от Лобного места проходят машины?

Стребков: Не могу сказать.

Прокурор (Дремлюге): С какой стороны Лобного места вы сидели?

Дремлюга: Лицом к Историческому музею.

Судья спрашивает поименно мнение участников суда, разрешить ли Стребкову не присутствовать далее на судебном следствии в связи с тем, что ему надо идти на похороны. Прокурор не возражает против того, чтобы отпустить Стребкова.

Адвокаты и подсудимые не возражают, но просят суд обязать Стребкова вернуться на судебное следствие после похорон: «Стребков должен быть при допросе других свидетелей, так как есть расхождения его показаний с показаниями других свидетелей на предварительном следствии».

Суд, совещаясь на месте, определяет: Стребкова с судебного следствия отпустить.

ДОПОЛНЕНИЕ БОГОРАЗ

После того как выступили остальные подсудимые, я считаю возможным сообщить, какой именно плакат я держала, так как это все равно явствует методом исключения: «Руки прочь от ЧССР!» Плакат был выполнен черной краской на белом полотне. Я еще раз подтверждаю, что несу ответственность за все плакаты.

В дополнение к показаниям Дремлюги: я вспомнила, что тоже слышала слова, обращенные к Литвинову: «Наконец-то ты мне попался, жидовская морда».

В ответ на слова прокурора о сговоре, к вопросу о случайности или договоренности: как указал Литвинов, есть еще и третья возможность — информация от каких-то третьих лиц.

Судья: Прошу вас уточнить этот момент.

Богораз: Я ни от кого не скрывала своих намерений, хотя и не утверждаю, что говорила о них именно подсудимым. Уточняю: я избрала именно эту форму протеста, так как я и по-другому протестовала, например, подала заявление на работе, но не получила ответа. А такая форма протеста, как демонстрация, также является законной и гарантируется конституцией.

Прокурор (Дремлюге): Говорили ли вы на предварительном следствии об этой фразе, обращенной к Литвинову?

Дремлюга (гордо): На предварительном следствии я вообще никаких показаний не давал.

Литвинов (дополняет): Я сейчас тоже вспомнил эту фразу и вспомнил, кем и когда она была сказана. Ее произнес человек, сидевший за рулем машины, когда нас везли в милицию, и ее могли слышать Дремлюга, Богораз и другие.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЯСТРЕБА ЕВГЕНИИ НИКОЛАЕВНЫ

Ястреба: 25 августа этого года без десяти двенадцать я пришла к Лобному месту для встречи со знакомыми девушками.

Я увидела, как мимо меня прошла женщина с коляской. В этот момент с противоположной стороны к ней подошли женщина (Богораз) и трое мужчин — Литвинов, Делоне и, кажется, Файнберг. Несколько минут поговорили. Женщина с ребенком села у Лобного места, за ней все остальные. Тут же подняли вверх руки: в руках они держали плакаты. Женщина с ребенком подняла флажок — она сказала, что это чешский национальный флаг. Я постаралась прочесть лозунги, но не смогла. Прочла только лозунг: «За вашу и нашу свободу!» — его держал Литвинов. В это время подбежали трое мужчин, вырвали лозунги, один сломал древко флажка. Собралась большая толпа. Реплики: «Нехорошо так вести себя», требовали милиции. Потом подогнали машину. Туда посадили людей больше, чем я видела раньше (пятых). Файнберг крикнул: «Долой агрессию!» Литвинов и Делоне шли спокойно.

Прокурор: В ходе предварительного следствия вы кого-нибудь опознали?

Ястреба: Да, я опознала Файнберга, Литвинова, Делоне и Богораз. Дремлюгу и Бабицкого не узнала.

Прокурор: Как отнеслись собравшиеся граждане к происходящему?

Ястреба: Очень возмутились. Кто-то сказал: «Мой отец за Чехословакию погиб, а вы тут такое вытворяете», «Пригрелись, едите наш хлеб».

Прокурор: Как отвечали сидевшие?

Ястреба: Отвечали тихо, я не слышала, кажется, что-то о конституции. Из толпы ответили: «Конституцию знаете, а такое устраиваете».

Прокурор: Чем вы занимаетесь? Работаете, учитесь?

Ястреба: Я студентка 5-го курса Челябинского политехнического института.

Прокурор: Вы член ВЛКСМ?

Ястреба: Да, я комсомолка.

Богораз: Допустили ли грубые нарушения люди из толпы?

Ястреба: Допускали. Один мужчина ударил два раза Делоне портфелем по голове и по плечу, только поцарапал.

Богораз: Били ли Файнберга?

Ястреба: Я не видела, но слышала, кто-то в толпе сказал, что его ударили. Ему ответили, также из толпы: «Он сам себя кулаком ударил».

Богораз: Проезжали ли машины из Спасских ворот, наблюдали ли вы заторы?

Ястреба: Я не следила за машинами. Они ехали в сторону Спасских ворот, но заторов не было.

Богораз: Принимали ли вы участие в нашем задержании?

Ястреба: Сама не задерживала.

Адвокат Калистратова: Кто ударил Делоне?

Ястреба: Мужчина подбежал, сгоряча ударил Делоне, следующий бежавший крикнул: «Прекратите бить». После этого первый опять ударил.

Калистратова: Ударил тот, кто вырвал лозунг?

Ястреба: Да.

Калистратова: Когда задерживали Делоне и вели его, он сопротивлялся?

Ястреба: Я не видела, чтобы он сопротивлялся, но между мной и ими стояла колонна людей в одну шеренгу.

Калистратова: Что делали подсудимые, когда их били и вырывали у них плакаты, и после этого?

Ястреба: Сидели спокойно и не пытались сопротивляться, может, что и говорили, я не слышала. Только женщина с ребенком сказала: «Что вы делаете! Не трогайте, это же национальный чешский флаг».

Адвокат Монахов: Как Делоне реагировал на то, что его два раза ударили?

Ястреба: Делоне даже не поднимался и никаких действий не производил. В ответ на то, что его били, никакой физической силы не применял.

Богораз: Уточните, где вы сидели.

Ястреба: Там есть тротуарчик, вы сидели на нем лицом к Историческому музею.

Литвинов: В каких наших действиях вы заметили нарушение общественного порядка?

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Литвинов: Как вы показали, женщина с ребенком шла одна, а потом подошли мы. Где это произошло?

Ястреба: Встретились в нескольких метрах от меня.

Бабицкий: Видели ли вы около Лобного места представителей милиции?

Ястреба: По-моему, у Лобного места работников милиции не было.

Делоне: Что успели крикнуть подбежавшие к нам люди, прежде чем начали бить и вырывать лозунги?

Ястреба: Что-то крикнули: «Что вы себе позволяете?», «Что вы здесь делаете?».

Делоне: Правильно я вас понял, что мужчина ударил меня после того, как вырвал лозунг?

Ястреба: Не помню, кажется, после.

Дремлюга: Вы смотрели на нас сзади?

Ястреба: Да.

Делоне (поясняет): Ястреба стояла сзади и приняла один плакат за два.

Богораз: Я еще раз обращаю внимание суда на то, что в зал не допущены наши друзья и некоторые родственники. Это является нарушением принципа гласности судопроизводства.

Судья: Суд не занимается этим вопросом. Это находится в компетенции коменданта суда.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ДОЛГОВА Н. И.

Долгов: 25 августа я договорился встретиться с детьми возле мавзолея Ленина. Смотрел, как шли и сменялись часовые. Оглянулся и на фоне церкви на Лобном месте увидел группу лиц — пять мужчин и женщину с коляской. У женщины с коляской — чешский национальный флажок. У остальных над головами — сплошная полоса плакатов, не меньше четырех. Почувствовал, что что-то неладно, затевается какая-то провокация. Быстро приблизился и изъясил два плаката. Двусторонний плакат у Дремлюги, на одной стороне — «Свободу Дубчеку!», на другой — что-то еще, кажется, «Долой оккупантов!», у рядом сидящего — «За вашу и нашу свободу!». Собралась толпа, я оказался в кольце. Публика стояла, говорила отвести в милицию. Прошло две-три минуты, подъехали машины. Их стали сажать в машины. Плакаты хотел отдать милиционеру. Он сказал, чтобы я написал заявление в 50-е отделение милиции. Я написал и отдал. Вылез из толпы.

Прокурор: Уточните, что представляли собой эти плакаты. Только полотнища или еще что-нибудь?

Долгов: Плакаты написаны не как государственные: от руки, небрежно. Небольшие, у Дремлюги плакат подлиннее, «За вашу и нашу свободу!» на палочках. Когда я схватил плакат, эти ветки сломались.

Прокурор: Как окружающие граждане отнеслись к происходящему?

Долгов: Очень возмущенно. Были выкрики из толпы: «Тунеядцы», «Как вам не стыдно?».

Прокурор: А как отвечали сидящие?

Долгов: Женщина с ребенком что-то говорила, резко так. Но я не слышал.

Богораз: Свидетель показал, что он долго был на Красной площади. Много ли было людей у Лобного места до этого?

Долгов: Я там находился не очень длительное время. Скоплений до этого не видел. Публика гуляла, смотрела.

Богораз: Видели ли вы в толпе своих знакомых или сотрудников?

Долгов: Нет.

Адвокат Каминская: Где вы работаете?

Долгов: В воинской части.

Каминская: В какой?

Судья: Номер не обязательно говорить, в деле он записан правильно.

Каминская: Сколько человек одновременно с вами подбежало?

Долгов: Я, кажется, подбежал первым. После меня через секунду и другие. Публика очень скоро стала подходить. Шли от мавзолея Ленина и повернули лицом к Лобному месту.

Каминская: Сколько времени прошло до того, как подошли машины?

Долгов: Мне показалось, минуты две-три.

Адвокат Калистратова: Каким способом вы изъяли плакаты?

Долгов: Первый — за древко, второй за полотнище.

Калистратова: Кому вы передали плакаты?

Долгов: Передал старшине милиции в форме.

Калистратова: Знаете ли вы свидетелей Богатырева, Веселова, Иванова и Васильева?

Долгов: Нет, не знаю.

Калистратова: Как, совсем не знаете?

Долгов: Лично не знаком, может, видел где на партконференции.

Калистратова: Видели ли вы, чтобы в вашем присутствии наносились какие-нибудь удары?

Долгов: Нет, не видел.

Калистратова: А сами вы не наносили удары?

Долгов: Сам участия не принимал.

Калистратова: Предъявляли ли вы удостоверение сидевшим?

Долгов: Нет.

Калистратова: Предлагали ли вы сидящим свернуть или отдать плакаты?

Долгов: Нет.

Адвокат Поздеев: Оказывали ли сопротивление подсудимые?

Долгов: Мне — нет.

Поздеев: Других машин, кроме увозящих, не было?

Долгов: Нет, другого транспорта не видел.

Адвокат Монахов: А заявление вы как передали? По почте?

Долгов: Нет. Написал и передал в комнате у Спасской башни.

Делоне: Было ли у вас что-либо в руках?

Долгов: Нет, ничего не было.

Делоне: Меня в лицо не помните?

Долгов: Кажется, нет.

Делоне: Вы утверждаете, что ни вы и ни кто другой нас не били?

Долгов: Я к вам и пальцем не прикасался и не заметил, чтобы кто другой тронул.

Бабицкий: Уточните, где вы находились в 12 часов.

Долгов: У ГУМа, ближе к Историческому музею.

Бабицкий: В тот момент вы прочли лозунги?

Долгов: Прочел лозунг на чешском языке. Я его не понимаю, но в памяти он у меня остался. Другой прочел уже вблизи.

Дремлюга: Как велика ваша организация? (Смех в зале.)

Судья: Вопрос снимается.

Дремлюга: Многих ли своих сотрудников вы знаете?

Долгов: Да.

Дремлюга: И вы не видели там ни одного из них?

Долгов: Нет, ни одного.

Делоне: Почему вы решили вырвать лозунги, не обращаясь к нам и не предъявив документы?

Долгов: Возмутился. Я много видел, сам воевал, газеты читаю. Сразу понял, что какая-то провокация.

Делоне: Почему вы действовали самолично?

Долгов: Так велит моя совесть.

Делоне: Почему вы не обратились к представителям власти, к милиции?

Долгов: Вы хотите сказать: если кто ножик занес, я должен в милицию обращаться?

Дремлюга: Вы на большом расстоянии, не видя содержания лозунгов, решили, что затевается провокация?

Судья: Свидетель Долгов, уточните, на каком расстоянии вы прочли лозунги?

Долгов: Лозунг «Свободу Дубчеку!» я прочел метров за 30.

Дремлюга: Почему вы решили, что лозунг «Свободу Дубчеку!» — провокация, и сочли нужным его вырвать?

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Богораз: Лозунг «Свободу Дубчеку!» вы увидели. Чем он исполнен?

Долгов: Карандашом.

Богораз: А лозунги, выполненные краской, не прочли?

Долгов: Нет.

Богораз: Значит, за 30–50 метров вы прочли лозунг, написанный карандашом, и не прочли лозунги, написанные краской?

Долгов: Да.

Литвинов: Вы подошли или подбежали к Лобному месту?

Долгов: Подошел ускоренным шагом.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ САВЕЛЬЕВА ПЛАТОНА ПАВЛОВИЧА

Савельев: 25 августа я приехал с семьей на Красную площадь в мавзолей. Поставил машину и пошел по направлению к ГУМу. Иду — вижу: у Лобного места сидит народ полукольцом с транспарантами. Вдруг один товарищ с портфелем побежал туда и выхватил транспарант. Я тоже побежал туда. Там сидели трое, один стоял, еще женщины стояли. Транспарантов, когда я подошел, уже не было. Один стоял и выкрикивал: «Советские танки на улицах Чехословакии», «Свободу Дубчеку». Еще кто-то крикнул: «Красные сволочи». Кто кричал — не слышал.

Прокурор: Заметили ли вы содержание транспарантов?

Савельев: Я не видел, что там было написано.

Прокурор: Сколько людей собралось вокруг?

Савельев: Трудно определить, человек под пятьдесят.

Прокурор: Видели ли вы там женщин с детьми?

Савельев: Видел женщину. Ее в машину посадили. Она крикнула: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия».

Прокурор: Кто вы по специальности?

Савельев: Я шофер.

Богораз: Видел ли свидетель меня на Красной площади? Выкрикивала ли я что-нибудь?

Савельев: Нет, но что-то похожее есть. Видел женщину с ребенком — она кричала.

Богораз: В деле имеются два показания свидетеля Савельева, первое — что он слышал, как женщина что-то кричала; второе — что он никаких выкриков не слышал. (*Указывает том и лист дела.*)

Судья проверяет.

Богораз: Чем объяснить разницу в ваших показаниях?

Савельев молчит.

Судья: Второе показание свидетеля Савельева дано на очной ставке с Дремлюгой и касается только Дремлюги.

Адвокат Каминская: Вы лично участвовали в задержании?

Савельев: Нет.

Каминская: В отделение милиции поехали?

Савельев: Нет.

Каминская: Каким образом вас позвали на следствие?

Савельев: Мою фамилию там же и записали. Вызвали как свидетеля.

Каминская: Сколько времени все происходило?

Савельев: Минут 15–20.

Каминская: Долго ли вы после этого там находились?

Савельев: Долго.

Каминская: В протоколе допроса сказано, что свидетель приехал на машине, чтобы дети пошли в мавзолей. Но в мавзолей они не попали. Почему?

Савельев: К мавзолею была очередь.

Каминская: В деле есть ваше показание, что мавзолей был закрыт.

Савельев: Нет, он был открыт, но была очередь.

Адвокат Калистратова: Вы видели, кто первым подбежал к сидевшим?

Савельев: Видел. Первым подбежал мужчина с портфелем. До этого около них никого не было.

По просьбе Калистратовой повторно вызывается свидетель Долгов.

Калистратова (Долгову): Вы уверены, что вы первый подбежали к Лобному месту?

Долгов (неуверенно): Да.

Калистратова: Было ли у вас что-нибудь в руках?

Долгов: Нет.

Калистратова (Савельеву): Вы узнаете этого человека? У него был портфель?

Савельев (неуверенно): Вроде тот выше был.

Калистратова: От кого-нибудь еще, кроме женщины, вы слышали какие-либо выкрики?

Савельев: От сидящих здесь выкриков не слышал. Слышал от одного, которого здесь нет.

Адвокат Поздеев: Видели ли вы на площади какие-нибудь машины?

Савельев: Были машины, которые приехали за ними, других не было.

Судья: Вы это точно видели или не можете утверждать?

Савельев: Не могу утверждать точно.

Адвокат Монахов: Не заметили ли вы заторов машин?

Савельев: Народу было много, затор мог получиться.

Монахов: Вы затор видели или не видели?

Савельев: Не видел.

Богораз: Сами вы изымали лозунги?

Савельев: Нет.

Литвинов: Вы меня узнаете?

Савельев: Нет.

Литвинов: Вы меня на площади видели?

Савельев: Нет, не видел. На опознании я обознался.

Бабицкий: На каком расстоянии от плакатов вы находились, когда их увидели?

Савельев: Метров 25–30.

Делоне: Узнаёте меня?

Савельев: Нет.

Делоне: Тот человек с портфелем, который подбежал к нам первый, вырвал лозунг или не вырвал?

Савельев: Дернул.

Делоне: Какие-нибудь другие его действия вы видели?

Савельев: Нет, не видел, народ мешал.

Богораз: С какой целью вы побежали?

Савельев: Узнать, что к чему, из любопытства.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ИВАНОВА И. Г.

Иванов: 25 августа этого года я гулял перед работой на Красной площади. Была смена караула. Я был на углу ГУМа. И вдруг я услышал шум у Лобного места. Я подбежал ускоренным шагом. Там стояла милиция. Я помог Дремлюгу посадить в машину. Из машины я услышал выкрики: «Свободу Дубчеку!», «Свободу Чехословакии!».

Судья: Он сопротивлялся?

Иванов: Да.

Судья: Вы применяли к нему силу?

Иванов: Нет.

Прокурор: Кроме Дремлюги, вы никого не узнали?

Иванов: Никого.

Прокурор: Много ли людей собралось?

Иванов: Народу собралось очень много.

Прокурор: Как граждане реагировали на происходящее?

Иванов: Свидетели были страшно возмущены. Тех уже не было.

Богораз: В ваших показаниях оценено количество народу. Сколько там было людей?

Иванов: Не могу точно сказать. Человек 250–300.

Богораз: Прошу суд зачитать соответствующее показание Иванова на предварительном следствии.

Судья зачитывает. Выясняется, что на предварительном следствии Иванов оценивал количество народу приблизительно человек в 25–30.

Судья (Иванову): Человек 30 — это вы имели в виду до того, как их увезли?

Иванов: Да.

Богораз: Вы лично изымали плакаты при задержании?

Иванов: Нет.

Богораз: Где работает свидетель Иванов?

Иванов: В воинской части 1164.

Богораз: Свидетеля Долгова вы знаете?

Иванов: Ну, как же, мы с ним вместе работаем.

Богораз: Была ли у вас с ним договоренность о встрече?

Иванов: Нет.

Богораз: Видели ли вы его 25-го на Красной площади?

Иванов: Нет.

Богораз: Других своих сотрудников не видели?

Иванов: Нет.

Литвинов: С какой целью вы пришли на Красную площадь?

Иванов: Шел на работу.

Литвинов: Васильева знаете?

Иванов: Да.

Литвинов: Богатырева?

Иванов: Может быть.

Литвинов: Долгова?

Иванов: Да.

Литвинов: Веселова?

Иванов: Нет.

Делоне: Долгов вас знает?

Иванов (с улыбкой): Да.

Делоне: На каком основании вы стали сажать Дремлюгу в машину?

Иванов: Увидел, что сажают в машину, и помог.

Делоне: Вас попросили об этом?

Иванов: Нет, помог товарищам по собственной инициативе. Помог, потому что товарищи очень возмущались. Мне сказали, что этот гражданин из этой группы.

Дремлюга: Кто конкретно меня вел?

Иванов: Не знаю.

Дремлюга: Какое сопротивление я оказывал?

Иванов: Не хотели идти. Упирались.

Дремлюга: Как упирался?

Судья снимает вопрос.

Дремлюга: А вы ко мне применяли физическую силу?

Иванов: Да, применял.

Дремлюга: Каким образом?

Иванов: Рукой в спинку, когда сажал в машину.

Дремлюга: С какой силой?

Иванов: Усиленно помог сесть. *(Смех в зале.)*

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ФЕДОСЕЕВА Б. И.

Федосеев: 25 августа я выходил на Красную площадь по улице Куйбышева. У углового дома я сверил часы — было ровно двенадцать. Вижу, мужчины бегут к Лобному месту. Смотрю, сидят двое мужчин и женщина с коляской. Сидящие говорили, обращаясь к окружающим: «Нам стыдно за наше правительство. Вы еще не поняли обстановки, когда поймете, вам тоже будет стыдно». Подъехала машина, их повели в машину. Я увидел третьего мужчину, лицо у него было в крови. Он кричал: «Долой правительство тиранов». Его посадили в машину. Осталась женщина с коляской. Из толпы ей говорят: «Что ты сидишь? Уходи отсюда, а то и тебя заберут». Она сказала: «Мы объявили сидячую забастовку, куда я отсюда не уйду, меня могут увезти только силой». И действительно, подъехали машины, женщину с ребенком погрузили в машину и увезли, а в другой машине коляску.

Судья: Видели вы плакаты?

Федосеев: Когда я был еще далеко, на углу улицы Куйбышева, я видел, что из рук у них вырвали что-то белое. Подойдя, увидел в руках у одного человека свернутое полотно.

Прокурор: Вы москвич?

Федосеев: Иногородний, из города Дзержинска Горьковской области.

Прокурор: Ваша специальность?

Федосеев: Механик.

Прокурор: Образование?

Федосеев: Среднетехническое.

Прокурор: Узнаёте вы кого-нибудь из подсудимых?

Федосеев: Да *(указывает на Литвинова)*.

Прокурор: Вам кого-нибудь предъявляли для опознания?

Федосеев: Да.

Прокурор: Опознали вы кого-нибудь?

Федосеев: Да. Узнал мужчину, изо рта которого текла кровь.

Прокурор: Сколько людей было вокруг?

Федосеев: Очень много, человек 50, может, больше.

Прокурор: Как относились собравшиеся к происходившему?

Федосеев: Мой сосед обращался к сидящим, говорил: «Мой отец погиб на чехословацкой земле, а вы тут митингуете».

Прокурор: Отвечали ли они что-нибудь?

Федосеев: Нет, не отвечали.

Прокурор: Что еще говорили?

Федосеев: Или вот: «Морду наели...» (*Судья останавливает свидетеля.*)

Прокурор: Они отвечали?

Федосеев: Они опускали лица и ничего не отвечали.

Богораз: Вы сами изымали плакаты, помогали задерживать?

Федосеев: Нет.

Богораз: Было ли у вас желание задержать?

Федосеев: Нет, не было.

Богораз: Почему вы направились к Лобному месту?

Федосеев: Увидел, что туда идут.

Богораз: Проходили ли машины из Кремля?

Федосеев: Да, проходили.

Богораз: Был ли затор?

Федосеев: Нет, милиция освобождала проезд.

Адвокат Каминская: Где вы были, когда сверяли часы?

Федосеев: В 12 часов на углу.

Каминская: Сколько времени вы шли до Лобного места?

Федосеев: Шел я одну минуту, пока подошел, лозунгов уже не было.

Каминская: Сколько времени после этого они сидели?

Федосеев: Меньше пяти минут.

Адвокат Калистратова: Можете вы назвать конкретнее какие-либо действия подсудимых?

Федосеев: Они только сидели, говорили, что им стыдно за наше правительство. Больше никаких их действий я не видел.

Адвокат Поздеев: Кого вы имеете в виду, говоря «они»?

Федосеев: Трех мужчин и женщину.

Поздеев: Бабицкого узнаете?

Федосеев: Нет.

Адвокат Монахов: Подходили ли к сидящим гражданам работники милиции в форме?

Федосеев: Милиция освобождала проезд с территории Кремля. Других милиционеров в форме не было.

Литвинов: Вы меня опознали. Что вы можете конкретно сказать о моих действиях?

Федосеев: Вы сидели и тоже говорили, что вам «стыдно за наше правительство».

Делоне: Могли бы вы охарактеризовать возгласы из толпы как чрезмерно возмущенные, оскорбительные или почти нецензурные?

Федосеев: Нет, ничего такого не замечал.

Делоне: Вы приводили некоторые слова, которые председательствующий прервал. Были ли другие оскорбительные возгласы со стороны толпы?

Федосеев: Кроме этих слов, ничего оскорбительного не было.

Дремлюга: К какому министерству относится организация, в которой вы работаете?

Судья: Суд снимает этот вопрос.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ДАВИДОВИЧА ОЛЕГА КОНСТАНТИНОВИЧА

Давидович: Всех подсудимых я видел 25 августа на Красной площади. Они имели при себе антисоветские плакаты: «Свободе социалистической Чехословакии!», «Руки прочь от Чехословакии!» — и произносили речи антисоветского содержания, осуждающие правительство и партию по отношению к Чехословакии, выкрикивали фразы.

Судья: У кого были плакаты?

Давидович: Точно не помню.

Судья: Кто выкрикивал эти фразы?

Давидович: Гражданка справа (*Богораз*), *Литвинов* и *Дремлюга*.

Прокурор: Вы москвич или иногородний?

Давидович: Постоянно проживаю вне Москвы.

Прокурор: Когда вы находились на Красной площади?

Давидович: В 12.30 примерно.

Прокурор: Вы точно это помните?

Давидович: Может быть, я ошибаюсь минут на 15–20.

Прокурор: Какие события прежде всего привлекли ваше внимание?

Давидович: Граждане сели и развернули плакаты.

Прокурор: Откуда они появились?

Давидович: Я шел от ГУМа, а они шли навстречу мне.

Прокурор: Кого вы запомнили?

Давидович: В группе было 7–8 человек, мужчин и женщин.

Прокурор: Обратили ли вы внимание на коляску?

Давидович: Коляска была у *Горбаневской*, она доставала оттуда плакаты.

Прокурор: Что она сделала с этими плакатами?

Давидович: Один оставила у себя, другой отдала мужчине, кажется, *Дремлюге*.

Прокурор: Вы точно видели?

Давидович: Кажется, точно.

Прокурор: Вы прочли содержание плакатов?

Давидович: На одном плакате — «Свободу социалистической Чехословакии!» на чехословацком языке. На другом — «Руки прочь от Чехословакии!».

Прокурор: Вы знаете чешский?

Давидович: Языка не знаю, но догадался по смыслу. Прошло приблизительно пять минут до появления других людей. Я находился совсем рядом с ними, метрах в трех.

Прокурор: Сколько было людей вокруг?

Давидович: Приблизительно 40 человек.

Прокурор: Как относились граждане к этой группе?

Давидович: Окружающие были возмущены, требовали убраться с Красной площади, пригласили работников милиции. Были возмущенные крики с требованием задержать.

Прокурор: Помогали ли вы задерживать кого-нибудь?

Давидович: Да, по просьбе работников милиции.

Прокурор: Кого?

Давидович: Помог задержать гражданина слева (*показывает на Делоне*).

Делоне: Так это вы мне руки заломили?

Прокурор: Как он себя вел?

Давидович: Он пассивно сопротивлялся — не подчинялся требованиям работников милиции, отказывался сесть в машину.

Прокурор: Он что-нибудь говорил при этом?

Давидович: Не помню.

Прокурор: Говорили ли что-нибудь остальные?

Давидович: Остальные доказывали несправедливость ввода войск в Чехословакию, говорили, что это агрессия.

Прокурор: Вы были в форме?

Давидович: Нет, в штатском.

Богораз: Охарактеризуйте мои действия. Что я говорила, сопротивлялась ли я и т. д.?

Давидович: Плакат вы не держали. Оказывали ли сопротивление — не знаю, не видел. Обращались к толпе с речью. Говорили, просьба группы членов ЦК КПЧ о вводе войск — вымысел, фальсификация, так как не были опубликованы фамилии; что была совершена несправедливость, агрессия.

Богораз: Вы утверждаете, что я не держала плакат?

Давидович: Кажется, не держали.

Богораз: В ваших показаниях на предварительном следствии говорится, что демонстрантов задерживали мужчины в штатском при помощи работников милиции. На очной ставке вы утверждали, что не знаете, была милиция или нет. Чем вы объясняете это противоречие?

Давидович: Наоборот, задерживала милиция с помощью граждан в штатском.

Богораз: Это еще более сильное утверждение.

Судья зачитывает оба показания, их взаимное противоречие соответствует утверждению Богораз.

Адвокат Каминская: Вы говорили, что находились метрах в трех от сидящих. Вы были там еще до того, как были подняты лозунги. Вы лозунги отнимали?

Давидович: Нет, но лозунги отбирали в моем присутствии. Я не был в непосредственной близости к сидящим.

Адвокат Калистратова: Сколько времени прошло от момента, когда они сели у Лобного места, до того момента, когда их посадили в машину?

Давидович: Очень мало — минуты три.

Калистратова: Вы уверены, что вы пришли на площадь именно в 12 часов 30 минут?

Давидович: Да, в 12.30. Может быть, в 12.40.

Калистратова: Вы утверждаете, что подсудимые произносили речи. Какова была продолжительность этих речей? Какой характер они носили? Как громко они произносились?

Давидович: Речи были митингового типа, продолжались 2–3 минуты. Произносили одновременно несколько человек и достаточно громко.

Калистратова: Вы говорите, что Делоне пассивно сопротивлялся. В машину вы его одного сажали или нескольких человек?

Давидович: Несколько.

Калистратова: Остальные тоже сопротивлялись?

Давидович: Сопротивлялись.

Калистратова: Сопротивление Делоне приходилось преодолевать с помощью физической силы?

Давидович: Да.

Калистратова: В чем выразалось применение физической силы?

Давидович: В том, что он, несмотря на сопротивление, оказался в конце концов в машине.

Калистратова просит суд о том, чтобы вызвали Ястреба.

Суд удовлетворяет ее просьбу.

Калистратова (Ястреба): Вы видели, как вели Делоне к машине. В ваших показаниях вы сказали, что он шел спокойно и не сопротивлялся. Вы подтверждаете ваши показания?

Ястреба: Насколько я видела, да.

Калистратова (Делоне): Вы опознаёте Давидовича?

Делоне: Не опознаю этого человека. Точно утверждать не могу, но, насколько я помню, он ко мне не подходил.

Адвокат Поздеев: Уточните, откуда появился плакат на чешском языке?

Давидович: Оба плаката Горбаневская достала из коляски.

Поздеев: Бабицкого помните?

Давидович: Да.

Поздеев: Укажите конкретно его действия.

Давидович: Не могу сказать.

Поздеев: Плакат ему передала Горбаневская?

Давидович: Да.

Поздеев (Бабицкому): Бабицкий, вы подтверждаете это?

Бабицкий: Я отказываюсь отвечать на этот вопрос.

Адвокат Монахов: Вы явились на суд в форме. К какому роду войск вы принадлежите?

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Монахов: У меня есть заявление к суду. Я прошу суд удостоверить, что форма свидетеля Давидовича является либо формой КГБ, либо формой войск МООП.

Судья: Суд не может ответить на этот вопрос. Суд не разбирается в формах.

Калистратова: Откуда вам известна фамилия Горбаневской?

Давидович: Из опознания во время следствия.

Монахов просит суд вызвать Ястреба. (Обращаясь к ней:) Были ли митинговые речи?

Ястреба: Я не слышала. Между мною и сидящими стоял ряд людей, и был шум, и я не могла разобрать.

Монахов: На каком расстоянии от сидящих вы находились?

Ястреба: Около метра.

Монахов: И на расстоянии одного метра вы не могли разобрать, были ли речи?

Ястреба: Нет, не смогла.

Монахов: Подтверждаете ли вы ваше показание о том, что в форме милиции никто к Лобному месту не подходил?

Ястреба: Точно не утверждаю, но, кажется, нет.

Монахов просит суд вызвать свидетеля Федосеева. (Федосееву:) Вы подтверждаете ваши показания, что в ответ на оскорбле-

ния и выкрики, в частности, на слова: «Мой отец за Чехословакию погиб, а вы тут...», подсудимые опускали лица и не отвечали?

Федосеев подтверждает.

Литвинов (Давидовичу): Свидетель Давидович, с какой целью вы пришли на Красную площадь?

Давидович: Без цели.

Литвинов: Вы нас впервые увидели у Лобного места или раньше?

Давидович: Видел раньше, но внимания не обратил, а потом вспомнил. Вы были все вместе.

Литвинов: Где?

Давидович: Слева от ГУМа.

Литвинов: И Горбаневская была с нами?

Давидович: Да.

Литвинов просит суд вызвать Ястреба. (К Ястреба:) Вы подтверждаете, что мы встретились с Горбаневской только у Лобного места?

Ястреба: По-моему, да.

Литвинов (к Давидовичу): На предварительном следствии вы говорили, что вышли из ГУМа, а ГУМ в воскресенье закрыт. Чем вы это объясните?

Давидович (вызывающе): Это не имеет значения. Я рассказываю о том, что я видел.

Литвинов: Горбаневская держала плакат или флажок?

Давидович: Флажок.

Литвинов: На предварительном следствии вы утверждали, что она держала плакат. Кто вы по образованию?

Давидович: Юрист.

Бабицкий: Где находились работники милиции в форме?

Давидович: Там же.

Бабицкий: Среди тех, кто вел задержанных, были работники милиции?

Давидович: Да, они принимали участие в задержании.

Бабицкий: Те, что вели, были в форме?

Давидович: Да.

Бабицкий: Вы это видели?

Давидович: Да.

Бабицкий: Вы видели, как отнимали плакаты?

Давидович: Нет, не видел.

Бабицкий: Где находились вы в это время?

Давидович: Ближе к Спасским воротам.

Бабицкий: Видели, как ударили Файнберга?

Давидович: Нет.

Делоне: Вы опознали меня. Перечислите мои действия.

Давидович: Вы произносили речи политического содержания.

Делоне: Какой был общий смысл этих «речей»?

Давидович: Ну, вы разделяли точку зрения вашей группы. Вы спорили с гражданами и говорили, что действия правительства по вводу войск являются неправильными.

Делоне: Другие мои конкретные действия?

Давидович: Других не видел.

Делоне: Вы уверены, что вы принимали участие в моем задержании?

Давидович: Да.

Делоне: Вы предъявили удостоверение при этом?

Давидович: Нет, удостоверение предъявил работник опергруппы.

Делоне (удивленно): Какой работник?

Давидович: В штатском.

Делоне: Что я делал, когда меня вели к машине?

Давидович: Сопrotивлялись, упирались, пытались вырваться.

Делоне: Руки мне заламывали?

Давидович: Кажется, нет.

Делоне: Когда я шел от Лобного места к машине, я говорил что-либо?

Давидович: Что-то говорил, кажется, «позор», но я не помню.

Делоне: Мои дальнейшие действия?

Давидович: Не знаю, я ехал не с вами.

Делоне: Вы видели потом того человека, который якобы предъявил документы?

Давидович: Да, в милиции.

Адвокат Каминская: Видели ли вы у кого-нибудь телесные повреждения?

Давидович: Да, видел у Файнберга во время очной ставки.

Каминская: Видели, как кто-нибудь наносил удары?

Давидович: Нет, не видел.

Каминская: Писал ли человек, предъявивший документ при задержании Делоне, объяснение в милиции?

Давидович: Я об этом ничего не знаю.

Каминская: Что-нибудь об этом человеке вам известно?

Давидович: Нет, ничего не известно.

Богораз: Насчет милиции, это только к Делоне относится или ко всем?

Давидович: Нет, не ко всем. Толпа была большая. Все были очень возмущены. Задерживали и люди в штатском.

Богораз: Сколько примерно было милиции в форме?

Давидович: Примерно человек пять-шесть.

Богораз: Они не допрошены. Куда они делись?

Давидович: Не знаю.

Богораз: Все происходило в течение пяти минут. По показаниям свидетеля Давидовича, речи продолжались две-три минуты, значит, мы могли говорить только одновременно. Как же свидетель мог различить, кто что говорил?

Давидович: Вот, различил.

Богораз: Всех?

Давидович: Всех.

Адвокат Калистратова: Вас допрашивали в этот же день?

Давидович: Да.

Калистратова: Тогда вы показали, что вышли из ГУМа. Чем вы объясните это утверждение?

Давидович: Я уверен, что не говорил этого следователю.

Дремлюга просит вызвать свидетеля Долгова. (Долгову:) Вы видели Давидовича?

Долгов: Нет.

Дремлюга (Давидовичу): Вы видели первого, кто подбежал к Лобному месту?

Давидович: Нет, я больше внимания обратил на демонстрантов.

Литвинов: Вы можете сказать, в каком порядке мы сидели?

Давидович: Я стоял лицом к демонстрантам. Крайняя справа была Горбаневская, затем Богораз, Файнберг, Бабицкий.

Литвинов: Сразу всех увезли?

Давидович: Нет, позже всех увезли Горбаневскую.

Делоне: Только двое меня вели, вы и гражданин в штатском, предъявивший удостоверение?

Давидович: Да.

Делоне: На каком основании вы решили меня задержать?

Давидович: По просьбе второго товарища.

Делоне: Слышали ли вы в толпе выкрики, обращенные к демонстрантам?

Давидович: Да, возмущенные выкрики.

19 часов 25 минут. Конец первого дня

10 октября 1968 года, 10.00

Богораз (делает заявление): Я не вижу в зале суда двух своих родственников: Алексееву и Бураса.

Судья: Всех родственников пустить нельзя — зал переполнен.

Литвинов: Я не вижу в зале своей жены и ее отца. Имею ходатайство по существу.

Дремлюга: Можно ли нам разговаривать между собой?

Судья: Нет. Допускается разговор только с адвокатом.

Дремлюга: Так как у меня нет родственников в Москве, прошу допустить двух-трех друзей.

Судья: Назовите фамилии ваших друзей коменданту суда, он решит этот вопрос.

Дремлюга: Якир Петр Ионович, Юлий Ким и Илья Габай.

Делоне: Так как мы дали свои показания, прошу разрешить в перерывах переговоры между подсудимыми.

Судья: Нет, следствие не закончено, поэтому разговоры не разрешаю. Какие есть ходатайства по существу?

Литвинов: Прошу направить дело на следствие, так как следствие не захотело выявить непосредственных участников — лиц, разгонявших демонстрацию, хотя у него была для этого полная возможность: по показанию Стребкова можно установить личность сотрудника КГБ, на действия которого сотрудник милиционер указывал свидетель Давидович. Свидетели Панова и Баева должны быть вызваны, тем более что Баеву неоднократно вызывали на допросы во время предварительного следствия, и только через три недели было прекращено дело против нее.

Делоне: Полностью поддерживаю ходатайство Литвинова.

Адвокат Каминская: Поддерживаю ходатайство Литвинова.

Защита собиралась ходатайствовать о допросе сотрудников 50-го отделения милиции: кто из сотрудников КГБ и работников милиции задерживал и доставлял подсудимых? Считаю, что это можно сделать без следствия, в ходе судебного следствия.

Адвокат Калистратова: Поддерживаю ходатайство Каминской. Тем более что работники милиции всегда составляют рапорт о задержании, в котором указано, кто доставлял нарушителей в отделение милиции. Например, в отношении Делоне свидетель Давидович заявил, что Делоне оказывал сопротивление. Это противоречит показаниям его самого и других свидетелей. Поэтому считаю, что необходимо вызвать официальных лиц: сотрудников КГБ и милиции, участвовавших в задержании.

Адвокаты Поздеев и Монахов поддерживают ходатайство.

Богораз: Поддерживаю ходатайства адвокатов и Литвинова, которые касаются и лично меня. Один из плакатов, который

был в моих руках, потом видели в милиции, в руках сотрудников КГБ. Неизвестно, кто доставил плакаты и флажок в милицию. Неизвестно, кто сломал флажок, тем более что надругательство над государственным флагом, во всяком случае в отношении нашего флага, осуждается ст. 190².

Бабицкий: Полностью поддерживаю.

Делоне: Настаиваю на выявлении сотрудника КГБ, о котором говорит Давидович, так как я не сопротивлялся при задержании и никто мне не предъявлял удостоверения.

Прокурор: Считаю ходатайство Литвинова о направлении дела на следствие неосновательным, так как суд имеет в уголовном деле все необходимые материалы, по которым он может полностью разобраться. Ходатайство о дополнительных свидетелях частично удовлетворено: дополнительно вызваны три свидетеля — они еще не допрошены. Ходатайство Каминской не подлежит удовлетворению, так как Каминская неправильно сослалась на показания Стребкова. Он не говорил, что сотрудник КГБ участвовал в задержании, его показания касались только плаката, который сотрудник КГБ держал в руках в отделении милиции. В отношении запроса в УООП о лицах, которые задерживали: все фамилии есть в деле. В отношении ходатайства Калистратовой о противоречиях в показаниях свидетеля Давидовича с другими свидетелями — можно допросить дополнительно Давидовича. Суд учтет все противоречия при вынесении приговора. Суд отклоняет все ходатайства, ссылаясь на статьи 331 и 276 УПК.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ УДАРЦЕВА ВЛАДИМИРА АЛЕКСАНДРОВИЧА

Судья: В каких вы отношениях с подсудимыми?

Ударцев: Я никого из них не знаю. Я приезжий из Ростова, работаю слесарем.

Судья: Расскажите кратко, что вы знаете об этом деле.

Ударцев: 25 августа около 12 часов я ходил в мавзолей Ленина и затем прошел в собор Василия Блаженного, около Лобного места. Увидел много народу. Я подумал, что кому-нибудь стало плохо. Подошел. Около Лобного места сидели 6–7 человек, я заметил среди них женщину с ребенком. Они выкрикивали лозунги: «Долой советскую агрессию», «Долой советские танки» и т. д. Точно не запомнил. Народ возмущался, конечно.

Судья: Во сколько часов это было?

Ударцев: Около двенадцати.

Судья: Сколько было народу вокруг?

Ударцев: Около 30–40 человек.

Судья: Вы видели подсудимых? (*Показывает.*)

Ударцев: Я видел их со спины. Заметил только женщину с ребенком.

Судья: Что было у них в руках?

Ударцев: Видел в руках древко, с чем-то оборванным.

Судья: Что они делали?

Ударцев: Выкрикивали лозунги: «Долой эскалацию в Чехословакии».

Прокурор: Не можете ли вы уточнить, сколько сидело мужчин и женщин?

Ударцев: Кажется, пять мужчин и две женщины.

Прокурор: Что держали в руках?

Ударцев: Обрывки плакатов.

Прокурор: Сколько?

Ударцев: Несколько, точно не помню.

Прокурор: Как вели себя окружающие граждане?

Ударцев: Сильно возмущались.

Судья: Значит, граждане сильно возмущались.

Прокурор: Вы видели, как их задерживали?

Ударцев: Видел. Забрали сначала всех, осталась женщина с ребенком. Потом забрали и ее.

Прокурор: Как вели себя подсудимые?

Ударцев: Они противились, вырывались из рук.

Прокурор: Видели ли вы, как наносили кому-нибудь побои?

Ударцев: Не видел.

Прокурор: На предварительном следствии вы говорили другое.

Ударцев: Да. Когда забирали женщину, она выбила очки молодому человеку.

Прокурор напоминает *Ударцеву* его показания, касающиеся того, что *Файнберг* сам себя ударил.

Ударцев: Люди говорили, что один ударил себя кулаком или древком по носу, пошла кровь.

Судья: Вы сами это видели?

Ударцев: Нет, люди говорили.

Прокурор: Как вела себя женщина с ребенком?

Ударцев: Когда ее сажали в машину, она кричала лозунги и прижимала к себе ребенка.

Прокурор: С целью нанести повреждения?

Ударцев: Нет, хотела его прижать.

Богораз: Вы видели меня на площади?

Ударцев: Да.

Богораз: Я сопротивлялась?

Ударцев: Нет.

Богораз: 26 августа вы в своих показаниях утверждали, что трое из мужчин были в очках. Вы подтверждаете это? Уверен ли свидетель, что именно мы выкрикивали, а может быть, речь идет о других людях?

Ударцев: Возгласы слышал от сидящих. Один мужчина кричал: «Долой агрессию». Кто — не помню.

Богораз: Где мы сидели?

Ударцев: На тротуаре, прислонившись к барьеру Лобного места.

Адвокат Каминская: Вы видели сами транспаранты, известно ли вам, какие были надписи?

Ударцев: Нет, когда я подошел, их уже не было.

Адвокат Поздеев: Кого вы опознали?

Ударцев: Женщину с ребенком.

Поздеев: Сколько вы видели мужчин? На допросе вы говорили, что лозунги «Долой эскалацию» и еще что-то выкрикивала только женщина с ребенком? А как вели себя другие?

Ударцев: О других сказать ничего не могу.

Адвокат Монахов: Были ли заторы транспорта? Видели ли вы машины?

Ударцев: Не видел.

Богораз: Вы участвовали в задержании?

Ударцев: Нет.

Богораз: Видели, кто нас задерживал?

Ударцев: Нет.

Делоне: Что нам кричали?

Ударцев: «Вы антисоветские люди».

Адвокат Калистратова: Непосредственно в момент задержания был ли кто-нибудь в форме?

Ударцев: Нет, в милицейской форме я никого не видел.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ САВИЛОВА А. Т.

Савилов: Я работаю на заводе Лихачева, старшим инженером-технологом. 24 августа ко мне приехал брат с экскурсией из Липецка. Автобус приехал на Красную площадь. Остановились около Спасской башни. Экскурсовод рассказывал. Проходила смена караула. Недалеко товарищ с камерой снимал. Мы увидели толпу людей, подумали, что драка. Люди побежали. Раздались свистки. Через две-три минуты из Спасской

башни выехала машина. Одна, две или три. Я увидел, что в них сидят люди. Много. Человек 8. Одна женщина выкрикивала: «Свободу Дубчеку!», другая ей зажимала рот.

Прокурор: Большая была толпа?

Савилов: Около ста человек. Многие возмущены.

Богораз: Вы пытались принять участие в задержании?

Савилов: А зачем? Они уже сидели в машине.

Богораз: Именно в эти машины, которые вышли из Кремля, сажали людей?

Савилов: Я номеров не помню. Но сажали именно в эти «Волги».

Адвокат Поздеев: Когда вы видели толпу людей?

Савилов: Скопление людей было, когда люди уже сидели в машинах.

Литвинов: Каким образом вы стали свидетелем?

Савилов: Гражданин с кинокамерой записывал свидетелей, я записался.

Следующим вызывают свидетеля Васильева, но его по неизвестным причинам нет.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ КУКЛИНА Е. Е.

Куклин: 25 августа я работал на посту, перекресток улицы Куибышева и проезда Сапунова. Около 12 часов я заметил группу людей у Лобного места. У них были плакаты. Люди стали стекаться и мешали движению транспорта. Я обратился к ним: «Граждане, освободите дорогу для движения транспорта». И здесь я услышал выкрики: «Вывести войска из Чехословакии», «Свободу Дубчеку». Люди возмущались. Обратились ко мне, чтобы отобрать плакаты. Сотрудник, стоящий на перекрестке с Красной площадью, отошел к телефону. Поэтому я пошел туда. Пришлось освободить такси, чтобы посадить туда людей. Граждане стали сажать этих людей в машины. Стали сажать в машину, некоторые сопротивлялись. Я обращался к толпе: «Граждане, освободите дорогу, разойдитесь, не мешайте транспорту».

Судья: Кто выкрикивал лозунги?

Куклин: Те, у кого были плакаты, и сидящие в машине. Они даже из машины выкрикивали.

Судья: Где находились эти люди? Сидели или стояли?

Куклин: Они сидели, обратившись в сторону Исторического музея, человек шесть. Остальные стояли. Граждане подбегавшие отнимали лозунги. Взяли их за руки, и, когда их сажали

ли, они кричали: «Свободу Дубчеку», «Вывести войска из Чехословакии». Кричал Дремлюга.

Прокурор: Где находится ваш пост? Вы говорите: улица Куйбышева и проезд Сапунова. А на предварительном следствии вы говорили: улица Куйбышева и Красная площадь.

Куклин: Это тот же самый пост.

Прокурор: Уточните, в каком месте вы стояли.

Куклин: Это перекресток поблизости. Сотрудник подошел к телефону, и я не мог покинуть пост.

Прокурор: Кого из подсудимых вы запомнили?

Куклин: Подсудимых Дремлюгу и Литвинова.

Прокурор: Как вел себя Дремлюга?

Куклин: В машину он не шел. Его взяли за руку и повели. Дальше я не видел.

Прокурор: Вы на предварительном следствии показали, что он кричал: «Свободу Дубчеку», «Вывести войска из Чехословакии».

Куклин: Когда его сажали, то он кричал.

Прокурор: Были ли среди машин, куда сажали людей, машины, выехавшие из Кремля?

Куклин: Нет, не было. Были посторонние машины.

Богораз: На предварительном следствии вы показали, что, находясь на своем посту, вы увидели группу граждан, идущих к Лобному месту, и побежали туда. Что, вы предполагали, что группа в 6–8 человек создаст помехи транспорту?

Куклин: Там милиционера Розанова не было, а пост оставлять без присмотра нельзя. Туда начали стекаться люди. Ежели бы они как все граждане Советского Союза шли, — бывают группы экскурсантов и гораздо больше, и никаких сомнений быть не может. А когда эта группа из шести человек шла, вокруг них стали собираться люди.

Богораз: Когда вы обращались с требованием разойтись, к кому вы обращались?

Куклин: Ко всем. Я просил толпу разойтись.

Адвокат Каминская: Вы написали 25 августа рапорт. После чего?

Куклин: После сдачи смены.

Каминская: Чем объяснить, что рапорт датирован 3 сентября?

(Указывает лист дела.)

Куклин (после паузы): Я писал рапорт по окончании рабочего дня, но опустил сам факт о нарушении движения транспорта.

Каминская: Почему вы написали второй рапорт? Первый вы написали кому? На имя своего руководителя?

Куклин: Да.

Каминская: Вы знаете, где он?

Куклин: Нет.

Каминская: Что вы упустили в первом рапорте?

Куклин: Что́ главная помеха в нашем деле — затор транспорта.

Каминская: Когда вы подошли к посту Розанова, пост был пустой?

Куклин: Да.

Каминская: Вы Розанову говорили, чтобы он пошел и позвонил?

Куклин: Нет.

Адвокат Каминская: На предварительном следствии вы показали, что вы близко к Лобному месту не подходили и лозунгов не видели. Подтверждаете ли вы это?

Куклин: Да. Не видал ничего.

Адвокат Калистратова: Кто не подчинялся требованиям уйти с проезжей части?

Куклин: Некоторые проходили, а некоторые не уходили.

Калистратова: С вашего поста вам было видно Лобное место?

Куклин: Да, та часть, которая обращена к Историческому проезду.

Калистратова: Где вы заметили группу?

Куклин: Группу увидел на пешеходной дорожке от ГУМа к Лобному месту.

Калистратова: Кто вас попросил предоставить транспорт? Граждане?

Куклин: Да.

Калистратова: На предварительном следствии вы показали, что к вам обратился мужчина.

Куклин: Мужчина-то тоже был гражданин.

Калистратова: Мужчина подошел до или после того, как вернулся Розанов?

Куклин: Сказать точно не могу.

Калистратова: Вы лично кого-либо задерживали?

Куклин: Нет.

Калистратова: Вы видели работников милиции?

Куклин: Кроме Розанова на посту, не видел.

Калистратова: Задерживала кого-нибудь милиция?

Куклин: Нет.

Адвокат Монахов: На предварительном следствии вы говорили, что близко не были, выкриков не слышали. (*Зачитывает показания:*) «Розанов пошел звонить, а я его заменил на посту. После этого подошел человек и стал требовать, чтобы я дал машину. Выкриков не слышал». Вы давали эти показания?

Судья: Уточните, когда вы слышали и когда не слышали.

Куклин: Когда в машину садили, они выкрикивали.

Литвинов: Вы 25-го, по окончании смены, написали рапорт?
Куклин: Да.
Литвинов: А 3 сентября решили дополнить?
Куклин: Да.
Литвинов: Между этими моментами вас вызывали на допрос?
Куклин: Не помню.
Литвинов: А почему именно третьего вы решили дополнить рапорт?
Куклин: Мне начальник сказал, что нужно дополнить рапорт.
Литвинов: А чем дополнить, сказал?
Куклин: Я и сам знаю, чем дополнить.
Литвинов: Почему вы решили, что Розанов пошел звонить?
Куклин: Кто первый день работает, тот, может, и не знает.
Делоне: Как вы могли обращаться к гражданам, если вы близко к Лобному месту не подходили?
Судья: Уточните расстояние?
Куклин: Около 10 метров.
Делоне: С одной стороны, вы близко не подходили, а с другой стороны, вы обращались к гражданам. Значит, к сидящим гражданам вы не могли обращаться?
Куклин: Нет. К тем лицам, которые сидели, я с предложением разойтись не обращался. Эти 6 человек, которые сидели, они не мешали транспорту.
Дремлюга: Если люди сидят на тротуаре, будут они мешать движению транспорта?
Куклин: Нет, не будут, пешеходам мешают.
Богораз: Прошу суд удостоверить, что в промежутке между двумя рапортами у свидетеля Куклина был допрос. В первом рапорте ничего не было о заторах транспорта.
Судья смотрит в деле и удостоверяет.
Богораз: Почему вы, работник ОРУДа, основной обязанностью которого было регулировать движение транспорта, не отметили в первом рапорте заторы?
Куклин: День был воскресный, я спешил и, наверно, опустил то, что нужно было записать.
Прокурор (делает замечание адвокату Монахову): Вы смеетесь, а смеяться в суде неэтично.
Монахов: Вы ошибаетесь: я улыбаюсь, а не смеюсь. А выражать свои эмоции не возбраняется и адвокатам.
Судья (Монахову): Суд вас просит быть внимательным.
Делоне: Что вы имеете в виду, говоря о заторе? Остановились какие-либо машины? Вы видели конкретно машины? Сколько их было? Номера машин записали?

Куклин: Нет необходимости отмечать.

Литвинов: Были ли помехи машинам, идущим от Москворецкого моста к улице Куйбышева?

Куклин: Были.

Литвинов: Какое расстояние от Лобного места до проезжей части этой трассы?

Куклин: Метров 20.

Адвокат Каминская: На чье имя был подан ваш первый рапорт?

Куклин: Начальнику 4-го отделения ОРУДа.

Прокурор: Что, этот рапорт был внутреннего пользования?

Куклин: А я не знаю, нам не докладывают.

Каминская ходатайствует о представлении в распоряжение суда первого рапорта свидетеля Кукулина.

Адвокат Калистратова: Считаю чрезвычайно важным для данного судебного разбирательства приобщение этого первоначального документа к делу.

Все адвокаты и подсудимые поддерживают это ходатайство.

Прокурор: Считаю нецелесообразным затребование этого документа, так как свидетель дал исчерпывающие показания о содержании этого рапорта.

Определение суда: Ходатайство Каминской удовлетворению не подлежит, так как необходимости в нем по делу нет.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ БЕСЕДИНА ЭДУАРДА МИХАЙЛОВИЧА

Беседин: 25 августа я прогуливался по Красной площади. Мое внимание привлекла толпа. Отъехало две машины. Из одной машины женщина в голубом платье кричала: «Свободу Чехословакии». В толпе был мужчина, который привлек мое внимание тем, что бурно действовал и что-то говорил толпе. Его задержали и посадили во вторую машину люди в гражданском. За 2–3 метра до машины его передали в руки милиции.

Прокурор: Как относились окружающие люди?

Беседин: Люди в толпе были очень возмущены: «Живут у нас, едят наш хлеб, а такие вещи вытворяют».

Прокурор: Могли бы вы опознать мужчину, который развил бурную деятельность? Как он выглядел?

Беседин: Я видел его лицо из машины, одежды не видел.

Прокурор: На предварительном следствии вам предъявляли его для опознания?

Беседин: Да, предъявляли. Это был гражданин Бабицкий. Но он говорит, что он сидел, а тот стоял.

Прокурор: Вас это смущает?

Беседин: Да.

Прокурор: Где вы работаете?

Беседин: Я студент Московского энергетического института.

Адвокат Поздеев: Вы показывали, что мужчина, о котором вы говорили, был одет в рубашку грязно-розового цвета и коричневые брюки, а здесь говорите, что одежды не помните, а только лицо.

Беседин: Я говорю о двух разных людях. Бабицкого я увидел впервые в машине. Развил бурную деятельность другой.

Литвинов: Вы меня видели на площади?

Беседин: Нет.

Делоне: А меня видели?

Беседин: Нет.

Дремлюга: А меня?

Беседин: Нет.

Дремлюга: Как объяснить, что вы во время опознания оказались за стеклянной дверью?

Судья: Суд снимает этот вопрос.

Дремлюга: Почему?

Судья: Суд не дает объяснений.

Литвинов ходатайствует о том, чтобы впустили его жену Майю Русаковскую и друзей его и других подсудимых: На основании ст. 18 УПК суд должен следить за гласностью судопроизводства. В то же время в суде присутствует масса посторонних людей, пришедших по неизвестным пропускам. Прошу занести это в протокол и рассмотреть это ходатайство.

Судья: Ваше заявление будет занесено в протокол. Еще не было перерыва, и ваше заявление мы рассмотрим.

Делоне: Я поддерживаю ходатайство Литвинова и обращаюсь к суду с жалобой на коменданта. Второй день в зал раньше всех других проходят посторонние лица, и в то же время не пускают моих друзей.

Судья не принимает заявления по поводу коменданта и разрешает делать заявления, подобные заявлению Литвинова.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ РОЗАНОВА ИВАНА ТИМОФЕЕВИЧА

Розанов: 25 августа я работал регулировщиком на перекрестке с 8 утра до 9.30 вечера. Я заметил группу в пять-шесть человек. Сначала не обратил на нее внимания, так как они транс-

порту не мешали. Думал, это — экскурсия. Прошло минут пять. Я увидел: народ от мавзолея побежал к Лобному месту. Я увидел: люди сели, и над ними полотнища, а пока я подбежал, граждане полотнища уже отобрали. Я побежал, позвонил дежурному — из Спасских ворот вышли машины. Освобождал дорогу для машин, а затем пошел на свой пост.

Прокурор: Сколько было людей у Лобного места?

Розанов: Около трехсот.

Прокурор: Какое было содержание плакатов?

Розанов: Не видел.

Прокурор: Принимали ли вы участие в задержании?

Розанов: Никак не мог, я докладывал дежурному.

Прокурор: Как относились окружающие граждане?

Розанов: Не могу сказать, не видел.

Богораз: Произошло ли фактическое нарушение работы транспорта?

Розанов: Да, произошло. Мне пришлось расчищать дорогу.

Богораз: Сидевшие люди сами по себе мешали транспорту?

Розанов: Сами не мешали, но вокруг собралось много народу.

Богораз: Вы надолго уходили звонить?

Розанов: Нет, на секундочку.

Богораз: Человек, который вас сменил, подошел после того, как подняли плакаты?

Розанов: Сменивший человек подбежал после того, как отняли плакаты.

Адвокат Каминская: Вырывал ли кто-нибудь плакаты?

Розанов: Да, граждане вырывали.

Адвокат Калистратова: Вы видели, как задерживали подсудимых?

Розанов: Нет.

Калистратова: У Лобного места милиция была?

Розанов: Нет. Работники милиции стояли цепочкой и обеспечивали запуск людей в Мавзолей.

Делоне: Останавливались ли машины, идущие из Спасских ворот, у Лобного места?

Розанов: Ни одна не останавливалась.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ КОРХОВОЙ ИННЫ ВЛАДИМИРОВНЫ

Корхова: 24 августа вечером мне позвонил Павел Литвинов, спросил, свободна ли я 25-го. Мы договорились встретиться у метро «Проспект Маркса». Павел предложил пройти до Красной площади. Там я увидела Богораз и несколько не-

знакомых людей. Затем я увидела Наташу Горбаневскую. Павел просил: «Ты ни во что не вмешивайся, только смотри». Затем они сели около Лобного места и развернули плакаты. Они сидели спокойно, криков я не слышала. Через минуту я увидела людей, бегущих со всех концов, и услышала милицейские свистки. За мужчинами в штатском бежали люди, образовалась толпа. Некоторое время я ничего за этой толпой не видела. Когда я подошла ближе, я увидела, что подгоняют «Волгу». В нее затолкали Литвинова. Видела человека с окровавленным лицом. Видела, как он держал в руках зубы. В отделении милиции я узнала, что это Файнберг. На площади некоторое время еще оставалась Горбаневская. Затем забрали ее и коляску. Некоторое время после этого я оставалась на площади. Я слышала, как, разгоняя толпу, милиционер говорил: «Ну что, вы не видели пьяных, сумасшедших не видели?» Ко мне подошел человек и потребовал, чтобы я пошла с ним в милицию. Там меня продержали до десяти тридцати вечера.

Судья: С кем из подсудимых вы знакомы и в каких вы с ними отношениях?

Корхова: С Литвиновым знакома один-два года, отношения — товарищеские, с Ларисой Богораз тоже знакома, но не очень близко. Горбаневскую знаю давно, но не близко. Остальных не знаю совсем.

Прокурор: В период вашего знакомства с Литвиновым были ли случаи, чтобы он вам в городе назначал свидание?

Корхова: Возможно, и были, но я не помню.

Прокурор: Кто предложил вам пойти на Красную площадь?

Корхова: Литвинов.

Прокурор: Вас не удивило приглашение Литвинова?

Корхова: Удивило.

Прокурор: О чем вы разговаривали, когда встретились?

Корхова: Он ничего особенного не сказал, сказал: «Сама увидишь».

Прокурор: Были ли у вас 25-го встречи с другими лицами?

Корхова: Нет. 25 августа, подойдя к Красной площади без десяти двенадцать, около проезда Куйбышева я увидела Богораз, стоящую с несколькими мужчинами. Мы поздоровались, они разговаривали между собой, но о чем, я не прислушивалась.

Прокурор: Как был одет Литвинов?

Корхова: В белой рубашке и серых брюках.

Прокурор: Какие-нибудь предметы у него были?

Корхова: Нет, руки у него были свободны, из карманов ничего не торчало.

Прокурор: Вы с кем-нибудь говорили по поводу встречи с Литвиновым?

Корхова: Я говорила вечером 24-го со своей подругой Ириной Жолковской, сказала, что звонил Павел и просил встретиться.

Прокурор: Не припомните разговора между Богораз и Литвиновым?

Корхова: Не помню.

Прокурор просит удостоверить, что на очной ставке с Литвиновым она дала показания, что Богораз и Литвинов обменялись короткими фразами, среди которых была «пойдемте».

Корхова: Да, я давала эти показания, но кто именно сказал эту фразу — не знаю.

Прокурор: На каком расстоянии вы находились от Лобного места?

Корхова: Вначале на расстоянии около 40 метров. Потом прошла по направлению к Лобному месту.

Прокурор: Слышали ли вы какие-нибудь разговоры или выкрики?

Корхова: Разговоры между сидящими и толпой не слышала.

Прокурор: Где вы работаете?

Корхова: В Институте мировой экономики и международных отношений, младшим научным сотрудником.

Адвокат Каминская: Вы подтверждаете показания, данные на очной ставке, что подсудимые сидели тихо?

Корхова: Да, подтверждаю.

Адвокат Монахов: С очками ничего не произошло?

Корхова: Ничего.

Монахов: Были ли остановки транспорта?

Корхова: Вообще не было никакого транспорта.

Литвинов: Как вели себя граждане, вырывали ли плакаты?

Корхова: Видела, что группа подбежала, видела, как очень грубо запихивали в машину. В милиции слышала, что задержанные просили произвести медицинскую экспертизу по поводу выбитых зубов у Файнберга.

Литвинов: Считаете ли вы, что, как говорится в обвинительном заключении, были действия, грубо нарушающие общественный порядок?

Корхова: Нет, не считаю.

Делоне: Знаете ли вы кого-либо из свидетелей?

Корхова: В отделении милиции я познакомилась со свидетелем Леманом. В свидетельской комнате я познакомилась с Великановой. Зато другие свидетели между собой знакомы.

В свидетельской комнате я слышала, как один свидетель, войдя, спросил: «Наших здесь много?», а другой ответил: «Человек восемь».

Дремлюга: Когда вас задержали, вам предъявили какие-либо документы?

Корхова: Человек, посадивший меня в машину, не показывал мне документов, и в милиции — тоже. При задержании подсудимых работников милиции не было.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ВЕЛИКАНОВОЙ ТАТЬЯНЫ МИХАЙЛОВНЫ

Великанова: Я узнала о демонстрации утром 25 августа в 11 часов. Муж сказал мне, что будет протестовать против ввода войск в Чехословакию. И ушел. Я очень беспокоилась. Позвонила знакомым и договорилась встретиться. Когда мы пришли на Красную площадь, я увидела мужа, рядом сидел Файнберг и женщина с коляской. Остальных не заметила. К ним бросились люди. Я услышала свисток. Начали отнимать лозунги, бить ногами. Того, кто бил Файнберга, я очень хорошо заметила. Другой бил мужа ногами в бедро. Затем слева я увидела Ларису Богораз. Слышала реплики подбегавших людей в штатском, которые действовали очень активно и организовано. Хорошо запомнила реплику избивающего, который бил и помогал засадить в машину: «Хулиганы, зачем вы здесь сидите?» Слышала ответ Горбаневской: «Лет через двадцать вы тоже поймете, и вам будет стыдно». Слышала реплику мужа: «Мы теряем своих лучших друзей — чехов и словаков». После демонстрации я видела, как кому-то засвечивали пленку. Не видела, как засовывали в машину остальных, все время смотрела на мужа и сидящих рядом с ним. Я хочу сообщить суду, что моя знакомая Панова, которая была со мной на Красной площади, вчера около здания суда опознала среди сотрудников в штатском, окружающих здание суда, того, который бил Файнберга. Когда она подошла к нему близко, он быстро скрылся...
Судья прерывает.

Адвокат Поздеев: Известно ли вам, что ваш муж договаривался с кем-нибудь?

Великанова: Нет, неизвестно.

Поздеев: В чем был одет ваш муж?

Великанова: Он был одет в зеленые брюки и белую рубашку. Мы собирались на именины к бабушке. Дети уехали утром. Он просил их взять гитару. В руках у него ничего не было.

Поздеев: Известно ли вам что-нибудь об изготовлении плакатов?

Великанова: Во время обыска я видела доску, на которой было что-то написано.

Поздеев: Выходили ли машины из Кремля?

Великанова: Нет, машины из Кремля проехали много позже. Я была там еще минут двадцать.

Поздеев: Сколько лет вы состоите в браке?

Великанова: 18 лет. У нас трое детей: 10, 12 и 15 лет.

Адвокат Каминская: Ставился ли на предварительном следствии вопрос, как реагировали ваш муж и другие подсудимые на действия задерживающих их лиц?

Великанова: Меня потрясло, что они не сопротивлялись: их били ногами — они не реагировали, как будто они не на этом свете.

Прокурор: Не пытались ли вы отговорить вашего мужа?

Великанова: Я не считала себя вправе его отговаривать, если это его убеждение и он действовал по велению совести. Кроме того, на следствии я сказала, что отговаривать было бы бесполезно, так как он очень упрям.

Адвокат Монахов: Кто-либо опознал человека, который избивал Файнберга?

Великанова: Панова опознала его вчера около суда, но он очень быстро скрылся.

Прокурор: Уточните содержание разговора с мужем 25 августа утром.

Великанова: Муж сказал, что он собирается протестовать в районе Василия Блаженного. Я спросила, один ли он будет. Он сказал, что, возможно, будут другие люди.

Прокурор: На предварительном следствии вы показали, что «муж сказал, что он не может молчать» и что он идет на Красную площадь, где «они будут протестовать».

Великанова: Это моя неточность. Я пошла на Красную площадь, где, по словам мужа, он собирался протестовать. Я просто предполагала, что он будет не один, поэтому и сказала «они». Я пошла туда, потому что я должна была видеть, как все это будет. Я позвонила своей подруге Медведовской и позвала ее с собой. В это время мне позвонила другая подруга, Панова. Она сама захотела меня видеть, и я ее тоже пригласила на Красную площадь. С Медведовской я встретилась у метро, а Панову увидела уже на Красной площади.

Прокурор: Что было написано на доске, найденной при обыске?

Великанова: На доске можно было разобрать: «Долой интервенцию из ЧССР».

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ МЕДВЕДОВСКОЙ ИРИНЫ ТЕОДОРОВНЫ

Медведовская: Я знакома только с Бабицким — он муж моей соученицы и сослуживицы, я работаю вместе с Великановой в Вычислительном центре Главмосавтотранса. Остальных подсудимых не знаю. 25 августа я вместе с Татьяной Великановой была на Красной площади и видела, как группа лиц выражала свой протест относительно событий в Чехословакии. Они сели спиной к Лобному месту. Развернули лозунги. Почти сразу раздался свисток и к ним бросились две группы мужчин и стали их бить. Они не вставали и не реагировали. Я видела одного милиционера, который сначала побежал в сторону демонстрантов, но тут же побежал обратно к Спасским воротам и стал нажимать кнопку.

Адвокат Поздеев: Какой разговор состоялся у вас с Великановой?

Медведовская: Она сказала мне, что ее муж собирается выразить протест против ввода войск в Чехословакию.

Поздеев: Говорила ли она о том, что там будет кто-то еще?

Медведовская: Нет, только о нем.

Поздеев: Оказывали ли подсудимые сопротивление, слышали ли вы с их стороны выкрики?

Медведовская: Никто сопротивления не оказывал, выкрики не слышала.

Адвокат Поздеев: Сколько народу было около Лобного места?

Медведовская: Не очень много.

Адвокат Монахов: Не было ли остановок транспорта?

Медведовская: Остановок транспорта не было, транспорта вообще не было.

Бабицкий: Как близко к нам подбежал милиционер?

Медведовская: Милиционер только направился в сторону демонстрантов и тут же, не задерживаясь, повернул к Спасским воротам. Как близко подбежал, затрудняюсь ответить.

Прокурор: Какова была цель вашей поездки, не показалась ли вам странной ее просьба?

Медведовская: Меня попросила поехать моя подруга, видимо, ей было трудно одной. Просьба странной не показалась.

Прокурор: Действия мужа вашей знакомой не показались вам странными?

Медведовская: Странными — нет, необычными — да.

ДОПРОС СВИДЕТЕЛЯ ЛЕМАНА МИХАИЛА ВЛАДИМИРОВИЧА

Леман: Лично никого из подсудимых не знаю. Я вышел из дома и пошел через Красную площадь. Примерно в 12.03–04.

Около Лобного места увидел толпу. Я заинтересовался, подошел ближе. Я увидел какую-то возню. Хотел позвать милиционеров, но милиционера близко не было. Увидел две машины — служебные «Волги». Мимо меня к машине протащили человека в белой рубашке. Я решил, что мне здесь делать нечего, и решил уйти. Сделал два шага в сторону. В это время меня схватили, заломили руку назад, ударили два раза по шее. В это время я слышал диалог: «Этот?» — «Нет, не этот». — «Нет, этот». После чего меня затолкали в машину и отвезли в милицию.

Адвокат Монахов: Вас ударили по шее каким-то приемом?

Леман: Не знаю, ударили ребром ладони.

Монахов: Почему вы решили, что машины служебные?

Леман: Я живу около Красной площади и знаю, что движения там нет, разрешен проезд только служебным машинам.

Богораз: Припомните, с какой просьбой я обратилась к вам в отделении милиции.

Леман: «Позвоните Якиру и скажите, чтобы сын не волновался».

Богораз: Вы знакомы с Якиром?

Леман: Никогда раньше фамилию Якира не слышал.

Богораз: Как я была одета?

Леман: В брюках, сверху не помню.

Литвинов: О чем мы все просили в милиции?

Леман: О судебно-медицинской экспертизе для Файнберга. Меня вызвали на допрос, и я не знаю, удовлетворили ли эту просьбу.

Литвинов: Где вы живете?

Леман: Я живу на улице Куйбышева.

Делоне: Подтверждаете ли вы свои показания, что кто-то ударил человека в зеленой рубашке?

Леман: Я видел, как замахнулись и ударили со всей силы, затем увидел окровавленное лицо.

Дремлюга: Ударили Файнберга рукой?

Леман: Ударили рукой, а били ли ногой — я не видел.

Прокурор: Уточните, когда вы вышли на Красную площадь, вы на предварительном следствии сказали, что в 12.15.

Леман: Я вышел из дома с боем часов, а свою длительность пути я специально потом проверил — это примерно две-три минуты.

Прокурор: Придя вечером к Якиру, увидели ли вы кого-нибудь из лиц, которых вы видели на площади?

Леман: Никого. На улице шел дождь. Я пришел, минуты две протирал очки, передал просьбу и вышел.

Прокурор: На предварительном следствии вы показали, что в коридоре промелькнула Татьяна Баева.

Леман: Я сказал, что возможно, что это была Баева.

Прокурор (Богораз): Почему вы обратились с просьбой именно к Леману?

Богораз: Потому что Леман был человек случайный, а в отношении других я не была уверена, что их отпустят.

Прокурор: Почему вы просили сообщить Якиру, а не кому-нибудь из родственников?

Богораз: Никого из родных в это время не было в Москве.

Прокурор: Почему вы на допросе 25 августа не сказали о данном вам поручении?

Леман: Я не придавал этому значения.

Судья ставит в известность стороны, что свидетель Веселов выехал из Москвы в командировку, свидетель Кузнецов находится в больнице, свидетель Богатырев выехал из Москвы, свидетель Васильев отсутствует по неизвестным причинам.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ К ПОДСУДИМЫМ

Адвокат Монахов (Дремлюге): Каково состояние здоровья вашей матери и брата?

Дремлюга: Она очень больна и вряд ли дождетя моего возвращения. Брат — после того, как его избили в милиции, — психически больной человек.

Монахов: За что вас исключили из института?

Дремлюга: Во-первых, за письмо-протест Ильичеву. Во-вторых, из-за шутки: мне принесли пакет, якобы как сотруднику госбезопасности, а потом меня обвинили, что я «издевался над званием советского чекиста».

Прокурор: Когда был приговор и когда вас исключили из института?

Дремлюга: Исключили через год после приговора.

Предъявляются вещественные доказательства — плакаты, флажок на обломанном древке, древко от флажка, кисточка, тушь, гуашь.

Адвокат Поздеев (Бабицкому): Мог ли этот плакат на чешском языке поместиться в вашем кармане?

Бабицкий: Наверно, нет.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ХОДАТАЙСТВА

Ходатайство Богораз:

Поскольку прокурор задал вопрос о моей служебной характеристике, прошу суд затребовать с места моей работы до-

кументы о моем увольнении: кто истребовал характеристику, дата приказа об увольнении и объявлен ли он мне под расписку.

Показания свидетелей о помехе работе транспорта противоречивы. Прежде всего — о движении транспорта на Красной площади. Машины, проходящие через Спасские ворота, все регистрируются, поэтому можно уточнить, были ли они в это время, и опросить водителей, не было ли препятствий движению.

Повторяю ходатайство о том, чтобы допросить сотрудников 50-го отделения милиции о том, кто нас задерживал. Прокурор сказал, что это есть в материалах дела, я этого в деле не видела. О моих действиях вообще ничего в деле нет. Меня интересуют не действия задерживающего, а его характеристика моих действий.

Ходатайство Литвинова:

В свете показаний Лемана, Великановой, Медведовской я еще раз в обеспечение нашего права на защиту настаиваю, чтобы были вызваны свидетели Баева и Панова. Присоединяюсь к ходатайству Богораз, заявляю аналогичное ходатайство о себе. Я могу людей, которые меня задерживали, опознать.

Ходатайство Делоне:

Я считаю показания свидетеля Давидовича ложными. Прошу найти и вызвать того представителя КГБ, который, по показаниям Давидовича, меня задерживал и предъявлял мне документы.

Ходатайство Дремлюги:

Полностью присоединяюсь к ходатайствам Богораз и Литвинова. Так как меня обвиняют в распространении клеветнических измышлений, то требую представить доказательства, что Дубчек с 21 по 25 августа находился на свободе. (*Шум в зале.*)

Адвокат Каминская: Поддерживаю ходатайства Богораз, Литвинова и Делоне. Считаю необходимым запрос в 50-е отделение милиции. Хотя прокурор говорит, что данных о задержании подсудимых в деле достаточно, я подробно знакомилась с делом, и я их в деле не нашла.

Адвокат Калистратова: Поддерживаю ходатайство Делоне.

Протокол о задержании Делоне датирован 25 августа, 23.50. Очевидно, этот документ с точки зрения обстоятельств задержания не представляет интереса, так как установлено,

что Делоне задержан около 12 часов дня. Других данных о задержании в деле нет. Прошу суд вернуться к рассмотрению ходатайства о вызове свидетелей Пановой и Баевой.

Адвокат Поздеев: По поводу формулировки вопроса о машинах, выходящих из Спасских ворот (ходатайство Богораз), целесообразнее узнать, регистрируют ли там машины. Я это оставляю на усмотрение суда.

Адвокат Монахов: Присоединяюсь к ходатайству о допросе Пановой и Баевой.

Прокурор: Считаю, что ходатайство Богораз о запросе по месту работы неосновательно. В деле есть ссылка о дисциплинарном взыскании за прогул. Могу сказать, что характеристика представлена в ответ на запрос прокуратуры г. Москвы. Нет необходимости выяснять номера автомашин — это не представляет интереса для дела. О факте выхода из Кремля автомашин есть достаточно свидетельских показаний. О том, кто доставлял подсудимых в 50-е отделение милиции: протоколы с фамилиями задерживающих составляются в том случае, если они являются работниками милиции. Если это частные граждане — фамилии не регистрируются. Относительно запроса Делоне. Из показаний свидетеля Давидовича не следует, что при задержании Делоне арестовал работник КГБ, а сказано только, что в задержании участвовал человек, предъявивший какую-то книжку. Какая именно книжка — неизвестно. Поэтому найти его не представляется возможным. Кроме того, все обстоятельства задержания Делоне имеются в деле. Что касается ходатайства Дремлюги, то обвинение сумеет доказать его вину в своей речи. По поводу вызова свидетелей Баевой и Пановой — в ходе судебного разбирательства суд допросил многочисленных свидетелей, и вызов других свидетелей считаю нецелесообразным.

Суд после совещания на месте выносит определение: во всех ходатайствах отказать, так как считает, что материалов, имеющих в деле, достаточно.

Дополнительное ходатайство адвоката Калистратовой:

Так как показания различных групп свидетелей противоречивы, считаю необходимым вызвать дополнительно свидетеля Крысина. Прошу приобщить к делу бумаги, косвенно свидетельствующие о том, что Делоне искал работу. Прямые доказательства поисков работы представить трудно, так как это обычно разговоры и документов не остается. Делоне сказал, что считает себя поэтом. Печатных публикаций у не-

го нет. Однако прошу приобщить к делу грамоту о полученной им на конкурсе поэтов им. 50-летия советской власти второй премии. Кроме того, прошу приобщить отзыв известного советского писателя Корнея Чуковского, в котором он характеризует Делоне как молодого, даровитого поэта. Чуковский пишет, что Делоне «на верном пути и что если он будет работать над своим дарованием, то советские читатели приобретут в его лице сильного большого поэта».

Адвокат Поздеев: Я сумел найти только 9 научных работ Бабицкого. Прошу приобщить их к делу. Вскоре должна выйти монография на 12 печатных листах. Прошу обратить внимание, что Бабицкий плодотворно работал на передовом фронте науки. Прошу также приобщить к делу справку из ЖЭКа о том, что у Бабицкого на иждивении находятся трое несовершеннолетних детей. Прошу обратить внимание, что, по показаниям криминалистической экспертизы, кусок ткани, найденный у Бабицкого, не совпадает с тканью ни одного из плакатов, а текст, отпечатавшийся на оргалитовой доске, не совпадает с текстом ни одного из плакатов.

Прокурор: Не возражаю о приобщении к делу справки о детях Бабицкого и научных трудов Бабицкого, не возражаю против грамоты Делоне и отзыва Чуковского на стихи Делоне, что же касается бумажек, представленных Калистратовой, то ходатайство об их приобщении считаю несостоятельным. *Суд выносит определение удовлетворить ходатайства о приобщении к делу грамоты и отзыва Чуковского, справки о детях и научных работ, в остальных ходатайствах отказать. Ходатайство Дремлюги суд обходит молчанием.*

Судья: Есть ли возражения к окончанию судебного разбирательства в отсутствие вызванных свидетелей: Богатырев и Веселов находятся в служебной командировке, Васильев отсутствует по неизвестным причинам, Кузнецов болен.

Прокурор: Свидетели отсутствуют по уважительным причинам. Обстоятельства дела разобраны с достаточной ясностью. Считаю, что разбирательство может быть закончено.

Богораз: Возражаю против окончания следствия в отсутствие свидетелей Васильева, Богатырева и Веселова. Согласно показаниям Богатырева и Веселова, они задерживали подсудимых, а Богатырев и Веселов сажали в машину женщину. Может быть, этой женщиной была я?

Литвинов: По тем же мотивам, что и Богораз, я возражаю против окончания судебного разбирательства.

Бабицкий: Возражаю против окончания следствия в отсутствие свидетелей Богатырева, Васильева, Веселова. Против неявки Кузнецова не возражаю.

Делоне: Также возражаю. Все эти лица, кроме Кузнецова, являются работниками военной части 1164.

Дремлюга: Также возражаю. Кроме того, требую ответа на мое ходатайство.

Адвокат Каминская: Возражаю против окончания следствия в отсутствие свидетелей. Можно запросить о длительности командировки.

Адвокат Калистратова: Не возражаю против отсутствия Кузнецова, но категорически возражаю против окончания судебного разбирательства в отсутствие остальных свидетелей, участников задержания.

Адвокаты Поздеев, Монахов также возражают против окончания судебного разбирательства.

Суд определяет: закончить разбирательство в отсутствие свидетелей.

Судья: Судебное следствие объявляю законченным. Объявляю перерыв на полтора часа для подготовки речей прокурора и адвокатов.

Калистратова от имени адвокатов заявляет, что этого времени недостаточно, и просит перенести прения сторон на следующий день.

Судья объявляет перерыв на два с половиной часа. После перерыва начинаются судебные прения.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА В. Е. ДРЕЛЯ

Товарищи судьи, вам в вашей деятельности по осуществлению правосудия приходится рассматривать различные нарушения. Любое уголовное преступление, поскольку оно посягает на правопорядок, государственный строй, вызывает возмущение советских людей.

Преступление, совершенное Богораз, Литвиновым, Бабицким, Делоне и Дремлюгой 25 августа на Красной площади в г. Москве, вызвало особое возмущение и негодование москвичей и гостей нашей столицы.

Богораз, Бабицкий, Литвинов, Делоне и Дремлюга, явившись на Красную площадь с измалеванными плакатами, не только грубо нарушили общественный порядок, но и допустили злобную клевету на политику правительства по оказанию братской помощи чехословацкому народу.

В годы войны свыше 20 миллионов советских людей отдали жизнь в борьбе с фашизмом, и мы знаем, что более 100 тысяч из них погибли, спасая Чехословакию от коричневой чумы. Многие советские люди и по сей день оплакивают своих близких.

Без Советской армии не было бы и свободной Чехословакии. Советские люди всегда относились к чехам как к братьям. Все мы видим, что за последнее время международный империализм и, прежде всего, империализм США все больше усилий направляет на подрывную деятельность. В условиях резкого обострения империалистических войн весь огромный аппарат антикоммунистической пропаганды направлен на то, чтобы попытаться подорвать социалистическое движение изнутри.

В памяти народа еще свежи события в Венгрии 12 лет назад, когда там был организован контрреволюционный мятеж, в ходе которого погибли и лучшие сыны нашей Родины.

Тот же преступный почерк виден в организации контрреволюции в Чехословакии. Как показывают факты, широко освещенные на страницах наших газет, контрреволюционные выступления носили отнюдь не случайный характер. Контрреволюция готовилась к захвату власти всеми средствами. Нависла угроза утери завоеваний социализма. В этих условиях СССР, верный интернациональному и союзническому долгу, принял решение об оказании братской помощи чехословацкому народу. И решение это находится в полном соответствии с правом государств — членов Варшавского договора на индивидуальную и коллективную оборону. Братские страны исходили и исходят из того, что никому не будет позволено вырвать ЧССР из социалистического лагеря.

Новым ударом по силам контрреволюции явились московские переговоры. Опубликованные в печати документы свидетельствуют о том, что достигнута полная договоренность с руководителями ЧССР. Весь советский народ, наш рабочий класс, крестьянство и интеллигенция целиком и полностью одобрили меры, принятые советским правительством. На многочисленных митингах трудящиеся нашей страны выразили поддержку действиям правительства. Нельзя не отметить, что международный империализм развернул разнузданную кампанию антикоммунистической пропаганды.

Буржуазная пропаганда, используя все возможные каналы, придумывает и распространяет самые нелепые измышления,

клевету, чтобы опорочить действия братских стран. Советские люди правильно разбираются в ситуации и дают достойный отпор буржуазной пропаганде.

Однако, к сожалению, среди нашего 240-миллионного народа имеются морально неустойчивые люди, их — единицы, которые попадают на удочку буржуазной пропаганде. Они не только сами неправильно мыслят, но и распространяют заведомо ложные измышления, совершая тяжкие преступления. Примером этого является этот процесс.

Как установлено, 25 августа сего года около 12 часов дня подсудимые явились на Красную площадь. Ими были заранее изготовлены плакаты с заведомо ложными измышлениями: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (на чешском языке), «За вашу и нашу свободу», «Руки прочь от ЧССР», «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку».

Эти лица не случайно избрали местом собрания Красную площадь, где всегда находится много людей — москвичей и приезжих. Нам всем, советским людям, бесконечно дорога Красная площадь, где покоится прах вождей и захоронены лучшие люди страны. Каждый человек, прибывающий в Москву, считает своим гражданским долгом побывать на Красной площади.

Мы пытались выяснить причину, почему подсудимые избрали именно Красную площадь. На предварительном следствии подсудимые вообще отказывались говорить об этом, а на суде крайне неискренне пытались убедить, что искали места, где наиболее спокойное движение. У нас есть немало таких мест, где вообще нет движения. На самом деле, как признался Дремлюга, когда отвечал на вопрос, почему они не выбрали, например, Александровский сквер, они хотели привлечь как можно больше внимания к этому преступному действию. Именно этим объясняется то, что они избрали Красную площадь, явно кощунствуя над памятью людей. Придя на Красную площадь, обвиняемые сели на тротуар и развернули плакаты, вынутые из коляски Горбаневской (Горбаневская в ходе следствия признана невменяемой). На вопрос о том, каким путем доставлены были плакаты, подсудимые отвечать отказались. Из показаний свидетеля Давидовича следует, что они были доставлены в детской коляске. Подсудимые прекрасно понимали, что, если бы они их несли в руках, их остановили бы раньше. Зная, что их действия не встретят одобрения, они заранее пригласили своих

знакомых и родственников, чтобы те исполняли роль статистов, одобряя их действия: Литвинов — Корхову и Русаковскую, Бабицкий — Великанову, а та пригласила своих двух друзей. Другие оказались на площади якобы случайно. Все эти обстоятельства свидетельствуют о том, что все было заранее продумано и организовано. Выяснялся вопрос, была ли предварительная договоренность. В предварительном следствии подсудимые на этот вопрос отвечать отказались, а на суде пытались представить как случайное совпадение. Правда, Литвинов сказал, что это могло быть не случайное совпадение, а нечто другое. Великанова сказала, что 25-го из разговора с мужем она узнала, что он собирается идти на Красную площадь. Об этом свидетельствует также показание Корховой, которая сказала, что видела, как подошла Богораз и несколько мужчин, которые впоследствии сидели у Лобного места.

Факт наличия договоренности подтверждается тем, что были изготовлены плакаты.

Подсудимый Дремлюга держал плакат: «Долой оккупантов», а на другой стороне — «Свободу Дубчеку», Литвинов и Делоне — «За нашу и вашу свободу», Бабицкий — «За свободную и независимую Чехословакию» (на чешском языке), Богораз — «Руки прочь от ЧССР».

Нет необходимости разбирать плакаты и доказывать их заведомо ложный, клеветнический характер. Но так как подсудимые отрицали свою вину, я остановлюсь на содержании плакатов. В частности, подсудимый Дремлюга держал двусторонний лозунг «Долой оккупантов» и «Свободу Дубчеку». Как видно из показаний подсудимых, все они солидаризировались с содержанием всех плакатов. Все мы хорошо помним, что такое оккупация. При слове «оккупанты» мы вспоминаем Бабий Яр, Лидице, Кошице, Освенцим, Майданек. В нашей печати и радио было дано исчерпывающее разъяснение необходимости ввода войск, и не понимать этого невозможно. По поводу другого лозунга, «Свободу Дубчеку», Дремлюга сослался на передачу израильского радио. Между тем известно, что в то время, когда подсудимый держал этот плакат, первый секретарь ЦК КПЧ т. Дубчек принимал участие в переговорах в Кремле, а 26 августа возвратился на родину.

Судья делает замечание Дремлюге: не улыбаться и слушать. О том, что 26 августа т. Дубчек возвратился в Чехословакию, было передано и по израильскому радио.

Богораз держала плакат «Руки прочь от ЧССР». А позволительно спросить, чьи имела она в виду руки? Реваншистов? Фашистов? Нет, Богораз имела в виду руки наших советских солдат, той армии, которая спасла братский народ Чехословакии от фашистского рабства.

Подсудимые Литвинов и Делоне держали плакат «За нашу и вашу свободу». Но о какой свободе идет здесь речь? Если о свободе устраивать сборища, свободе клеветать, то такой свободы нет и не будет.

Лозунг «За свободную и независимую Чехословакию». Бабицкому должно было быть известным, что именно для того, чтобы Чехословакия была свободной и независимой, были введены в нее войска социалистических стран.

Все плакаты носили заведомо ложный и клеветнический характер, и вполне понятно, что находящиеся на Красной площади граждане потребовали немедленно убрать плакаты и сами, не дожидаясь органов власти, стали отбирать плакаты и отправили их в милицию.

Здесь подсудимые скрупулезно выясняли, по какому праву их задерживали граждане. Да, у них у всех были на это права и полномочия, которые им дал наш советский закон. По ст. 13 УК РСФСР советские граждане обязаны пресекать нарушение порядка. Об этом же гласит Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 26 июля 1966 г. («Об усилении ответственности за хулиганство». — *Н. Г.*): «Действия граждан, направленные на пресечение преступных посягательств и задержание преступника, являются в соответствии с законодательством Союза ССР и союзных республик правомерными и не влекут уголовной или иной ответственности, даже если этими действиями вынужденно был причинен вред преступнику». Поэтому действия граждан не только морально правильны, но и юридически правомерны. Подсудимые говорили, что некоторые граждане нанесли им оскорбления. Может быть, некоторые граждане и допустили оскорбление, но разве может быть спокоен человек, потерявший отца в четырехлетнем возрасте? Разве мог быть спокоен человек, видя, что грубо клеветают на партию и правительство? Не исключено, что если бы не своевременное вмешательство лиц, охраняющих порядок на Красной площади, то все могло бы окончиться для подсудимых более плачевно. И после того, как пришедшие граждане и работники милиции отняли лозунги, подсудимые не прекратили свои прово-

кационные действия и выкрики. Об этом говорили свидетели Ударцев, Федосеев, Савилов. Подсудимый Бабицкий и не отрицает того, что он пытался урезонить толпу, говоря: «Друзья, мы теряем своих лучших друзей...» Интересно спросить, о каких друзьях он говорил? Может быть, Свитак и Бродский, сбежавшие в США? Но это заклятые враги чешского народа. Чешский и словацкий народы хорошо знают и понимают, что истинными друзьями его являются советские граждане, Советский Союз. Ввод войск способствовал укреплению нашей дружбы.

Подсудимые Богораз, Литвинов, Бабицкий, Делоне, Дремлюга, устроившие сборище, своими действиями нарушили общественный порядок и работу транспорта, мешали пришедшим на Красную площадь знакомиться с достопримечательностями.

Полагаю, что вина всех подсудимых полностью доказана материалами дела. В частности, вина Богораз подтверждается свидетелями: Ястреба, Давидовичем, Васильевым. Свидетельница Корхова также подтвердила, что среди державших плакаты она видела Богораз. Подсудимая Богораз-Брухман не отрицает того, что в 12 часов была на Красной площади и держала в руках плакат: «Руки прочь от ЧССР».

Вину Литвинова подтверждают Ястреба и Федосеев. Так же показывает свидетельница Корхова. И сам Литвинов не отрицает того факта, что он принимал участие в действиях. Вина Бабицкого доказана свидетелями Великановой, Медведовской. Сам Бабицкий не отрицает того обстоятельства, что он был на Красной площади и держал плакат. Необходимо отметить, что у него дома была обнаружена крышка от стола, на которой он изготовлял лозунг.

Вина Делоне также подтверждается материалами дела и свидетельницей Ястреба. Он и сам не отрицает своего участия.

Вина Дремлюги подтверждается свидетелями Долговым, Ивановым, Савельевым, Куклиным, которые видели его и подтверждают, что он держал плакат. Эти обстоятельства не отрицает и сам Дремлюга.

Плакаты как вещественные доказательства приобщены к делу и также доказывают вину.

Все свидетели, лица, которые до 25 августа не знали подсудимых, дают искренние и правдивые показания. Имеются некоторые противоречия в показаниях, но они ни в коем

случае не могут поколебать их достоверность. Объясняются противоречия в показаниях свидетелей тем, что они видели с разных мест и в разное время и чрезвычайно были взволнованы. Это люди разные по возрасту, специальности, месту жительства. Здесь есть и студент, рабочий из Ногинска, инженер, слесарь, то есть по существу они не были заинтересованы в том, чтобы опорочить подсудимых. Они говорили, кого они опознали, кого не могли опознать. Это доказывает их правдивость. Показания свидетелей не вызывают сомнения в их достоверности.

Вина подсудимых состоит в том, что они приняли участие в групповых действиях, грубо нарушили общественный порядок, работу транспорта. Это подтверждается свидетелями Савиловым, Куклиным, Стребковым, Давидовичем, а также справкой 4-го отд. ОРУД ГАИ.

Нужно обратить внимание суда на то, что подсудимые не отрицают, что 25 августа они были на Красной площади и держали плакаты. Однако они говорят, что их действия законны на основании 125-й статьи Конституции, которая обеспечивает, в частности, свободу демонстраций. Да, действительно, статья предусматривает свободу демонстраций. Но то, что совершили подсудимые, отнюдь не может называться демонстрацией. Под демонстрацией мы имеем в виду организованные действия. Подсудимые демагогически ссылались на одну ее часть, забывая о второй части статьи Конституции, которая называет демонстрацией организованное шествие в интересах трудящихся и в целях укрепления социалистического строя. Что касается собрания 25 августа, то его нельзя отнести к демонстрации ни по существу своему, ни по содержанию.

Подсудимые очень хорошо усвоили права, забыв об обязанностях. Некоторые из подсудимых весьма широко использовали право на образование. Бабицкий имеет два высших образования. Богораз даже защитила диссертацию и имеет степень кандидата наук. Если высшего образования не получили Дело не и Дремлюга, то это произошло по причинам, зависящим от них самих. Государство дало им все возможности.

Юридическая квалификация их действий: преступление квалифицируется по статьям 190¹ и 190³ УК РСФСР. Материалы судебного следствия подтвердили верность обвинения и полностью доказывают вину подсудимых именно по этим статьям.

Подсудимые Богораз, Литвинов, Бабицкий, Делоне и Дремлюга заранее изготовили плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, и выкрикивали лозунги. Эти действия полностью подпадают под статью 190¹ УК РСФСР. Они грубо нарушили общественный порядок, мешали нормальной работе транспорта на Красной площади. Эти действия полностью подпадают под статью 190³ УК РСФСР. Вам надлежит решить вопрос об определении меры наказания. При определении меры наказания существенно, что представляет собой личность этих подсудимых. На первый взгляд здесь сидят разные люди: отец семейства, имеющий троих детей, и юноша, начинающий жизнь, кандидат наук и недоучившийся студент. Их объединяет крайняя политическая незрелость и идейная неустойчивость. Советская власть дала им все, обеспечила простор для развития творческих способностей. Думаю, подсудимые упорно старались не замечать прекрасного, что творится в нашем мире. Сведения они получали не из советских газет, радио; они черпали порочащую информацию из мутных зарубежных источников. В порыве откровенности подсудимый Дремлюга, как видно из материалов дела, сказал, что дела эти до добра не доводят.

Занятые поисками и распространением информации, трое из подсудимых — Литвинов, Дремлюга и Делоне — к моменту преступления вообще не работали. Литвинов не работал с января, будучи уволен за прогул. Из материалов видно, что Литвинов предупреждался органами милиции, но не поступал на работу. Пренебрегая воспитанием ребенка, несколько месяцев он не оказывал ему материальной помощи. Пренебрегала своими трудовыми обязанностями и Богораз-Брухман. 8 августа ей был вынесен строгий выговор, а 23 августа она была уволена с работы. Делоне, 1947 года рождения, несмотря на свою молодость, уже второй раз сидит на скамье подсудимых. Меньше года назад он был осужден Мосгорсудом. Тогда поверили его чистосердечному признанию и уверениям, что ничего подобного с ним не будет. Пожалели его молодость и поверили его крокодиловым слезам. Очевидно, тогда суд допустил ошибку. Делоне не выдержал срока.

Дремлюга тоже к моменту совершения преступления не работал. 1940 года рождения, уроженец прекрасного города Саратова на Волге, Дремлюга вел далеко не прекрасную

жизнь. Я не собираюсь вдаваться в подробности жизни этого саратовского донжуана, о моральном лице Дремлюги лучше всего говорит список 48 женщин от 17 лет и выше. За спекуляции с покрывками и дачу взятки он был осужден, но суд, учитывая его молодость, оказал тогда Дремлюге доверие и дал ему условную меру наказания. Но доверия он не оправдал. Прошу суд учесть это.

Предлагается следующая мера наказания: Богораз, Литвинову и Бабицкому с учетом того, что они ранее не привлекались к судебной ответственности — с применением ст. 43 УК РСФСР — Литвинову — 5 лет, Богораз — 4 года, Бабицкому — 3 года ссылки. Делоне и Дремлюге, так как они привлекались ранее к суду, — лишение свободы. Делоне — лишение свободы на 2 года, но, учитывая год условный и присоединяя его, — 3 года лишения свободы; Дремлюге — 3 года лишения свободы с содержанием в исправительно-трудовой колонии общего режима.

Я полагаю, что этот приговор будет единодушно одобрен общественностью города Москвы.

РЕЧЬ АДВОКАТА Д. И. КАМИНСКОЙ

(защитник Павла Литвинова)

Задача, которая сейчас стоит передо мной, представляется мне чрезвычайно сложной. Сложной не только потому, что из-за чрезвычайной уплотненности нашей работы все мы очень устали. Не только и не столько потому, что времени для подготовки к этой речи было явно недостаточно.

Задача, стоящая перед защитником, мне всегда представляется сложной, независимо от того, в каких условиях работает суд. Всегда, выступая перед судом, я ощущаю очень глубокую профессиональную и человеческую ответственность за то, как я сумею выполнить свой долг.

В настоящем деле эту ответственность я ощущаю с особым волнением, так как все материалы дела приводят меня к убеждению, что вина человека, которого я защищаю, не доказана и, следовательно, он в силу нашего закона должен быть судом оправдан. Аргументируя это мое утверждение, я, естественно, изложу суду, в чем я вижу недоказанность обвинения Литвинова, какие материалы дела, какие показания свидетелей и подсудимых привели меня к выводу о его невиновности.

Я уже говорила о сложности задачи защиты вообще. Следует сказать, что в этом деле сложность защиты особая, необыч-

ная. Абсолютное отсутствие конкретизации обвинения, индивидуализации его, полное отсутствие разграничения в правовой оценке привели к тому, что обвинительное заключение шесть раз излагает фактические обстоятельства дела, начиная с описательной части и кончая формулой обвинения, которая в абсолютно одинаковых словах повторяется в отношении каждого из подсудимых. Речь прокурора не восполнила этого пробела. Обвинение осталось столь же неконкретным. Более того, те действия, которые в обвинительном заключении были квалифицированы по ст. 190¹ УК РСФСР, прокурором расценены как действия, грубо нарушающие общественный порядок и, следовательно, квалифицируемые по ст. 190³ УК РСФСР. И наоборот, в тех действиях, в которых следствие видело нарушение общественного порядка, прокурор усматривает распространение клеветнических измышлений и именно эти действия просит квалифицировать по ст. 190¹ УК РСФСР.

Содержание всех лозунгов обвинение считает клеветническими, а в том факте, что лозунги были подняты на Красной площади и тем самым их содержание стало достоянием многих людей, обвинение видит форму распространения заведомо ложных измышлений. Именно эти действия прокурор просит квалифицировать по ст. 190¹ УК. Поддерживая же обвинение по ст. 190³, прокурор ограничился лишь общим утверждением, что действия подсудимых были групповыми и что они нарушили общественный порядок. Следовательно, обвинение считает сам факт появления семи человек у Лобного места с намерением публично высказать свое несогласие с конкретным действием нашего правительства — действием, грубо нарушающим общественный порядок.

Действительно, 25 августа этого года Литвинов вместе со своими товарищами был у Лобного места. Действительно, он поднял лозунг «За вашу и нашу свободу». И, несмотря на это, я считаю, что эти его действия не нарушали общественного порядка, а содержание поднятого им лозунга не является клеветническим.

Начну с обвинения по ст. 190¹. Решение вопроса о виновности или невиновности Литвинова по этому конкретному обвинению зависит от правовой оценки тех действий, которые ему вменяют в вину, поэтому я вынуждена обратиться к самому тексту закона (*зачитывает текст ст. 190¹ УК*).

Итак, закон карает, во-первых, за *систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений*. Ни в тексте обвинительного заключения, ни в речи прокурора такого обвинения в адрес подсудимых не было. Статья 190¹ предусматривает также ответственность за *изготовление клеветнических произведений*. Защита считает, что поднятый Литвиновым лозунг не является произведением, что в деле нет никаких доказательств того, что этот лозунг был изготовлен именно Литвиновым и что текст этого лозунга не носит клеветнического характера.

В статье 190¹ не случайно говорится об ответственности за изготовление именно *произведения*. Сам факт изготовления произведения клеветнического характера независимо от того, распространяют ли его в дальнейшем, является нарушением нашего закона. Законодатель исходит при этом из того, что любые измышления и сплетни по силе своего воздействия значительно менее опасны, чем произведения. Произведение, являясь плодом творчества писателя, ученого или художника (а именно так определяется понятие «произведение» Большой советской энциклопедией, «Толковым словарем» под ред. Ушакова, «Словарем русского языка» Академии наук СССР), воздействует не только смыслом или содержанием текста, но и той суммой эмоций, которая обязательно присутствует в произведении искусства, или строгой аргументацией в научном труде. «Произведение» — понятие правовое. Права автора произведения охраняются специальным законом.

Мы обзревали здесь вещественные доказательства, и вряд ли кто-нибудь может сказать, что эти плакаты являются *произведениями*.

В формулировке обвинительного заключения говорится об *изготовлении* плакатов. Следствие пыталось установить участие Литвинова в изготовлении плакатов, но ни экспертиза, ни показания свидетелей этого не подтвердили, хотя весь четвертый том дела посвящен вопросу изготовления. Таким образом, неизвестно, кем, где и когда были изготовлены лозунги, в частности тот, что был в руках у Литвинова.

Обвинение утверждает, что Литвинов и остальные подсудимые явились с этими лозунгами 25 августа в 12 часов на Красную площадь. Эту часть обвинения я считаю бесспорно доказанной. Это тем более несложно доказать, что этот единственный факт Литвинов и другие подсудимые подтвердили

с самого начала следствия. Не спорю и с утверждением о том, что Литвинов сел на тротуар или парапет Лобного места и поднял один из лозунгов, а именно «За вашу и нашу свободу». Доказано, что сидел, а не стоял, здесь нет разногласий с обвинением. Но сами эти действия — сидение на тротуаре и держание лозунга — не дают состава преступления по ст. 190¹. Наш закон карает не за любые групповые действия, не за публичное выражение своего мнения или убеждения, каково бы оно ни было. Он карает людей лишь тогда, когда это мнение или убеждение выражается в преступной форме. Само по себе содержание лозунга может дать основание для привлечения к уголовной ответственности за оскорбление — если он оскорбителен, за хулиганство — если он выражен в неприличной форме, по ст. 190¹, если в нем содержится клевета. Но содержание лозунга никогда не может рассматриваться как нарушение общественного порядка, а именно так расценивается оно обвинением.

Если один факт появления на Красной площади и поднятия плакатов не дает состава преступления, то какие же действия могут квалифицироваться как нарушение общественного порядка? Это, во-первых, оказание сопротивления представителям власти и, во-вторых, помехи движению транспорта и помехи работе государственных и общественных учреждений.

Материалы этого дела не содержат доказательств, что Литвинов оказывал неповиновение законным требованиям представителей власти. Из всех свидетелей, которые задерживали обвиняемых, не было ни одного, который мог бы быть назван законным представителем власти. Существует единственное свидетельское показание Давидовича, который утверждает, что задерживающее лицо предъявило документ, но прокурор справедливо обратил внимание на то, что какой именно документ — неизвестно. Вообще следствием не установлены лица, задержавшие Литвинова. Никому Литвинов не оказывал сопротивления, независимо от формы его задержания, оскорбительной и насильственной. Свидетель Ястреба показала, что подсудимые быстро вскинули вверх руки и развернули лозунги и почти сразу подбежали несколько человек и отобрали лозунги. Подсудимые сидели не поднимаясь, хотя их били.

Была ли нарушена работа транспорта? Я полагаю, что нет. В стадии предварительного следствия не было данных

о происхождении какого-либо транспорта. В судебном заседании были показания свидетелей на этот счет, но они различны. Так как все это продолжалось несколько минут, то говорить с точностью о том, что машины были, невозможно. Имеющиеся показания одного свидетеля утверждают, что машины могли пройти: граждане расступались и давали дорогу транспорту. Допрошенный регулировщик подтвердил это.

Судья: Прошу не выходить за пределы обвинительного заключения.

Каминская: Я уж не говорю, что даже не утверждалось, что была нарушена работа общественных и государственных учреждений.

Остается общая формулировка: групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок. Мы должны говорить конкретно, что именно является нарушением общественного порядка. Говорят, что содержание лозунгов вызвало возмущение окружающих и это могло выражаться в их правильных или неправильных действиях. Но ведь мы рассматриваем сейчас действия Литвинова, а не действия других лиц. Были показания о тихом разговоре (свидетельница Ястреба), Давидовича — о том, что произносились речи. В материалах дела нет доказательств того, что Литвинов выкрикивал лозунги, этого не говорил ни один из свидетелей.

Теперь перейдем к последнему: является ли лозунг, который держал Литвинов — «За вашу и нашу свободу», — клеветническим. Я ограничиваю свои объяснения одним лозунгом не потому, что считаю остальные криминальными. Более того, я помню, что мой подзащитный заявил, что он не снимает с себя ответственности и за остальные лозунги, и я разделяю эту его позицию. Но об остальных лозунгах, которые держали подсудимые, будут говорить их адвокаты.

Литвинов держал лозунг «За вашу и нашу свободу». Прокурор считает этот лозунг клеветническим, то есть преступным. Поддерживая эту часть обвинения, прокурор вместо правового анализа ограничился тем, что задал вопрос: «Что имел в виду Литвинов, когда он поднял лозунг? Может быть, — спросил прокурор, — он имел в виду свободу устраивать собрания, свободу клеветать?» Никаких иных аргументов, подкрепляющих это обвинение, в речи прокурора не было. Но ведь клевета — это правовое понятие. Оно предполагает сообщение ложной информации. Причем ложной заведомо для того, кто эту информацию сообщает. Заведомость — это

субъективное отношение лица к тому, что оно сообщает. Убеждение человека в правильности сообщаемой им информации может быть и ошибочным, но все же оно остается его внутренним убеждением, а это исключает обвинение в заведомой для него ложности информации.

Теперь конкретно о лозунге, который был поднят Литвиновым.

Не так давно в кинотеатре «Россия» демонстрировался фильм «За вашу и нашу свободу». Название этого фильма точно соответствует лозунгу, поднятому Литвиновым на Красной площади. Никто не считает название этого фильма клеветническим.

Значит, не смысл этого лозунга, а подразумеваемый подтекст, предполагаемое содержание признается сейчас неправильным и преступным.

Я лично считаю, что лозунг «За вашу и нашу свободу» никогда не может считаться клеветническим. Я всегда говорю «за вашу свободу» и «за нашу свободу», потому что считаю самым большим счастьем для человека — счастье жить в свободном государстве. Я полностью присоединяюсь к той части речи прокурора, в которой он говорил о великой заслуге советского народа и Советской армии, которые принесли свободу Чехословакии. И тогда, в тяжелые годы Великой Отечественной войны, наши люди и наши воины с полным правом могли поднять лозунг «За вашу и нашу свободу».

В тексте этого лозунга я не вижу не только ничего преступного, но и неверного. К тому же он не содержит никакой информации, никаких сообщений — правильных или ложных. Но этот лозунг был поднят не один. Более того, этот лозунг был поднят в связи с определенными и конкретными событиями, которыми весь наш народ был взволнован, с событиями, к которым никто не мог остаться равнодушным. Поэтому для того, чтобы окончательно аргументировать свое утверждение о невинности Литвинова, я должна говорить и о цели, которую преследовал Литвинов, придя на Красную площадь с этим лозунгом.

И на предварительном следствии, и в суде Литвинов говорил, что он считал себя обязанным открыто высказать свое отношение к решению о вводе войск в Чехословакию, к тому решению, с которым он был несогласен. И независимо от того, прав он был в этой оценке или ошибался, выражение собственного мнения не может считаться преступлением.

Решая это необычное дело, суд не может отказать людям, судьбу которых он сейчас решает, в признании их безусловной искренности и убежденности. Эта внутренняя убежденность в своей правоте, это желание открыто высказать свое отношение и мнение исключают возможность осуждения их за сознательную намеренную ложь — то есть за клевету. Заканчиваю свои объяснения тем, с чего я их начинала, — все материалы дела приводят меня к убеждению о невинности Литвинова, и я обращаюсь к суду с единственной возможной при таких условиях просьбой — просьбой о его оправдании.

РЕЧЬ АДВОКАТА Ю. Б. ПОЗДЕЕВА
(защитник Константина Бабицкого)

Мой подзащитный Константин Иосифович Бабицкий — ученый, научный сотрудник Института русского языка. До ареста он работал в той области науки, которая образовалась на стыке двух наук — лингвистики и математики. Он окончил Институт связи и филологический факультет университета. За небольшой период работы в Институте русского языка Бабицкий показал себя способным, если не талантливым, ученым. Бабицкий не просто занимался общественно полезным трудом, а находился на авангардном рубеже науки. В действиях органов предварительного следствия, применивших арест до суда и оторвавших его от работы и семьи, была проявлена поспешность. Трудно поверить, что эта санкция была необходима, тем более что Бабицкий не признавал свой поступок основанием для предъявления ему обвинения. Защита не хочет превращать зал суда в дискуссионный клуб. Цель защиты — не обсуждение политических взглядов Бабицкого, а представление правовых доводов о недоказуемости его вины. Формула обвинения для всех обвиняемых отличается удивительным однообразием. Это вызывает удивление еще и потому, что статья 190¹ УК РСФСР не предусматривает групповых действий. Ни один из признаков статьи 190¹ в формуле обвинения не конкретизирован и к действиям Бабицкого не подходит. К статье 190¹ пока не издано комментариев. По аналогии рассмотрим комментарий к статье о клевете. Там тоже речь идет о заведомо ложных измышлениях, но по отношению к отдельному лицу, а не к обществу. Иначе говоря, лицу, которому предъявлено обвинение в клевете, должно знать

о ложности распространяемых им измышлений. В данном случае прежде всего заведомости не было.

Бабицкий находился на площади с лозунгом на чешском языке «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия». Лозунг не содержит никакой информации. Это его убеждение, высказанное в такой форме. Судят ли человека за текст или же за подтекст? Это очень важный и трудный вопрос. Здесь представитель обвинения говорил, что войска были введены, чтобы обеспечить свободу и независимость Чехословакии, то есть именно то, о чем говорится в лозунге. То, что Бабицкий вкладывал в эти слова иной смысл, сомнений не представляет. Но уголовная вина должна следовать из самого текста, а не из его толкования.

Бабицкий — честный человек, и если он высказывает мнение, то верит в него. Но тогда отпадает заведомость. Состав статьи 190¹ — конкретный. Измышления, клевета или распространение заведомо ложных измышлений — ни один из этих признаков не содержится в действиях Бабицкого.

В доме подсудимого найдена доска с текстом плаката, который на Красной площади не фигурировал. Но изготовление этого лозунга не вменяется ему в вину, а значит, нечего и говорить о его содержании. Принести тот лозунг, который он держал, Бабицкий не мог, так как лозунг не поместился бы в его кармане. Жена Бабицкого подтвердила, что он вышел из дома без плаката. Свидетель Давидович показал, что плакат на чешском языке был вынут из коляски. Государственный обвинитель упомянул реплику Бабицкого: «Мы теряем своих лучших друзей». Но если ему инкриминируется эта фраза, то неясно, по какой части статьи — по 190¹ или по 190³. Но по 190¹ требуется неоднократное устное распространение. Может быть, по 190³? Но фраза сказана не громко, обычным голосом, в ответ на какое-то замечание, к тому же она не порочит советский государственный и общественный строй.

Таким образом, не доказано изготовление, не доказана заведомость, не доказано, что лозунг порочит советский государственный и общественный строй, не доказано, что Бабицкий его принес. Следовательно, по статье 190¹ Бабицкий подлежит оправданию. Сложнее обстоит со статьей 190³, в которой говорится о групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок. Действия, действительно, носили групповой характер. Обязательно ли здесь присутствовал сговор? Возможно, это была общая информирован-

ность. Но суть не в наличии или отсутствии сговора, а в том, привели ли действия подсудимых к грубому нарушению общественного порядка. Прежде всего, это незначительная группа в семь человек. Они сели на тротуар. По тротуару транспорт не ходит. Я полагаю, что нарушение порядка должно быть действием самих обвиняемых. Никто из свидетелей ничего не сказал о действиях Бабицкого. Ни он, ни вся группа не могли мешать транспорту. Говорят, что действия подсудимых собрали толпу. Я не убежден, что толпа — это стационарное понятие. Свидетели называли цифру 30–40 человек. Для масштабов Красной площади 30–40 человек — это немного. Говорят, что, когда их увезли, была толпа до 400 человек, но за то, что произошло после того, как их увезли, подсудимые отвечать не могут. Из всех действий Бабицкого остается одна его фраза — о том, что мы теряем своих друзей: чехов и словаков, о которой он сказал на суде сам. Я полагаю, что по статье 190¹ Бабицкий подлежит оправданию за отсутствием состава преступления, а по ст. 190³ — за недоказанностью преступления.

При вынесении приговора прошу суд также учесть, что Бабицкий работает в уникальной области науки и специалисты в этой области редки.

РЕЧЬ АДВОКАТА С. В. КАЛИСТРАТОВОЙ

(защитник Вадима Делоне)

Я прошу вас, товарищи судьи, отнестись снисходительно к некоторым шероховатостям, которые могут быть в моей речи, так как я начинаю эту речь на двенадцатом часу непрерывной работы.

Мы, юристы, глубоко уважаем закон и знаем, что нельзя оправдать нарушение закона никакими, даже самыми лучшими побуждениями. Руководствуясь законом, и только законом, я обязана, в силу своего профессионального долга, просить суд об оправдании Вадима Делоне, так как ни в законе, ни в материалах дела нет оснований признать уголовно наказуемыми его действия. А если нет преступления, то нет места и для применения уголовной репрессии.

Правовой анализ материалов дела в моей речи будет очень краток, так как я постараюсь избежать повторения доводов товарищей по защите, выступавших до меня. Но прежде чем я перейду к изложению основной позиции защиты, я не могу не отметить, что даже с точки зрения государственного об-

винителя, который считает виновность Делоне доказанной, даже с этой точки зрения невозможно понять, почему прокурор требует такой суровой меры наказания для Делоне. В своей суровой несправедливости прокурор даже прямо нарушает закон, когда он просит, определив Делоне по совокупности двух вмененных ему статей наказание в виде лишения свободы сроком на два года, присоединить к этому наказанию еще год лишения свободы по предыдущему приговору, в то время как по правилам статей 41 и 44 Уголовного кодекса может быть присоединена лишь неотбытая часть наказания. Вы знаете, товарищи судьи, что Делоне до освобождения из-под стражи по приговору 1967 года пробыл в заключении более семи месяцев. Следовательно, в соответствии с буквой и смыслом закона, прокурор не имел оснований просить вас о присоединении года лишения свободы по предыдущему приговору.

Но дело даже не в этом.

Когда глядишь на Вадима Делоне, когда знаешь материалы дела, когда видишь его в суде и сравниваешь его с другими, — а такое сравнение неизбежно, — то возникает тягостное впечатление, что прокурор требует для Делоне наказания совсем не за то, в чем его формально обвиняют.

Прокурор, квалифицированный юрист, сказал, что Делоне, как и другие подсудимые, совершил тяжкое преступление. Мы, юристы, обязаны употреблять правовые термины только в строгом соответствии с законом. Я вынуждена обратить ваше внимание, товарищи судьи, на то, что примечание 2-е к статье 24 УК РСФСР дает исчерпывающий перечень преступлений, отнесенных законом к числу тяжких. И в этом перечне нет ни ст. 190¹, ни ст. 190³ УК, по которым предан суду Делоне. Прокурор не может не знать и не понимать этого.

Вы хорошо знаете, товарищи судьи, санкцию закона, знаете, что обе статьи УК, вменяемые Делоне, предусматривают наказание не только в виде лишения свободы, но и исправительные работы без лишения свободы и штраф до 100 руб. Следовательно, законом установлено, что человек, признанный виновным в совершении преступлений, описанных в этих статьях, может, в зависимости от обстоятельств, быть присужден к штрафу, или к исправительным работам без лишения свободы, или к лишению свободы сроком от трех месяцев до трех лет.

И вот прокурор, не пытаясь даже сослаться на предусмотренные законом отягчающие вину обстоятельства, хочет, чтобы Вадим Делоне получил максимально высокое наказание. Вот почему я говорю о тягостном впечатлении, что прокурор просит для Делоне наказание не за то, в чем он формально обвиняется.

Санкция закона широка. И если вы будете решать вопрос о том, как надо наказать Вадима Делоне, то вы будете избирать меру наказания не произвольно, а на основании закона, потому что статьи 37, 38 и 39 УК РСФСР определяют, чем руководствуется суд, избирая ту или иную меру наказания.

Вы должны учитывать характер и степень общественной опасности действий, вменяемых Делоне.

И вот здесь я вижу серьезное внутреннее противоречие в речи прокурора.

С одной стороны, прокурор говорит, что подсудимые — это незначительная кучка неправильно мыслящих людей, которая тонет в единодушии всего народа. Значит, их действия не так уж опасны? Но с другой стороны, прокурор требует определить меру наказания самую суровую — три года лишения свободы, то есть, очевидно, исходит из признания какой-то повышенной опасности этих действий, хотя материалы дела не дают для этого оснований.

И личность подсудимого должен учитывать суд, определяя ту или иную меру наказания.

20 лет Вадиму Делоне. Он не герой — он не сделал в своей жизни ничего такого, что мы могли бы положить на судейский стол: характеристики, похвальные листы, свидетельства его неустанной плодотворной работы. По-разному складываются характеры людей. Одни — в 19–20 лет уже состоявшиеся люди, с определенной профессией, мировоззрением. Другие складываются и формируются позже.

Но назвать 20-летнего юношу «лицом без определенных занятий» только потому, что он не работал в течение нескольких недель, — можно только сухо-формально и бездушно. Дело в том, что Вадим — ищущий юноша, который еще не нашел своего жизненного пути.

Если бы всегда так сурово и несправедливо именовали «лицами без определенных занятий» людей ищущих, бросающихся от одной работы к другой, из одной местности в другую, — если бы всегда так сурово относились к таким людям, то мы, может быть, недосчитались бы на своих кни-

жных полках произведений не только Александра Грина, но и Константина Паустовского и многих других. Именно людям, склонным к творческой, литературной деятельности, часто свойственна такая неустроенность, такое метание, такая неспособность сразу найти свое место в жизни.

Поэтому я считаю, что нельзя ставить Вадиму Делоне в вину то, что он к моменту ареста не работал. Он просто не сумел быстро сориентироваться и устроиться на работу. Нельзя поставить ему в вину, что он оставил учебу в Новосибирском университете. Вы слышали, товарищи судьи, как был травмирован Делоне, молодой, начинающий поэт, разгромной газетной статьей, обрушившейся на его голову. Я имею в виду статью корреспондента газеты «Вечерний Новосибирск», которая приобщена к делу. В этой статье все, что есть у Делоне дорогого, все его творчество было зачеркнуто даже не черной краской, а дегтем. Да и сам Вадим перечеркнут как человек, как личность, как поэт. Надо иметь закалку, надо иметь волю, чтобы устоять после такого удара. Посмотрите, товарищи судьи, какая разница между корреспондентом газеты, заключившим с легкостью необыкновенной в кавычки и слово «творчество», и слово «стихи», и бережным и чутким отношением к стихам молодого поэта со стороны большого поэта и чудесного человека Корнея Ивановича Чуковского. Мы представили суду письмо Чуковского, который не пожалел своего времени и своих сил, по строчкам разобрал стихи этого юноши и написал, что Вадим Делоне станет большим и сильным поэтом, если будет упорно работать.

Не хватило у 20-летнего юноши духа противопоставить разгромной газетной статье даже грамоту, которую он получил от райкома комсомола и правления клуба «Под интегралом». А эта грамота, приобщенная к делу, удостоверяет, что Вадим получил вторую премию на конкурсе стихов, посвященных 50-летию Октябрьской революции. Эта премия и письмо Чуковского дают мне право утверждать, что Делоне — поэт.

Вадим малодушно бежал из Новосибирска — куда? К матери. К этой самой матери, которой он оставил, когда его уводили из дома после обыска, такую простую и трогательную записку: «Прости за то, что я вновь причиняю тебе горе».

Я признаю право прокурора на убеждение, такое же право я признаю и за собой. У нас состязательный процесс. Мы

спорим. Прокурор доказывает, что Делоне виновен. Я доказываю, что он не виновен. А вы, товарищи судьи, будете вершить приговор и устанавливать истину. Но разве можно в этом споре закрыть глаза на человека и, оперируя какими-то бездушными понятиями, просить три года лишения свободы для Делоне?

Я понимаю, у прокурора есть что мне возразить. Прокурор может сказать вам, товарищи судьи: я прошу для Делоне такую суровую меру наказания потому, что он судим, а судимость является по закону отягчающим вину обстоятельством.

Да, судим, и по одной из тех статей, которые ему вменяются сегодня. И тот приговор 1967 года я не имею права критиковать, так как он вступил в законную силу, и мне и в голову не приходит выражать сомнение в его законности.

Но я напоминаю вам, товарищи судьи, что ст. 39 УК РСФСР дает суду право не придавать прежней судимости значения отягчающего обстоятельства.

Вы не можете не учесть, что к моменту первого ареста Делоне было едва 19 лет. Мы не можем сейчас ничего сказать по этому делу, кроме того, что Делоне был осужден к условному наказанию. Мы то дело не исследовали и не могли исследовать. Поэтому прокурор не имеет оснований говорить о «крокодиловых слезах». Может быть, позиция Делоне в том суде объясняется вовсе не желанием кого-то разжалобить слезами, а совсем иными обстоятельствами.

Никаких других предусмотренных законом отягчающих вину Делоне обстоятельств прокурор указать не может. Их просто нет.

Безусловное отсутствие каких-либо корыстных целей — в самом широком смысле, — полное отсутствие надежд на получение какого-либо личного преимущества или какой-либо выгоды для себя в результате своего поступка, наконец, отсутствие тяжких последствий — все это должно расцениваться как обстоятельства, смягчающие вину.

Все это дает мне право утверждать, что прежняя судимость за поступок, совершенный в 19-летнем возрасте, не является достаточной мотивировкой для назначения Делоне максимально тяжелого наказания, если даже исходить из убеждения в его виновности.

Но я не могу, товарищи судьи, ограничить защиту Делоне только вопросом о мере наказания.

Уже в начале своей речи я высказала свое глубокое убеждение в том, что Делоне не совершил уголовного преступления, что он должен быть судом оправдан.

У меня не меньше, чем у моих коллег по защите, права и оснований ссылаться на то, что Делоне не изготовлял и не приносил лозунгов на Красную площадь, что Делоне держал в руках лозунг: «За вашу и нашу свободу», — который в своем содержании никакой клеветы не несет. Но я не буду на это ссылаться. Я скажу прямо: именно этот лозунг в руки Делоне попал случайно, он не выбирал лозунга. Поэтому я должна говорить обо всех лозунгах, включенных в формулу обвинительного заключения. Но, говоря обо всех лозунгах, я не могу не отметить, что некоторые из них, по моему глубокому убеждению, могли попасть в формулу обвинения только по недоразумению.

Как можно признать клеветническими слова: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия», «За вашу и нашу свободу»?

В фойе кинотеатра «Россия» на стене большими красными буквами написано: «За вашу и нашу свободу!» Это название кинофильма. Газеты, содержащие объявление с этим названием фильма, широко, в миллионах экземпляров, разошлись по стране. И я возражаю против обвинения в уголовном порядке по подтексту.

Как можно признать клеветническим сам по себе лозунг, который содержит лишь призыв к свободе и не только не несет никакой информации о каких-либо фактах, но и не содержит никакой, даже объективно ложной оценки каких-то явлений?

Я помню, что есть и другие лозунги, и я обещала говорить обо всех лозунгах. Но здесь я постараюсь, оставаясь на строго правовой юридической позиции, не выходить ни на минуту за рамки закона. При этом я не буду повторять доводов, уже прозвучавших в речах защиты.

По закону устное распространение заведомо ложных клеветнических сведений наказывается в уголовном порядке только в том случае, если оно носит систематический характер.

Произведениями, однократное изготовление или распространение которых наказывается, эти лозунги не являются. Это положение было прекрасно аргументировано адвокатом Каминской.

Значит, даже с этих позиций, независимо от содержания лозунгов, в действиях подсудимых нет состава преступления. Заведомо ложные измышления — что это такое в строго правовом смысле? Это сообщение о фактах, якобы имевших место, лицом, заведомо знающим, что эти факты не имели места в действительности. Другими словами, закон устанавливает ответственность за распространение заведомо ложных, клеветнических сведений или измышлений, распространение заведомо ложной, клеветнической информации о фактах, не имевших места.

Ни один из вмененных подсудимым лозунгов такой информации не несет.

Может быть клевета и иного порядка — может быть заведомо для данного лица ложное освещение, умышленно ложная оценка тех или иных фактов или событий, действительно имевших место. Это тоже будет своеобразная и направленная информация, которая может быть субъективно заведомо ложной.

Но если та или иная оценка высказывается по внутреннему субъективному убеждению, то она может быть объективно правильной или неправильной, вредной или невредной, но она не может быть субъективно заведомо ложной.

Как можно утверждать, что оценка, в правильности которой человек убежден, — я еще раз повторяю, пусть объективно неправильная, — как можно сказать, что это его внутреннее убеждение, — пусть объективно вредное, — но как можно сказать, что оно *заведомо* для этого человека ложное?

В соответствии с законом я имею право утверждать, что наш закон не знает уголовной ответственности ни за убеждения, ни за мысли, ни за идеи, а устанавливает уголовную ответственность только за действия, содержащие конкретные признаки того или иного уголовного преступления.

Вот позиция защиты, которая дает мне право утверждать, что умысла порочить советский государственный строй у Делоне не было, что он в своих действиях руководствовался совсем иными мотивами. Если эти мотивы, это своеобразие мнений и убеждений прокурор охарактеризовал как политическую незрелость и неустойчивость, то за политическую незрелость и неустойчивость нет уголовной ответственности.

В наших руках целый арсенал средств борьбы, средств исправления людей, страдающих политической незрелостью

и политической неустойчивостью. Уголовная репрессия в число этих средств не входит.

Таким образом, я полагаю, что в действиях Делоне нет состава преступления, предусмотренного ст. 190¹ УК, и он по этой статье подлежит оправданию.

Пожалуй, еще более кратко будет изложение позиции защиты по ст. 190³ УК.

Прокурор утверждает, что Делоне виновен, ссылаясь лишь на то, что Делоне признает факт появления на площади 25 августа и разворачивания там плакатов и что его в этом уличает Ястреба.

Несмотря на то что в законе идет речь о групповых действиях, в пределах этой группы каждый несет ответственность индивидуально за свои действия, а не за действия всей группы, — по принципу: индивидуальная ответственность за индивидуальную вину.

Так вот: Делоне признаёт, Ястреба уличает. Это *все* доказательства, которые приведены прокурором в его обвинительной речи.

А в чем уличает Делоне Ястреба? В каком нарушении порядка? Она ведь не уличает Делоне в том, что он кого-либо ударил. Она дает показания о том, что ударили самого Делоне два раза. Она ведь не уличает его в том, что он кричал, создавал шум, нарушил порядок. Она его «уличает» в том, что он и сам признаёт, что он сказал так вот, совсем прямо и открыто: пришел на Красную площадь, чтобы выразить свое несогласие с решением правительства о вводе войск в Чехословакию, сел у Лобного места и развернул плакат с лозунгом «За вашу и нашу свободу».

Если, как утверждает товарищ прокурор, в самом факте выражения несогласия с отдельными мероприятиями правительства содержится состав преступления, — то тогда защищать Делоне невозможно. Но пусть прокурор укажет закон, определяющий, что в этом есть состав преступления.

А я слышу, что Делоне обвиняется не в несогласии с отдельными мероприятиями, тем более несогласии, которое никак не сочетается в обвинении с какими-нибудь неблагоприятными целями, — а только за форму выражения этого несогласия. Вот этой преступной формы в действиях Делоне усмотреть невозможно. Ведь недостаточно пять раз повторить, что *было* нарушение, надо указать и доказать, *в чем именно* конкретно было нарушение порядка со стороны Делоне.

Прокурор говорит о ст. 13 УК, о необходимой обороне...

Судья (прерывает): Вы в своей речи больше касаетесь речи прокурора, пожалуйста, переходите к защите непосредственно.

Калистратова: Я, товарищ председатель, очень дисциплинированный человек и беспрекословно подчиняюсь указаниям тех, кто имеет право — а вы имеете это право — давать мне указания в судебном заседании.

Но я прошу вас учесть, что я — адвокат — не обязана представлять доказательства невиновности Делоне, по закону я здесь для того, чтобы оспаривать и критиковать те доказательства, которые представлял прокурор. Поэтому мне представляется такое построение моей речи правильным.

Однако мне осталось не так долго занимать ваше внимание. Я подхожу к концу своей защитительной речи.

Ст. 13 УК не может оправдывать незаконные действия. Нужно ли было в порядке ст. 13 бить Делоне, который не сопротивлялся? Мне кажется, что не нужно. И мне хотелось бы, чтобы в речи прокурора прозвучал упрек тем неизвестным, неустановленным лицам, которые делали это. Мы к юноше Делоне предъявляем очень большие требования. Давайте же предъявим такие же требования и к тем людям, которые своим несдержанным поведением создали нарушение порядка.

Нельзя за действия этих лиц возлагать ответственность на Делоне, который не шумел, не кричал, никого не оскорблял, никому не мешал и не совершил никакого нарушения общественного порядка.

Не стану останавливаться на других вопросах, чтобы не повторять прекрасно аргументированные доводы Каминской и Поздеева. Я заканчиваю. Надеюсь не на снисхождение, а на справедливость и законность вашего приговора.

Я прошу Делоне оправдать за отсутствием в его действиях состава преступления.

РЕЧЬ АДВОКАТА Н. А. МОНАХОВА

(защитник Владимира Дремлюги)

Товарищи судьи! Сам по себе факт, когда группа советских граждан пришла на Красную площадь, с тем чтобы выразить свое несогласие с политикой государства в одном из чрезвычайно острых и важных ее аспектов, является фактом в условиях нашей действительности необычным и, естественно, заставляет задуматься. Весьма понятно неодобрение этих действий со стороны заинтересованных людей

и ведомств. У меня есть основания не сомневаться в том, что и сам суд не разделяет взглядов, синтезированным выражением которых явились лозунги подсудимых.

Вместе с тем я хочу обратить ваше внимание на то, что личное отношение каждого к политическим взглядам не должно оказаться фактором, влияющим на оценку собранных по делу доказательств и на юридическую квалификацию действий подсудимых, которые суд признает доказанными. В этих вопросах мы вправе ждать от суда абсолютного беспристрастия.

В соответствии с редакцией закона, по которому Владимир Дремлюга предан суду, в его вину вменено распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй. Это обвинение с объективной стороны ограничено содержанием пяти транспарантов, которые он вместе с товарищами развернул 25 августа у Лобного места на Красной площади. Я лично понял государственного обвинителя таким образом, что все высказывания, произнесенные каждым из подсудимых в отдельности или всеми вместе на Красной площади, вменяются им по ст. 190¹ УК РСФСР. В обвинительном заключении об этих высказываниях говорится, что они аналогичны надписям на транспарантах. Поэтому я считаю себя вправе говорить только о содержании транспарантов.

Даже не прибегая к анализу субъективной направленности поступка, следует признать, что само содержание транспарантов, за исключением одного, о котором речь пойдет особо, с трудом увязывается с юридически конкретной формулой — «распространение измышлений». В лозунгах вообще не содержится сообщений о каких-либо фактах, ложных или действительных. В них высказывается субъективное и личное отношение к событию, которое совершилось 21 августа, причем событие это настолько общеизвестно, что бессмысленно ставить вопрос, ложно оно или не ложно.

Но личное отношение, будь то одобрение или неодобрение, не может быть названо измышлением.

Эти личные реакции относятся к категории эмоций и оценок, но не к существу передаваемой информации. Само по себе несогласие с мнением пусть даже самого авторитетного учреждения Советского государства не является предметом уголовного закона вне зависимости от того, выражено оно устно либо письменно.

Составом статьи 190¹ УК может быть только умышленное искажение информации, нацеленное на то, чтобы ввести кого-то в заблуждение. А в данном случае кого и относительно каких конкретных фактов могли ввести в заблуждение транспаранты, демонстрируемые у Лобного места?

Теперь о последнем транспаранте. Обвинение утверждает, что само требование освободить первого секретаря КПЧ содержит в своем подтексте ложное сообщение о лишении его свободы. Но это не совсем так. Во-первых, ни в тексте, ни в подтексте плаката не содержится указаний на то, к какому государству, а может быть, и к отдельным лицам обращено это требование. Для людей, не слушавших зарубежных передач, этот лозунг, очевидно, остался бы просто непонятным. Разгадать смысл подтекста, не прибегая к разъяснениям зарубежного радио, невозможно. Но разве можно строить обвинение на подтексте, к которому добавляются другие привходящие соображения, авторами которых ни один из подсудимых не является и которым само обвинение не доверяет? Такую конструкцию обвинения я считаю юридически неправильной и необоснованной.

С субъективной стороны в действиях Дремлюги применительно к данному транспаранту также отсутствует состав распространения заведомо ложных измышлений.

Обратимся к показаниям Владимира Дремлюги. Он утверждает, что поверил сообщению израильского радио об интернировании Дубчека. Это его субъективное убеждение, по его показаниям, укрепилось еще и тем, что в печати перестало упоминаться имя первого секретаря ЦК КПЧ вплоть до 27 августа, а события, которые составляют фабулу обвинения, произошли 25 августа. Таким образом, добросовестность сложившегося у подсудимого убеждения можно объективно понять и объяснить, а появление соответствующего лозунга никак не свидетельствует об умысле на распространение заведомо ложных сведений.

Против Владимира Дремлюги выдвинуто и второе обвинение — это активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок и повлекших нарушение работы транспорта. Первое, что я хотел бы отметить по этой части обвинения, — это то, что формула обвинительного заключения не вполне соответствует закону, то есть ст. 190³ УК РСФСР.

Если в законе в качестве одного из необходимых признаков данного преступления установлены определенные и конкретные последствия, а именно: совершившийся факт нарушения работы транспорта, то в обвинительном заключении применена расплывчатая и не поддающаяся точному определению формулировка о так называемой «ненормальной работе транспорта». Что такое «нормальная» работа и что такое «ненормальная», обвинение не объясняет и объяснить не может. Между тем в деле не имеется достаточных данных, свидетельствующих о том, что в результате действий подсудимых на Красной площади была остановлена хотя бы одна автомашина.

Здесь необходимо дать более развернутый анализ доказательств обвинения, поскольку показания подсудимых и ряда свидетелей по этому вопросу разошлись. Подсудимые, давая свои объяснения, не предприняли ни малейшей попытки отрицать факты, легшие в основу обвинения по ст. 190¹ УК. В то же время они категорически отрицают какую-либо свою причастность к действиям, которые могли бы быть расценены как нарушение общественного порядка, повлекшее ненормальную работу транспорта.

Товарищ прокурор, оценивая их показания, видимо, имел повод говорить о незрелости их политических суждений, однако незрелость суждений и связанное с нею личное недоверие обвинения к подсудимым не дает права товарищу прокурору обвинять их в лжесвидетельстве и не освобождает товарища прокурора от обязанности подробно и объективно анализировать показания подсудимых. Кроме показаний подсудимых, в деле мы встречаемся с показаниями двух групп свидетелей. Первая группа, которая обвинением была выделена еще на предварительном следствии, состоит из служащих известной вам воинской части, а также работников милиции. Если товарищ прокурор ставит под сомнение показания подсудимых, то у меня есть основания просить вас одинаково критически относиться к показаниям свидетелей обвинения. Из материалов дела видна одна особенность в поведении этих свидетелей. В тот момент, когда происходили описанные в обвинительном заключении события, свидетели эти не просто выразили неприязнь к тем лозунгам, которые они увидели, но и сочли своим долгом задержать подсудимых и доставить в милицию, то есть действовать как представители власти. Это обстоятельство

достаточно серьезно, потому что если действиями хотя бы одного из них причинен какой-либо вред задержанным, то вполне естественно допустить, что эти свидетели становятся прямо или косвенно заинтересованными в исходе дела.

Для устранения противоречий следует обратиться к незаинтересованным, объективным показаниям тех свидетелей, которые не являются ни родственниками, ни знакомыми той или другой стороны.

Так, свидетель Ястреба дала показания, идентичные с показаниями подсудимых. Она подтвердила, что подсудимые вели себя на тротуаре Лобного места с подчеркнутой корректностью. Их спокойствие было намеренным и, как они сами утверждают, заранее запланированным. Далее Ястреба подтвердила, что никакие лозунги подсудимыми в действительности не выкрикивались. Разговор их с собравшимися гражданами был спокойным — настолько спокойным, что свидетель, хотя и находилась в непосредственной близости от подсудимых, не могла расслышать из этих разговоров ни одного слова.

По делу допрошен также свидетель Леман, который рассказал, что, будучи случайно задержанным гражданами в штатском, он подвергся с их стороны насильственным действиям. Леман относится к той категории людей, которые не разделяют взглядов подсудимых.

Судья: Вы знаете, что обвинение предъявлено подсудимым не за взгляды, а за конкретные действия.

Монахов: Леман не проявляет ни малейших симпатий к подсудимым. Находясь у Лобного места, он не мог допустить таких поступков, которые бросили бы на него тень. Тем не менее он подвергся задержанию и побоям, что объективно подтверждает показания подсудимых о применении к ним побоев и насилия.

Таким образом, незаинтересованными показаниями названных свидетелей, а также свидетелей Федосеева, Корховой, Великановой, Медведовской, Стребкова, которые почти во всех деталях совпадают с объяснениями подсудимых, подтверждаются все основные факты, рассказанные самими подсудимыми, а именно:

— никакого нарушения общественного порядка со стороны подсудимых на Красной площади допущено не было;

— те же лица, которые присвоили себе функции представителей власти либо выступали в таком качестве, сами допу-

стили ряд неоправданных действий — побоев, что, во-первых, не может быть поставлено в вину подсудимым как один из элементов нарушения общественного порядка, а во-вторых, отнюдь не способствовало выполнению воспитательной в отношении подсудимых функции, которую эти граждане, по их же показаниям, хотели выполнить.

Защита также не может согласиться с доводом обвинения, согласно которому возмущение граждан само по себе должно рассматриваться как признак нарушения подсудимыми общественного порядка.

Если реакция приняла формы, выходящие за рамки порядка, то и вину за это несет тот, кто перешел эти рамки. Умыслом подсудимых эти действия граждан не обнимались и в вину им ставиться не могут. Даже если стать на точку зрения обвинения, то нельзя согласиться с тем его доводом, что имевший место в прошлом факт привлечения Дремлюги к уголовной ответственности должен усугубить меру его наказания по данному обвинению. Те действия, в которых Дремлюга обвинялся шесть лет назад, были корыстным поступком, сейчас же он обвиняется в действиях, которые никакой корыстной цели не преследуют и не могли преследовать. В силу разной направленности умысла складывать эти поступки нет оснований.

Таким образом, в действиях подсудимого Владимира Дремлюги отсутствует состав преступления, предусмотренного ст. 190¹ УК РСФСР, а обвинение по ст. 190³ УК не подтверждено достоверными доказательствами. Уголовная репрессия должна применяться в строгом соответствии с уголовным законом и только там, где есть для этого необходимые доказательства.

Хорош или плох Дремлюга, но он не совершал уголовного преступления и должен быть оправдан.

ЗАЩИТИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ ЛАРИСЫ БОГОРАЗ

В своей защитительной речи я постараюсь не повторять доводов, приведенных адвокатами, тем более что юристы могут лучше меня обосновать юридическую сторону дела.

Обвинение предъявлено каждому из нас в отдельности. Но предъявленные мне обвинения в большей части сходны с тем, что предъявлено другим подсудимым. Поэтому, защищая свои интересы, я буду вынуждена затронуть вопросы, касающиеся всех подсудимых.

Прежде всего, обращаю внимание суда на ту часть обвинительного заключения, в которой предъявленное мне обвинение отличается от других. Там говорится: «...будучи несогласна с политикой партии и правительства, направила два заявления в профком и дирекцию». Адвокат Каминская в период окончания следствия ходатайствовала о том, чтобы исключить это упоминание из обвинительного заключения, так как подача заявлений по месту работы не может рассматриваться как криминальное действие. Ей ответили, что эти заявления не ставятся мне в вину, а включены для характеристики личности и для подтверждения моего несогласия с политикой партии и правительства. Однако в обвинительном заключении эти заявления ставятся мне в вину. Прошу изменить формулировку обвинения в этой части.

Прокурор в своей речи ссылается на характеристику с места работы, где говорится о моем недобросовестном отношении к своим обязанностям: это выражалось в опозданиях и в неявке на работу 21 августа 1968 года. Действительно, у меня бывали случаи опозданий, но не чаще, чем у других сотрудников. А 21 августа я не явилась на работу, так как была свидетелем на судебном процессе моего друга Анатолия Марченко, причем о неявке я предупредила свое начальство. Прокурор также сообщил, что я уволена с работы 23 августа. На самом деле 22 августа я предупредила дирекцию института о том, что объявляю забастовку в знак протеста против ввода войск в Чехословакию, а 23 августа передала в профком и в дирекцию института письменные заявления об этом. Об увольнении при этом не было и речи. О том, что я уволена, я узнала из материалов следствия.

Перехожу к существу предъявленного обвинения. Прежде всего — к тем действиям, которые инкриминируются мне по статье 190³. Статья говорит об организации или активном участии «в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти, или повлекших нарушение работы транспорта, государственных, общественных учреждений или предприятий». Я не стану повторять аргументы адвокатов. Заявляя в ходе суда ходатайства о приобщении к делу дополнительных материалов по этому вопросу и о вызове свидетелей, я имела в виду доказать несостоятельность именно этой части обвинения и добиться снятия обвинения по этой статье. Я пони-

мала так — может быть, я неправильно понимала, — что если суд отклонил эти ходатайства, то у суда не возникает сомнения в моей невиновности по данному пункту. Иначе отклонение этих ходатайств явилось бы нарушением моего права на защиту.

Но даже из имеющихся показаний — прежде всего из показаний двух работников ОРУДа — ясно, что, сидя на тротуаре, мы не могли нарушить нормальную работу транспорта. Таким образом, нас могут обвинить только в том, что мы своими действиями *могли* спровоцировать скопление людей, что *могло* бы вызвать нарушение нормальной работы транспорта. Однако в вину ставятся лишь те нарушения, которые произошли, а не те, которые могли бы произойти. Если даже принять, что произошло нарушение нормальной работы транспорта, то для обвинения нас по статье 190³ необходимо доказать, что это нарушение было вызвано *нашими* действиями.

По показаниям свидетелей, у Лобного места собралась толпа. Насчет того, сколько людей было в толпе, показания свидетелей расходятся. По-видимому, это была большая толпа. Но рассмотрим, как она образовалась.

Я не случайно задавала каждому свидетелю вопрос: «Почему вы побежали (или подошли) к Лобному месту?» Большинство из них формулировало свои показания примерно так: «Я увидел, что другие бегут, — тоже побежал», «Я увидел, что другие идут, — тоже подошел». Вполне понятное человеческое любопытство — это мы часто наблюдаем на улицах Москвы. Бегут, кричат — я тоже побегу, посмотрю, в чем дело.

Определенную группу свидетелей составляют те, кто первыми кинулся к Лобному месту. Это несколько человек — пятеро из них служат в воинской части 1164. Все пятеро показывают, что очутились одновременно на Красной площади случайно, без предварительной договоренности. Именно они отнимали плакаты — по крайней мере, три плаката; кто отнимал остальные лозунги и флажок, следствием не установлено. Именно они оскорбляли нас. Остальные же свидетели показывают, что побежали, увидев, как бегут и кричат эти несколько человек. Таким образом, именно эта группа людей, кричавших, бежавших и отнимавших у нас лозунги, именно они спровоцировали скопление и возмущение толпы. А наши действия вызвали активную реакцию только у этих нескольких человек. Мы не нарушили нормальную

работу транспорта, и мы не спровоцировали образование большой толпы, которая могла бы эту работу нарушить. В обвинительном заключении допущено существенное формальное нарушение: предъявленное обвинение выражено общей формулировкой без конкретизации определенных действий по статье 190³. К этой статье не существует комментариев. Что значит «грубое нарушение общественного порядка»? У различных людей понимание этого может быть различным.

Использую метод аналогии, который применил в своей речи прокурор, сравнивая чехословацкие события с событиями в Венгрии 1956 года. Полагаю, что если этим методом воспользовался юрист, то и я могу взять его за образец.

Как пример я приведу событие, которому сама была свидетелем. Я видела на площади Восстания массовую демонстрацию протеста против очередной агрессии США. Огромная толпа с самодельными лозунгами запрудила Садовое кольцо, заполнила мостовую, тротуары, движение транспорта было задержано. Демонстранты кричали, бросали в здание посольства США пузырьки с чернилами. Власти ограничились тем, что направили транспорт в объезд. Нарушение нормальной работы транспорта было куда шире, чем то, которое могло быть вызвано нашей небольшой демонстрацией. Крайне грубыми были и действия участников той демонстрации. А мы, всего несколько человек, спокойно сидели на парапете, поднимая лозунги.

Я считаю, что демонстрация у американского посольства была гораздо более грубым нарушением общественного порядка. Тем не менее никто из ее участников не был привлечен к уголовной ответственности.

Вернемся к нашим действиям. Насчет того, произносилось ли что-нибудь кем-нибудь из нас или нет, показания свидетелей противоречивы. Я не ставлю под сомнение никакие свидетельские показания. Речь идет не о достоверности их, а о достаточности. Суд не имеет достаточных оснований утверждать, что мы «выкрикивали лозунги аналогичного с плакатами содержания».

О моих собственных действиях. Из свидетельских показаний следует, что я была на Красной площади и поднимала плакат, — показания подтверждают то, о чем я и сама говорю. Я не отрицаю: да, я была на Красной площади, да, я поднимала плакат. Свидетельских показаний о том, что я что-либо и го-

ворила, нет. Есть *мои* показания о том, что я говорила. На чей-то вопрос, что здесь происходит, я ответила: «Мы проведем мирную демонстрацию, но у нас отняли плакаты». Показания свидетелей ничего к этому не добавляют.

Показания об остальных моих действиях не ясны. Давидович говорит, что я не держала плакат, но я-то знаю, что держала! Свидетель Ястреба говорит: «Не помню точно, держала что-то или нет». Кроме того, свидетель Давидович говорит, что мы, в том числе и я, произносили речи. Но за такой короткий промежуток времени я не могла бы произнести речь.

О том, как меня задержали, вообще нет никаких показаний: никто не видел. Имеются показания одного свидетеля о том, что, когда меня сажали в машину, я крикнула: «Свободу Дубчеку» или «Свободу Чехословакии». Но, во-первых, он говорит, что это крикнула женщина, когда ее сажали в машину, а я была не единственная женщина там, а во-вторых, этот свидетель описывает мою внешность, мою одежду не так, как я на самом деле была одета, и не так, как это описывают другие свидетели. Так что, может быть, это была и не я.

Но возможно, это действительно была я, возможно, что я действительно выкрикнула или громко сказала эти слова или что-то кричала, возмущаясь грубыми действиями. Однако это произошло, когда меня запихивали в машину, и не имеет никакого отношения к демонстрации. Демонстрация — это те несколько минут, пока мы сидели у Лобного места и пока нас не задержали. То, что я говорила в машине, или в 50-м отделении милиции, или впоследствии в тюрьме, не имеет отношения к настоящему разбирательству. Во всяком случае, если что-то и говорилось мною и моими товарищами, это было не грубее, чем в аналогичном событии, свидетелем которого я была на площади Восстания.

Итак, полагаю, что касающееся меня обвинение по ст. 190³ этим, соответственно, и исчерпывается. Считаю, что по имеющимся данным нет оснований обвинить меня по ст. 190³, и прошу снять с меня это обвинение.

Перехожу к обвинению по ст. 190¹. Эта статья говорит об ответственности за «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление или распространение в письменной, печатной или иной форме произведений такого же содержания».

Я не буду повторять доводы адвокатов о том, что наши лозунги нельзя считать «произведениями», коснусь лишь сути их текстов. Являлись ли тексты наших лозунгов заведомо ложными измышлениями?

Подчеркиваю, что я не снимаю с себя ответственности ни за один из лозунгов, которые были на демонстрации. Действия наши по характеру были действительно групповые, и я принимала в них участие. А был ли сговор или нет — это не доказано и не имеет значения.

Можно ли считать тексты наших лозунгов *заведомо* ложными? Можно предположить *ложность* только одного текста: «Свободу Дубчеку», так как остальные выражали всего лишь эмоции по поводу ввода войск в Чехословакию, то есть по отношению к факту общеизвестному и не вызывающему сомнений в его истинности.

Лозунг «Свободу Дубчеку» — выражение эмоций по поводу того факта, что Дубчек не на свободе. С 21 по 25 августа в советской прессе имя первого секретаря КПЧ Александра Дубчека упоминалось лишь в следующем контексте. Я зачитаю заметку из «Правды» от 23 августа.

Судья: Суд не разрешает вам зачитывать это. Не надо говорить о своих убеждениях. Здесь вы можете говорить лишь о действиях, в которых вас обвиняют.

Богораз: Хорошо, я перескажу эти заметки. Имя Дубчека упоминается там лишь в связи с его пассивностью, которая привела к усилению контрреволюции; или же его называют руководителем правого меньшинства в ЦК КПЧ.

Судья: Суд не разрешает вам пересказывать содержание этих заметок.

Богораз: Почему?

Судья: Суд не дает объяснения своему запрещению.

Богораз: Но я должна опровергнуть утверждение о заведомой ложности этого лозунга.

Судья: Вы можете сказать, что вы были в этом убеждены, — и достаточно.

Богораз: Но прокурор посвятил этому вопросу половину речи. Можно ли говорить о том, о чем говорил прокурор?

Судья: Да, можно.

Богораз: Я считала...

Судья: Нас не интересует, что вы считали. Говорите только о действиях, в которых вас обвиняют.

Богораз: В таком случае я скажу просто. Тогда, 25 августа, я была уверена, что Дубчек не на свободе. Я и сейчас не уверена,

что тогда он был на свободе. Следовательно, *заведомой* ложности не было, в этом я была убеждена. Считаю, что обвинение в заведомой ложности лозунга «Свободу Дубчеку» снимается.

О плакате, который держала я: «Руки прочь от ЧССР». Прокурор в своей речи задал ряд вопросов — думаю, не риторических. В частности «Что означает лозунг: „Руки прочь от ЧССР“? Чьи руки? Может быть, руки германских реваншистов?» Разъясняю. Это значит, что я протестую против ввода советских войск в ЧССР и требую их оттуда вывести. Я считала тогда и считаю сейчас ввод войск в Чехословакию ошибкой нашего правительства, а форму этого протеста я избрала традиционную для демонстрации такого рода.

О лозунге «За вашу и нашу свободу». Прокурор спрашивает: «О какой свободе вы говорите?» Не знаю, известно ли прокурору, а также остальным, что это широко известный лозунг. Я знакома с историей этого лозунга и вкладываю в него исторический и традиционный смысл. Это лозунг совместного польско-русского демократического движения XIX века. Мне дорога идея преемственности совместных демократических традиций.

О лозунге «Долой оккупантов». Прокурор в своей речи говорил, что оккупация — это Бабий Яр, Освенцим и Майданек. Да, все мы знаем, что такое фашистская оккупация. Но слово «оккупация» имеет еще и прямой смысл: занятие войсками одного государства территории другого государства.

А этот факт имел место.

Судья: Был ввод войск, но не было оккупации. Не говорите о своих убеждениях, а лишь о действиях, в которых вас обвиняют.

Богораз: Я говорю о том, как я понимаю слово «оккупация».

Судья (в раздражении): Вас не судят за убеждения, они нам и так ясны.

Богораз: Ну, если вам и так все ясно, то можно уже сейчас выносить оправдательный приговор. Но мне предъявлено обвинение в том, что я подняла лозунги. О текстах этих лозунгов я и говорю.

Тот же смысл в тексты лозунгов вкладывали, я думаю, и другие подсудимые. Повторяю: лозунг «Долой оккупантов» ничего ни ложного, ни заведомо ложного не содержит, и ничего тут нет оскорбительного. Если не оскорбителен сам факт ввода войск, тем более не оскорбителен и лозунг.

Статья 190¹ предусматривает обвинение в измышлениях, порочащих советский общественный и государственный строй. Однако тексты лозунгов касались конкретной акции правительства и КПСС и не имели никакого отношения к нашему строю. Не думаю, что критическое отношение к какой-либо отдельной акции правительства или КПСС означало бы опорочение советского общественного и государственного строя. Данные тексты — критика одной конкретной акции...

Прокурор: Богораз злоупотребляет предоставленным ей правом защиты для пропаганды своих убеждений. Требую сделать ей замечание, а в следующий раз лишит защитительного слова.

Богораз: Я не понимаю. Конкретизируйте, что я могу и чего не могу говорить.

Судья: Здесь не надо пропагандировать свои взгляды.

Богораз: Здесь я не стала бы пропагандировать свои взгляды. Напоминаю текст ст. 190¹ (*зачитывает полностью*). Я опровергаю обвинение, предъявленное мне по этой статье. Не имею права?

Судья: Имеете, но в пределах, допустимых юридическими рамками. Не излагайте своих убеждений.

Богораз: Мои убеждения гораздо шире, чем то, что я излагаю. Сейчас я говорю только то, что относится к обвинению по данной статье.

Итак, наши лозунги не содержали заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй. Этого не было в наших лозунгах, содержащих лишь критику отдельной ошибки правительства, — никакой строй не застрахован от ошибок. (*Из зала, удивленно: «Ревизионистка...»*)

Прокурор усомнился в наших доводах о выборе места демонстрации. Нет оснований для сомнений. Все подсудимые подтверждают одно и то же. Повторю. Совокупность мотивов. Первое — обращения к правительству традиционно принято выражать на Красной площади, а наш протест был обращением к правительству: второе — на Красной площади нет, насколько мне известно, движения общественного транспорта.

Дремлюга дополнительно излагал мотив гласности. Да, я тоже, безусловно, хотела предать свой протест гласности — других целей я не преследовала. Прокурор предлагал для

примера Александровский сквер. Не думаю, что в этом случае последствия для нас были бы иные. В каком бы месте это ни произошло, результат был бы аналогичен.

Была ли у нас договоренность о встрече на Красной площади? Я обращаюсь к этому вопросу, хотя такая договоренность и не может вменяться в вину по данной статье.

Прокурор считает, что показания свидетелей подтверждают «преступный сговор». На этот счет не *имеется* свидетельских показаний. Из нас же никто не подтверждает сговора и не отрицает — мы просто отказываемся давать показания. Лгать мы не пытались, а говорить об этом для каждого означало бы говорить о других людях, чего никто из нас не желает.

Отвечая на вопрос, был ли это сговор или случайное совпадение, Литвинов привел еще один вероятный вариант.

Я повторяю его, хотя не утверждаю, что это было именно так. Допустим, что от каких-то третьих лиц могла исходить информация о предстоящем выражении протеста в таком-то месте и в такое-то время. Кроме того, как я уже говорила, я не делала секрета из своих намерений пойти на Красную площадь. Но я и не утверждаю, что говорила об этом именно людям, сидящим на этой скамье.

Еще раз указываю, что я выразила бы свой протест и в том случае, если бы я была одна.

Считаю, что я ответила на все пункты обвинения по ст. 190¹ и 190³.

О ссылке на ст. 125 Конституции СССР. Я тоже знаю Конституцию. Приводя отдельные статьи Конституции, прокурор упрекал нас в невыполнении статьи 112. Мне известны статьи не только о наших правах, но и об обязанностях. Свои трудовые обязанности я старалась исполнять добросовестно. Прокурор напомнил Литвинову о второй части статьи 125 Конституции, утверждая, что свобода демонстраций гарантируется только тогда, когда демонстрация направлена на укрепление социалистического строя. Я эту статью понимаю так: свободы *гарантируются в целях* укрепления социалистического строя и в интересах трудящихся СССР.

Последнее: сроки наказания, предложенные прокурором. Безусловно, ссылка — более мягкий вид наказания, чем лагерь. Однако обращаю внимание суда на то, что статьи 190¹ и 190³ предусматривают лишение свободы максимум на три года. Ссылка, правда, неполное лишение, ограничение свободы, но предложенные сроки начинаются с трех лет. Четы-

ре года больше, чем три, тем более пять лет больше трех. Эта мера оказывается более жесткой, в то время как сама статья предусматривает и более мягкие виды наказания. Тем более что наказание этим не исчерпывается, поскольку впоследствии это означает весьма ограниченную свободу передвижения, невозможность свободного выбора места жительства, невозможность заниматься определенными видами работ и т. д.

Для себя я не прошу ни о чем. Прошу обратить внимание суда на вопрос о мере наказания для Делоне.

Судья: У каждого подсудимого есть свой адвокат, говорите о себе.

Богораз: Хорошо. Последнее к обсуждению вопроса о мере наказания: я по-прежнему считаю, что для какого бы то ни было уголовного преследования по ст. 190¹ и 190³ моя вина не доказана, и поэтому прошу оправдательного приговора.

22 часа 45 мин. Конец второго дня

11 октября 1968 года, 10.00

Суд предоставляет подсудимым последнее слово.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ЛАРИСЫ БОГОРАЗ

Сначала я вынуждена заявить нечто, к моему последнему слову не относящееся: в зал суда не допущены мои друзья и родственники — мои и других подсудимых. Тем самым нарушена ст. 18 УПК, гарантирующая гласность судебного разбирательства.

В последнем слове я не имею возможности и не намерена — здесь и сейчас — обосновывать свою точку зрения по чехословацкому вопросу. Буду говорить только о мотивах своих действий. Почему я, «будучи несогласна с решением КПСС и советского правительства о вводе войск в ЧССР», не только подала заявление об этом в своем институте, но и вышла на демонстрацию на Красную площадь?

Судья: Не говорите о своих убеждениях. Не выходите за рамки судебного разбирательства.

Богораз: Я не выхожу за рамки судебного разбирательства. Был такой вопрос у прокурора. В ходе судебного разбирательства был поставлен вопрос о мотивах, и я имею право остановиться на этом. Мой поступок не был импульсивным. Я действовала обдуманно, полностью отдавая себе отчет в последствиях своего поступка.

Я люблю жизнь и ценю свободу, и я понимала, что рискую своей свободой, и не хотела бы ее потерять.

Я не считаю себя общественным деятелем. Общественная жизнь — для меня далеко не самая важная и интересная сторона жизни. Тем более политическая жизнь. Чтобы мне решиться на демонстрацию, мне пришлось преодолеть свою инертность, свою неприязнь к публичности.

Я предпочла бы поступить не так. Я предпочла бы поддерживать моих единомышленников — известных людей. Известных своей профессией или по своему положению в обществе. Я предпочла бы присоединить свой безымянный голос к протесту этих людей. Таких людей в нашей стране не нашлось. Но ведь мои убеждения от этого не изменились.

Я оказалась перед выбором: протестовать или промолчать. Для меня промолчать — значило присоединиться к одобрению действий, которых я не одобряю. Промолчать — значило для меня солгать. Я не считаю свой образ действий единственно *правильным*, но для меня это было единственно *возможным* решением.

Для меня мало было знать, что нет моего голоса «за», — для меня было важно, что не будет моего голоса «против».

Именно митинги, радио, сообщения в прессе о всеобщей поддержке побудили меня сказать: я против, я не согласна. Если бы я этого не сделала, я считала бы себя ответственной за эти действия правительства, точно так же, как на всех взрослых гражданах нашей страны лежит ответственность за все действия нашего правительства, точно так же, как на весь наш народ ложится ответственность за сталинско-бериевские лагеря, за смертные приговоры, за...

Прокурор: Подсудимая выходит за рамки обвинительного заключения. Она не вправе говорить о действиях советского правительства, советского народа. Если это повторится, я прошу лишить подсудимую Богораз последнего слова. Суд имеет на это право по закону.

Адвокат Каминская: Происходит некоторое недопонимание того, что говорит Богораз. Она говорит о мотивах своих действий. Когда в совещательной комнате суд будет принимать решение, он должен будет учитывать эти мотивы, и вы должны их выслушать.

Адвокат Калистратова: Я присоединяюсь к Каминской. От себя хочу добавить: прокурор не прав, когда говорит о возможности лишить подсудимого права на последнее слово. Такого нет в кодексе. В законе сказано лишь, что председательствующий имеет право исключить из речи подсудимого элементы, не имеющие отношения к делу.

Судья: Заявление прокурора считаю основательным. (*К Богораз:*)

Вы все время пытаетесь говорить о своих убеждениях. Вас судят не за ваши убеждения, а за ваши действия. Рассказывайте о конкретных действиях. Суд делает вам замечание.

Богораз: Хорошо, я учту это замечание. Мне тем более легко его учесть, что пока я даже не коснулась моих убеждений и ни слова не говорила о моем отношении к чехословацкому вопросу. Я исключительно говорила о том, что побудило меня к действиям, в которых я обвиняюсь.

У меня было еще одно соображение против того, чтобы пойти на демонстрацию (я настаиваю на том, что события на Красной площади должны называться именно этим словом, как бы их ни именовал прокурор). Это — соображение о практической бесполезности демонстрации, о том, что она не изменит ход событий. Но я решила в конце концов, что для меня это не вопрос пользы, а вопрос моей личной ответственности.

На вопрос о том, признаю ли я себя виновной, я ответила: «Нет, не признаю». Сожалею ли я о случившемся? Полностью или частично? Да, частично сожалею. Я крайне сожалею, что рядом со мной на скамье подсудимых оказался Вадим Делоне, характер и судьба которого еще не определены и могут быть искалечены лагерем. Остальные подсудимые — вполне взрослые люди, способные сделать самостоятельный выбор. Но я сожалею, что талантливый, честный ученый Константин Бабицкий будет надолго оторван от семьи и от своей работы. (*Из зала: «Вы о себе говорите!»*)

Судья: Требую немедленно прекратить выкрики! В случае необходимости буду немедленно удалять из зала. (*К Богораз:*) Суд делает вам третье замечание. Говорите только о том, что касается лично вас...

Богораз (резко): Может, представить вам конспект моего последнего слова? Не понимаю, почему я не могу говорить о других подсудимых.

Прокурор закончил свою речь предположением, что предложенный им приговор будет одобрен общественным мнением. Суд не зависит от общественного мнения, а должен руководствоваться законом. Но я согласна с прокурором. Я не сомневаюсь, что общественное мнение одобрит этот приговор, как одобряло оно аналогичные приговоры и раньше, как одобрило бы любой другой приговор. Общественное мнение одобрит три года лагерей молодому поэту, три года ссылки талантливому ученому. Общественное мнение одоб-

рит обвинительный приговор, во-первых, потому, что мы будем представлены ему как тунеядцы, отщепенцы и проводники враждебной идеологии. А во-вторых, если найдутся люди, мнение которых будет отличаться от «общественного» и которые найдут смелость его высказать, вскоре они окажутся здесь (*указывает на скамью подсудимых*). Общественное мнение одобрит расправу над мирной демонстрацией, состоявшей из нескольких человек.

Вчера в своей защитительной речи, защищая свои интересы, я просила суд об оправдательном приговоре. Я и теперь не сомневаюсь, что единственно правильным и единственно законным был бы оправдательный приговор. Я знаю закон. Но я знаю также и судебную практику, и сегодня, в своем последнем слове, я ничего не прошу у суда.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ПАВЛА ЛИТВИНОВА

Я не буду занимать ваше время анализом материалов судебного следствия. Я себя виновным не признаю. Наша невиновность в действиях, в которых нас обвиняют, очевидна. Тем не менее мне так же очевиден ожидающий меня обвинительный приговор. Этот приговор я знал заранее — еще когда шел на Красную площадь.

Я совершенно убежден в том, что в отношении нас была совершена провокация сотрудниками органов государственной безопасности. Я видел слежку за собой. Свой приговор я прочитал в глазах человека, который ехал за мной в метро. Я видел этого человека в толпе на площади. Того, который задерживал и бил меня, я тоже видел раньше. Почти год я подвергался систематической слежке.

Дальнейшие события подтвердили, что я был прав.

Тем не менее я вышел на площадь. Для меня не было вопроса, выйти или не выйти. Как советский гражданин, я считал, что должен выразить свое несогласие с грубейшей ошибкой нашего правительства, которая взволновала и возмутила меня — с нарушением норм международного права и суверенитета другой страны.

Я знал свой приговор, когда подписывал протокол в 50-м отделении милиции, уже в этом протоколе было сказано, что я совершил преступление по ст. 190³. «Дурак, — сказал мне тогда милиционер, — сидел бы тихо, жил бы спокойно». Может, он и прав. Он уже не сомневался в том, что я человек, потерявший свободу.

То, в чем нас обвиняют, не является тяжким преступлением. Не было никаких оснований заключать нас под стражу на период предварительного следствия. Надеюсь, никто из присутствующих не сомневается, что мы не стали бы скрываться от суда и следствия.

Следствие тоже предвосхитило решение суда. Следователь собирал только то, что могло послужить материалом для обвинения. Вопрос о том, верил я или нет в то, за что выступал, никого не интересовал, он передо мной даже не ставился. Но ведь если я *верил*, то ст. 190¹ — о *заведомо* ложных измышлениях — автоматически отпадает. А я не только верил, я был убежден!

Не удивила меня и абстрактность обвинительного заключения: в формуле обвинения не разъяснено, что именно в наших лозунгах порочило наш общественный и государственный строй. Даже первоначальное обвинение, предъявленное нам в тюрьме на предварительном следствии, конкретнее. В речи прокурора тоже говорится, что мы выступали против *политики* партии и правительства, а не против общественного и государственного строя. Может быть, некоторые люди считают, что вся наша политика, в том числе и ошибки правительства, определяются нашим общественным и государственным строем. Я так не думаю. Этого, вероятно, не скажет и прокурор, иначе ему пришлось бы признать, что все преступления сталинских времен определяются нашим общественным и государственным строем. Что происходит здесь? Нарушения законности продолжаются. Основное из них — нарушение гласности судопроизводства. наших друзей вообще не пускают в зал, мою жену пропускают с трудом. В зале сидят посторонние люди, которые явно имеют меньшее право присутствовать здесь, чем наши родные и друзья.

И мы, и наши защитники обратились к суду с рядом ходатайств — все они были отклонены.

Не был вызван ряд свидетелей, на допросе которых мы настаивали, а их показания способствовали бы выяснению обстоятельств дела.

Я не буду говорить о других нарушениях — достаточно и этого.

Я считаю чрезвычайно важным, чтобы граждане нашей страны были по-настоящему свободны. Это важно еще и потому, что наша страна является самым большим социали-

стическим государством, и — плохо это или хорошо, — но все, что в ней происходит, отражается в других социалистических странах. Чем больше свободы будет у нас, тем больше ее будет там, а значит, и во всем мире.

Вчера, приводя статью 125 Конституции, прокурор допустил некоторую перестановку в ее тексте — возможно, и умышленную. В Конституции сказано, что в интересах трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется: свобода слова, свобода печати, свобода собраний, митингов и демонстраций. А у прокурора получилось, что эти свободы гарантируются *постольку, поскольку* они служат укреплению социалистического строя.

Судья: Подсудимый Литвинов, не ведите дискуссий, говорите только о деле.

Литвинов: Я и говорю о деле. Лариса Богораз частично ответила на это, и я согласен с ее толкованием этой статьи. Правда, обычно ее толкуют так же, как и прокурор. Но если бы даже принять такое толкование, то кто определяет, что в интересах социалистического строя, а что — нет? Может быть, гражданин прокурор?

Прокурор называет наши действия сборищем, мы называем их мирной демонстрацией. Прокурор с одобрением, чуть ли не с нежностью говорит о действиях людей, которые задерживали нас, оскорбляли и избивали. Прокурор спокойно говорит о том, что, если бы нас не задержали, нас могли бы растерзать. А ведь он юрист! Это-то и страшно.

Очевидно, именно эти люди определяют, что такое социализм и что такое контрреволюция.

Вот что меня пугает. Вот против чего я боролся и буду бороться всеми известными мне законными средствами.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ВАДИМА ДЕЛОНЕ

Я не стану повторять все, что сказал мой защитник. Я с самого начала заявил, что считаю предъявленное мне обвинение несостоятельным. Мое мнение не изменилось и после того, как я выслушал показания свидетелей и речь прокурора.

Мне совершенно ясно, что текст лозунгов не содержал никаких ложных измышлений, порочащих наш государственный и общественный строй. Лозунги в очень резкой форме критиковали действия правительства. Я убежден, что критика отдельных действий правительства не только допустима и законна, но и необходима. Все мы знаем, к чему привело отсутствие критики правительства в период сталинизма.

Я вообще не критиковал государственный и общественный строй, не говоря о том, что я не распространял никаких клеветнических сведений и что действия мои не были систематическими.

Я не стану долго объяснять, почему тексты лозунгов не являются ни заведомо ложными, ни порочащими. Текст лозунга, который я держал в руках, — «За вашу и нашу свободу» — выражает мое глубокое личное убеждение.

Я не буду останавливать внимание суда на своих личных убеждениях и на том, как я пришел к своей позиции, тем более что другим подсудимым это не разрешалось. Прокурор в своей речи говорил об источниках наших убеждений. Я хотел бы сказать, что не пользовался и вообще редко пользуюсь передачами зарубежного радио. Мое мнение сложилось при изучении статей и выступлений ряда чехословацких деятелей и в результате бесед с гражданами Чехословакии, приезжавшими сюда в послеянварский период.

Здесь, в зале суда, прокурор обратился ко мне и к Литвинову с вопросом: «Какой свободы вы требуете? Свободы клеветать? Свободы устраивать сборища?» Нет, мне не нужна «свобода клеветать». Я понимаю этот лозунг так: от нашей свободы зависит не только демократия в нашей стране, но и свобода развития другого государства, и свобода граждан другой страны.

Характеризуя меня, прокурор ссылался на то, что я «плакал крокодиловыми слезами» на предыдущем процессе. Он говорит, что я был уже осужден по ст. 190³ и знал, что мои действия подсудны. Мне непонятно, почему прокурор ссылается на мой предыдущий процесс, который здесь не обсуждается. Но поскольку он это сделал, и мне придется говорить об этом. Действительно, более года тому назад в зале Мосгорсуда я осуждал свои действия, связанные с демонстрацией на Пушкинской площади в защиту моих арестованных друзей. Однако я осуждал свои действия не с юридической точки зрения. Юридически я себя виновным не признавал. В приговоре сказано, что я признал свою вину. Я не опротестовал тогда этого: это понятно — я оказался на свободе. К тому же я не был уверен в законности требования, с которым я вышел на демонстрацию: освободить моих арестованных друзей — они не были осуждены. Трудно было защищать такую позицию. Кроме того, я был психологически подавлен тем, что один из моих друзей, Алексей Доб-

ровольский, за свободу которого я выступал, клеветал на меня в ходе следствия.

То, что меня осудили, и то, что приговор по делу Хаустова, Буковского и др. вступил в силу, никак не предусматривает, что такие действия всегда являются преступными. Ранее я принимал участие в двух демонстрациях, в том числе в митинге молчания 5 декабря 1966 года против частичной реабилитации Сталина, и за этими демонстрациями репрессий не последовало.

Я понимал, что мое положение — особое. И что обвинение, безусловно, воспользуется этим, если против меня будет возбуждено дело. В отличие от других подсудимых, я знал, что такое тюрьма: я провел в ней более семи месяцев. Однако я все-таки вышел на демонстрацию. Принимая решение по дороге на Красную площадь, я знал, что не совершу незаконных действий, но понимал, был почти уверен, что против меня будет возбуждено уголовное дело. Но то, что я был ранее осужден, не могло побудить меня отказаться от протеста.

Я думаю, что суду будет понятно, что принять такое решение для меня было нелегко: в случае возбуждения дела наказание должно было быть суровым. Это лишь доказывает, что я действовал с глубокой убежденностью в своей правоте.

Я вышел на площадь и внутренне решил сделать все необходимое, чтобы никак не нарушать общественный порядок.

Я не реагировал даже тогда, когда мне наносили побои. Повторяю: я был глубоко убежден в своей точке зрения, и я уверен, что не нарушил закон. Я предполагал, что меня лишат свободы на значительный срок за то, что я выразил свой протест. Я понимал, что за пять минут свободы на Красной площади я могу расплатиться годами лишения свободы.

Судья: Не говорите о своих убеждениях. Вам не предъявлено обвинение по поводу ваших убеждений.

Делоне: Я не имею права не доверять составу суда: в начале судебного процесса, когда меня спросили, доверяю ли я составу суда, я ответил утвердительно. Исходя из выступлений адвокатов и моего собственного, я прошу суд об оправдательном приговоре. Я — человек, которому глубоко противен всякий тоталитаризм...

Прокурор протестует против «недопустимых выражений».
Судья делает замечание.

Делоне: Я имею в виду навязывание чужой точки зрения. Я допускаю существование различных точек зрения. Я не считаю

себя виновным. Но я не могу также утверждать, что моя точка зрения — единственно верная. Если вы все-таки признаете нас виновными, я хочу обратиться к суду со следующим. Я прошу у суда не снисхождения, а сдержанности. Как вы сами сказали, нас судят не за убеждения. Нас судят за публичное выражение своих убеждений и за форму нашего протеста. Я просил бы суд помнить, что, независимо от того, допустили ли мы нарушение закона в нашей форме выражения, мы выражали наши убеждения открыто, откровенно, бескорыстно и с большой верой в нашу правоту. Я кончил.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО ВЛАДИМИРА ДРЕМЛЮГИ

Не знаю, принято ли к последнему слову брать эпиграф, но если принято, то я взял бы эпиграфом слова Анатоля Франса из «Суждений аббата Жерома Куаньяра»: «Неужели вы думаете прельстить меня обманчивой химерой этого правительства, состоящего из честных людей, которые возводят такие укрепления вокруг свободы, что вряд ли ею можно будет пользоваться».

С 17 лет я активно участвовал в протестах против политики партии и правительства (в том числе против некоего Никиты Сергеевича), если я был не согласен с нею. Я знаю, что меня будут обрывать, а потому я должен выбирать выражения.

Судья: Не обрывать, а делать замечания.

Дремлюга: Всю свою сознательную жизнь я хотел быть гражданином, т. е. человеком, который спокойно и гордо выражает свои мысли. Десять минут я был гражданином. Я знаю, что мой голос прозвучит диссонансом на фоне общего молчания, имя которому — «всемирная поддержка политики партии и правительства». Я рад, что нашлись люди, которые вместе со мною выразили протест. Если бы их не было, я вышел бы на Красную площадь один. Если были бы другие методы, я бы их использовал. Я убежден, что в Чехословакии после январского пленума ЦК...

Прокурор: Подсудимому Дремлюге не предъявлено обвинение по поводу событий в Чехословакии.

Судья: Суд просит не останавливаться на своих убеждениях. Учитите это замечание.

Дремлюга: Прокурор вчера посвятил две трети своей речи тому, что читал передовицы «Правды». Во вводной части своей речи он касался и Кошице, и Лидице, и венгерских событий...

Судья: Вы не можете критиковать речь прокурора, тем более ее вводную часть.

Дремлюга: На этой-то части я и хотел остановиться. Именно вводной частью он доказывает, что мы заслужили наказание. Прокурор сказал, что некоторые люди не понимают, что оккупация Чехословакии была акцией «братской помощи».

Прокурор хочет прервать.

Дремлюга: Не перебивайте меня! (*Оживление в зале.*) Я хочу спросить, как бы отнесся гражданин прокурор...

Прокурор: Протестую. Подсудимый не имеет права задавать вопросы. Разъясните это ему.

Судья: Учтите это замечание. Еще раз предупреждаю вас: не останавливайтесь на своих убеждениях.

Дремлюга: Но, к сожалению, именно мои убеждения и привели меня сюда. И поэтому я не могу их не касаться. Я считаю, что данный процесс, как и другие процессы, и сталинизм...

Прокурор: Обвиняемому Дремлюге предъявлены конкретные обвинения, он и должен касаться именно их. В процессе не рассматриваются другие, более ранние события.

Судья опять делает замечание.

Дремлюга: Я не закончил свою фразу, хочу ее закончить.

Судья: Суд еще раз делает вам замечание.

Дремлюга: Я считаю, что все вышеперечисленные явления вызваны отсутствием права критиковать правительство. Ради того, чтобы впоследствии это право было законным, я и вышел на Красную площадь и вышел бы куда угодно. И в дальнейшем я буду выражать свой протест любыми средствами. После антикультовского съезда...

Прокурор: Прошу суд предупредить подсудимого Дремлюгу, что на основании ст. 297 УПК РСФСР подсудимый может быть лишен последнего слова, если он будет употреблять недопустимые выражения.

Судья: Если вы не исполните последнего требования, мы вынуждены будем принять определенные меры.

Дремлюга: Я...

Прокурор: Прошу объявить перерыв на пять минут, чтобы адвокат мог разъяснить подсудимому его права и обязанности при произнесении последнего слова.

Судья объявляет перерыв на десять минут.

После перерыва.

Дремлюга: В знак протеста против данного судебного процесса и многих других я отказываюсь от предоставленного мне законом последнего слова.

ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО КОНСТАНТИНА БАБИЦКОГО

Граждане судьи! Вам предстоит принять трудное и ответственное решение. Правовые основы такого решения были с достаточной полнотой разобраны здесь. В результате судебного разбирательства моя убежденность в том, что я не нарушил закона, — не поколеблена. Я хочу привлечь ваше внимание к той стороне дела, которая имеет большое значение для меня самого. Я имею в виду мотивы нашего поступка и значение вашего приговора.

Я понимаю, что необычные условия, сопровождавшие наше появление на Красной площади, в какой-то мере могут вызвать в душе некоторых людей неприязнь к нам. Примером тому служит поведение отдельных граждан, которые, увидев в нас врагов всего того, что им так дорого, не задумываясь бросились на нас. Полагаю, что они были в заблуждении. Кого же вы в действительности видите перед собой, граждане судьи?

Я вынужден говорить о себе. Матерью, советской школой, великой русской литературой, лучшими произведениями советской и зарубежной литературы я воспитан в горячей любви и уважении к закону, в любви к прогрессу, к нашей родине, к нашему народу и к народам всего земного шара. Думаю, что в той или иной степени это может сказать о себе каждый из нас. Я полагаю, что это — достаточное основание, чтобы люди, уважающие те же ценности, могли бы с уважением отнестись к различиям во взглядах.

Я прошу вас, граждане судьи, видеть во мне и в моих товарищах не врагов советской власти и социализма, а людей, взгляды которых в чем-то отличаются от общепринятых, но которые не меньше любого другого любят свою родину и свой народ и потому имеют право на уважение и терпимость.

Мне приходится считаться с тем, что я, возможно, понесу наказание. Не скрою, эта перспектива меня не радует, но — прошу верить — гораздо больше меня волнуют другие, более глубокие последствия того или иного вашего решения. Я уважаю закон и верю в воспитательную роль судебного решения. Поэтому я призываю вас подумать, какую воспитательную роль сыграет обвинительный приговор и какую — приговор оправдательный. Какие нравы хотите вы воспитать в массах: уважение и терпимость к другим взглядам, при условии их законного выражения, или же нена-

висть и стремление подавить и уничтожить всякого человека, который мыслит иначе?

Я призываю учесть, что — как справедливо сказал здесь мой друг Литвинов — все, что исходит из социалистического лагеря, все хорошее и плохое, что происходит в нашей стране, имеет решающее значение для развития событий во всем мире. Я полагаю, что вы не только решаете судьбу нескольких человек на ближайшие годы, но так или иначе — пусть отдаленно — влияете на судьбу всего человечества. Прошу вас выполнить свой долг с мудростью и опираясь на закон. Я уверен, что вы будете исходить только из закона, и спокойно жду своей участи.

11 час. 40 мин. Объявляется перерыв.

Суд удаляется в совещательную комнату.

Около 14 час. зачитывается приговор.

ПРИГОВОР

ИМЕНЕМ РОССИЙСКОЙ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

11 октября 1968 г., г. Москва

Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда в составе председательствующего Лубенцовой В. Г., народных заседателей Попова П. И., Булгакова И. Я., при секретаре Осиной В. И., с участием государственного обвинителя помощника прокурора г. Москвы Дрель В. Е. и адвокатов Каминской Д. И., Калистратовой С. В., Поздеева Ю. Б., Монахова Н. А., — рассмотрев в открытом судебном заседании дело по обвинению: БОГОРАЗ-БРУХМАН Ларисы Иосифовны, 8 августа 1929 года рождения, уроженки города Харькова, по национальности еврейки, беспартийной, с высшим образованием, замужней, имеющей сына 11 марта 1951 года рождения, ранее не судимой, работавшей старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института технической информации, классификации и кодирования, проживающей в городе Москве по Ленинскому проспекту, дом 85, квартира 3,

ДЕЛОНЕ Вадима Николаевича, 3 августа 1947 года рождения, уроженца города Одессы, по национальности русского, со средним образованием, беспартийного, холостого, судимого 1 сентября 1967 года Московским городским судом по ст. 190³ УК РСФСР к одному году лишения свободы условно с испытательным сроком в течение 5 лет, не работавшего, проживающего в городе Москве по Пятницкой улице, дом 12, квартира 5,

ЛИТВИНОВА Павла Михайловича, 6 июля 1940 года рождения, уроженца города Москвы, по национальности русского, беспартийного, с высшим образованием, женатого, имеющего на иждивении сына рождения 1960 года,

ранее не судимого, без определенных занятий, проживающего в городе Москве по улице Алексея Толстого, дом 8, квартира 78,
БАБИЦКОГО Константина Иосифовича, 15 мая 1929 года рождения, уроженца города Москвы, по национальности еврея, с высшим образованием, беспартийного, женатого, имеющего на иждивении троих детей рождения: 1953, 1955 и 1958 годов, ранее не судимого, работавшего младшим научным сотрудником Института русского языка АН СССР, проживающего в городе Москве по улице Красикова, дом 19, квартира 86,
ДРЕМЛЮГИ Владимира Александровича, 19 января 1940 года рождения, уроженца города Саратова, по национальности русского, беспартийного, со средним образованием, женатого, ранее не судимого, без определенных занятий, проживающего в городе Москве по Метростроевской улице, дом 7, квартира 44,
— каждого в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 190¹, 190³ УК РСФСР, — установила:

Подсудимые Богораз-Брухман, Литвинов, Бабицкий, Делоне и Дремлюга, будучи несогласны с политикой советского правительства, решили организовать сборище на Красной площади с целью пропаганды своих клеветнических измышлений.

Для придания широкой гласности своим замыслам они заранее изготовили плакаты с текстами: «Долой оккупантов», «Руки прочь от ЧССР», «Свободу Дубчеку», «За вашу и нашу свободу» и другие, являющиеся заведомо ложными измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй.

25 августа 1968 года примерно в 12 часов дня все они пришли на Красную площадь к Лобному месту, доставив с собой спрятанными указанные плакаты, и приняли активное участие в групповых действиях: каждый из них развернул плакат и, обращаясь к собравшимся вокруг гражданам, выкрикивал лозунги, аналогичные с текстами указанных плакатов, чем вызвали возмущение граждан, грубо нарушили общественный порядок и нормальную работу транспорта.

Богораз-Брухман, Литвинов, Бабицкий, Делоне и Дремлюга виновными себя не признали, однако каждый из них не отрицал, что они 25 августа 1968 года примерно в 12 часов дня пришли на Красную площадь к Лобному месту, где сели на тротуар и развернули плакаты с вышеуказанными текстами.

То обстоятельство, что подсудимые Богораз-Брухман, Литвинов, Бабицкий, Делоне и Дремлюга 25 августа 1968 года к 12 часам явились на Красную площадь к Лобному месту и подняли плакаты с текстами, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, выкрикивали лозунги, аналогичные с текстами плакатов, грубо нарушив общественный порядок и нормальную работу транспорта, подтверждается:

показаниями свидетелей Ястреба, Давидович, Долгова, Стребкова, Савельева, Иванова, Федосеева, Ударцева, Савилова, Куклина, Беседина и Розанова; показаниями самих подсудимых, в которых они не отрицали факта прихода на Красную площадь с вышеназванными плакатами;

фактом задержания подсудимых на Красной площади и изъятия у них плакатов;

вещественными доказательствами — изъятими у подсудимых плакатами с вышеуказанными текстами;

фактом изъятия из квартиры Бабицкого оргалитовой крышки и показаниями Бабицкого о том, что эта оргалитовая крышка использовалась им для изготовления одного из подобных плакатов;

заключением криминалистической экспертизы о том, что изъятая у подсудимого Бабицкого оргалитовая крышка использовалась для изготовления плаката;

справкой 4-го отделения ОРУД ГАИ, из которой усматривается, что часть Красной площади между улицей Куйбышева и Спасской башней Кремля (у Лобного места) является проезжей частью и скопление людей на этой проезжей части создает повышенную опасность для движения транспорта; утверждения подсудимых Богораз-Брухман, Литвинова, Делоне, Бабицкого и Дремлюги о том, что они своими действиями не нарушали общественный порядок и нормальную работу транспорта, опровергаются вышеприведенными доказательствами, и эти их действия квалифицированы правильно ст. 190³ УК РСФСР.

Судебная коллегия считает, что надписи на развернутых подсудимыми на Красной площади вышеуказанных плакатах являются клеветническими произведениями, содержащими заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй. Развернув эти плакаты в таком людном месте, как Красная площадь, они преследовали цель ознакомления с их содержанием широкого круга людей, что является распространением этих заведомо ложных измышлений, и такие действия прямо предусмотрены ст. 190¹ УК РСФСР, а поэтому действия Богораз-Брухман, Литвинова, Бабицкого, Делоне и Дремлюги квалифицированы правильно по этой статье.

При определении меры наказания каждому из подсудимых судебная коллегия учитывает, что Дремлюга ранее привлекался к судебной ответственности, а Делоне совершил преступление в период испытательного срока, поэтому считает целесообразным избрать им меру наказания, связанную с лишением свободы; Богораз-Брухман, Литвинов, Бабицкий впервые совершили преступление, имеют на иждивении несовершеннолетних детей, поэтому считает возможным применить к ним ст. 43 УК РСФСР, избрав меру наказания, не связанную с лишением свободы.

На основании изложенного, руководствуясь ст. ст. 303, 315, 317 УПК РСФСР, судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда

ПРИГОВОРИЛА:

ДРЕМЛЮГУ Владимира Александровича,

ДЕЛОНЕ Вадима Николаевича,

БОГОРАЗ-БРУХМАН Ларису Иосифовну,

ЛИТВИНОВА Павла Михайловича,

БАБИЦКОГО Константина Иосифовича — каждого признать виновным по ст. ст. 190¹, 190³ УК РСФСР и подвергнуть наказанию:

ДРЕМЛЮГУ Владимира Александровича — по ст. 190¹ УК РСФСР — трем годам лишения свободы; по ст. 190³ УК РСФСР — трем годам лишения свободы.

На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений к отбытию определить три года лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима, с зачетом в срок отбытия наказания время предварительного содержания под стражей с 25 августа 1968 года.

ДЕЛОНЕ Вадима Николаевича по ст. 190¹ УК РСФСР — лишению свободы сроком на два года и шесть месяцев; по ст. 190³ УК РСФСР — лишению свободы сроком на два года и шесть месяцев.

На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений меру наказания определить два года и шесть месяцев лишения свободы.

В силу ст. 41 УК РСФСР присоединить четыре месяца лишения свободы неотбытого наказания по приговору Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 1 сентября 1967 года и окончательно к отбытию определить два года и десять месяцев лишения свободы, с отбыванием наказания в исправительно-трудовой колонии общего режима, с зачетом в срок отбытия наказания время предварительного содержания под стражей с 25 августа 1968 года.

БОГОРАЗ-БРУХМАН Ларису Иосифовну по ст. 190¹ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР подвергнуть ссылке сроком на четыре года; по ст. 190³ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР подвергнуть ссылке сроком на четыре года.

На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений — подвергнуть ссылке сроком на четыре года.

ЛИТВИНОВА Павла Михайловича по ст. 190¹ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР подвергнуть ссылке сроком на пять лет; по ст. 190³ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР подвергнуть ссылке сроком на пять лет.

На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений — подвергнуть ссылке сроком на пять лет.

БАБИЦКОГО Константина Иосифовича по ст. 190¹ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР подвергнуть ссылке сроком на три года; по ст. 190³ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР подвергнуть ссылке сроком на три года.

На основании ст. 40 УК РСФСР меру наказания по совокупности совершенных преступлений — подвергнуть ссылке сроком на три года.

Зачесть Богораз-Брухман, Литвинову и Бабицкому в срок отбытия наказания время предварительного содержания под стражей с 25 августа 1968 года из расчета один день содержания под стражей за три дня ссылки.

Меру пресечения Делоне и Дремлюге не изменять — оставить содержание под стражей.

Меру пресечения Богораз-Брухман, Литвинову и Бабицкому в виде содержания под стражей отменить после доставления их к месту отбывания наказания.

Вещественные доказательства — плакаты и оргалитовую крышку уничтожить.

Приговор может быть обжалован или опротестован в Верховный суд РСФСР в течение семи суток с момента его провозглашения, а осужденным Богораз-Брухман, Литвинову, Бабицкому, Делоне и Дремлюге, содержащимся под стражей, с момента вручения им копии приговора.

Председательствующий В. Г. ЛУБЕНЦОВА

Народные заседатели П. И. ПОПОВ, И. Я. БУЛГАКОВ

ПРИЛОЖЕНИЕ К МАТЕРИАЛАМ СУДА
ПИСЬМО КОРНЕЯ ИВАНОВИЧА ЧУКОВСКОГО
БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ ДЕЛОНЕ

Дорогой Борис Николаевич!

Что сказать Вам о тех стихах Вашего внука, которые Вы сегодня прислали ко мне?

Первое впечатление: незрелые стихи очень даровитого мальчика. Иногда не выдержан ритм, иногда небрежна рифмовка. Но всегда есть крепкий лирический стержень — верный признак подлинного поэтического дарования. Дарование чувствуется уже в его первых юношески наивных стихах, трогательно посвященных Вам, дорогим предкам. Замечательно, что в этих ранних стихах, озаглавленных «Стихи о счастье», поэт прославляет спокойствие духа, уравновешенность чувств. Он даже готов похвалиться своим бесстрашием. Обращаясь к другу, он говорит так:

...к бесстрастью моему
зависть тихую питаешь...
Я ж к безумью твоему.

Но бесстрашие, очевидно, было у него временным, преходящим. Прочие стихи, даже ранние, выражают смятенность чувств. Эта смятенность — даже в стихах о природе:

Колокольни ясные на заборы молятся,
Колобродят ясени, к осени готовятся.

Не мое дело давать Вам отчет о содержании стихов. Содержание обычное в поэзии юношей: влюбленность, тоска, мечтательность, но если говорить о форме, можно с уверенностью сказать, что в позднейших стихах она становится все более зрелой, все более

артистичной. Виден несомненный рост дарования — о нем свидетельствуют хотя бы эти стихи о колокольнях и другое стихотворение, «Среди ночи концерт Мендельсона».

Словом, мне кажется, что Ваш внук на верном пути и что, если он будет работать над своим дарованием, советские читатели приобретут в его лице сильного большого поэта.

Но работа предстоит ему упорная.

Ваш

Корней Чуковский

(Осень 1968 года)

«ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ» О ПРОЦЕССЕ
«ГОД ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.
ХРОНИКА ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ»,
ВЫПУСК 4, 30 ОКТЯБРЯ 1968

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ
О ДЕМОНСТРАЦИИ НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ
25 АВГУСТА 1968 ГОДА

Как сообщалось в 3-м выпуске Хроники, 25 августа 1968 г. в 12 часов дня на Красной площади, у Лобного места, семь человек провели сидячую демонстрацию протеста против ввода советских войск в Чехословакию. Шестеро из них — Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг — были арестованы. Седьмая — Наталья Горбаневская — не подверглась аресту, так как она — мать двоих маленьких детей. Об обстоятельствах демонстрации она рассказала в своем письме от 28 августа, направленном в ряд западных газет.

5 сентября судебно-психиатрическая экспертиза под руководством профессора Даниила Лунца признала Наталью Горбаневскую невменяемой. Прокуратура г. Москвы прекратила возбужденное против нее дело и передала ее на попечительство матери.

Участникам демонстрации было предъявлено обвинение по ст. ст. 190³ УК РСФСР: групповые действия, грубо нарушающие общественный порядок, и 190¹ УК РСФСР: распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский общественный и государственный строй. Содержание этого последнего обвинения составлял текст лозунгов, развернутых демонстрантами: «За вашу и нашу свободу», «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку», «Руки прочь от ЧССР», «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия».

С 9 по 11 октября Московский городской суд в помещении народного суда Пролетарского района вел судебное разбирательство по делу Константина Бабицкого, Ларисы Богораз, Вадима Де-

лоне, Владимира Дремлюги, Павла Литвинова. Председательствовала в судебном заседании судья Лубенцова, члены суда (в первой инстанции это не члены суда, а народные заседатели — Н. Г.) — Булгаков и Попов, государственным обвинителем выступал пом. прокурора г. Москвы Дрель, подсудимых защищали: Константина Бабицкого — адвокат Поздеев, Вадима Делоне — адвокат Калистратова, Павла Литвинова — адвокат Каминская. Лариса Богораз отказалась от защитника и вела свою защиту сама. Подсудимые и адвокаты заявили ряд ходатайств: о вызове дополнительных свидетелей, так как суд вызвал только свидетелей, предложенных следствием, а среди них не было почти никого из тех, чьи показания на предварительном следствии совпадали с объяснениями обвиняемых; суд удовлетворил ходатайство о вызове трех свидетелей из семи; не была, например, вызвана Татьяна Баева, задержанная 25 августа на Красной площади вместе с участниками демонстрации, — у Баевой был проведен обыск, ее многократно вызывали на допросы в качестве свидетеля, против нее, как выяснилось на суде и о чем она сама не знала, было возбуждено уголовное дело, впоследствии прекращенное, — тем не менее суд не считал ее свидетелем рассматриваемых событий; о направлении дела на доследование с целью установления личности людей, которые отнимали лозунги, избивали и задерживали демонстрантов, т. е. личности тех людей, которые действительно нарушили общественный порядок на Красной площади 25 августа; это ходатайство обвиняемые заявляли еще в ходе предварительного следствия — следственные органы заявили тогда, что у них нет данных об этих лицах; суд также отклонил это ходатайство; между тем в тот же первый день суда, когда были заявлены ходатайства, у здания суда видели человека, который выбил зубы Файнбергу, об этом на суде были даны свидетельские показания; о том, чтобы дело было отложено слушанием до окончания судебно-психиатрической экспертизы Виктора Файнберга; в ходатайстве указывалось, что нет оснований выделять его дело в отдельное разбирательство; это ходатайство также было отклонено; о допуске в зал суда родственников и друзей подсудимых; в зал пустили только родственников, и то далеко не всех; некоторым, допущенным в первый день, на второй день милиция заявила: «Вчера были вы, а сегодня пришли новые родственники»; жену Павла Литвинова 10 октября продержали у здания суда почти до вечера и впустили только в результате неоднократных требований самого Литвинова и его адвоката.

Вся обстановка формально открытого процесса мало чем отличалась от уже известной по предыдущим «открытым» процессам.

Друзья и сочувствующие, не допущенные в зал суда и мерзнувшие на улице под дождем и ранним осенним снегом; оперативники госбезопасности в штатском, члены комсомольских оперотрядов, молодые люди из народной дружины завода им. Лихачева — и те и другие без повязок, — подслушивание разговоров, фотографирование присутствующих, атмосфера провокаций. Впрочем, ни одна из провокаций не увенчалась успехом, несмотря на то что в организацию провокаций втягивали и окрестное население: жителей ближайших домов заранее оповестили о том, что будут судить валютчиков, — безошибочно рассчитывая поселить в простых людях неприязнь к друзьям подсудимых; а 10 октября к зданию суда стали в большом количестве прибывать пьяные забияки, в том числе до странности много пьяных женщин, — оказалось, что в одном из ближайших дворов на стол выставлено множество бутылок водки и происходит бесплатное «угощение».

В здание суда через обычный вход пропускали полтора десятка родственников, после чего всем присутствующим заявляли, что зал переполнен. Таким образом, все остальные, присутствовавшие в зале: журналисты из нескольких советских газет, представители ЦК, МК, КГБ, прокуратуры, оперотрядчики — т. е. около 60 человек — проходили в суд через двор, с черного хода, не решаясь войти в здание на глазах у собравшейся толпы. Родственникам подсудимых не разрешали выходить из здания во время перерывов, угрожая, что их места окажутся заняты.

В ходе судебного следствия стала еще яснее несостоятельность предъявленных обвинений. Из числа основных свидетелей обвинения выделялись пятеро участников задержания демонстрантов. Эти пятеро — служащие одной и той же воинской части 1164, одновременно, не сговариваясь, оказались 25 августа на Красной площади и участвовали в задержании демонстрантов; на предварительном следствии они показывали, что действия демонстрантов нарушили общественный порядок. В первый же день при перекрестных допросах эти люди запутались в показаниях о том, знакомы ли они друг с другом. Видимо, поэтому на второй день суда те трое из них, кого накануне не допросили, оказались «отправленными в командировку», и суд решил их не допрашивать, несмотря на протесты подсудимых и защиты. Еще один свидетель обвинения — лейтенант Олег Давидович, работник лагерей строгого режима в Коми АССР, ст. Ветью: несмотря на то что и картина демонстрации в его показаниях отличалась от всех других показаний, и временем демонстрации он назвал 12 час. 30 мин. — 12 час. 40 мин., и вышел-то он на Красную площадь из ГУМа, который, как извест-

но, в воскресенье закрыт, его показания послужили одной из главных опор обвинительного приговора.

Интересен также выступавший свидетелем милиционер, работник ОРУД — его показания важны для выяснения вопроса, было ли совершено нарушение работы общественного транспорта. 25 августа этот милиционер подал рапорт своему начальнику о происшедших событиях, ни словом не упомянув о каком-либо нарушении работы транспорта. 3 сентября он подал новый рапорт — о том, что нарушение было. Как доказано на суде, между 25 августа и 3 сентября его вызывали на допрос в прокуратуру.

Подсудимые не признали себя виновными. Допросы подсудимых, их последние слова, речи защитников убедительно доказали отсутствие состава преступления в действиях участников демонстрации.

Большую часть своей обвинительной речи прокурор Дрель посвятил событиям в Чехословакии, в то время как подсудимых прерывали каждый раз, как только они касались этих событий, излагая мотивы своих действий или разъясняя содержание лозунгов.

Прокурор потребовал 3 года лишения свободы для Владимира Дремлюги и 2 года лишения свободы для Вадима Делоне. К двум годам для Делоне прибавлялся срок лишения свободы по прежней условной судимости — год, из которого он более семи месяцев тогда отсидел во время следствия (т. е. общий срок составил бы 2 года 4,5 мес.). К остальным подсудимым прокурор предложил, учитывая, что они ранее не судимы и что все трое имеют на своем иждивении детей, — применить ст. 43 общей части УК РСФСР и приговорить их не к лишению свободы, а к ссылке: Павла Литвинова — сроком на 5 лет, Ларису Богораз — на 4 года, Константина Бабицкого — на 3 года.

Суд признал подсудимых виновными по обоим предъявленным статьям. В отношении меры наказания суд более чем удовлетворил требования прокурора. Вадим Делоне, сказавший в своем последнем слове: «Я призываю суд не к снисхождению, а к сдержанности», получил на полгода лагерей больше, чем предлагал прокурор: 2 года 6 месяцев плюс 4 месяца из неотбытого срока, итого 2 года 10 месяцев. Остальные получили сроки лагеря и ссылки в соответствии с требованиями прокурора.

Подсудимые и их защитники подали кассационные жалобы.

В конце октября судебно-психиатрическая экспертиза под руководством профессора Даниила Лунца признала невменяемым Виктора Файнберга. В соответствии с действующим законодательством его ожидает заочный суд, который должен решить вопрос

о применении принудительных мер медицинского характера. Как известно, Виктору Файнбергу на Красной площади выбили зубы.

ССЫЛКА ДЛЯ БАБИЦКОГО, БОГОРАЗ И ЛИТВИНОВА

Краткий комментарий

Статьи 190¹ и 190³, по которым вынесен обвинительный приговор, в качестве меры наказания предусматривают лишение свободы на срок до трех лет, или исправительные работы на срок до одного года, или штраф до ста рублей.

Статья 43 общей части УК РСФСР предусматривает, что «суд, учитывая исключительные обстоятельства дела и личность виновного и признавая необходимым назначить ему наказание ниже низшего предела, предусмотренного законом за данное преступление, или перейти к более мягкому виду наказания, может допустить такое смягчение с обязательным указанием его мотивов». Под видом применения статьи 43 суд не перешел к более мягкому виду наказания, а назначил промежуточный между предусмотренными в ст. ст. 190¹, 190³. Ссылка вместо лишения свободы как результат применения ст. 43 возможна в тех случаях, когда конкретной статьей не предусмотрено более мягкого вида наказания, чем лишение свободы (например, ст. ст. 64–69, 71, 75, 76–81 и др.). В данном случае, если суд счел возможным не применять к трем подсудимым лишения свободы, было бы логично назначить им в качестве меры наказания исправительные работы или штраф.

Статья 319 УПК РСФСР гласит, что «при оправдании подсудимого или освобождении его от наказания, либо от отбывания наказания, или в случае осуждения его к наказанию, не связанному с лишением свободы, суд, в случае нахождения подсудимого под стражей, освобождает его немедленно в зале судебного заседания».

В приговоре Мосгорсуда сказано: освободить Бабицкого, Богораз и Литвинова из-под стражи по прибытии на место ссылки.

В ожидании кассации все пятеро продолжают оставаться под стражей, в Лефортовской тюрьме. Содержание под стражей — самая суровая из существующих мер пресечения. Справедливо отметил Павел Литвинов в своем последнем слове, что не было нужды применять эту меру: после того открытого выступления, каким была демонстрация 25 августа, можно было не сомневаться, что демонстранты не станут скрываться от суда и следствия.

СОВЕТСКАЯ ПРЕССА О СУДЕ НАД ДЕМОНСТРАНТАМИ

10 октября в «Московской правде» и «Вечерней Москве» было опубликовано следующее официальное сообщение:

(Приводится полный текст заметки «В московском городском суде», помещенной как эпиграф к этой части.)

12 октября были опубликованы две статьи о процессе: Н. Бардин, «В расчете на сенсацию» — в «Московской правде»; А. Смирнов, «По заслугам» — в «Вечерней Москве».

Так же, как официальное сообщение, статьи, во-первых, говорят только об одном обвинении — в нарушении общественного порядка, т. е. только об обвинении по ст. 190³; во-вторых, само это «нарушение» не раскрыто — нигде нет и намека на то, что это была демонстрация протеста против ввода войск в Чехословакию. Зато авторы статей, не останавливаясь перед прямой клеветой, дают «характеристики» осужденным, рассчитанные на то, чтобы скомпрометировать их в глазах читателей. Именно такую «информацию» имела в виду Лариса Богораз, когда 11 октября в своем последнем слове сказала: «Я не сомневаюсь, что общественное мнение одобрит этот приговор. Общественное мнение одобрит три года ссылки талантливому ученому, три года лагерей молодому поэту, во-первых, потому, что мы будем представлены ему как тунеядцы, отщепенцы и проводники враждебной идеологии. А во-вторых, если найдутся люди, мнение которых будет отличаться от „общественного“ и которые найдут смелость его высказать, вскоре они окажутся здесь (указывает на скамью подсудимых)».

По непроверенным слухам, присутствовавшие на суде корреспонденты двух советских газет отказались писать заказанные им статьи.

Примечание. В этом же, а также в 5-м выпуске Хроники «Год прав человека в Советском Союзе» перечислены самиздатовские документы по делу о демонстрации. Я не воспроизвожу эти перечни, так как все названные там документы, кроме несохранившегося письма П. Г. Григоренко и А. Е. Костерина, вошли в текст книги. В выпусках этой Хроники есть и ряд сообщений о дальнейшей судьбе осужденных демонстрантов. Я думаю, что расскажу об этом более связно в конце этой части.

Воспроизводя статьи из «Вечерней Москвы» и «Московской правды», я не вступаю с ними в полемику: они того не стоят, чтобы я исчисляла, что в них передергивание фактов, а что — прямая ложь. Честно говоря, они мне так противны, что я было подумала вообще обойтись без них, но — во имя полноты и объективности приходится и эти грязные статьи включить в книгу.

В РАСЧЕТЕ НА СЕНСАЦИЮ

(«Московская правда», 12 октября 1968)

Перед Московским городским судом предстали пять подсудимых. Их обвиняют в антиобщественных поступках, аморальном образе жизни, в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок.

На скамье подсудимых — Лариса Богораз-Брухман, Павел Литвинов, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Константин Бабицкий.

Кроме Бабицкого, все подсудимые нигде не работали, ведя по существу паразитический образ жизни.

Суть дела. 25 августа 1968 года в 12 часов дня перечисленные выше подсудимые, предварительно сговорившись, явились на Красную площадь и, усевшись около Лобного места, развернули заранее изготовленные плакаты, содержащие оскорбительные для советских людей, клеветнические надписи. Они стали громко кричать, повторяя содержание плакатов и пытаясь привлечь к себе внимание прохожих.

Но сборище это длилось всего несколько минут. Ровно столько, сколько нужно было, чтобы люди, находившиеся вблизи Лобного места, поняли суть происходившего. Их окружили возмущенные рабочие, колхозники, студенты. Они вырвали из рук крикунов плакаты, разорвали их, в весьма недвусмысленных выражениях высказали хулиганам, что о них думали.

Милиционеры с трудом провели эту компанию сквозь разгневанную толпу. С помощью очевидцев все они были доставлены в отделение милиции.

Каков же облик подсудимых?

Всех их объединяют не только антиобщественные взгляды, но и антиобщественные поступки, неудержимая страсть к спиртным напиткам, к разврату и тунеядству.

В перерывах между пьянками Литвинов успел жениться, бросить без средств к существованию жену с четырехлетним ребенком, вел разгульный образ жизни.

Делоне тоже «прославился» пьянством и безнравственным поведением в быту. В 1967 году Делоне был арестован за грубое нарушение общественного порядка и осужден к одному году лишения свободы условно.

Дремлюга в 1963 году был осужден в Ленинграде за спекуляцию автомобильными покрывками. На суде выяснилось, что при обыске у Дремлюги обнаружен длинный список женщин, с которыми он сожительствовал.

Сидящие на скамье подсудимых Богораз-Брухман и Литвинов не впервые попали в поле зрения советской общественности. Уже в течение ряда лет они являются соавторами грязных клеветнических пасквилей, регулярно появляющихся на страницах западной бульварной печати, в том числе и эмигрантских изданий.

На суде выяснилось также, что советские административные органы проявляли снисходительность и гуманность к Богораз-Брухман, Литвинову и Делоне. Им неоднократно разъясняли антиобщественный характер их поведения и предупреждали о неизбежности привлечения их к ответственности в том случае, если они не прекратят своей противозаконной деятельности. Им неоднократно предлагалось также прекратить паразитический образ жизни и заняться общественно полезным трудом. Но они своего поведения не изменили.

У находящихся в зале суда рабочих, служащих различных предприятий и учреждений Москвы сложилось впечатление, что подсудимых объединяло еще одно: все они искали любую возможность обратить на себя внимание Запада. Хотели стать «знаменитыми» любой ценой. Что ж, можно не сомневаться, что западные специалисты по антисоветской пропаганде постараются использовать этот судебный процесс для очередной шумихи, для еще одной дешевой сенсации, постараются как можно громче оплакать столь близких им по духу и действиям пятерых, представших перед советским судом.

Н. БАРДИН

Суд приговорил Дремлюгу В. А. к трем годам, Делоне В. Н. — к двум годам и десяти месяцам лишения свободы; Литвинова П. М. — к пяти годам, Богораз-Брухман Л. И. — к четырем и Бабицкого К. И. — к трем годам ссылки.

ПО ЗАСЛУГАМ

(«Вечерняя Москва», 12 октября 1968)

Три дня в Московском городском суде продолжался процесс по уголовному делу Бабицкого К. И., Богораз-Брухман Л. И., Делоне В. Н., Дремлюги В. А. и Литвинова П. М. Они обвинялись в нарушении общественного порядка, в совершении других противозаконных поступков.

Как видно из обвинительного заключения, названные выше подсудимые 25 августа с. г., предварительно сговорившись, пришли на Красную площадь, развернули у Лобного места заранее изготовленные плакаты с оскорбительными для советского народа клеветническими надписями, стали выкрикивать грязные лозунги.

Находившиеся на Красной площади рабочие, служащие, студенты, возмущенные действиями этих лиц, окружили крикунов, вырвали у них плакаты и разорвали их. Хулиганы были доставлены в отделение милиции.

В ходе процесса все более вырисовывается неприглядное лицо подсудимых. На суде они ведут себя развязно, впрочем, таковы они и в жизни.

Вот встает Литвинов. Он дает показания то с напускной бравадой, то с подчеркнутой небрежностью. Литвинов — человек с высшим образованием, окончил физический факультет МГУ. Максим Горький говорил, что человек рождается для лучшего. Жизнь дана людям для добрых дел. И Литвинов имел все возможности стать честным тружеником. Но, видно, перспектива служения народу, Родине ему не по душе. Он «пробовал» себя то в одном учебном заведении, то в другом. Однако нигде долго не задерживался: либо сам бросал работу, либо его увольняли.

Литвинову предоставили должность ассистента кафедры физики Московского института тонкой химической технологии им. Ломоносова, но он недолго пробыл и здесь. Зато сумел «проявить» себя: противопоставил коллективу, нарушал дисциплину, систематически прогуливал. И законный финал — уволен по статье 47 «Е» Кодекса законов о труде. С января нынешнего года нигде не работает.

Литвинов совершал проступки, которые в корне расходятся с нормами жизни советских людей. Получив новую квартиру, устраивал в ней попойку за попойкой. Рядом с Литвиновым сидят его «сподвижники». Вот — Делоне. Он также нигде не работает. Его исключили из института. В 1967 году Делоне был арестован за грубое нарушение общественного порядка и осужден к одному году лишения свободы условно.

А вот другой дружок Литвинова — Дремлюга. О его моральном облике можно судить по таким фактам. Судился за спекуляцию автомобильными покрышками, пьянствовал и развратничал.

Противно перечислять дела этой компании. Находящиеся в зале суда москвичи с возмущением смотрят на них.

Следует сказать, что советские административные органы проявляли гуманность и снисходительность к Богораз-Брухман, Литвинову и Делоне. Им неоднократно предлагали прекратить жизнь тунеядцев, заняться общественно полезным трудом. Но они предпочитали вести себя по-прежнему.

...Красная площадь — святыня нашего народа. Хулиганить на ней, кощунствовать — преступление особого рода.

Суд приговорил Дремлюгу В. А. к трем годам, Делоне В. Н. — к двум годам и десяти месяцам лишения свободы; Литвинова П. М. — к пяти годам, Богораз-Брухман Л. И. — к четырем годам и Бабицкого К. И. — к трем годам ссылки.

Подсудимые получили свое. Получили по заслугам. Находившиеся в зале представители общественности Москвы с одобрением встретили приговор суда. Пусть наказание, вынесенное Бабицкому, Богораз-Брухман, Делоне, Дремлюге и Литвинову, послужит серьезным уроком для тех, кто, может быть, еще думает, что нарушение общественного порядка может сходить с рук. Не выйдет!

А. Смирнов

Илья ГАБАЙ

У ЗАКРЫТЫХ ДВЕРЕЙ ОТКРЫТОГО СУДА

*Свободы сеятель пустынный,
Я вышел рано, до звезды;
Рукою чистой и безвинной
В порабощенные бразды
Бросал живительное семя —
Но потерял я только время,
Благие мысли и труды...*

*Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушкою да бич.
А. Пушкин*

В 9 часов утра 9 октября 1968 г. мы пришли к зданию суда Пролетарского района. Через час должно было начаться судебное заседание. Для нас, друзей и товарищей подсудимых, безусловно и безоговорочно разделяющих их убеждения, предстоящий процесс вызывал интерес отнюдь не академического характера.

Мы заранее знали, что будет.

Мы не питали никаких надежд увидеть своих товарищей. Нас привела сюда прежде всего тревога за их судьбу, и мы были готовы стоять на улице долгие часы в ожидании хоть какой-нибудь крохи информации. Все, что занимало нас до этого, — ну хотя бы мысль о том, должны ли были наши товарищи идти на заведомое самопожертвование, отлично зная практическую безрезультатность своего шага, — все, что могло породить правомерный еще вчера, в до-

статочной степени выстраданный спор, отошло на задний план, стало неуместным перед фактом: за наглухо закрытыми для нас дверьми решается участь близких нам людей.

Мы уже были приучены к цинизму и бесстыдству работников КГБ, судебной администрации. Мы готовы были сносить неотступную слезку, фотографирование. Но на этот раз нас ждали новые испытания, новый горький опыт, и мы обязаны рассказать об этом.

Обязаны в первую очередь перед людьми, которые приговором этого суда отправлены в лагерь или ссылку. Быть может, это уменьшит досужие рассуждения о бесперспективности, безрезультатности таких поступков, как демонстрация. Быть может, это кому-нибудь поможет оценить душевное величие пустынных сеятелей понятий чести, порядочности и достоинства среди массовой «всегдаготовности» к разгулу зоологических страстей.

*Теперь у меня ни лишних мыслей, ни лишних чувств,
ни лишней совести...*

М. Е. Салтыков-Щедрин. «Вяленая вобла»

Итак, все, что мы предвидели, случилось. Нам «не хватило» мест в зале: они были заняты людьми, которые проходили в здание с черного хода, по специальным пропускам.

По инициативе П. Г. Григоренко было составлено письмо с требованием допустить друзей подсудимых в зал суда. Вот тогда-то и обозначились будущие герои этих заметок.

Откуда-то появились люди в спецовках, и на наши головы посыпалось пока еще не очень энергичное, но достаточно цветистое арго. Делалось это довольно лениво: может быть, «рабочий класс» берег силы для предстоящих баталий. Просто в спину гуляющих раздавались пустяковые угрозы, услащенные матом. Кто-то бросился открывать глаза этим «простым труженикам». Можно было с самого начала этого не делать: рядом с ними стоял хорошо нам известный в лицо человек в светлом плаще и время от времени давал им негромкие указания. Несколько дней назад человек этот производил обыск в моей квартире. Руку, дергающую марионеток за ниточки, мог разглядеть каждый, кто хотел видеть. Но по неистребимой вере в магию человеческого слова мы иногда становились невольными участниками этого спектакля...

Между тем под письмом, написанным по предложению Петра Григорьевича, успели поставить подписи около четырех десятков людей. И желающих подписаться было еще достаточно.

Напротив двери суда находилась веранда — место, где разыгрались некоторые колоритные сцены предстоящего трехдневного спектакля. На этой веранде, вокруг стола, толпилось множество людей. Разобрать, кто с какими намерениями пришел к суду и стоял сейчас здесь, было трудно, да никто и не пытался разобраться. Это потом многим из нас казалось, что люди, избравшие своим призванием сыск, донос, провокацию, несут неизгладимый отпечаток. Но один из этих людей был известен давно.

Большинство из нас помнило его с прошлой зимы, с процесса Гинзбурга и Галанскова, некоторые — с процесса Синявского и Даниэля. Тогда, два с лишним года назад, он еще пытался играть «своего», заводил провокационно храбрые речи: «Подумать, — восклицал он, — писателей судят! Где еще это возможно?!» — но ни речами, ни обликом никого не провел. В облике его решающую роль, видимо, должна была играть черная бородка — маска «интеллекта». На зимнем процессе 1968 года его узнали в первый же день, и он не стал вести игру. Он лихо возглавлял толкавшихся там «мальчиков» — дружинников? оперотрядчиков? платных осведомителей? — за отсутствием повязок и иных опознавательных знаков проще всего называть их общепонятным термином «стукачи». Часть времени он проводил в зале суда и потом, изображая «просто человека из публики», любезно информировал иностранных корреспондентов о ходе судебного заседания. Впрочем, они, по-видимому, не хуже нас понимали, кто он, и соответственно оценивали его информацию.

В разгар сбора подписей этот человек выхватил письмо и разорвал его. Он тут же был окружен возмущенной толпой. Диалог был примерно таков:

Из толпы: Это хулиганство, и вы за это ответите. Свидетелей много.

Из толпы: Надо пригласить милицию.

Человек с бородой: Это не хулиганство: я точно так же, как вы, хотел подписать письмо.

Из толпы: С этой целью вы его и разорвали?

Один из стукачей: Он его не рвал.

Человек с бородой: Я его не рвал. (Обращаясь к П. Г. Григоренко:) Вы сами его порвали.

П. Г. Григоренко: Это ложь.

Из толпы: Это ложь. Мы — свидетели вашего хулиганства.

Из сбивчивого и несколько надрывного диалога выясняется, что этот человек — не то представитель горкома комсомола, не то случайно оказавшийся здесь инженер, «Александров Олег Иванович».

«Александров»: Я хотел подписать ваше письмо и внести в него изменения, потому что у вас нет классового чутья.

Оставим в стороне терминологию, хотя трудно себе представить, чтобы это собачье свойство — чутье — было частью человеческого достоинства и убеждений. Но в этом высказывании была еще и наглость, с которой молодой провокатор преподавал урок политграмоты генералу, прошедшему войну, признанному и образованному теоретику, человеку стойких коммунистических воззрений (в отличие от некоторых из нас).

Похоже, что, оказавшись почти в одиночестве среди нескольких десятков возмущенных людей, «Александров» почувствовал себя несколько затравленным. Не исключено, что события второго дня отчасти были вызваны именно невозможностью безнаказанно творить провокации при таком соотношении сил.

Подтвердить свою личность документами «Александров» отказался. Уклонился от проверки документов и дежуривший у здания суда милиционер, к которому обратились с этой просьбой. В конце концов, по совету этого же милиционера, довольно большая толпа людей отвела «Александрова» в ближайшее отделение милиции. Вслед за толпой потянулись и стукачи.

Работники отделения милиции уже ожидали толпу перед входом и, угрожая наказанием, потребовали немедленно разойтись. «Александров» был пропущен беспрепятственно. Через некоторое время вызвали Петра Григорьевича, затем еще двух свидетелей.

В ожидании исхода дела (правда, исход ни у кого не вызывал сомнений — просто никак нельзя было оставлять Петра Григорьевича одного среди этой публики) пришедшие обменивались впечатлениями и репликами. Уже становилось более или менее понятно, кто есть кто. Внезапно разговором овладел очень молодой на вид человек, который представился студентом экономического факультета МГУ Степановым и был готов даже показать студбилет. Говорил он вежливо, но лгал — примерно так: «Я человек никак не заинтересованный... я случайно узнал в университете и пришел... я случайно присутствовал при инциденте... никто не вырывал бумаги, кто-то из вас разорвал ее... меня интересует только истина...» и т. п. Возможно, этот человек был действительно студент и действительно Степанов. Тем грустнее, что из среды университетского студенчества вербуются филёры. А что учеба в МГУ для этого студента была занятием не самым главным, мы убедились очень скоро.

Никаких неожиданностей в милиции не произошло. У «Александрова» при себе не оказалось документов, всех просили разойтись, а его оставили для выяснения личности. Очень скоро, минут

через 15–20, он пошел к зданию суда и, уже не таясь, приступил к своим сыскным обязанностям. Неудавшаяся роль простого инженера была исчерпана.

Возле здания прибавилось так называемых «людей от станка». Простой задушевный мат все чаще оглашал старый московский переулок. Особенно усердствовал один из них, в очках, с доверительным испытанным лицом. Какую-то особую ненависть эти люди испытывали к носителям бород (впрочем, не к «Александрову», тут, видимо, срабатывало «чутье»). Человек в очках пригрозил одному из бородачей: «Мы вас побреем». Эта изысканная шутка имела успех и потом уже все три дня не сходила с уст «народных представителей».

Еще было далеко до конца. Люди собирались группками, вели беседы, там и сям возникали споры. Обстановка была достаточно миролюбивой, хотя прибывающие «рабочие» вносили некоторую свежесть в чисто теоретические разговоры. Например, не лишено остроты было их ходовое обвинение: «Почему вы не на работе, а здесь?» Спрашивать их о том же было бесполезно.

Попытки затеять скандал в этот день были обречены на провал. Надо думать, что, когда «рабочий класс» оскорблял кого-то, делалось это не без расчета на возмущенный ответ, на перепалку. Но на провокации никто не реагировал. Один из присутствующих нечаянно наступил на неубранный совок с осенними листьями. Люди в спецовках мгновенно окружили его и попытались устроить шумный скандал. Человек отошел, пожимая плечами, и «рабочие» остались наедине друг с другом.

Затевая скандалы и споры, эти люди обычно скапливались вокруг очередной жертвы, вокруг кого-то, кто не смог удержаться и отвечал на слово — словом, на угрозу — уговором, на оскорбление — разумной, но бессмысленной в этих условиях тирадой. Говорил он или замолкал, собравшиеся вокруг него инсценировали оживленный спор, якобы даже между собой, — но стоило ему выйти из круга, и весь кружок, иногда более 20 человек, мгновенно распадался.

Горько думать о том, что и мы сами, непричастные к этим людям, враждебные их бесчеловечной, механической логике, пожинаем плоды нынешнего нравственного состояния. Это в первую очередь обнаружившаяся здесь подозрительность человеческих взаимоотношений. Сплошь и рядом возникали неловкие ситуации: кого-нибудь из незнакомых собеседников принимали за стукача, давали ему это понять, а потом оказывалось, что это вполне порядочный человек. В первый же день у здания суда оказалась группа мальчиков-студентов, никому не знакомых. Кто-то из них по-мальчишески прихвастнул, что знаком с таким-то, а потом ока-

залось, что это неправда, и они натолкнулись на стену недоверия. Вечером, когда эти ребята уходили, подавленные, они сказали, что больше не придут.

В этом смещении повинны те органы, что установили слежку, перлюстрацию писем, телефонное подслушивание. Но и мы излишне соблюдаем их правила игры: ведь проступков-то, которые надо скрыть, мы не совершаем, а не милуют нас, как правило, только за убеждения. А что уж это за убеждения, которые надо скрывать?

Одновременно с этим некоторые из нас находили какое-то познавательное наслаждение в беседах с заведомо ясными людьми. Кто-то оправдывал это профессиональным литературным интересом, кое-кто даже надеялся внести переполох в ясное мировоззрение обладателей красных книжечек. Они же при этом были начеку. Молодой математик, преподаватель завода-втуза [Владимир Гершович], встретил своих учеников — активных в провокаторском рвении — и начал уверять их, что они поступают дурно, позорят рабочую честь и т. д. Через неделю математика уволили с работы.

...Разорванное письмо было восстановлено, его подписали 58 человек. И опять подскочил молодой низкорослый человек с лицом боксера, выхватил письмо и, подстрахованный несколькими коллегами, перебежал к зданию суда. Милиционеры расступились, и молодой человек скрылся в дверях суда, недоступных для прочих смертных. Сбор подписей был прекращен, но оставшийся экземпляр — их, к счастью, было два — был отослан.

К иностранным корреспондентам вышел представитель отдела печати МИД Романов. Он объяснил им, что совершенно случайно оказался в зале суда, ничего не знает («Не знаете ли вы, где здесь столовая?» — спросил он у одного из журналистов), но раз уж он оказался здесь, то будет информировать своих коллег о ходе дела. Обещание свое он выполнил: корреспонденты получили самую общую информацию («Кончился допрос подсудимых», «Началась речь прокурора» и т. д.), но для нас и это было хоть чем-то, тем более что присутствовавших в зале суда родственников подсудимых не выпускали ни на один перерыв.

На вопрос одного из журналистов: «Можно ли фотографировать?» — Романов ответил, что это «не в советских традициях». А между тем, нарушая эти самые традиции, беспрепятственно щелкал фотоаппаратом уже названный Степанов — тот самый, беспристрастный, жаждущий правды и только правды студент-экономист. Сначала на возмущенный вопрос одного из сфотографированных он ответил с улыбкой, что делает это для факультетской стенгазеты, потом перестал отвечать на вопросы и только четко

выполнял свою работу. Рядом с ним постоянно дежурило несколько человек, которым уже не имело никакого смысла придумывать себе профессию...

Первый день процесса подходил к концу. В 8 часов вечера заседание закончилось, и мы разошлись по домам. Все еще было впереди — и исход суда, и наше знакомство со всплеском уличной стихии. В этот первый день нам особенно запомнились «Александров», «Степанов» и подобные. У этих молодых людей могли бы быть и иные занятия. И вот все, что могло бы составить смысл существования — книги, выставки, научные изыскания, просто порядочные поступки — все это отступило перед практическими соображениями. Какие уж там *лишние* мысли, *лишние* чувства, *лишняя* совесть — полное отсутствие их. Они сами не раз за этот день называли собачий эрзац разума и совести: *чутье*. Чутье. Нюх. Не просто чутье — они называют его классовым. Кастовое чутье. Воблу десятки лет потрошили, сушили, вялили. Теперь у нее ни мыслей, ни чувств, ни совести — только чутье...

*И вы, мундиры голубые,
И ты, послушный им народ...*
М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Как известно из классической литературы, умом Россию не понять, аршином общим не измерить и т. д. Приказано верить, что у нее особенная статья, что она широкою грудью дорогу проложит себе, что банда продажных погромщиков, устроивших вакханалию 10 октября, и есть создатели истинных ценностей, почва, на которой взошли Пушкин, Чаадаев, Достоевский, Скрябин, Врубель. Думается, что у многих из нас в этот день поколебалась эта вера. Нагнали сотню пьяниц — могли нагнать и тысячу. Ограничились оскорблениями, а приказали бы — могли и убивать. И очень может быть, что кое-кто из этой черни действительно токарь 6-го разряда и действительно висит на доске почета своего предприятия. Можно пожалеть этих людей — за то, что они такие темные, за то, что так искалечены их души, за то, что они так безнадежно жестоки и слепы. Но нам на самом деле есть кому сочувствовать. Сочувствовать за то, что они так умны, честны, мужественны, за то, что их на долгие годы оторвали от любимых занятий, за то, что им, может быть, безнадежно испортили жизнь...

В 9 часов утра 10 октября во двор суда въехал «воронок», и многие из нас стали выкрикивать приветствия подсудимым, хотя

увидеть их мы и не могли. К собравшимся подошел работник КГБ, который уже упоминался в начале очерка (тот, что производил обыск), и сказал: «Что, головки тянете? Скоро и за вами придем».

(Несколько часов спустя в одной из групп он попытался разыграть из себя рабочего.

— Какой же вы рабочий? — спросил его один из нас, человек, отсидевший несколько лет в лагере и впоследствии реабилитированный. — Разве рабочие производят обыски?

— Недобитый антисоветчик, — процедил тот и отошел. Во второй половине дня он исчез совсем.)

В этот день в зал суда не пустили нескольких человек из допущенных накануне. Среди них была жена одного из подсудимых [Майя Русаковская, жена Павла Литвинова]. Неожиданно в полдень около дверей суда появилась женщина средних лет и начала выкрикивать грязные ругательства. Потом она пристала к жене подсудимого, вылила на нее потоки ругани (особую ненависть вызвали у нее очки), пригрозила расправой. В центре этого кружка стоял офицер милиции. Присутствующие обратились к нему с требованием задержать хулиганку. Кто-то сказал, что пожалуется на бездействие милиции. Офицер повернулся к этому человеку и сказал: «Вы взрослый человек, а говорите такие неразумные вещи». Женщина на время исчезла.

Около «Александрова» в это время появился расхлестанный пьяный человек и стал кричать на присутствующих. Ему, как уверял он, сейчас не хватает только автомата для того, чтобы стрелять по толпе. Каким-то удивительным образом все народные витии и одинаково думали, и одинаково говорили. В течение этого дня многие жаловались на то, что им не дают возможности стрелять, или перетопить всех в Яузе, или, на худой конец, проехаться по людям на бульдозере.

Пьянице пригрозили вырезвителем, он неохотно отошел, а кто-то обратился к Александрову с вопросом, почему он не вмешивается в эти безобразия и всем своим поведением одобряет их. Александров резонно напомнил, что у нас в стране гражданам гарантируется свобода слова и что он не может помешать рабочему человеку высказывать наболевшее.

— Но у нас, кажется, запрещена человеконенавистническая пропаганда, да и хулиганство осуждается довольно строго.

— Вы считаете, что была человеконенавистническая пропаганда?

— А вы считаете призыв пьяного подонка к расправе высшим проявлением гуманности?

Кто-то сорвался.

— Вам следовало бы набрать людей в вытрезвителе. Или, того лучше, выпустить на эти дни из тюрем воров и бандитов. Другой опоры у вас нет — земля горит под ногами.

Повсюду собирались группы людей. В адрес кого-нибудь из нас (удивительно, как хорошо они знали, к кому следует адресоваться) раздавались обвинения в тунеядстве, паразитизме, связях с капиталистами. Очень многие из нас, к сожалению, поддавались соблазну вносить сознание в массы. Это становилось все труднее. Мгновенно к образовавшемуся кружку подлетали специальные люди, начинались угрозы и ругательства. Разговаривать с воинствующими хамами невозможно, а до поры до времени оттащить кого-нибудь из центра кружка, уговорить не вступать в разговоры было очень трудно. В одном из кружков, где разговор принял особенно воинственный характер, стоял все тот же вездесущий Александров; человека, вступившего в спор с нанятыми людьми, удалось оттащить, и Александрову было сказано: «Не надейтесь. Никто не будет вступать в драку, никто не поддастся на провокацию». Александров иронически улыбнулся.

В другом кружке ораторствовал «рабочий» в очках. Он уже успел куда-то отлучиться и сменил спецовку на костюм моды сороковых годов. Смысл его выступления был привычен и доходил до окружающих его людей с «простыми сердцами». Он угрожал кому-то побрить бороду, повесить на суку за определенные места и т. п. В этом кружке все происходило как в плохо дублированных китайских фильмах: «рабочий» произносил остроту, и раздавалось вымученное троекратное «ха-ха-ха». Так продолжалось несколько раз, и эти «ха-ха-ха» казались отрететированными, как пионерские выкрики на торжественных линейках.

Наверно, среди всего этого разрастающегося сброда были и люди, просто введенные в заблуждение. Один из рабочих (он назвал завод, на котором работает: ЭМА) сказал, что им сообщили о том, что судят валютчиков. Правда, и здесь логики никакой: почему нужно бросать работу и идти к суду, где судят за подобное преступление. Но большинство людей явно было специально подобрано и проинформировано. В этой толпе некоторое время (еще в первый день) находился человек, который во время демонстрации 25 августа избил Файнберга. Его узнали, он заметил это и исчез.

...Наступило некоторое затишье. Кое-кто потянулся отдохнуть на соседний двор. Во дворе, большом и просторном, стояли длинные столы для настольного тенниса. На одном из этих дощатых

столов была установлена батарея водочных бутылок, раскрытые банки рыбных консервов, нарезанные холмы хлеба. Вокруг угощения топтались знакомые по только что прошедшим бурным дискуссиям наши оппоненты «из рабочих»...

Пошел дождь, и все забились на веранду. Шли разговоры в своих кругах, споры не вспыхивали. Внезапно прозвучал пьяноватый голос, «рабочий» в очках обращался к иностранному корреспонденту:

— Что вы вмешиваетесь не в свои дела? Уходите отсюда.

Пьяная, безграмотная, лишенная логики речь не была подхвачена даже собутыльниками. Журналист пожал плечами. Окружающие растерянно улыбались. Кто-то обратился к «Степанову» (в этот день он щелкал затвором еще усерднее; на нем был невообразимый белый костюм; «Униформа?» — спросил его кто-то из наших утром).

— Остановите его, — сказали Степанову, — это же стыдно.

— Я не милиционер, — отвечал он, — и еще не хватало, чтобы я зажимал рот рабочему человеку.

Самое тяжкое началось вечером, часов в 7–8. Рядом с милиционерами ходили откровенно нетрезвые люди, бранились, угрожали — милиционеры хранили спокойствие сфинксов.

Появилась женщина, которая затеяла скандал еще в полдень. Она была уже недалеко от последней черты опьянения, а может быть, немножко и подыгрывала: была в ее действиях определенная система. Вокруг нее толпились пьяные рабочие. На людей сыпалась брань, самая отборная и гнусная. Пьяницы как будто состязались в мерзостях и хамских угрозах. Заводилой была эта пьяная женщина. Цеплялись к чему угодно: к тем же злополучным бородам и очкам, к покрою костюма и прическам девушек. Оскорбили беременную женщину. Мужчины говорили похабные гадости девушкам — милиционеры слушали и безмолвствовали. Рядом с милиционером минут 5–7 стоял пьяный и угрожал кулаками уже не всем вообще, а конкретному человеку. Он много раз подряд пообещал ему вырвать двенадцатиперстную кишку (почему-то именно этой деталью исчерпывались его познания в анатомии) — милиционеры слушали и молчали.

В центре толпы, почти рядом с пьяной женщиной, стоял гебист, который во второй раз вырвал письмо с подписями. Он был непременно участником и организатором массовок.

— Я рабочая, — кричала женщина, — если я и выпила, то на свои деньги.

Пожилой человек сказал ей:

— Вы лжете. Вы не рабочая. У вас нет чести. Вы просто нанятый хулиган.

Толпа двинулась к нему. Женщина материла его самым изощренным образом.

— Кто вам дал право так разговаривать с пожилым человеком? — спросили ее.

Теперь гнев толпы обрушился на спросившего:

— А вы почему здесь?

— Здесь судят моих друзей. А вот, что делаете здесь вы?

— Ваши друзья фашисты и убийцы. И вы все такие же.

Далее следовали знакомые сетования на отсутствие автоматов.

— Кто же фашисты? — спросил этот человек. — Разве не вы призываете уничтожать людей?

...На некоторое время этот сброд остался в одиночестве. Вокруг пьяной бабы по-прежнему стояла кучка тех же людей, в их числе и тот, что вырвал письмо. Баба показывала какому-то пьяному парню с грязной белой повязкой через глаз на противоположную сторону. Парень подходил туда, заглядывал людям в лицо и возвращался. Внезапно женщина стремительно перебежала на другую сторону и подошла к Григоренко. Вся ее свита, несколько десятков человек, ринулись за ней.

— У меня нет никакого желания с вами разговаривать, — сказал Григоренко.

Толпа упорно наседала на него. Один из его знакомых привел милиционера. Милиционер удивился, зачем его позвали: он не нашел ничего особенного в том, что несколько десятков пьяных хамов пристают к пожилому человеку. Равнодушие милиционера вдохновило толпу, некоторые кинулись на того, кто привел милиционера. Когда этот человек отвернулся и спокойно отошел, вслед раздалось: «Жидяра, разговаривать не хочет».

Если что-то в этот день и удержало от прямых побоев, то, наверное, только присутствие иностранных журналистов. Хулиганы были проинструктированы. Это чувствовалось не только по непременному участию во всех сценах сотрудников КГБ или по явному сговору с милицией. Мы были свидетелями такой сцены. К иностранному корреспонденту подошел один из активных скандалистов, но, убедившись, что перед ним иностранец, почтительно ретировался. Через некоторое время, услышав, что корреспондент хорошо говорит по-русски, хулиган вернулся к нему и, угрожающе замахнувшись, сказал: «Ты такой же американец (далее следовали слова непечатные), как я эскимос».

Скандал, очевидно, начал выходить за пределы задуманного. В конце концов кумир толпы — пьяная женщина была отправлена

домой. К 11 часам вечера, когда заседание кончилось, все более или менее вошло в свое русло. Возможно, что подействовал телефонный звонок в министерство охраны общественного порядка.

В последний день суда народу собралось так же много, как и в предыдущие дни. Полемика между друзьями и недругами подсудимых продолжалась, но споры эти носили более спокойный и академический характер, чем накануне. Большинства участников вчерашних провокаций уже не было.

На собранные деньги купили цветов для адвокатов. Цветы лежали в автомобиле одного из родственников, присутствовавшего на заседании [Михаила Бураса]. Машина стояла за углом, на набережной, на глазах у одного из милицеских постов, и, конечно, была заперта на ключ. Когда мы подошли к машине, чтобы открыть ее и вынуть цветы, обнаружилось, что машина открыта и пуста. Конечно, снова собрали деньги и поехали за цветами. Искать похитителей было некогда. Капитан милиции, которому сказали о краже, ответил: «Это кто-то из ваших украл — Якир, наверно» — и сам обрадовался собственной шутке.

Около двух часов дня представитель МИДа вышел из здания суда и пригласил иностранных журналистов войти и выслушать сообщение о приговоре.

Вся толпа придвинулась вплотную к дверям суда и в напряженном молчании ожидала известий о приговоре. Наконец двери суда открылись, и из здания начали выходить один за другим те люди, что каждый день попадали в зал по особым пропускам и с черного хода (поэтому мы увидели их впервые). Толпа, расступившись, образовала узкий проход, через который они шли молча, с важными, каменными лицами. «Какой приговор?» — спросил кто-то, они не отвечали, словно боясь вступить в контакт с «нежелательными элементами»; один только злобно буркнул: «Какой? Слабый...» Кто-то еще из толпы сказал: «Да не спрашивайте вы их!»

Потом вышли родные подсудимых, и мы узнали приговор.

Пронесся слух, что адвокатов хотят вывести через черный ход. Часть толпы бросилась по набережной в обход здания к черному ходу и, наткнувшись на кордон милиции, остановилась.

Адвокаты, однако, вышли со стороны главного входа. Все снова сбежались, дарили цветы, суматошно объясняли, почему так невелики букеты.

— Цветочки, цветочки не забудьте! — кричал нам в спины все тот же человек, что вырвал письмо. Стоящие вокруг него подбострастно хихикали.

И когда мы уходили, вслед нам неслись те же угрозы, та же брань, только теперь ленивые. Разошлись синие мундиры. Исчезла и чернь, выдававшая себя за рабочих.

Я всегда думал... что общее мнение отнюдь не тождественно с безусловным разумом... что инстинкты масс бесконечно более страстны, более узки и эгоистичны, чем инстинкты отдельного человека, что так называемый здравый смысл народа вовсе не есть здравый смысл, что не в людской толпе рождается истина.

П. Я. Чаадаев. «Апология сумасшедшего»

Вот именно.

Так бы и следовало закончить эти беглые заметки, написанные по памяти. Трудно обольщать себя надеждой на то, что люди, прочитавшие это, почувствуют то же, что и мы. Но, может быть, эти записки вылечат кого-нибудь от иллюзий.

Карательные органы делают ставку на сброд погромщиков, людей злых и неразумных. Эти люди могут принести много бед: у них нет привычки к размышлению, нет и потребности в свободе и гражданском достоинстве. В эти три дня только приоткрылись клетки, и сидящие в них звери только показали коготки. Когда-нибудь весь этот зоопарк может быть выпущен на улицу. Ранних христиан бросали в клетку со львами. Это логично: с идеями, мыслями, с личностями можно расправляться только по законам зоологии, такая расправа вне человеческих норм.

Уже в XIX веке отличали народ от холопства и черни. Но в XX веке десятки лет именем народа уничтожали все, что можно уничтожить: от генетики до человеческих жизней. Все грязное и жестокое в нашей истории покрывали именем народа и кликами всенародного одобрения.

Может быть, кому-то эти заметки помогут быть взыскательнее к себе: в конце концов, разница между рукой хулигана, поднятой на ближнего, и рукой интеллигента, поднятой против ближнего на собрании, меньше, чем это может показаться.

А кому-то наши записки объяснят и поведение наших товарищей — осужденных демонстрантов. «Здравый смысл народа не есть вовсе здравый смысл», и что еще остается делать в этом болоте, среди воинственных куликов, как не отстаивать свою честь и свободу — свою душу живую. Даже если это слишком рано — до звезды...

Рябоватый гражданин, лет за 50, отозвал меня в сторону и рассказал, что его сын сам видел, как взрывались ручки в руках у покупателей. Он пытался даже назвать адрес магазина культтоваров, или канцелярских, или школьно-письменных принадлежностей, но так и не назвал. О том, что его сын был свидетелем взрыва, он повторял настойчиво. Я заметил, что гражданин этот слегка пьян, но, если бы не запах, я бы не усомнился, что разговаривал с больным. Рассказывал он, что служил в 20–30-е годы в войсках ГПУ-НКВД, и мне делалось яснее, что алкоголь лишь частично повинен в странностях его логики. Неким усилием мысли он пытался связать культтоварные диверсии с людьми, пришедшими 25 августа к Лобному месту.

Другой гражданин, приблизительно того же возраста, тоже был слегка пьян, но не производил впечатления ненормального, хотя бы потому, что умалчивал о роде занятий своих в течение последних 23 лет. По его словам, до 45-го года он был солдатом, но не уточнял, был ли на фронте, и не говорил о роде войск, в которых служил, — а по темпераменту, по всему складу он явно относился к тем пенсионерам, которые всегда не прочь бы напомнить о своих заслугах, об участии в войне, тем более — «под булдой». Но он только сказал, что служил до 45-го года, а с тех пор на пенсии, но все время выполняет различную общественную работу. «Какую?» — «Ну, не буду же я каждому отчитываться».

В 37-м году ему было 27 лет, он был тогда беспартийным, потом вступил в партию. «В 37-м мы не могли всего знать и во всем разобратся».

⁹ Автор — Владимир Гершуни (1930–1995), в 1949–1955 и 1969–1974 годах политзаключенный.

Моего «неразобравшегося пенсионера» видели выходящим из здания суда. Я сказал ему об этом — он сначала отрицал, потом сказал, что в здании был, а в зале не был. Вход в здание охраняла милиция.

Вместе с другими он громко возмущался, что люди простаивают у суда, когда все в это время работают. На третий день суда пожилая женщина с пустой сумкой в руках — «я сюда не специально пришла, по дороге из магазина» — остановилась лицом к нам, спиной к оперативникам, и возмутилась: рабочее время, а она здесь третий день видит одних и тех же людей — «я не специально замечаю, поневоле в глаза бросаются». В отличие от вчерашней пьяной бабы (громогласно называвшей себя «честной б...»), она совершенно трезва, спокойна, рассудительна. Ей предлагают обернуться и обратить внимание на целую роту здоровых молодцов, тоже не пенсионного возраста и тоже здесь три дня неотлучно. Она не обращается и все тем же назидательным тоном корит несознательных интеллигентов.

Несколько раньше в группе автозаводских оперативников раздавался возмущенный голос краснолицего полного человека: «Он выучился за мой счет, получал образование, пока я вкалывал, а теперь не хочет со мной разговаривать!» Злоба на хладнокровного, не вступившего в ненужный спор человека изливалась в форме пролетарской бдительной патетики в адрес обобщенного интеллигента, «образованного». А прекрасно одетый руководитель оперативников с холеной бородкой гидальго стоял рядом и не вызывал нареканий относительно образования (назвался инженером), галстука, бороды.

А одна моя знакомая, врач, из старой интеллигентной семьи, была по вызову в ближнем от суда здании и видела из окна, как прятали украденные цветы где-то на задворках, в каком-то сарае. Она рассказала это, но, убедившись, что я этим интересуюсь чересчур активно, немедленно перестала отвечать на мои расспросы. «А какое это имеет значение? — повторяла она. — Зачем это все вам нужно?» Наш разговор кончился после ее фразы:

— Ну, осудили несколько человек за нетактичное поведение, а какое это имеет значение?

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО ВСЕМ ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС
КОПИЯ ПИСЬМА НАПРАВЛЯЕТСЯ В ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»
И «ИЗВЕСТИЯ», В ЖУРНАЛ «КОММУНИСТ»

Перед Центральным Комитетом КПСС, точно так же, как перед Центральным Комитетом ВЛКСМ, постоянно стоит вопрос об идеологическом воспитании граждан нашей страны. События, происходившие с 9 по 11 октября 1968 г. перед зданием народного суда Пролетарского района г. Москвы, показывают актуальность этого вопроса, заставляют пристальнее рассмотреть отдельные его стороны.

В здании суда происходил процесс над гражданами, выразившими свой протест против ввода войск пяти социалистических стран на территорию ЧССР. Много желающих следить за ходом судебного процесса собралось на улице, не получив доступа в зал суда. Скопление этих людей вызвало интерес совсем иной публики: здесь появилось такое количество пьяных, какое вряд ли можно увидеть в иные дни. Милиция долго отказывалась удалить пьяных хулиганов, покуда не была дана телеграмма министру охраны общественного порядка тов. Щелокову. После отправления телеграммы пьяные действительно удалялись сотрудниками милиции, однако некоторые из хулиганов вновь появлялись через некоторое время. Это свидетельствует о том, что сотрудники милиции не предприняли по-настоящему серьезных мер для борьбы с хулиганством: самые отъявленные хулиганы, будучи совершенно пьяными, не были доставлены в вытрезвитель или в ближайшее отделение милиции, снова приставали к собравшимся с угрозами ударить молотком, с непристойной бранью.

Таким образом, приходится еще раз сказать о воспитании *чувства долга* — чувства, не проявленного сотрудниками милиции во время вызванных беспорядков.

Перед зданием суда некоторые из пьяных проявляли откровенный шовинизм. Один из них громко доказывал иностранному

корреспонденту, что Гитлер уничтожил слишком мало евреев, что Гитлер «был прав», уничтожая их, и тому подобное. Совершенно пьяная женщина кричала: «А вы что, русские, что ли?» — показывая интонацией, что русский народ — чуть ли не единственный народ, имеющий право на существование. Она громко материлась — и милиция трижды удаляла эту хулиганку, но, так как не было принято серьезных мер, установленных советским законодательством, пьяная снова появлялась в толпе, снова и снова.

С самого начала своего существования СССР проводит политику борьбы с шовинизмом. Эта политика получала серьезную поддержку со стороны интеллигенции; достаточно вспомнить выступления по этому поводу Владимира Маяковского, Аркадия Гайдара. Стоит вспомнить и о том, как относился к шовинизму В. И. Ленин.

И снова приходится говорить, что перед нами стоит прежняя задача: *искоренение шовинизма*. Те, кто занимается проведением идеологической работы среди населения нашей страны, должны относиться к этой задаче со всей серьезностью.

Возвращаясь к событиям 9–11 октября 1968 года, надо сказать, что не все хулиганы были пьяны. Народная мудрость гласит: «Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Однако и среди трезвых раздавались возгласы, по духу и тону своему вряд ли соответствовавшие психологии человека социалистического общества.

Эти трезвые хулиганы говорили, что надо бы собравшихся здесь интеллигентов собрать, посадить в мешок, «положить камушек» — да и утопить всех в реке Яузе, которая протекает возле здания суда. Так как среди собравшихся были люди с бородами, некоторые из хулиганов высказывали желание выщипывать эти бороды по волоску. Один из хулиганов, обращаясь к З. М. Григоренко — пожилой седой женщине, заявил, что ее надо бы бить головой об дерево. Эти выкрики были исполнены чувства сладострастного садизма, которое было бы к лицу деятелям гестапо или СС.

То, что подобные мысли и чувства, совершенно несвойственные человеку от рождения, имеют в нашей стране место, говорит о крайне недостаточной воспитательной работе среди населения, о попустительстве, проявляемом по отношению к тем лицам, которые разжигают подобные мысли. Это попустительство было видно и во время описываемых событий, так как представители охраны общественного порядка ни разу не сделали попытки остановить подобные высказывания, оскорбительные для всего советского общества.

По ходу событий 9–11 октября 1968 года около здания суда слышались нападки на отдельных представителей интеллигенции, находившихся в переулке. Однако часто раздавались оскорбитель-

ные высказывания в адрес интеллигенции *вообще*, высказывалось презрение к интеллигенции. Присутствующих интеллигентов называли тунеядцами, попрекали тем, что они «едят народный хлеб».

Раздавались речи о том, что интеллигенция «заучилась», «заелась», что она занята сплошным бездельем, что надо бы ей дать в руки зубило, молоток, поставить к станку и т. п.

Стоит ли напоминать, сколько сделала интеллигенция для нашей страны?! Да, стоит! Если не воспитывать чувства уважения к интеллигенции, если оставлять безнаказанными клеветнические выпады против нее, — можно тем самым ожесточить друг против друга интеллигенцию и рабочий класс. Подобного в нашей стране произойти не должно.

В этом письме вовсе не идет речь о том, будто все наше общество состоит из хулиганов и пьяниц. Более того — из письма вовсе не должно явствовать, будто все пьяные, сколько их, к сожалению, ни бывает, способны учинять хулиганские действия.

Здесь сказано о фактах, имевших место, как это ни странно, непосредственно у здания суда. Эти факты должны быть подвергнуты советской общественностью обсуждению и осуждению. Такие обсуждения и осуждения, безусловно, будут важной частью работы по воспитанию идеологии социалистического общества.

Необходимо помнить, что на людей, занимающихся идеологическим воспитанием граждан нашей страны, возложена серьезная и ответственная задача.

13 октября 1968

В. Лапин, литератор, редактор отдела детского творчества
в журнале «Пионер»

З. М. Григоренко, член КПСС, пенсионерка

Л. Ф. Васильев, юрисконсульт

Примечание. Вскоре после отправки этого письма с В. Лапиным была проведена беседа в редакции журнала «Пионер». Лапину поставили в укор его «знакомства» и предупредили, что могут не продлить договор с ним на внештатную работу. Действительно, по истечении срока договора он продлен не был.

Я сама до суда не была знакома с Володей Лапиным, только знала его детские стихи, собранные в книге «Тетрадь Володи Лапина». Впервые я увидела Володю у суда, никто из наших друзей его не знал, но как-то сразу его не приняли за стукача: слишком непохож. И наоборот, его русая борода в сочетании с юным лицом вызывала особую злобу пьяных хулиганов. Я не была у суда в самый разгар буйств, но и мне пришлось видеть, как пьяная женщина, обходя

других, лавируя между группками людей, направлялась прямо к Володе, чтобы излить на него поток оскорблений. Володя представился удачной мишенью и еще одному любителю подискутировать, на этот раз вполне трезвому.

В последний день суда милиционер (капитан), охранявший дверь в здание, как-то отошел и стоял, разговаривая с неким гражданином. А мы с Петром Якиром переглянулись и тихо направились к двери. Милиционер предостерегающе покачал головой. Мы свернули в сторону и остановились около этой пары. Гражданин завел один из обычных в эти дни разговоров: «Что вы здесь делаете, третий день не работаете?»

— Наших друзей судят. А вы бы не пошли, если бы ваших друзей судили?

— Ну, у меня не такие друзья, чтоб их судили, — сказал он с превосходством и предложил: — Вот у нас, рядом на фабрике, забор надо покрасить. Провели бы время с пользой.

— Ну да, — сказала я, — как в «Томе Сойере».

Лениво и мирно начатый разговор быстро ожесточался. Отказ красить забор, видимо, демонстрировал наше тунеядство. Гражданин что-то подобное и заявил, а в пример привел себя:

— Я с четырнадцати лет работаю, сам зарабатываю.

— Да? А вот он, — я указала на Якира, — с четырнадцати лет по лагерям да на лесоповале.

— Да не за зарплату, — добавил Петр, — а за пайку.

— А вот вы, — сразу отвернулся гражданин к Володе Лапину (за эти несколько минут, как ко всякому начавшемуся разговору, подобрался народ), — вот вы работаете?

— Нет, а почему вы не хотите говорить с тем, кто тяжелее вас работал? — добивалась я, но гражданин повернулся в другую сторону и как бы не слышал. Он искал «тунеядца» — который был бы образцом нас всех. Володин возраст и борода показались ему надежными доказательствами.

Я, конечно, на суд не попала. В середине второго дня я не выдержала и написала заявление [судье] Лубенцовой, чтобы меня пустили на приговор хотя бы. Я аргументировала тем, что я находилась под следствием по этому делу. Но кто обращает внимание на заявления невменяемых? Это я понимала, но у меня была слабая надежда задеть любопытство судьи: мне на ее месте было бы интересно посмотреть, что это за Горбаневская, из коляски которой, по уверению прокурора, были вынуты все лозунги демонстрантов. Надежда моя оказалась напрасной, третий день, как и два предыдущих, я провела под дверьми суда.

Когда я узнала приговор — вернее, еще предложение прокурора, — я сразу подумала о том, что, если бы меня судили вместе с ребятами, мне вообще дали бы исправительные работы, так как «смягчающие обстоятельства» у меня те же (отсутствие судимости и дети), а ссылка и высылка к женщинам, имеющим детей до 8 лет, не применяется. И знаете, что я подумала? Что приговор — в основе — был известен уже тогда, когда меня признавали невменяемой. Я решилась высказать свое предположение, но мне авторитетно сказали, что все это было решено за неделю до суда на совещании у генерального прокурора. Не знаю, насколько этот слух был правдивее десятков столь же авторитетно передаваемых слухов о действиях и намерениях «высших сфер».

У здания суда я пережила то же, что и остальные, — с той разницей, что самого разгула страстей я не видела, так как рано ушла в ясли за ребенком. Но в тот же вечер разные люди звонили мне, сообщая новости с процесса, и говорили, что у суда творится что-то страшное. На следующий день все тоже были полны переживаний вчерашнего вечера. О трех днях, проведенных нами у суда, Илья Га-

бай рассказал очень точно, причем свойственная ему эмоциональность¹⁰ усиливает правдивость рассказа: здесь не только факты, виденные нами, но и чувства, пережитые всеми нами.

Я хочу сделать только три дополнения к его рассказу.

1. *Об информации, об иностранных корреспондентах и о гражданине Романове.* Илья упомянул, что скудную информацию о происходящем на процессе мы на этот раз получали от иностранных корреспондентов. К ним время от времени выходил Романов из отдела печати МИДа, «случайно оказавшийся на процессе», и коротко их информировал. Потом он стал изредка вводить их по двое-трое в здание суда, где проводил краткие пресс-конференции зампреда Мосгорсуда Алмазов. Цена «информации» Романова ясна из его слов о том, что он не слышал, чтобы демонстрантам инкриминировались тексты лозунгов, — это было сказано к концу второго дня, когда прошло все судебное следствие. Цена пресс-конференциям Алмазова тоже невысока. Тогда вся западная пресса напечатала его заявление, что ссыльным будет предоставлена возможность работать по специальности. Наивная пресса! Органы, исполняющие приговор, в том числе и ведающие ссыльными, находятся в системе МВД, а не суда — заявление Алмазова их ни к чему не обязывает. И его ни к чему не обязывают обещания, исполнение которых от него не зависит.

2. *О свидетеле Давидовиче.* Можно подумать, что я так усиленно упоминаю этого свидетеля потому, что именно с ним столкнулась во время дознания. Это не так. Разные люди, присутствовавшие в зале суда, говорили о Давидовиче с отвращением. Его наглость во лжи, высокомерная уверенность, что он может сказать любую нелепость, а поверят все равно ему, — запомнились всем. А на третий день, когда остались только последние слова и приговор, свидетелей не пустили в зал: «нет мест». Пришла Ястреба (кто-то накануне показал мне ее), высокая нескладная девушка, а может быть, не нескладная, а неуютно чувствующая себя среди нас. Ее не пустили, и она быстро ушла. Саня Даниэль говорил мне про нее: «Она совсем не сочувствует вам, она определенно против. Но это такая девочка, которую мама приучила, что всегда надо говорить правду. И она говорит правду и не понимает, как это тут же говорят откровенную неправду». Это последнее относилось как раз к показаниям Давидовича. Так вот, Ястреба ушла, а Миша Леман, которого тоже не пустили, остал-

¹⁰ Честно говоря, я даже чуть-чуть умерила эту эмоциональность, но Илья, принеся мне очерк незадолго до своего ареста, дал мне карт-бланш на любые исправления и редактуру. Только в том виде, как он напечатан в моей книге, очерк и сохранился (и перепечатан в посмертно изданной книге его стихов, воспоминаний и публицистики): все черновики я, конечно, уничтожила.

ся у здания суда. И тут пришел Давидович, которого пропустили в здание, не моргнув глазом. «Миша! — заорал кто-то, может быть, даже я. — Давидовича пустили». Миша тут же ринулся следом, размахивая свидетельской повесткой. Пришлось не пустить и Давидовича. Он отошел, и тут же к нему подошел один из адъютантов «Александрова» — и они пошли вдоль забора по набережной, в сторону следующего переулочка, откуда был второй вход во двор суда. Тот самый вход, через который проходили все «зрители», оперативники, тот вход, куда подъезжал воронок. Но тут толпа возмущенных пустилась вслед этой паре. Они тихо посоветовались на ходу и, видно, решили не обострять положения. Давидович простился со своим сопровождающим и ушел в сторону Садового кольца. Известен адрес Олега Давидовича: Коми АССР, ст. Ветью, в/ч 6592. На станции Ветью расположены лагеря строгого режима.

3. *Илье Габаю — о некоторых «героях» его очерка.* Так вот, Илюшенька, пока ты сидишь в Ташкентской тюрьме, в неведомо каких условиях, без вестей о родных и друзьях, мы встретили кое-кого из компании «Александрова» — да и его самого. «Александров» и второй тип, который был все время при нем, в черной фуражке, которую ты почему-то считал студенческой, с лошадиным лицом, — эта пара, а может и еще кто, идет свидетелями по... твоему делу и по делу Петра Григорьевича. «Александрова» видела Надя Емелькина, когда была на допросе у Березовского, второго — на следующий день видела я, оба они являлись к Березовскому, для которого они, конечно, такие же ценные и достойные доверия свидетели, как и пресловутый Добровольский, которого он тоже вызвал «свидетелем». Это было в июле, а в июне вся наша компания, отправившись в клуб МГУ послушать песенки [Юлия Кима] к спектаклю «Как вам это понравится», встретились со «Степановым». Он был все в том же незабвенном белом костюме, но — как растут люди! — уже руководил целой бандой парней, таких же, как он, нечесаных, немых, но таких же бдительных. Когда весь зал неистовствовал, люди отбивали себе ладоши, весьма почтенные граждане с галерки кричали «Автора!» — в другом конце первого ряда той же галерки молча, не хлопая, стоял «Степанов» и охотничьим взглядом осматривал зал, как бы стараясь запомнить, кто с какой силой аплодирует. А потом оркестрантов поодиночке вызывали в партком, допрашивали об их социальном происхождении и об их отношении к исполненной сюите, а также выражали большую осведомленность обо всем, что говорилось в фойе или за кулисами. Директор клуба, которого обвинили в том, что он допустил «собрание антисоветской организации в общественном месте», лежал в инфаркте. Так что, как видишь, жизнь продолжается.

Председательствующий: П. П. Луканов. Члены суда: В. М. Тимофеев, В. Г. Сальников. Прокурор: К. М. Сахарова.

Защитники: С. В. Калистратова, Д. И. Каминская, Н. А. Монахов, Ю. Б. Поздеев.

Председательствующий: Рассматривается уголовное дело в отношении Бабицкого, Богораз-Брухман, Литвинова, Делоне и Дремлюги. (*Объявляет состав суда.*) Есть ли отводы членам суда? (*Отводов нет.*) Есть ли ходатайства адвокатов? (*Ходатайств нет.*) Поступили ходатайства: Богораз-Брухман и Делоне, которые просят, чтобы их вызвали в кассационный суд (*зачитывает ходатайства*).

Адвокат Калистратова (защитник Вадима Делоне): Я поддерживаю ходатайство моего подзащитного. В порядке ст. 335 УПК он может быть вызван в кассационную инстанцию.

Адвокат Каминская (защитник Ларисы Богораз и Павла Литвинова): Я поддерживаю заявленные ходатайства. Закон предусматривает возможность заслушать объяснения осужденных по их кассационным жалобам.

Прокурор: Согласно статье 335 явка осужденных на кассационный суд не обязательна. Осужденные представили в Верховный Суд кассационные жалобы. В зале присутствуют адвокаты, поддерживающие кассационные жалобы. Я считаю, что оснований для вызова в суд осужденных не имеется.

Суд совещается и постановляет в просьбе осужденным отказать.

Дело докладывает председательствующий Луканов: Рассматривается дело по кассационным жалобам Бабицкого, Богораз-Брухман, Делоне, Дремлюги, Литвинова и адвокатов Ка-

минской, Калистратовой, Поздеева, Монахова на приговор судебной коллегии по уголовным делам от 11 октября 1968 года (подробно излагает приведенные в приговоре анкетные данные подсудимых. Сообщает, на какие сроки они осуждены).

Богораз-Брухман, Делоне, Литвинов, Бабицкий и Дремлюга признаются виновными в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а также в организации собрания, приведшего к нарушению общественного порядка. Как установлено следствием, преступление совершено при следующих обстоятельствах: осужденные, будучи несогласны с политикой советского правительства, решили организовать собрание на Красной площади с целью пропаганды своих клеветнических измышлений. Для придания своим замыслам широкой гласности они заранее изготовили плакаты и 25 августа примерно в 12 часов все они пришли на Красную площадь к Лобному месту, имея при себе спрятанные плакаты, и приняли активное участие в групповых действиях, грубо нарушивших общественный порядок.

Каждый из них развернул плакат и выкрикивал тексты аналогичного содержания, чем они вызвали возмущение граждан и нарушили общественный порядок.

Подсудимые виновными себя не признали, однако ни один из них не отрицает, что 25 августа они пришли на Красную площадь, где сели на тротуар и развернули плакаты с выполненными на них текстами.

В кассационных жалобах подсудимые и в своих жалобах адвокаты просят об отмене приговора: по ст. 190¹ — на том основании, что в лозунгах отсутствуют заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, а в части осуждения по ст. 190³ — что действия осужденных не были нарушением общественного порядка.

Адвокат Поздеев также считает, что ссылка как мера наказания назначена неправильно: применяя ст. 43 УК, суд не мог назначить срок больший указанного в статье.

Кроме того, на основании ст. 319, так как согласно приговору наказание не связано с лишением свободы, подсудимые, приговоренные к ссылке, должны были быть освобождены из-под стражи. Адвокат Поздеев ссылается на ст. 254 УПК, нарушение которой, по его мнению, заключается в том, что суд ссылается на обнаруженные органами прокуратуры при

обыске у его подзащитного вещественные доказательства изготовления плаката, хотя это изготовление не вменяется ему в вину. На это же нарушение УПК указывает и адвокат Калистратова.

РЕЧЬ АДВОКАТА Д. И. КАМИНСКОЙ

(защитник Ларисы Богораз и Павла Литвинова)

Я поддерживаю как те доводы, которые изложены в моей кассационной жалобе, так и те доводы, которые явились основанием жалоб моих подзащитных.

Я так же, как и мои товарищи по защите, прежде чем перейти к анализу обвинительного приговора, прошу обратить внимание на вопрос, не стоящий в прямой связи с этим анализом, — на вопрос о мере наказания для Литвинова и Богораз. Я полагаю, что подсудимые невиновны и должны быть оправданы. Но и в том случае, если бы их виновность была доказана, ст. 43 УК применена судом неправильно, т. е. не в соответствии с ее содержанием.

Применение ст. 43 УК предполагает смягчение меры наказания. Абсолютное бескорыстие поступка осужденных, отсутствие судимости и наличие детей дают основание для определения меры наказания ниже того низшего предела, который предусмотрен в ст. 190¹ и 190³ УК. Тем не менее, суд, применяя ст. 43, избрал срок по времени более длительный, для Литвинова — почти вдвое, хотя в ст. 190¹ и 190³ предусмотрены и более мягкие меры наказания. Поэтому если бы я признавала доказанность обвинения, то и в этом случае я бы просила об изменении приговора и о назначении более мягкого наказания Литвинову и Богораз в пределах санкции ст. 190¹ и 190³ УК.

Но, повторяю, я пришла сюда, чтобы поддержать основной довод кассационной жалобы и просить о прекращении дела. Материалами дела установлено, что 25 августа 1968 года подсудимые Богораз-Брухман и Литвинов пришли на Красную площадь и Лобному месту, и установлено, что они, сидя, развернули лозунги; правильнее назвать их плакатами. В этой части никакой разницы между обвинительным заключением и приговором нет. Формулировки их совпадают в точности. Повторяю, эти фактические обстоятельства дела не требуют доказывания. Это единственный вопрос, на который подсудимые давали положительный ответ еще в 50-м отделении милиции. Доказывать и оспаривать эти

факты нет оснований. Второй вопрос, стоящий перед вами, товарищи судьи: дает ли основание их появление на Красной площади с транспарантами для их обвинения по ст. 190¹. Я считаю, что нет состава преступления по ст. 190¹. Статья 190¹ карает за систематическое распространение заведомо ложных измышлений. Должно быть доказано, что тексты плакатов были ложными и что их ложность была известна тем, кто их держал.

Все осужденные говорили, что они вышли на площадь потому, что не могли не выразить своего субъективного отношения к событиям, вызвавшим их выступление.

Все объяснения подсудимых свидетельствуют об их глубокой убежденности в ошибочности допущенных актов (вы знаете, о чем идет речь). Выражение своей личной оценки уже в силу субъективной убежденности в правильности этой оценки не может считаться клеветой.

Значит, отсутствует обязательный элемент заведомой ложности. Ни лозунг «За вашу и нашу свободу», ни лозунг «Руки прочь от ЧССР» по существу не несли никакой информации. Все эти и другие лозунги выражали личную, субъективную оценку, отношение к известным событиям. Никаких новых сведений, никакой информации эти тексты не содержали. Поэтому отсутствуют основные элементы состава преступления по ст. 190¹.

Я полагаю, что не доказан факт изготовления лозунгов Литвиновым. Не доказан ни показаниями свидетелей, ни материалами предварительного следствия. (Богораз сама заявила о том, что лозунг, который она держала, изготовила сама.)

Суд необоснованно назвал эти тексты произведениями. Само слово «произведения» впервые прозвучало в приговоре и не фигурирует в обвинительном заключении. Суд необоснованно включил такую формулировку в приговор, ибо эти тексты по смыслу своему не являются произведениями, т. е. продуктом творческого труда. Назвать произведениями эти надписи, исполненные на куске материи, было бы неправильно. «Произведение» — понятие правовое, оно порождает и влечет за собой гражданские правовые отношения для автора. А если это не произведения, то не наступает ответственность за их изготовление.

Вот те доводы, которые привели меня к убеждению, что подсудимые не изготавливали никаких произведений, не рас-

пространяли клеветнических сведений; в своих лозунгах они не порочили советский государственный и общественный строй, а выражали свои личные убеждения. Это не карается законом, и дело по ст. 190¹ должно быть прекращено ввиду отсутствия состава преступления.

Теперь об обвинении по ст. 190³ УК. Я считаю, что сам факт выхода подсудимых на Красную площадь, то, что они сели около Лобного места и подняли транспаранты, не дает состава уголовного преступления. Статья 190³ карает не за любые групповые действия, не за любые выражения своего мнения публично, а только в тех случаях, когда те или иные действия сопровождаются грубым нарушением общественного порядка и тормозят работу транспорта.

Для вынесения обвинительного приговора необходимы бесспорные доказательства того, что действия Литвинова и Богораз были грубым нарушением общественного порядка и нормальной работы транспорта. Таких доказательств нет. Суд в приговоре ссылается на справку, которая имеется в деле, что эта часть Красной площади является проезжей частью. Но это обстоятельство не является доказательством того, что действия подсудимых вызвали нарушение работы транспорта. Два свидетеля, допрошенные по этому вопросу, показали, что сидящие лица не задержали машин, осужденные не мешали непосредственно движению в этот момент на Красной площади. Вообще не установлено, были ли машины, кроме тех, которые увезли подсудимых. Ходатайство защиты об истребовании таких сведений было судом отклонено.

Ответственности за действия других лиц подсудимые нести не могут. Если бы был установлен факт задержки движения на этом участке, то это не было бы виной подсудимых. Тем более не было грубого нарушения общественного порядка. Закон предусматривает не нарушение, а грубое нарушение общественного порядка. Таким образом, если не доказано нарушения работы транспорта, были ли другие формы «грубого нарушения» общественного порядка? В материалах дела отсутствуют свидетельства, что подсудимые допустили какие-либо бесчинства и грубые выражения. Свидетели, в объективности которых трудно сомневаться, — Ястреба и случайно оказавшийся на площади Леман, оба они говорят, что подсудимые вели себя очень спокойно, что, даже когда задерживавшие их лица допустили грубые выра-

жения и физические действия, подсудимые продолжали спокойно сидеть. Аналогичные свидетельства дают Медведовская и Великанова.

Таким образом, факт выхода подсудимых на Красную площадь с плакатами состава преступления по ст. 190³ не дает. Вот те доводы, которые привели меня к убеждению, что, какую бы реакцию ни вызвали действия подсудимых, эти люди выражали свое личное субъективное мнение, не допуская при этом действий, грубо нарушающих общественный порядок. Поэтому нет оснований в предъявленных им обвинениях, и я прошу о прекращении дела.

РЕЧЬ АДВОКАТА Ю. Б. ПОЗДЕЕВА
(защитник Константина Бабицкого)

Уважаемые члены суда! При рассмотрении дела в первой инстанции выносится приговор. Это сформулированная истина, которая после вашего определения принимает силу закона. Приговор — это квинтэссенция судебного заседания. Но в отличие от других истин приговор решает человеческую судьбу. Поэтому судебные ошибки, в отличие от других, принадлежат к категории самых тяжелых, в особенности если речь идет об очень полезном члене общества, отце троих несовершеннолетних детей и талантливом ученом, авторе 16 научных трудов, а судьба четырех, еще не изданных работ зависит от вашего решения.

Председательствующий в суде первой инстанции неоднократно говорил, что подсудимых судят не за взгляды, а за конкретные действия, связанные с выражением этих взглядов. Это совершенно правильно, так как нельзя ставить знак равенства между убеждениями и преступными действиями. Я полагаю, что в приговоре суда первой инстанции допущен ряд существенных ошибок. Прежде всего, суд применил к Бабицкому наказание в виде ссылки, не предусмотренное ст. 190¹ и 190³ УК, в то время как санкция этих статей предусматривает, кроме лишения свободы, исправительные работы и штраф. По сравнению с этими мерами ссылка, в соответствии со ст. 21 УК, признается более тяжким наказанием. Следовательно, суд нарушил ст. 43 УК, на которую ссылается в приговоре.

В действиях Бабицкого суд нашел состав преступления, предусмотренного ст. 190¹ УК РСФСР, т. е. изготовление и распространение произведений, порочащих советский государ-

ственный и общественный строй. Я полагаю, что ни одного из этих действий Бабицкий не совершил. В приговоре вообще не указывается текст плаката, который держал Бабицкий: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия». Сам по себе этот текст приводится, например, в статье в «Правде» и при самом скрупулезном рассмотрении никакого криминала не несет. Может ли суд осудить не за текст, а за тот смысл, который вкладывал в него — ошибочно, по мнению защиты, — Бабицкий? Русский язык богат и допускает различные толкования. Даже, например, лозунг «За нашу победу» может быть понят по-разному (ссылается на фильм «И один в поле воин»). Должен быть объективный критерий оценки содержания плаката. Криминальным является текст либо оскорбительный, либо несущий неправильную информацию. Но я не представляю, как таким можно признать этот текст.

Таким образом, нет оснований утверждать, что этот текст содержит порочащую советский общественный и государственный строй информацию, и я полагаю, что не имел таких оснований и Московский городской суд.

Суд допустил еще одну ошибку в оценке действий Бабицкого. Ст. 190¹ УК не предусматривает ответственности за групповые действия. Каждый человек отвечает только за личные поступки. Если Бабицкий сам ничего не изготавливал, не распространял и не оказывал содействия в изготовлении и распространении, а доказательств обратного в суде первой инстанции не было, то в чем же усматривает суд вину Бабицкого по ст. 190¹?

Суд указывает, мотивируя вину Бабицкого, что он заранее изготовил плакат. Таких данных ни в материалах дела, ни в суде первой инстанции нет. Ни один свидетель не сказал, что Бабицкий изготовил именно эти плакаты и принес их. К тому же его одежда была не подходящей для этого. Суд ссылается на заключение криминалистической экспертизы, хотя экспертиза является не доводом обвинения, а доводом защиты. Суд указывал, что на оргалитовой доске, изъятой у Бабицкого, был изготовлен плакат с текстом «Долой интервенцию из ЧССР». Но Бабицкий этот плакат не принес на Красную площадь, в последний момент заколебавшись. Изготовление этого лозунга и не вменялось в вину Бабицкому, следовательно, суд нарушил ст. 254 УПК. Другие плакаты на этой доске не изготавливались.

Экспертиза не дает никакого основания утверждать, что Бабицкий участвовал в изготовлении лозунгов, поднятых на Красной площади, или помог их принести. Кроме того, ряд свидетелей, в том числе свидетель Давидович, утверждали, что лозунг, который держал Бабицкий, был вынут из коляски Горбаневской.

Не любой текст лозунга может быть вменен в вину, а лишь содержащий заведомо ложную информацию. Если же Бабицкий добросовестно заблуждался, то элемент «заведомости» отсутствует. Поэтому и здесь отсутствует состав преступления по ст. 190¹ УК РСФСР.

Я позволю себе еще раз сослаться, резюмируя обвинение по ст. 190¹, на выводы суда:

заведомо ложных измышлений, о которых говорится в обвинении, сам по себе лозунг Бабицкого не содержит, а лишь выражает личное субъективное мнение Бабицкого; вина «подтверждается показаниями свидетелей», но ни один свидетель ничего не говорит о действиях Бабицкого; вина «подтверждается показаниями подсудимых», но эти показания подтверждают только их присутствие на Красной площади;

«подтверждается фактом задержания» — сам по себе факт задержания не говорит о вине;

«подтверждается изъятием у Бабицкого оргалитовой доски», но этим скорее подтверждается то, что лозунг, изготовленный Бабицким, не фигурировал на Красной площади.

О прочих элементах обвинения я уже говорил.

Таким образом, обвинение по ст. 190¹ не доказано и дело подлежит прекращению.

По поводу ст. 190³ УК РСФСР.

Помимо того, что следует доказать само по себе грубое нарушение общественного порядка, нужно еще обосновать конкретное участие или организационную роль подсудимого. Никто — ни свидетели, ни подсудимые — не показывает об активной роли Бабицкого; только два свидетеля видели его на площади, и никто не говорил о его выкриках. Со стороны Бабицкого никакого активного участие не доказано, как бы ни относиться к действиям всей группы.

Кроме того, нужно согласиться с доводами моих коллег, что само по себе сидение на ступеньках Лобного места никак не нарушает движения транспорта. Суд смешивает два различных факта: действия подсудимых и реакцию других людей,

которую трудно предвидеть. Суд стремится показать, что движение было перекрыто из-за большого скопления людей. Но народ собрался в основном после того, как их увезли, и, следовательно, это не может свидетельствовать о вине подсудимых. Суд нарушил также ст. 319 УПК: вынеся приговор, не связанный с лишением свободы, не освободил Бабицкого из-под стражи в зале суда.

На основании изложенных обстоятельств, считаю вину Бабицкого в суде первой инстанции недоказанной. Приговор прошу отменить и дело производством в отношении Бабицкого прекратить.

РЕЧЬ АДВОКАТА С. В. КАЛЛИСТРАТОВОЙ (защитник Вадима Делоне)

В конечном итоге я буду просить об отмене приговора и прекращении дела в отношении Делоне.

Но, независимо от этого, я должна остановиться на двух вопросах. Один из них совсем не освещен в кассационной жалобе. Уже после подачи мной кассационной жалобы, дополнительно изучая дело, я обнаружила, что судом в отношении Делоне допущена существенная формальная ошибка. В обвинительном заключении и в документах Делоне значится, что он уроженец г. Москвы и родился 22 декабря 1947 года. По совершенно непонятным причинам суд в приговоре указал, что Делоне родился в августе и является уроженцем г. Одессы (в приговоре указаны дата и место рождения Евгения Кушева, осужденного вместе с Делоне Мосгорсудом 1 сентября 1967 года по делу о демонстрации на Пушкинской площади 22 января 1967 года. — Н. Г.). Фактически осужден по приговору не тот человек, которого судили, так как дата рождения и место рождения являются таким же определяющим его личность моментом, как имя и фамилия. Несмотря на отсутствие прямого указания в законе, защита по общему смыслу закона полагает, что такая ошибка должна повлечь пересмотр дела.

Второй вопрос. Я не прошу о смягчении приговора, я прошу об отмене приговора. Я считаю его неправильным по существу.

Но тем не менее я должна подвергнуть критике приговор и в части наказания, определенного судом Делоне.

Делоне — молодой талантливый поэт, и это не только мое мнение. В деле есть грамота конкурса в честь 50-летия Ок-

тября, на котором Делоне получил вторую премию за свои стихи. Кроме того, суд располагал заключением такого мастера и известного писателя, как Корней Чуковский, о стихах Делоне.

Итак, этот молодой, одаренный поэт, самый молодой из подсудимых, получил почти предельно высокое наказание, предусмотренное статьей. Я понимаю, что он предстал перед судом второй раз, но я не могу понять той строгости к нему, которую проявил суд. Даже наличие судимости не оправдывает излишней суровости приговора.

При этом я хочу остановиться на решении суда как на психологическом, а не только правовом моменте. Из протокола судебного заседания видно, что прокурор считал достаточным наказанием для Делоне два года лишения свободы, но при этом допустил ошибку и просил присоединить еще один год лишения свободы по предыдущему условному приговору. Здесь была очевидная ошибка, так как до первого суда Делоне около 8 месяцев находился под стражей.

В отношении всех подсудимых суд согласился с требованием прокурора о мере наказания. В отношении же Делоне, «исправляя» ошибку прокурора, присоединил 4 месяца еще неотбытого срока, но наказание назначил 2 года 6 месяцев вместо предложенных двух лет. Я понимаю, что правового значения это не имеет, но с точки зрения психологической эти полгода говорят о том, что мера наказания излишне сурова, неоправданно сурова в отношении такого человека, как Вадим Делоне.

В своей кассационной жалобе я ссылаюсь на нарушение ст. 254 и 301 УПК РСФСР.

В обвинительном заключении и приговоре совершенно различно сформулированы и оценены мотивы действий Делоне. А мотив является существенной частью приговора, это видно из ст. 314 УПК. Поскольку это существенная часть приговора — в приговоре обязательно должна быть дана оценка мотивов совершенных действий, — суд не мог выйти ни за пределы предъявленного обвинения, ни за пределы материалов судебного разбирательства.

Но если в постановлении о предъявлении обвинения и в обвинительном заключении в качестве мотива было указано несогласие с политикой партии и правительства по совершенно конкретному вопросу, то в приговоре — несогласие с политикой партии и правительства в общей форме. Это

совершенно разные вещи. Вы не можете отрицать, что критика, правильная или даже неправильная, отдельных действий, не равнозначна общему несогласию с советским правительством в целом.

Нарушена и ст. 301 УПК. В судебном заседании вопрос об отношении Делоне к политике советского правительства вообще не рассматривался, и не рассматривался совершенно законно, так как такое обвинение не было предъявлено, и когда Делоне пытался говорить о мотивах своих действий, то председательствующий его останавливал, предлагая не выходить за пределы предъявленного обвинения и не говорить о своих убеждениях.

Поэтому, я считаю, в этой части приговора, касающейся оценки мотивов, я имею право говорить о нарушении статей 254 и 301 УПК.

Выступавшие до меня адвокаты уже подробно анализировали ст. 190¹ УК и говорили о ее применении. Я позволю себе очень кратко сформулировать позицию защиты. Во всяком споре — а рассмотрение дела в судебной инстанции всегда есть спор, — во всяком споре должен быть определен какой-то общий уровень понятий, на котором сходятся обе спорящие стороны. Таким уровнем в суде должен быть закон. Что происходит? Если признать, что сам факт развертывания лозунгов на Красной площади с неофициальными текстами есть преступление по закону, то тогда защите нечего делать, остается признать вину и просить о смягчении наказания. Но в нашем законе этого нет. Чтобы это признать, нужно изменить закон, и не в деталях, а Основной закон.

Пока закон не предусматривает уголовной ответственности за взгляды, убеждения, идеи, независимо от того, каковы они, до тех пор сам факт развертывания плакатов не может считаться преступлением. Ведь это будет расширительным толкованием закона.

Я не могу не отметить, что некоторые из текстов плакатов попали в обвинительное заключение и в приговор вообще по недоразумению. Делоне сказал, что он не изготовлял, не приносил и не выбирал себе плакат. Делоне не снимает с себя ответственности за все плакаты, он развернул тот лозунг, который ему дали. В качестве примера я и остановлюсь на этом лозунге: «За вашу и нашу свободу».

11 октября был вынесен приговор, по которому лозунг «За вашу и нашу свободу» был признан криминальным и Дело-

не, державший этот лозунг, получил 2 года 6 месяцев лишения свободы. А 12 октября в газете «Комсомольская правда» на всю страницу был напечатан заголовок статьи: «За вашу и нашу свободу». Конечно, нужно иметь в виду смысл, в котором употреблен этот текст. Но кто дал право решать это в суде? В идеологической дискуссии можно и нужно говорить о смысле, который вкладывает человек в тот или иной лозунг; но с точки зрения правовой, с точки зрения судебного приговора — как можно такой лозунг назвать криминальным?

Адвокат Каминская высказала точку зрения, общую для всей защиты по этому делу. Поэтому я не стану повторять то, что уже сказано о субъективном отношении, об информации, которую несут лозунги, и о заведомой ложности. Субъективные убеждения человека могут быть правильными и неправильными, полезными или вредными, субъективное выражение их может быть правомерным и неправомерным, но не может быть заведомо ложным. И опять, если стать на точку зрения, что развертывание лозунгов неправомерно, вредно, то нужно менять закон, исключив из него слова «заведомо ложные». А до тех пор, пока в законе есть признак «заведомой ложности», до тех пор защита имеет право утверждать, что в действиях Делоне нет состава преступления.

Мне еще остается сказать об обвинении Делоне по ст. 190³ УК. Совершенно очевидно, и вы сами, товарищи судьи, должны быть в этом убеждены в силу вашего опыта и образования, что принцип солидарной ответственности в нашем УК неприменим. Одним из основных принципов нашего уголовного права является индивидуальная ответственность за индивидуальную вину. А в приговоре сказано: «Все они...», включая в это «они» всех без разграничения конкретных действий каждого.

Ведь для того, чтобы сказать, что Делоне осуждается за «активное участие», нужно доказать, что именно сделал Делоне. Но когда вы читаете приговор, вы убеждаетесь, что суд и не пытался подвергнуть детальному разбору действия каждого, в том числе Делоне. Я считаю, что никто из обвиняемых не нарушил общественного порядка, но моя роль — защита Делоне. Все мы — и мать Делоне, присутствующая здесь, — ждем справедливого разрешения дела: вся жизнь юноши может сложиться так или иначе в зависимости от приговора. Но будем говорить о правовой стороне вопроса.

Суд ссылается на показания 15 свидетелей, которые якобы уличают подсудимых в грубом нарушении общественного порядка. Вы читали дело, и вы можете убедиться, что из 15 только 2 человека — Ястреба и Давидович дают показания в отношении Делоне. В чем они его уличают? Они, безусловно, не уличают его в выкрикивании лозунгов. Ястреба единственная опознала его как участника. Она показала: «Один мужчина подбежал к Делоне и ударил два раза портфелем по голове. Делоне никак не реагировал... Делоне шел к машине спокойно... Они сидели у Лобного места спокойно...» Свидетель Давидович говорит, что Делоне сопротивлялся, когда его вели к машине. Ни в каких выкриках и других действиях Делоне не уличает и Давидович. Я уже не говорю о том, что его показания расходятся с показаниями других свидетелей, все остальные свидетели утверждали, что никто не сопротивлялся, но ведь Делоне и не вменяется в вину оказание сопротивления при задержании. Ему вменяется в вину совсем другое — то, что материалами дела не доказано.

Когда есть доказательства, защита спорит. А против чего прикажете спорить мне? Делоне откровенно утверждал, что никаких лозунгов у него не было, что он узнал о демонстрации лишь 25-го числа, пришел с пустыми руками, взял первый предложенный ему плакат и, развернув его, сел. И ни одного слова в материалах дела, которое опровергало бы эти показания Делоне, нет. Как я могу представить отрицательные доказательства, если обвинение не представило положительных? Если в приговоре написано «изготавливал», дайте хоть малейшее доказательство этого. Тогда мы либо признаем, либо будем оспаривать. Если написано «выкрикивал лозунги» — дайте вот такое, хотя бы крошечное доказательство. Но и этого нет. Так против чего же спорить?

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 года «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел», никакие нарушения законности не могут быть оправдываемы ссылками на то, что это необходимо якобы в целях усиления борьбы с преступностью. Расширительное толкование закона и применение судебных репрессий при недоказанности вины является нарушением закона и мне представляется не только неправильным, но и вредным для целей правосудия и целей воспитания.

Я прошу об отмене приговора и о прекращении дела производством за отсутствием в действиях Делоне состава преступления.

РЕЧЬ АДВОКАТА Н. А. МОНАХОВА

(защитник Владимира Дремлюги)

Владимир Дремлюга признан виновным в распространении заведомо ложных сведений. С объективной стороны нет оснований для признания его вины. По закону подлежат уголовной ответственности лица, либо систематически распространявшие заведомо ложные измышления, либо хотя бы один раз изготовившие или распространившие произведения такого же содержания. Транспаранты, которые осужденные развернули на площади, не являются произведениями. Вопрос о том, что является произведением, подробно рассматривался до меня. Произведение — это продукт творческого труда. Понятие «произведение» определено в любом словаре. Кусок материи, на котором написаны лозунги, — это транспарант, и он не является произведением, а эпизод, за который был осужден Дремлюга, был однократным. Отсутствует признак систематичности и признак произведения. В деле также отсутствует самый главный признак — формула «заведомо ложные измышления».

Когда в судебном заседании защитник говорил, что лозунги могут быть по-разному истолкованы, в зале были смешки, полагали, очевидно, что защитник прибегнет к такому примитивному трюку, как другое толкование. У нас нет оснований к этому прибегать. Отношение подсудимого к событиям известно. Но предметом статьи 190¹ УК РСФСР не является отношение. Личное отношение к тому или иному факту не может само по себе вызывать уголовной ответственности.

Тексты плакатов могли вызвать у окружающих определенную эмоциональную реакцию, но они не могли никого ввести в заблуждение о фактах.

Государственный обвинитель сказал, что один из плакатов, а именно тот, который держал мой подзащитный, в подтексте содержал заведомо ложные измышления — утверждение о том, что Дубчек был не на свободе. Я полагаю, что предметом рассмотрения суда не может быть подтекст. Подтекст может быть понят по-разному. Дремлюга утверждал, что, услышав по зарубежному радио, что первый секретарь КПЧ Дубчек был подвергнут аресту, он поверил этому. А то, что 25 августа Дубчек был на совещании в Москве, стало известно из нашей печати лишь 27 августа, когда Дремлюга уже был арестован.

Что касается применения статьи 190³ УК, то обвинительное заключение и формулировка приговора совершенно расходятся с содержанием самой статьи. В статье говорится не просто о действиях, которые при известных условиях могут привести к нарушению работы транспорта, а о действиях, уже повлекших за собой нарушение.

Я полагаю, что ход судебного разбирательства по этому вопросу был недостаточно правильным. В ходе разбирательства рассматривались дорожные знаки и путь следования машин. Однако общеизвестно, что в воскресенье вообще перекрывается движение машин вдоль Красной площади и только из Спасских ворот выезжают иногда машины. Но в материалах дела нет даже утверждения, что одна какая-нибудь машина была остановлена, а закон предусматривает, конечно, более серьезное нарушение. Применительно к статье 190³ в обвинительном заключении фигурирует пункт о том, что действия подсудимых вызвали возмущение граждан. Но строить обвинение на том, какое впечатление произвели действия обвиняемых на свидетелей, нельзя. Суд рассматривает действия подсудимых и должен объективно выяснить, содержат ли они состав преступления или нет.

Вот приблизительно все, что я хотел добавить к словам моих товарищей.

Итак, по ст. 190¹ состав преступления отсутствует, по ст. 190³ состав преступления не доказан.

Хорош или плох Дремлюга, дело в отношении его должно быть прекращено.

РЕЧЬ ПРОКУРОРА К. М. САХАРОВОЙ

Товарищи судьи, обстоятельства дела достаточно подробно изложены в докладе председателя суда и в речах адвокатов. Это позволяет мне сразу же перейти к доводам, которые приводили адвокаты и которые изложены в кассационных жалобах, не останавливаясь подробно на обстоятельствах совершения преступления.

Первый довод, который повторяется всеми адвокатами. Он состоит в том, что нет состава преступления по ст. 190¹. Этот довод опровергается в первую очередь содержанием самих лозунгов, которые перечислены в приговоре. Этот довод опровергается и показаниями подсудимых, которые прекрасно сознавали преступный характер своих действий.

Кроме того, осужденные не только вышли с лозунгами, но и произносили вслух тексты этих лозунгов. Это позволяет мне сказать, что в действиях осужденных есть состав преступления по ст. 190¹.

Следующий довод адвокатов — нет состава преступления по ст. 190³. Так ли это? Учинены групповые действия, это установлено как в следствии, так и в судебном заседании, и доказательства приведены в приговоре первой инстанции. То обстоятельство, что они выбрали самую оживленную площадь Москвы и в результате мгновенно собралась толпа, говорит о том, что они умышленно шли на организацию беспорядков. Произошло именно то, чего они добивались. Мгновенно собралась очень большая толпа, создавшая беспорядки на площади. Это позволяет мне утверждать, что доводы адвокатов не обоснованы.

Следующий довод в кассационных жалобах — суд необоснованно определил Богораз, Литвинову и Бабицкому вместо наказания, предусмотренного ст. 190¹ и 190³ УК, ссылку. Следует сказать, что суд приговорил Делоне и Дремлюгу к лишению свободы. Эту меру наказания заслуживали Богораз, Литвинов и Бабицкий. Но суд учел, что они ранее не судились, имеют на иждивении детей, учел данные, характеризующие их личность, и применил к ним ст. 43 УК о смягчении наказания. Действительно, ссылка является мерой более мягкой. Поэтому суд совершенно обоснованно определил меру наказания, и никакого нарушения закона судом допущено не было.

Следующий довод адвокатов — нарушение ст. 319 УПК, якобы допущенное Московским городским судом. Так ли это? Нет. Ст. 319 говорит о том, что, если подсудимые оправданы или приговорены к наказанию, не связанному с лишением свободы, они должны быть освобождены из-под стражи в зале суда. Но адвокаты забыли ст. 25 УК, а она специально посвящена ссылке. В ней говорится о доставке к месту отбывания ссылки или принудительно, или добровольно. И в данном случае я не усматриваю со стороны суда нарушения закона.

Наконец, последний довод — нарушение ст. 254. И этот довод не заслуживает внимания, я и здесь не вижу нарушений. Осужденные Литвинов, Богораз-Брухман, Бабицкий, Делоне, Дремлюга осуждены за те же действия, обвинение в которых им было предъявлено, и никакого расширительного толкования обвинительного заключения суд в приговоре не допустил.

Последнее — то, о чем говорила Калистратова, о паспортных данных Делоне. В томе шестом есть паспорт Делоне, и судебная коллегия рассмотрит и внесет исправления. Таким образом, прокуратура РСФСР считает решение суда обоснованным и не находит оснований для изменения или отмены приговора. Одновременно с этим прокуратура считает жалобы адвокатов необоснованными.

РЕПЛИКИ АДВОКАТОВ

Адвокат Каминская: Допущена фактическая неточность в речи прокурора — о признании осужденными преступности своих действий. Все они не признали себя виновными и не считают своих действий преступными. Они говорили, что предвидели последствия своего поступка, но не считали, что нарушают закон.

Прокурор неправильно ссылается на ст. 25 УК РСФСР. После вступления приговора в законную силу органы, исполняющие приговор, решают, как доставить осужденных к месту ссылки. Но в точном соответствии со ст. 319 УПК суд обязан был немедленно после вынесения приговора освободить из-под стражи лиц, осужденных к ссылке.

Прокурор обошел молчанием довод защиты о неправильном применении ст. 43 УК, которая является основанием для смягчения наказания. Под видом смягчения суд определил Литвинову и Богораз значительно больший срок наказания, чем это предусмотрено санкцией ст. 190¹ и 190³.

Адвокат Поздеев: Ссылка на ст. 25 УК неправомерна: в этой статье вообще ничего не говорится о доставке к месту ссылки.

Адвокат Калистратова: Прокурор уклоняется от анализа доказательств по делу. Прокурор считает возможным не спорить с доводами защиты, а отмахнуться от них.

Прокурор считает, что нарушение подсудимыми общественного порядка заключается в том, что вокруг них собралась толпа. Но толпа собралась не потому, что подсудимые сели у Лобного места, а потому, что туда подбежали несколько человек и стали их бить. Подсудимые могут нести ответственность лишь за свои действия.

Суд удаляется на совещание. Из совещательной комнаты не доносится никаких звуков.

После перерыва председательствующий зачитывает определение, текст которого напечатан на машинке.

В машинописном тексте одна поправка от руки: исправлены анкетные данные Делоне.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР в составе: председательствующего — ЛУКАНОВА П. П., членов суда — ТИМОФЕЕВА В. М. и САЛЬНИКОВА В. Г.

рассмотрела в судебном заседании от 19 ноября 1968 года дело по кассационным жалобам осужденных БОГОРАЗ-БРУХМАН, ДЕЛОНЕ, ЛИТВИНОВА, БАБИЦКОГО, ДРЕМЛЮГИ и адвокатов Каминской Д. И., Калистратовой С. В., Поздеева Ю. Б., Монахова Н. А. на приговор Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 11 октября 1968 года, которым БОГОРАЗ-БРУХМАН Лариса Иосифовна, рождения 8 августа 1929 года, уроженка г. Харькова, по национальности еврейка, беспартийная, с высшим образованием, замужняя, имеет сына 1951 года рождения, работала старшим научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института технической информации, ранее не судимая, проживала в г. Москве по Ленинскому проспекту, д. 85, кв. 3,

ДЕЛОНЕ Вадим Николаевич, рождения 22 декабря 1947 года, уроженец г. Москвы (в приговоре ошибочно указана дата рождения — 3 августа и место рождения — г. Одесса), по национальности русский, со средним образованием, беспартийный, холост, не работал, судимый 1 сентября 1967 года Московским городским судом по ст. 1903 УК РСФСР к одному году лишения свободы условно с испытательным сроком в течение 5 лет, проживал в г. Москве по Пятницкой ул., д. 12, кв. 5,

ЛИТВИНОВ Павел Михайлович, 6 июля 1940 года рождения, уроженец г. Москвы, по национальности русский, беспартийный, с высшим образованием, женат, имеет на иждивении сына рождения 1960 года, без определенных занятий, ранее не судимый, проживал в г. Москве по ул. Алексея Толстого, д. 8, кв. 78,

БАБИЦКИЙ Константин Иосифович, 13 мая 1929 года рождения, уроженец г. Москвы, по национальности еврей, с высшим образованием, беспартийный, женат, имеет трех детей рождения: 1953, 1955 и 1958 годов, работал младшим научным сотрудником института русского языка АН СССР, ранее не судимый, проживал в г. Москве по улице Красикова, д. 19, кв. 86,

ДРЕМЛЮГА Владимир Александрович, 19 января 1940 года рождения, уроженец города Саратова, по национальности русский, беспартийный, со средним образованием, женат, без определенных занятий, ранее не судимый, проживал в г. Москве по ул. Метростроевской, д. 7, кв. 44,

осуждены:

ДРЕМЛЮГА В. А. по ст. 190¹ УК РСФСР к трем годам лишения свободы; по ст. 190³ УК РСФСР к трем годам лишения свободы. На основании ст. 40 УК

РСФСР по совокупности совершенных преступлений к отбытию определено 3 (три) года лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

ДЕЛОНЕ В. Н. по ст. 190¹ УК РСФСР к двум годам и шести месяцам лишения свободы; по ст. 190³ УК РСФСР к двум годам и шести месяцам лишения свободы. На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений определено два года и шесть месяцев лишения свободы, а с присоединением неотбытого наказания по приговору Московского городского суда от 1 сентября 1967 года на основании ст. 41 УК РСФСР к отбытию определено 2 (два) года и 10 (десять) месяцев лишения свободы в исправительно-трудовой колонии общего режима.

БОГОРАЗ-БРУХМАН Л. И. по ст. 190¹ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР к ссылке сроком на четыре года; по ст. 190³ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР к ссылке сроком на четыре года. На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений к ссылке сроком на 4 (четыре) года.

ЛИТВИНОВ П. М. по ст. 190¹ УК РСФСР, с применением ст. 43 УК РСФСР к ссылке сроком на пять лет; по ст. 190³ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР к ссылке сроком на пять лет. На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений к ссылке сроком на 5 (пять) лет.

БАБИЦКИЙ К. И. по ст. 190¹ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР к ссылке сроком на три года; по ст. 190³ УК РСФСР с применением ст. 43 УК РСФСР к ссылке сроком на три года. На основании ст. 40 УК РСФСР по совокупности совершенных преступлений к ссылке сроком на 3 (три) года.

Заслушав доклад члена Верховного Суда РСФСР ЛУКАНОВА П. П., объяснения адвокатов КАМИНСКОЙ Д. И., КАЛИСТРАТОВОЙ С. В., ПОЗДЕЕВА Ю. Б. и МОНАХОВА Н. А., поддержавших доводы своих кассационных жалоб и заключение прокурора САХАРОВОЙ К. М., полагавшей приговор суда оставить без изменений, Судебная коллегия установила:

Богораз-Брухман, Делоне, Литвинов, Бабицкий и Дремлюга признаны виновными в распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а также в организации и активном участии в групповых действиях, нарушающих общественный порядок.

Как установлено судом, преступление было совершено при следующих обстоятельствах.

Осужденные Богораз-Брухман, Литвинов, Бабицкий, Делоне и Дремлюга, будучи не согласны с политикой советского правительства, решили организовать сборище на Красной площади с целью пропаганды своих клеветнических измышлений. Для широкой гласности своих замыслов они заранее изготовили плакаты с текстами, являющимися заведомо ложными измышлениями, порочащими советский государственный и общественный строй.

25 августа 1968 года, примерно в 12 часов дня, все они пришли на Красную площадь, к Лобному месту, имея при себе спрятанные указанные плакаты, и приняли активное участие в групповых действиях: каждый из них развернул плакат и, обращаясь к собравшимся вокруг гражданам, выкрикивал лозунги, аналогичные с текстами указанных плакатов, чем вызвали возмущение граждан, грубо нарушили общественный порядок и нормальную работу транспорта.

Богораз-Брухман, Литвинов, Бабицкий, Делоне и Дремлюга виновными себя не признали, однако никто из них не отрицал, что они 25 августа 1968 года примерно в 12 часов пришли на Красную площадь к Лобному месту, где сели на тротуар и развернули плакаты с вышеназванными текстами.

В кассационных жалобах Богораз-Брухман, Делоне, Литвинов, Бабицкий, Дремлюга и в их защиту адвокаты просят приговор суда отменить и дело производством прекратить по тем основаниям, что в лозунгах, с которыми осужденные пришли на Красную площадь, отсутствовали заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй.

В части осуждения по ст. 190³ УК РСФСР они в кассационных жалобах указывают, что действиями осужденных не были нарушены общественный порядок и нормальная работа транспорта.

Адвокат Поздеев также считает, что применение судом в качестве меры наказания ссылки в данном случае не основано на законе.

Применив ст. 43 УК РСФСР, суд, по мнению адвоката, не мог назначить ссылку, он должен был избрать более мягкую меру наказания. Кроме того, адвокат утверждает, что суд допустил нарушение требований ст. 319 УПК РСФСР, так как, определив наказание, не связанное с лишением свободы, не освободил Бабицкого из-под стражи в зале судебного заседания.

Аналогичные доводы по этому вопросу приведены в кассационной жалобе Богораз-Брухман.

Адвокат Поздеев Ю. Б. в кассационной жалобе указывает на нарушение судом требований ст. 254 УПК РСФСР, которое, по его мнению, заключается в том, что суд сослался в приговоре на обнаружение у Бабицкого оргалитовой крышки, на которой был изготовлен лозунг, хотя это не вменялось ему в вину. На нарушение этой же нормы закона указывает и адвокат Калистратова С. В.

Проверив материалы дела, обсудив доводы кассационных жалоб, судебная коллегия находит приговор суда законным и обоснованным.

Непосредственно ознакомившись с материалами дела и содержанием плакатов, Судебная коллегия считает, что вывод суда о распространении осужденными заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а также об организации и активном участии в групповых действиях, нарушающих общественный порядок и нормальную работу транспорта, является правильным.

Вина Богораз-Брухман, Делоне, Литвинова, Бабицкого и Дремлюги в совершении указанных в приговоре преступлений, подтверждается: объяснениями осужденных, не отрицавших, что они 25 августа 1968 года пришли на Красную площадь с плакатами, текст которых приведен в приговоре суда; фактом задержания их на Красной площади и изъятием этих плакатов; вещественными доказательствами, отобранными у осужденных, — плакатами и другими материалами дела.

Приведенные в кассационных жалобах доводы о том, что в лозунгах, с которыми они вышли на Красную площадь, не содержится заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, являются необоснованными и опровергаются самим содержанием лозунгов.

Свидетели Ястреба, Давидович, Долгов, Стребков, Савельев, Иванов, Федосеев, Ударцев, Савилов, Куклин, Беседин и Розанов подтвердили в судебном заседании, что вокруг осужденных, державших лозунги и выкрикивающих их текст, собралась большая толпа граждан, что нарушило общественный порядок и мешало нормальной работе транспорта. Это обстоятельство подтверждается и имеющейся в деле справкой 4-го отделения ОРУД ГАИ.

Из приведенных в приговоре судом первой инстанции доказательств следует, что осужденные сознавали преступный характер своих действий.

При наличии таких данных суд правильно пришел к выводу о доказанности вины осужденных в совершенных преступлениях и обоснованно квалифицировал их действия по ст. ст. 190¹ и 190³ УК РСФСР.

Судебная коллегия не усматривает нарушения судом первой инстанции ст. 254 УПК РСФСР, на что в жалобах ссылаются адвокаты Поздеев Ю. Б. и Калистратова С. В.

Согласно упомянутой статье не допускается изменение обвинения в суде на более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, по которому обвиняемый предан суду.

По данному делу эти условия судом соблюдены.

При назначении наказания суд учел, что Дремлюга ранее привлекался к судебной ответственности, а Делоне совершил преступление в период испытательного срока, и назначил им меру наказания, связанную с лишением свободы.

Суд учел также, что Богораз-Брухман, Литвинов и Бабицкий впервые совершили преступление, имеют на иждивении несовершеннолетних детей, и, обоснованно применив ст. 43 УК РСФСР, избрал меру наказания, не связанную с лишением свободы.

Утверждение в жалобах о том, что применение судом ссылки в отношении Богораз-Брухман, Бабицкого и Литвинова не основано на законе, нельзя признать правильным. Санкция статей 190¹ и 190³ УК РСФСР предусматривает в качестве меры наказания лишение свободы.

Суд, приняв во внимание вышеназванные мотивы в соответствии со ст. 43 УК РСФСР, мог назначить осужденным ссылку, поскольку она, как это следует из ст. 21 УК РСФСР, содержащей перечень видов наказания, является более мягкой по сравнению с лишением свободы.

Указание суда в приговоре об отмене меры пресечения Богораз-Брухман, Литвинову и Бабицкому по доставлении их к месту ссылки, а не в зале суда, не является нарушением требований ст. 319 УПК РСФСР, так как суд вправе постановить о принудительном доставлении лица к месту ссылки.

Поэтому, не находя оснований к отмене или изменению приговора, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР, руководствуясь п. 1 ст. 339 УПК РСФСР,

ОПРЕДЕЛИЛА:

приговор Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 11 октября 1968 года в отношении БОГОРАЗ-БРУХМАН Ларисы Иосифовны, ДЕЛОНЕ Вадима Николаевича, ЛИТВИНОВА Павла Михайловича, БАБИЦКОГО Константина Иосифовича и ДРЕМЛЮГИ Владимира Александровича оставить без изменения, а кассационные жалобы осужденных и их адвокатов — без удовлетворения.

Председательствующий — ЛУКАНОВ

Члены суда — ТИМОФЕЕВ, САЛЬНИКОВ

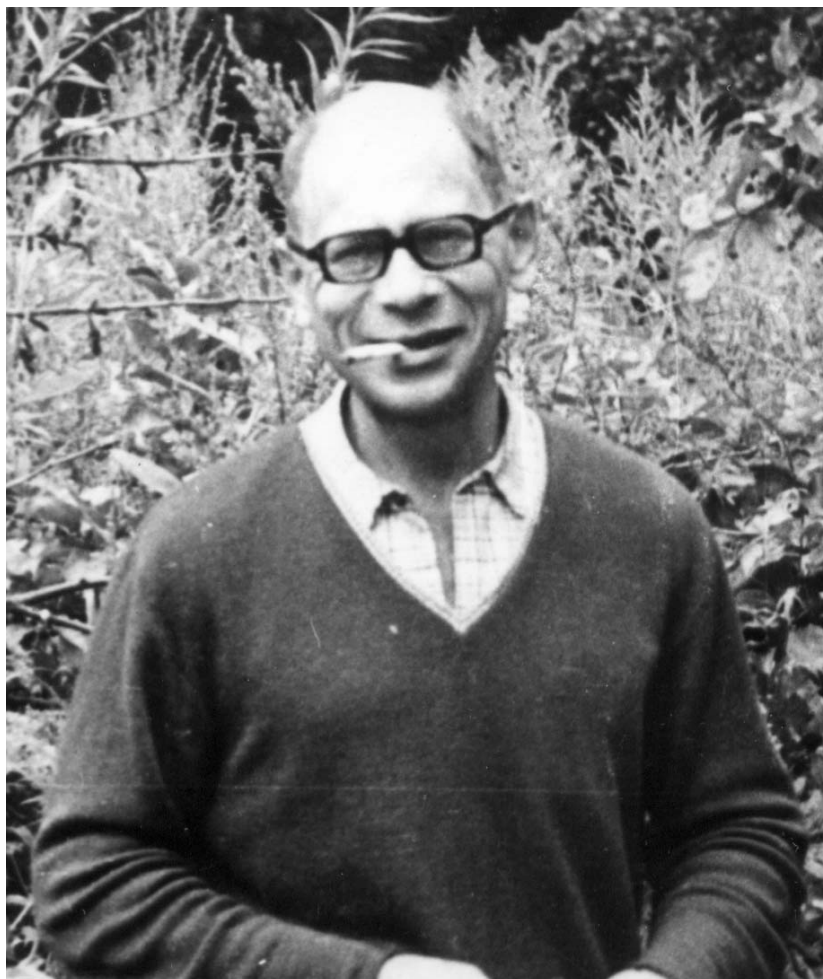
Наталья Горбаневская

Павел Литвинов

Вадим Делоне

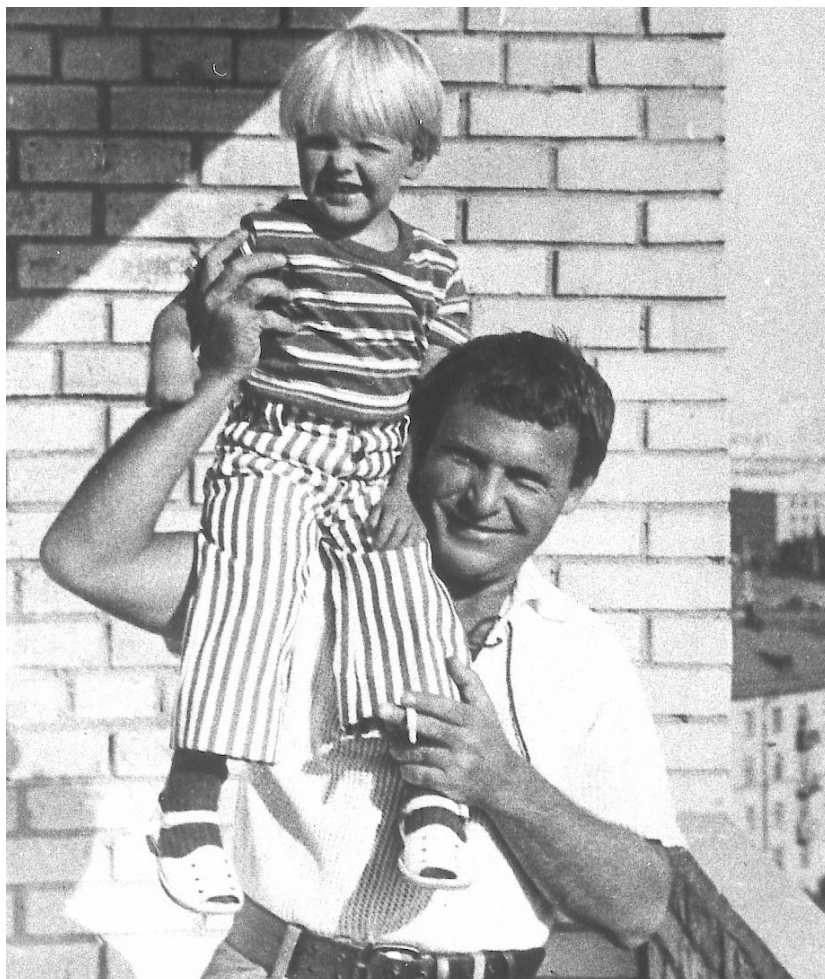
Константин Бабицкий

Лариса Богораз

Виктор Файнберг

Владимир Дремлюга

Татяна Баева

19 ноября, день, когда проходила кассация, для нас ознаменовался несколькими обысками. Уже началось разбирательство, уже мы, как привыкли, остались за дверьми (не впускали не только в зал, но и в узкий коридор, ведущий к залу, а присутствующие, кроме родственников, как всегда появлялись с противоположной стороны, не проходя мимо нас), а нескольких наших друзей, непременно собиравшихся приехать, не было. Не приехал Петр Григорьевич, не приехали Галя Габай и Надя Емелькина, которая осталась у Гали ночевать. Ильи Габая тогда не было в Москве: после безуспешных поисков работы он уехал учительствовать в глухую деревню под Кинешмой. Телефон в квартире Григоренко не отвечал.

Мы сразу заподозрили, что там проходят обыски, — так оно и оказалось. Обыски шли по крымско-татарскому делу (Иззета Хариева и др.), обыск у Григоренко проводил «сам» Березовский, приехавший из Ташкента. Остановившийся у Григоренко Мустафа Джемилев, опасаясь ареста, выпрыгнул из окна и сломал ногу. «Жаль, что не голову», — сказал Березовский.

В ноябре, начавшись еще до кассации, шел сбор подписей под письмом в защиту несправедливо осужденных демонстрантов. Время было трудное, тот энтузиазм, с которым весной 68-го года сотни людей подписывали письма по процессу Гинзбурга–Галанскова, схлынул: у одних он был охлажден репрессиями, у других — тем, что репрессии обошли их стороной, но на чужом опыте показали, как можно вылететь из партии, с работы, потом не находить работы и т. п., третьим надоело апеллировать к официальным инстанциям. В этих условиях и те 95 подписей, что были собраны под письмом, выглядели внушительно. Я, честно говоря, пророчила не больше полусотни. Сама я письмо не подписала, не желая обращаться ни к каким представителям власти и считая, что все, что я хотела сказать, я сказала своим участием в демонстрации и письмом, рассказывавшим о демонстрации.

ДЕПУТАТАМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СОЮЗА ССР ДЕПУТАТАМ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР

Копии: Редакциям газет «Известия» и «Советская Россия»

11 октября 1968 г. Московский городской суд вынес обвинительный приговор Константину БАБИЦКОМУ, Ларисе БОГОРАЗ, Вадиму ДЕЛОНЕ, Владимиру ДРЕМЛЮГЕ, Павлу ЛИТВИНОВУ.

Эти пять человек — участники демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 г. против ввода войск в Чехословакию.

Их участие в мирной демонстрации, попытка выразить свой протест этим конституционным путем, квалифицировано как «грубое нарушение общественного порядка».

Их лозунги: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия», «За вашу и нашу свободу», «Руки прочь от ЧССР», «Долой оккупантов», «Свободу Дубчеку» — квалифицированы как «заведомо ложные измышления, порочащие советский государственный и общественный строй».

Мы считаем, что участникам демонстрации вынесен заведомо неправосудный приговор: этот приговор явился расплатой за открытое и гласное выражение ими своих убеждений. Мы считаем, что не было никаких законных оснований для возбуждения уголовного дела.

Граждане депутаты Верховного Совета! Мы не говорим о вопиющих процессуальных нарушениях, допущенных судом и следствием. Речь идет о более важном. Нарушены гражданские свободы, гарантированные советской конституцией: свобода слова, свобода демонстраций. Ваш долг — защитить эти свободы. Поэтому мы обращаемся к вам и просим вас вмешаться и настоять на отмене приговоров и прекращении уголовного дела ввиду отсутствия состава преступления.

Г. Авруцкий, инженер; Б. Акимов, студент; Е. Аминева, служащая; З. Асанова, врач; Т. Баева, служащая; С. Бернштейн, лит. работник, член КПСС; А. Блюменталь, студентка; Ю. Блюменталь, музыкант; Г. Буймистр-Буланов, актер; Л. Васильев, юрист; Т. Великанова, математик; А. Вольчак, канд. физ.-мат. наук; А. Врунов, студент; В. Галкин, инженер; Г. Габай, педагог; И. Габай, педагог; Л. И. Гинзбург, пенсионерка; Е. Глезин, инженер-строитель; А. Горина, пенсионерка; А. Григоренко, ст. техник; П. Григоренко, военный пенсионер; В. Грикевич, м. н. с.; М. Джемилев, рабочий; Р. Джемилев¹¹, техник-строитель; Ю. Диков, геохимик; М. Евграфов, студент; Н. Емелькина,

11 Решата Джемилева, активиста крымско-татарского движения, мы (я и Литвинов) встретили у С. В. Калистратовой, когда пришли предупредить ее о готовящейся демонстрации. Он горько сожалел, что не может принять участия в демонстрации, так как у него свои обязанности внутри национального движения. Тем не менее он пришел на площадь и издали наблюдал ход демонстрации. Вообще, как можно заметить, среди подписей под этим письмом — необычно высокая доля крымско-татарских активистов.

служащая; Л. Зиман, педагог; Н. Зиман, редактор; А. Канаев, геолог; А. Каплан, канд. физ.-мат. наук; Л. Кац, служащая; И. В. Кваша, засл. артист РСФСР; Ю. Ким, педагог; Ю. Киселев, художник; С. А. Ковалев, канд. биол. наук; Д. Козловский, студент; Н. Комодрова, химик; И. Корсунская, аспирантка; А. Костерин, писатель; И. Костерина, сотрудник СХ СССР; Г. Кравцова, инженер; В. Красин, экономист; А. Лавут, математик; В. Лапин, лит. сотрудник; В. Лебедевский, редактор; А. Э. Левитин (Краснов), церковный писатель; Н. Литвинова, студентка; М. Майорова, студентка; Ю. Мальцев, филолог; О. Мельников, ст. лаборант; В. Милашевич, гидролог; М. Муртазаев, рабочий; В. Михайлов, инженер; Д. Муравьев, филолог; М. Мустафаев, инженер, член КПСС; А. Нейфах, доктор биол. наук, член КПСС; В. Некрасов, писатель, член КПСС; Л. Панова, математик; Л. Парамонов, студент; Г. Петрова, пенсионерка; И. Петров, студент; Л. П. Петровский, историк, член КПСС; Л. Пинский, писатель; С. Писарев, пенсионер, член КПСС с 1920 г.; Л. Плюц, математик; Л. Примах, врач; В. Рокитянский, переводчик; И. Рудаков, рабочий; И. Роднянская, литератор; М. Русаковская, инженер; Ю. Саенко, служащая; Ю. Сатраев, педагог; Е. Селиванов, математик; В. Семидляев, педагог; Е. Сморгунова, филолог; В. Сокирко, инженер; Е. Соловьева, педагог; Х. Сорометов, инженер; Е. Стрельникова, пенсионерка; Б. Сушко, историк; Е. Сыроечковский, биолог; Ю. Телесин, математик; Л. Терновский, врач; В. Тимачев, инженер-геолог; О. Тимофеева, служащая; Л. Туманова, философ; В. Туриянский, слесарь; А. Халилов, рабочий; Ю. Штейн, режиссер; А. Штельмах, инженер; М. В. Юдина, профессор консерватории; И. Якир, студентка; П. Якир, историк; А. Якобсон, переводчик.

Данный документ подписало бы еще довольно большое число людей, мыслящих так же и одобрявших его, но они не поставили подписи, поскольку за подписание аналогичных документов многие подверглись трудовой дискриминации, а некоторые отказались подписать, ссылаясь на бесполезность обращаться в официальные инстанции.

Послано 1.12.1968. Ответ просим направить:

1 Москва Г-21, Комсомольский проспект, 14/1, кв. 96, Григоренко П. Г.

2 Москва Е-397, ул. Школьная, Красину В. А.

3 Москва Ж-280, Автозаводская ул., 5, кв. 75, Якиру П. И.

За подписание этого письма исключены из партии С. Бернштейн, А. Нейфах, Л. Петровский, С. Писарев, уволен с работы В. Рокитянский, исключен из аспирантуры В. Сокирко, отстранен от преподавательской работы и не допущен к защите диссертации Ю. Диков. Подписавший это письмо О. Мельников перед защитой диплома исключен с биофака университета и уволен оттуда же с работы — но не за это письмо, а за письмо, подписанное около суда (с требованием допустить в зал суда). Из подписавших это письмо за

последнее время уволен «как не прошедший по конкурсу» Ю. Телесин, вынужден был уйти с работы «по собственному желанию» Ю. Штейн, исключена с вечернего отделения Историко-архивного института Ирина Якир — впрочем, за это время каждый из них успел подписать еще некоторые документы, неудобные властям, например, все трое поддержали обращение Инициативной группы по защите прав человека в Советском Союзе в Организацию Объединенных Наций.

В мае 1969 года арестованы Илья Габай и Петр Григорьевич Григоренко. На допросах в числе других документов следователь Березовский предлагает свидетелям дать показания по вышеприведенному письму.

В начале декабря осужденных демонстрантов отправили из Москвы — кого в ссылку, кого в лагерь. Незадолго до отправки Лариса успела побывать в карцере Лефортовской тюрьмы — за перестукивание. Ее выпустили из карцера через двое суток, после протеста ее отца. Вадим Делоне на пересылке, в Краснопресненской тюрьме, получил наручники — за то, что читал вслух стихи Мандельштама.

Костю Бабицкого отправили в Краснозатонский в 12 км от Сыктывкара. Там он работает столяром на судостроительном заводе. Ему дали комнату в общежитии. Его семья осталась в Москве, но и жена, и дети проводят там отпуск и каникулы, а старшая дочь Наташа после зимних каникул осталась у отца и там кончила девятый класс.

Павла Литвинова отправили дальше всех: в Читинскую область, в поселок Верхние Усугли, куда от Читы надо добираться еще самолетом и автобусом. Кроме того, там нет междугородного телефона, и почта остается единственным средством связи с друзьями и родными в Москве. Павел работает слесарем-электриком, хотя местной школе катастрофически не хватает учителя физики и математики. Впрочем, Павел доволен работой. Но в школу не берут работать и его жену, Майю Русаковскую, и она вынуждена работать штукатуром.

Самое тяжелое положение из всех ссыльных у Ларисы Богораз: тюрьма и особенно этап подорвали ее здоровье. В Чуне Иркутской области, куда ее направили, конечно, заявили, что ни о какой работе по специальности не может быть и речи: до последнего времени Лариса работала на лесокombинате то подсобницей, то таке-лажницей, т. е. то таская, то перекладывая тяжеленные доски. Очень много времени она бюллетенила, поэтому почти ничего не зарабатывала и жила впроголодь. Когда она хотела перейти работать на почту, где требовался работник, милиция не разрешила этого. Наконец только недавно, после того как врач дал ей справку, что она нуждается в более легкой работе, Лара стала работать сушильщицей — эта работа, кажется, более автоматизирована.

Володю Дремлюгу отправили в Мурманск, где он шьет рукавицы, как шьют их наши друзья в Озерном [политическая зона Мордовских лагерей], как шил их до последнего времени Юлий Даниэль, ныне «отдыхающий» от этой работы во Владимирской тюрьме. За какое-то нарушение режима Володе сократили свидание с женой, хотя первоначально дали полных трое суток.

Очень тяжело приходится Вадиму. Он в Тюмени, работает на лесоповале, причем начальство строго следит, чтобы его как-нибудь не перевели на более легкий участок. Вадим, хрупкий, страдающий ревмокардитом, тяжело переносит физические лишения и голод, еще тяжелее — одиночество среди уголовников¹². Недавно при обыске у него была изъята его «Баллада о неверии» — за это он на полгода лишен посылок и свиданий.

Адреса осужденных демонстрантов:

Лариса Богораз: Иркутская обл., ст. Чуна, ул. Кирова, 47.

Константин Бабицкий: Коми АССР, пос. Краснозатонский, до востребования
Вадим Делоне: Тюмень 14, п/я 34/2И.

Владимир Дремлюга: Мурманск 9, п/я 241/17.

Павел Литвинов: Читинская обл., пос. Верхние Усугли, до востребования¹³.

12 Впрочем, как показывает его книга с воспоминаниями о лагере, у уголовников он скоро стал личностью высокоценимой: все ж таки поэт (а не просто студент).

13 Здесь, наверное, уместно рассказать об их дальнейшей судьбе.

Лариса Богораз (1929–2004), вернувшись в 1972-м из ссылки, вышла замуж за Анатолия Марченко, родила второго сына и делила Толину судьбу. Получив в день вторжения в Чехословакию год лагеря, он был уже там приговорен на новый срок и вышел в 1971, в 1975–1979-м отбывал ссылку в той же самой Чуне, где перед тем была в ссылке Лариса, в 1981-м арестован снова и осужден на 10 лет лагеря и пять — ссылки. Лариса принимала активное участие в правозащитной деятельности, одним из начинателей которой была в 60-е годы. В 1987-м, уже после трагической гибели Анатолия Марченко, была в числе основателей общества «Мемориал». В 1990-е продолжала правозащитную деятельность, в особенности занималась распространением правовых знаний.

Константин Бабицкий (1929–1993) после ссылки не получил ни возможности работать по специальности, ни разрешения жить в Москве. Жил в Костромской области, в Москву вернулся лишь незадолго до смерти.

Вадим Делоне (1948–1983) после лагеря женился на Ирине Белгородской, вскоре во второй раз арестованной. Под давлением ГБ вместе с женой выехал в эмиграцию. Жил и скончался в Париже. Уже после смерти вышла его книга «Портреты в колючей раме», удостоенная литературной премии имени Даля, и книга стихов.

Владимир Дремлюга заработал в лагере второй срок (еще три года) по той же статье 1901, после освобождения эмигрировал. Живет в США.

Павел Литвинов, вернувшись из ссылки в 1972-м, получил недвусмысленное предложение эмигрировать: «Не поедете на запад — поедете на восток». Живет в США, преподает физику и математику.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
СУДЬБА ВИКТОРА ФАЙНБЕРГА

Виктор Файнберг, 1931 года рождения, до окончания университета работал слесарем на заводе. В 1968 году он окончил английское отделение филологического факультета Ленинградского университета, на «отлично» защитил дипломную работу по Сэлинджеру, летом до самой демонстрации работал экскурсоводом во дворце-музее в Павловске.

Из-за травмы головы Виктор когда-то шесть лет был на инвалидности, но на психиатрическом учете не состоял и в психбольницах не лежал. В 1957 году он попал под следствие: подрался с милиционером — за «жида». Экспертиза признала его вменяемым, и он получил тогда год условно.

У Виктора классическая внешность несчастного еврея, кинуться на него с криком «Бей жидов!» — почти безусловный рефлекс черносотенца. Я почти не видела, как его били, увлеченная своим сражением за флажок, и только в «полтиннике» увидела его — с распухшими, в кровь разбитыми губами, в ладони он держал окровавленные зубы. Потом Татка рассказывала, как его били: по лицу, и по голове, и ногами, не меньше шести ударов.

Ему выбили четыре зуба — все резцы верхней челюсти, и, конечно, в этом виде он не годился для суда, на котором следовало доказать, что демонстранты нарушили общественный порядок, а те, кто бил нас, отнимал лозунги, кто пытался провоцировать толпу, — они-то и действовали в согласии с законом и в интересах закона. Все равно подсудимые и некоторые свидетели говорили о том, как били Файнберга, как выбили ему зубы, но слова бледны по сравнению с живым свидетельством, с видом искалеченного человека.

Самый простой путь не выпустить человека на суд — это признать его невменяемым. Я вообще удивляюсь, как они не реши-

лись признать невменяемыми всех семерых, объявить демонстрантов «кучкой сумасшедших»: кто же, кроме безумцев, среди кликов всенародного одобрения открыто скажет «нет». Но, видно, установка была такова, чтобы соблюсти некоторую видимость и законности, и гласности. Поэтому и ограничились тем, что невменяемыми признали меня и Виктора. Насколько я знаю, в диагнозе у Виктора значатся «остаточные явления шизофрении», «остаточные явления сотрясения мозга», «базедова болезнь». Это последнее, отнюдь не психиатрическое заболевание — то, чем Виктор действительно болен. В условиях Лефортовской тюрьмы болезнь его обострилась. Одним из оснований диагноза шизофрении в экспертизе указан «бред реформ». Итак, всякое частное несогласие с существующей системой, всякое высказывание о необходимости изменить ее и улучшить — если вас захотят объявить невменяемым, будет истолковано как «бред».

Говорят еще, что в Ленинградской больнице лечащие врачи сказали Файнбергу, что у него диагноз «шизоинакомыслие». То ли скучающий врач проявил в разговоре с пациентом свое остроумие, то ли и правда в советской психиатрии существует такой диагноз? Я готова поверить в последнее.

Суд по назначению Виктору Файнбергу принудительных мер медицинского характера состоялся 2 декабря, председательствовал судья Монахов, которого потом мы видели во главе суда над Ирой Белогородской. Суд проходил без Файнберга: хотя по уголовному кодексу суд «вправе» вызвать его на судебное заседание, суд этим правом не воспользовался. По-моему, и не бывает случая, чтобы «невменяемого» вернее, того, кого суд должен признать невменяемым, — вызвали в судебное заседание. Может быть, судьи боятся увидеть перед собой не бумажку, а реального — и вдруг здорового? — человека?

Защитник Виктора адвокат С. Л. Ария оспаривал и то, что действия Файнберга подпадают под соответствующие статьи уголовного кодекса, и то, что состояние здоровья Файнберга и общественная опасность его действий требуют помещения его именно в психиатрическую больницу специального типа: ведь статьи, по которым квалифицировались действия Файнберга, — те же самые 190¹ и 190³ — не входят в число ни особо опасных, ни тяжких преступлений.

И верно, я знаю случай — в Ленинграде — такого же суда по такой же статье, по 190¹, окончившегося тем, что человека признали невменяемым — в согласии с рекомендацией экспертизы — и отдали на попечительство родным и под наблюдение психдиспан-

сера. Разница была только в том, что этот человек согласился с тем, что он действовал (писал «криминальное» письмо в ЦК) в состоянии возбуждения, аффекта, а Виктор, я уверена, отстаивал полную осознанность своего выхода на Красную площадь.

Суд, как и следовало ожидать, полностью повторил выводы экспертизы, признал Файнберга невменяемым и назначил ему принудительное лечение в психиатрической больнице специального типа. В начале февраля 1969 года Виктор помещен в Ленинградскую специальную психиатрическую больницу на Арсенальной. О его пребывании там известно мало. В конце мая он был переведен из 11-го, лечебного отделения, где ему лечили заболевание щитовидной железы, в более тяжелое, 4-е. Санитары — а санитарями в этой больнице заключенные-уголовники — в кровь избивали одного пациента. Виктор слышал его крики, а на другой день встретил его, окровавленного: разбито лицо, и в крови пижама. Виктор начал писать жалобу на санитаря, и его тут же, не дав дописать, перевели в другое отделение, причем жалоба «пропала». Взволнованным родителям Виктора сказали, что он ни в чем не виноват, и обещали вернуть его в лечебное отделение.

С 1 июня над Виктором назначена опека отца. Может быть, это сможет ускорить его выход. Но вот уже комиссия, которая была в июне, не выписала Виктора из больницы¹⁴. Следующая комиссия — через полгода, т. е. в декабре. [Виктор вышел на свободу только в 1973 году, позже меня, хотя посадили меня через год с лишним после демонстрации.]

Жена писала Виктору в письме, что ему надо скорее выйти из больницы, чтобы обрести покой, которого там нет, и только тогда улучшится его здоровье, — это письмо до Виктора не дошло.

Пятнадцатилетнего сына не пускают к Виктору на свидания как несовершеннолетнего (и в лагерь, и в тюрьму детей пускают на свидания). Виктора ограничивают в получении денег, так как он тратит их на выпуск газет и журналов.

Чтобы читатель мог себе представить, в каких условиях находится Виктор, я привожу два документа о принудительном лечении в спецпсихбольницах. Первый — это отрывок из периодического издания «Год прав человека в Советском Союзе продолжается. Хроника текущих событий», выпуск 3(8). Второй написан Петром Григорьевичем Григоренко незадолго до его ареста [специально для «Полдня» по моей просьбе]. Еще я хочу отметить, что если бы Вик-

14 То есть не направила дело в суд на снятие принудительного лечения или хотя бы на перевод в психиатрическую больницу общего типа.

тор был признан вменяемым, то при имевшемся подходе суда (сын на иждивении) он определенно получил бы не лагерь, а ссылку, т. е. оказался бы в куда более человеческих условиях.

Участь Виктора Файнберга — наиболее трагическая из всех демонстрантов. Но зато, мне кажется, это тот единственный случай, где могло бы помочь вмешательство мирового общественного мнения, вмешательство международных организаций — в первую очередь, Международного Красного Креста [насчет МКК я была наивна: он никогда и не пискнул по поводу психиатрических репрессий в СССР]. Если у этой книги окажутся читатели на Западе, я прошу их сделать все возможное, чтобы облегчить пребывание Виктора Файнберга в стенах тюремной психбольницы и ускорить его освобождение¹⁵.

¹⁵ Виктор Файнберг был освобожден только в 1973 году. В психиатрической тюрьме держал неоднократные голодовки и сумел передавать сведения о них на волю. После освобождения эмигрировал, жил в Лондоне, где принимал активное участие в борьбе английских психиатров и деятелей культуры против психиатрических репрессий в СССР и, в частности, в борьбе за освобождение Владимира Буковского, осужденного в 1972-м на 7 лет тюрьмы и лагеря и 5 лет ссылки главным образом за обширную документацию о психиатрических репрессиях (составленную отчасти не без помощи той же С. В. Калистратовой). Продолжал борьбу против карательной психиатрии в Париже, куда переселился в конце 70-х и где живет по сей день.

...В психиатрические больницы специального типа направляются на принудительное лечение лица, совершившие тяжкие уголовные преступления (зверские убийства, изнасилования, бандитизм) в состоянии невменяемости, при наличии психических расстройств, и поэтому не подлежащие суду. Кроме того, случается, что в целях изоляции от общества невменяемыми признают лиц, чью вину в совершении тяжких уголовных преступлений следствие доказать не может, хотя и убеждено в ней. Срок нахождения в больнице не определяется судом и может затянуться на сколь угодно долгое время.

Наряду с фактически больными в эти больницы отправляются совершенно здоровые люди за их убеждения. Тем самым они лишаются права защищать себя судебным порядком и попадают в условия значительно тяжелее, чем в нынешних лагерях и тюрьмах.

Первая «больница» этого типа существовала еще до войны в г. Казани. Там еще с тех пор имеется специальное отделение для политических. После войны в г. Сычевке Смоленской области открылась колония специального типа, куда направляются психохроники и в их числе политические, представляющие, по мнению руководства специальных больниц и КГБ, наибольшую опасность. Попавшие туда люди доводятся до состояния полной психической неполноценности. В 1952 году открылась больница в Ленинграде — Арсенальная ул. 9, п/я УС-20, ст-5, в 1965 году в г. Черняховске Калининградской области в здании бывшей немецкой каторжной тюрьмы — п/я 216, ст-2, в 1966 году — в Минске, в 1968 году — в Днепрпетровске.

Общим для всех этих заведений является следующее: политические, находясь в здравом рассудке, содержатся в общих камерах

с тяжелыми психическими больными; при нежелании отказаться от своих убеждений они под предлогом лечения подвергаются физическим истязаниям, инъекциям больших доз аминазина и сульфазина, вызывающих шок и тяжелые физические расстройства; режим — закрытых тюрем, с одночасовой прогулкой. Иногда вводится внутривенно амитал натрия, сильное снотворное, расслабляющее человека, а после инъекции допрашивают. Персонал состоит из надзирателей войск МВД в белых халатах поверх мундиров, санитаров из числа заключенных уголовников (воров, бандитов-рецидивистов) — тоже в белых халатах, и, наконец, старшего и среднего медицинского персонала — у многих из них под белыми халатами офицерские погоны. Ограждены эти больницы-тюрьмы еще более внушительными кирпичными заборами, чем любые другие тюрьмы.

...Заключенные из лагерей особого и строгого режима, не выдержав тяжелых лагерных условий, иногда пытаются симулировать сумасшествие, и некоторым это удается. Однако, попав в тюремную психиатричку, они сразу понимают, что это куда хуже, чем самые тяжелые лагеря, и некоторые даже на коленях умоляют врачей «отпустить их обратно».

Люди, выбравшиеся из таких «больниц», получают паспорта особой серии, как после тюрьмы. Тот же, кто упорно не признаёт себя больным, вообще почти не имеет шансов выбраться на волю.

«Год прав человека в Советском Союзе продолжается.

Хроника текущих событий», вып. 3 (8), 30 июня 1969

П. Г. Григоренко

О СПЕЦИАЛЬНЫХ ПСИХИАТРИЧЕСКИХ БОЛЬНИЦАХ

(«ДУРДОМАХ»)¹⁶

Товарищи просили меня коротко рассказать об этих учреждениях на основании личного опыта. Выполняю эту просьбу.

Идея психиатрических специальных больниц сама по себе ничего плохого не содержит, но в нашем специфическом осуществлении этой идеи нет ничего более преступного, более античеловеческого.

Дело в том, что метод расправы с неудобными людьми путем признания их сумасшедшими и помещения на длительные сроки или на всю жизнь в психиатрические лечебницы начал применяться с тех пор, как появилось понятие сумасшедших. Учитывая это, передовая общественность издавна боролась за то, чтобы лечение психически больных проходило под действенным контролем общественности. Общественность боролась также за то, чтобы люди, совершившие преступление в состоянии психической невменяемости, уголовному наказанию не подвергались, а направлялись на психиатрическое лечение. Боролась за это и выдающиеся русские психиатры Бехтерев и Сербский. Советское законодательство пошло по пути удовлетворения этого требования передовых людей общества.

Но беда в том, что все это дело одновременно было полностью изъято из-под надзора общественности, отдано в руки специально подобранного аппарата, в том числе и врачи назначаются только по специальному подбору, в котором квалификация врачевания роли почти не играет. На первое место выдвигаются другие качества, главное из которых — умение подчиняться, не проявлять своего медицинского «я».

¹⁶ Написано по моей просьбе специально для «Полдня».

Если начать разбирать всю систему лечения психических больных, совершивших преступление, то основной ее порок — не в самих специальных психиатрических больницах. И если бы я описал только условия содержания больных в СПб, как меня просили, то из этого еще ничего ни страшного, ни противозаконного не вытекало бы.

Больные в Ленинградской психиатрической больнице содержатся в большинстве в условиях менее строгих, чем тюремные. Только в пяти отделениях содержатся камерные. В остальных камеры от подъема до отбоя открыты. Большинство больных работает в мастерских. Одно отделение санаторного типа, там имеется радио и телевидение. Имеется библиотека — и очень хорошая. Правда, многие книгоноши не любят освежать фонд, находящийся в отделении, но тот, кто пожелает, может добиться, чтобы ему принесли все, что ему нужно. Кроме того, книги, газеты, журналы разрешается передавать с воли. Два раза в неделю бывает кино. Свидания дважды в месяц местным и три дня подряд приезжим. Одновременно со свиданиями принимаются и продуктовые передачи. Питание значительно лучше, разнообразнее и вкуснее, чем в тюрьме. Дается белый хлеб. Нуждающиеся в диете получают ее. В меню входит масло сливочное, молоко, иногда фрукты. Мяса дают значительно больше, чем в тюрьме. Медицинское обслуживание (я не боюсь переоценить) образцовое. Думаю, что обычным психиатрикам далеко до такого обслуживания. Бросается в глаза очень высокая квалификация среднего медицинского персонала (видимо, дают знать себя значительно более высокие оклады содержания). Поэтому такие больницы, как ЛСПБ, в экскурсионном порядке можно показывать кому угодно, даже интуристам. Наиболее доверчивые могут даже восхищаться. Но не будем торопиться. Давайте посмотрим всю систему.

И начать надо с истока, т. е. выяснить — действительно ли туда попадают психически больные люди. И не заложены ли в самой системе условия для грубейшего произвола. Человек попадает на психиатрическое обследование в скандально знаменитый Институт судебной психиатрии имени проф. Сербского на основании постановления следователя. Институт этот номинально входит в систему Минздрава СССР, но я лично неоднократно видел зав. отделением, в котором проходил экспертизу, проф. Лунца, приходящим на работу в форме полковника КГБ. Правда, в отделение он всегда приходил в белом халате. Видел я в форме КГБ и других врачей этого института. Какие взаимоотношения у этих КГБистов с Минздравом, мне установить не удалось.

Говорят, что КГБистским является только одно отделение — то, которое ведет экспертизу по политическим делам. Мне лично думается, что влияние КГБ, притом решающее влияние, распространяется на всю работу института. Но если дело обстоит даже так, как говорят, то возникает вопрос — может ли психиатрическая экспертиза по политическим делам быть объективной, если и следователи и эксперты подчиняются одному и тому же лицу, да еще связаны и военной дисциплиной?

Чтобы долго не гадать над этим вопросом, расскажу о том, что видел сам. Прибыл я во второе отделение (политическое) Института им. Сербского 12 марта 1964 года. До этого я даже не слышал о таком приеме расправы, как признание здорового человека психически невменяемым, если не считать то, что мне было известно о Петре Чаадаеве. О том, что в нашей стране существует система «чаадаевизации», мне и в голову не приходило. Я понял это, лишь когда мне самому было объявлено постановление о направлении на психиатрическое обследование. Состоялся следующий разговор со следователем.

Я, прочтя постановление, посмотрел на следователя и спросил: «Что, нашли выход из тупика?» (до этого я неоднократно говорил следователю, что если следствие и дальше будет продолжаться с соблюдением всех процессуальных норм, то следствие очень скоро зайдет в тупик). На этот вопрос следователь, находившийся в большом смущении с самого начала, стал сбивчиво и путано говорить:

— Петр Григорьевич, что вы подумали! Да нет, это простая формальность. Вы человек абсолютно нормальный. Я в этом не сомневаюсь, но у вас в медицинской книжке имеется запись о контузии, и в этих случаях психиатрическая экспертиза обязательна. Без этого суд не примет дело.

На мое замечание, что для передачи куда бы то ни было дела надо сначала иметь само дело, он продолжал заверять, что после окончания экспертизы следствие будет продолжаться и дело оформят. Но для меня становилось все яснее, что никакого следствия не будет, что мне обеспечена психиатричка на всю жизнь (так я в то время думал). Логически придя к этому выводу, я впоследствии рассматривал все явления под углом зрения этого вывода.

Когда я прибыл в отделение, там находилось 9 человек. В течение последующих пяти-шести дней прибыло еще двое. Руководствуясь своим пониманием цели назначения экспертизы, я предсказал всем одиннадцати, кого какое ждет заключение. Исходил я при этом только из характера дела каждого — из доказанности или недоказанности преступления, а не из психического состояния

каждого. Да собственно даже и без медицинского образования было ясно, что психически неполноценным является среди нас один только Толя Едаменко, но именно ему я предсказал обычный лагерь. «Дурдом», по-моему, ожидал только трех: меня, Боровика Павла (бухгалтер из Калининграда) и Дениса Григорьева (электромонтера из Волгограда). У всех этих людей следственное дело было пустое, и не было никакой возможности наполнить его содержанием.

Все остальные, по-моему, должны были быть признаны нормальными, хотя трое очень искусно «ломали ваньку», изображая из себя психически невменяемых, а один и в действительности был таковым. Один был у меня под сомнением — Юрий Гримм, крановщик из Москвы, который распространял листовку с карикатурой на Хрущева. Ему я сказал: «Не раскаешься, пойдешь в дурдом, раскаешься — в лагерь». Это заключение я сделал на том основании, что к нему несколько раз в неделю приезжал следователь и, обещая ему всякие блага, убеждал в необходимости «раскаяться». В конце концов Юра «раскался» и получил три года лагеря строгого режима. Полностью оправдались и все другие мои предсказания. Особо следует обратить внимание на пример с Гриммом. Когда я требовал прокурора и следователя, мне ответили, что в период экспертизы они не могут иметь доступа к подэкспертному. В отношении Гримма это не соблюдалось, что наилучшим образом свидетельствует о том, что так называемый институт — всего лишь подсобный орган следствия. И врач-эксперт, и следователь говорили с Юрой только об одном — о раскаянии. При этом врач вел себя хамовитее следователя и картинно живописал, как его упрячут на всю жизнь среди «психов», если он не раскается.

Уже в Ленинграде я тоже встретился с теми, кто попал в психиатричку, не будучи психически больным. Особенно тягостное впечатление произвел на меня инженер Петр Алексеевич Лысак. За выступление на собрании студентов против исключения нескольких из них по причинам политического недоверия он попал в спецпсихбольницу и к моменту моего прибытия находился там уже семь лет. Злоба за эту страшную расправу, за всю свою искалеченную жизнь затопила его мозг, и он ежедневно пишет самые злобные послания, которые, естественно, никуда не идут, а ложатся в его медицинское досье и служат основанием для дальнейшего его «лечения» (из СПб не принято выписывать тех, кто не признал себя больным). Я попытался ему втолковать эту истину. Но он, имеющий абсолютно нормальные суждения по всем вопросам, в этом пункте, что называется, «непробиваем». Хуже того, он соглашается с убедительностью моих доводов, но когда я задаю наконец решающий вопрос: «Ну так как, с завтрашнего дня писать прекращаем?» — он вдруг

снова загорается: «Нет, я им, сволочам, все равно докажу!» Однажды во время такого разговора, когда Петр особенно увлекся мыслью о том, как он докажет, я с раздражением сказал: «Вы настолько нереально рассуждаете, что я начинаю сомневаться в вашей нормальности», — он вдруг остановился, посмотрел на меня взглядом, который нельзя забыть до смерти, и тихо, очень тихо, с какой-то горькой укоризной спросил: «А неужели вы думаете, что здесь можно пробыть семь лет и остаться нормальным?»

И в этом его вопросе — вся суть нашей античеловеческой системы принудительного лечения. Очевидно, что если бы случаи содержания нормальных людей среди психически невменяемых были даже единичными, то и в этом случае надо было бы поднять самый решительный протест. Весь ужас положения здорового, попавшего в эти условия, состоит в том, что он сам начинает понимать, что со временем может превратиться в одного из тех, кого он видит вокруг себя. Особенно это страшно для людей с легко ранимой психикой, страдающих бессонницей, не умеющих самоизолировать себя от посторонних звуков, а они там распространяются с невероятной силой.

Ленинградская СПБ находится в здании бывшей женской тюрьмы, рядом со знаменитыми «Крестами». Здесь, как и в обычных тюрьмах, нормальные перекрытия имеются только над камерами. Середина же здания полая. Так что с коридора первого этажа можно видеть стеклянный фонарь крыши над пятым этажом. В этом колодце звуки распространяются очень хорошо и даже усиливаются. Именно на этом была основана одна из психических пыток заключенных этой больницы в сталинское время.

Создана она была в 1951 году. И тогда даже не скрывали, что создана она для того, чтобы без суда содержать в ней людей, неудобных режиму. Тогда и врачей в этой «больнице» было столько же, сколько и в тюрьме, и права их ничем не отличались от прав тюремных врачей. Здесь в те времена смена постов производилась так: на первом этаже сменяющийся надзиратель во весь голос выкрикивал: «Пост по охране самых опасных врагов народа сдал», и заступающий вторил: «Пост по охране самых опасных врагов народа принял...» Это слышно было во всех камерах всех этажей. Затем то же самое повторялось на втором этаже, потом на третьем, четвертом, пятом. И так изо дня в день, при каждой смене. Теперь этого нет. Теперь это учреждение возглавляется врачами, и врачи во всех делах, связанных с содержанием тех, кто попал в больницу, играют решающую роль. Однако и они не в силах изменить звукопроводность здания, созданную при его постройке. Поэтому все происходящее на всех этажах прекрасно слышно было и при мне.

Но для меня лично это обходилось благополучно. Возможно, условия профессии, а может, железное здоровье, которым наградили меня родители, позволили быстро приучить себя к самоизоляции от всего, что не имеет непосредственного отношения ко мне. Я мог не слышать, чем жила вся тюрьма в течение более чем двух часов — ловлей буйнопомешанного, которому удалось каким-то образом вырваться у санитаров и в голом виде носиться по всем этажам. Я мог привыкнуть не замечать непрерывную чечетку, отбиваемую у меня над головой почти круглыми сутками (перерывы наступали только на те короткие промежутки времени, когда танцор падал в полном изнеможении). Я не замечал и многого другого. И в этом отношении мое пребывание в этой больнице прошло без особого вреда для моей психики. Единственно, чего я не могу забыть, от чего иногда просыпаюсь по ночам, — это дикого ночного крика, смешанного со звоном разбитого стекла. От этого я изолироваться не мог. Во сне, видимо, нервы не защищены от таких воздействий. Но я представляю, что должен переживать человек, который все окружающее воспринимает прямо на открытую нервную систему, у кого не развиты, как у меня, защитные нервные функции.

Если бы в такую обстановку люди могли попадать только иногда, случайно, то и в этом случае каждый такой факт надо было бы расследовать самым тщательным образом и безусловно с соблюдением самой широкой гласности. Но это не случайность, а система. Притом широко практикуемая. Я уже указывал, что только в течение месяца, когда я был на экспертизе, Институт Сербского произвел трех здоровых в сумасшедшие и отправил одного безусловно психически ненормального человека в лагерь. Последнее тоже ведь система. Правда, я это понял только после прочтения книги Анатолия Марченко «Мои показания». Оказывается, такие люди нужны в лагерях для того, чтобы делать жизнь здоровых людей еще невыносимей.

Насколько широко пользуется следствие методом лживой психиатрической экспертизы, можно судить по следующему факту. В ЛСПБ я встретился на прогулках с очень интересным собеседником, обладающим незаурядной памятью и умением увлекательно рассказывать. Причем ему и было о чем рассказывать. Он, несмотря на свой не очень большой возраст, уже успел перешагнуть за десяток лет пребывания в местах заключения. Большую часть этого срока — в детских. В СПб он попал при следующих обстоятельствах. Его арестовали за мелкую кражу и, вполне вероятно, выпустили бы, не отдавая под суд, если бы его следователю не вздумалось с его помощью закрыть одно «дохлое» дело — нераскрытое убийство. От рассказчи-

ка требовалось немногое — показать, что один из его ближайших друзей в момент совершения убийства находился в том населенном пункте, где оно произошло. Рассказчик знал, что это неправда, и потому отказался дать такие показания. Тогда следователь заявил: «Ах, не хочешь помогать следствию! Ну тогда я тебя упеку в такое место, что ты меня всю жизнь не забудешь!» — и... направил его на психиатрическую экспертизу, которая не замедлила признать его невменяемым. С тех пор он и борется с этим заключением.

Володе Пантину (так назывался этот человек) повезло. Ему попала умная, честная женщина, которая сумела повести дело таким образом, что заключение экспертизы было отменено. Очень хорошо относившийся ко мне врач сказал, что это исключительный случай. Как правило же, отменить заключение экспертизы невозможно, так как на отмену обязательно необходимо согласие врача, поставившего первичный диагноз. Володя прошел через все это, но прошло *шесть* долгих лет.

Когда диагноз был отменен, дело пошло в суд для рассмотрения за преступление, совершенное психически здоровым человеком. И суд, знавший, сколько уже лет находится в заключении подсудимый, дал ему максимум, предусмотренный соответствующей статьей (4 года), и освободил из зала суда. Два года, выходит, пересидел за отказ «помочь следствию».

Очень страшна психиатричка психически здоровому человеку тем, что его помещают в среду людей с деформированной психикой. Но не менее страшны полное бесправие и бесперспективность.

У «больного» СПб нет даже тех мизерных прав, которые имеются у заключенных. У него вообще нет никаких прав. Врачи могут делать с ним все, что угодно, и никто не вмешается, никто не защитит, никакие его жалобы или жалобы тех, кто с ним находится, из больницы никуда не уйдут. У него остается лишь одна надежда — на честность врачей.

Мне мой лечащий врач так и сказал, когда я при первой нашей беседе нарисовал ему картину моего полного бесправия, полной незащищенности. Глядя на меня честным, открытым взглядом, он спросил: «А честность врачей вы ни во что не ставите?» Я ответил:

— Нет, на нее я только и рассчитываю! Если бы я перестал верить и в это, то мне пришлось бы искать только пути к самоубийству.

Мне никогда не пришлось раскаиваться в том, что я поверил в честность врачей, но я и сейчас продолжаю настаивать на том, на чем настаивал и тогда, — *никуда не годна та система*, при которой у тебя остается надежда только на *честность врачей!* А если врач попадется нечестный? Это не только не исключено, а сему есть убе-

дительные подтверждения, хотя бы в практике признания психически невменяемыми вполне здоровых людей. За это же говорит и логика. Если властям потребуется ухудшить положение здоровых «психов», они начнут изгонять из этой системы честных людей и набирать вместо них таких, кто ради денег и положения на все готов. Нельзя же думать, что среди врачей-психиатров такого добра меньше, чем среди других профессий.

Особо тяжело сознавать полную неопределенность времени, на какое человека определили в это положение. У врачей существуют какие-то минимальные нормы. Мне они неизвестны. Однако достоверно знаю, что совершивших убийство держат не менее пяти лет. Говорят, что политические в этом отношении приравнены к убийцам. Но их, если они не раскаиваются, могут не выписать и после этого.

Кстати, и честность врачей не поможет. Дело в том, что и в этом учреждении КГБ держит своих секретных агентов и их донесения играют не менее важную роль, чем заключение врачей. Могут быть случаи, когда суд не утверждает решение о выписке из больницы, принятое медицинской комиссией на том основании, что «срок лечения не соответствует тяжести совершенного преступления».

В общем, обстановка сумасшедшего дома, полное бесправие и отсутствие реальной перспективы выхода на свободу — вот те главные страшные факторы, с которыми столкнется каждый, кто попадет в СПб.

В этих условиях у людей с ранимой психикой может быстро начаться психическое заболевание, прежде всего подозрительность к врачам — боязнь того, что в отношении тебя умышленно проводится лечение, направленное на разрушение нормальной психики. Хуже всего, что в условиях отсутствия прав у больных и при полном отсутствии контроля со стороны общественности такое логически вполне допустимо. В связи с этим общественности надо бороться за коренное изменение системы экспертизы и содержания больных в СПб, за предоставление общественности действительной возможности контролировать состояние содержания и лечения больных в этих условиях. А пока это не достигнуто, тем, кто попадает туда, — больше веры в лучшие стороны человеческой сущности врача. Надо верить ему и соответственно относиться с доверием. Это будет только полезно. И тем полезнее, что подозрительность вообще никакой пользы принести не сможет. Уж если к вам решат применить незаконные методы лечения, то результат будет одним и тем же и для подозрительных, и для доверчивых. А может, для последних даже лучше.

Эпилог

Перечитываю хроники («Год прав человека в Советском Союзе», «Год прав человека в Советском Союзе продолжается»), ищу сообщение о несогласии с «всемирной поддержкой».

ВЫПУСК 3. 31 АВГУСТА 1968

26 июля 1968 г. тридцатилетний грузчик Анатолий Марченко послал в редакцию газет «Руде право», «Праце», «Литерарни листы» открытое письмо, в котором выражался протест против кампании клеветы и инсинуаций вокруг Чехословакии и говорилось об угрозе интервенции в эту страну.

Через два дня, 29 июля 1968 г., Анатолий Марченко был арестован на улице и отправлен в Бутырскую тюрьму. Ему было предъявлено обвинение по ст. 198 — нарушение паспортного режима.

29 июля в посольство Чехословакии было передано письмо пяти советских коммунистов с одобрением нового курса КПЧ и осуждением советского давления на ЧССР.

30 июля умер Валерий Павлинчук, молодой физик из города Обнинска, один из активнейших общественников и коммунистов города, талантливый ученый и педагог; он был исключен из партии и уволен с работы за распространение самиздата. Но это не сломило его духа. Незадолго до смерти он обратился с открытым письмом к А. Дубчеку, где прямо выразил солидарность с новым политическим курсом ЧССР, видя в нем пример настоящего социалистического строительства, свободного от догматизма и полицейщины.

В Москве на Октябрьской площади некий гражданин 24 августа выкрикнул лозунг против вторжения в Чехословакию и был жестоко избит неизвестными в штатском. Двое из них втолкнули его в машину и увезли.

Известны многие случаи принципиальной неявки на собрания, цель которых была добиться единогласного одобрения ввода войск в ЧССР.

Известны и случаи, когда люди находили мужество или воздерживались от голосования, или голосовать против одобрения. Так было на собраниях в Институте международного рабочего движения, в Институте русского языка, на одной из кафедр МГУ, в Институте мировой экономики и международных отношений, в Институте философии, в Институте радиотехники и электроники.

Довольно широкое распространение в Москве получили листовки, содержащие протест против оккупации Чехословакии.

Были арестованы два студента механико-математического факультета МГУ, собиравшие подписи под петицией протеста. В настоящее время эти студенты находятся на свободе.

В Ленинграде и в городах прибалтийских республик получили распространение листовки, осуждающие вторжение в Чехословакию.

В Тарту за надпись протеста на кинотеатре арестован студент. Имя студента неизвестно.

ВЫПУСК 4. 31 ОКТЯБРЯ 1968

«НОВЫЙ МЕТОД» ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКОВ (Фрагмент)

27 сентября 1968 г. был произведен обыск у Ивана Яхимовича... изъяты немногочисленные самиздатские материалы, письмо-протест Яхимовича по поводу ареста участников демонстрации 25 августа, черновик его неоконченной статьи о послеянварском развитии в Чехословакии, личный дневник его жены и т. п.

1 августа в Ленинграде был проведен обыск у Юрия Гендлера. В тот вечер несколько ленинградцев (8–10 человек) [в том числе будущий демонстрант Виктор Файнберг] собрались у него, намереваясь составить текст письма, обращенного к гражданам Чехословакии. Это решение они приняли под впечатлением письма Анатолия Марченко... Можно полагать, что молодые ленинградцы хотели выразить свое сочувствие политическому развитию в Чехословакии.

Из раздела

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

В ночь с 21 на 22 августа 1968 г. 20-летний ленинградец Богуславский [на самом деле Бугославский] написал на трех клодтовских конях «Вон Брежнев из Чехословакии». Тут же, на Аничковом мосту, он был арестован и через

две недели осужден по ст. 70 на пять лет строгого режима. В октябре Верховный Суд РСФСР при кассационном разбирательстве переквалифицировал его действия на ст. 190¹ и соответственно изменил меру наказания: 3 года общего режима (максимум по данной статье).

Эстонский студент, написавший в Тарту на стене кинотеатра в ночь с 21 на 22 августа «Чехи, мы — ваши братья», при задержании был зверски избит: у него отбили почки, и он до сих пор находится в больнице.

ВЫПУСК 5. 31 ДЕКАБРЯ 1968

Из раздела

ОБЗОР САМИЗДАТА 1968 ГОДА

1. МАТЕРИАЛЫ ПО ЧЕХОСЛОВАКИИ.

1а. ПЕРЕВОДЫ ЧЕХОСЛОВАЦКИХ СТАТЕЙ И ДОКУМЕНТОВ.

(В этом пункте обзора названы переводы речи Людвика Вацулика на съезде писателей, интервью с вдовами Сланского и Клементиса и др. материалов о процессах 50-х гг., отдельных выступлений руководителей КПЧ, манифеста «2000 слов»¹⁷, статьи Йозефа Смрковского «1000 слов в ответ на 2000 слов», его же речи по радио 29 августа 1968 г., обращения актива чешских писателей, 10 пунктов Союза студентов — все эти переводы в большей или меньшей степени распространялись в самиздате.)

1б. ПИСЬМА И СТАТЬИ СОВЕТСКИХ АВТОРОВ, СВЯЗАННЫЕ С ПРОБЛЕМОЙ ЧЕХОСЛОВАКИИ.

Еще до вторжения советских войск в Чехословакию, в конце июля 1968 г., когда советская печать вела особенно яростную кампанию против демократизации в Чехословакии, а угроза интервенции казалась более реальной, чем когда-либо до или после, появились два документа, в которых выражено сочувствие Чехословакии и возмущение пропагандистской кампанией: письмо пяти коммунистов — П. Григоренко, А. Костерина, В. Павлинчука, С. Писарева, И. Яхимовича — к членам КПЧ, ко всему чехословацкому народу и открытое письмо Анатолия Марченко в газеты «Руде право», «Праце», «Литерарни листы».

Ввод советских войск в Чехословакию, под именем «братской помощи» единодушно одобренный на страницах советской печати, встретился с различными формами протеста отдельных советских граждан. Из самиздатовских откликов на эти трагические события можно назвать следующие:

¹⁷ Самый радикальный документ «Пражской весны», требовавший уже не столько демократизации, сколько демократии и свободы. Поясню остальные чешские и словацкие имена, встречающиеся в этом резюме: Рудольф Сланский, первый секретарь ЦК КПЧ, и Владо Клементис, член политбюро ЦК КПЧ, министр иностранных дел ЧССР, в 1952-м осуждены на показательном процессе и повешены. Йозеф Смрковский (1911–1974), в 1968 году один из самых честных и радикальных лидеров КПЧ, с 1969 года устранен из политической жизни.

письмо Ивана Яхимовича;
Валентин Комаров [Леонард Терновский, 1933–2006]. «Сентябрь 68 года»;
«Логика танков», статья неизвестного автора;
«Обращение к коммунистам», подписанное «Коммунист»;
письмо П. Григоренко и А. Костерина, а также письмо А. Костерина в ЦК КПСС с отказом от членства в партии, которая стала «жандармом Европы». Все эти различные по стилю и жанру произведения объединяются несколькими общими моментами: а) интервенция в Чехословакии — результат реставрации сталинизма; б) истинная причина агрессии — стремление подавить демократизацию, законность, свободу, уничтожить опасный пример соединения социализма с демократией; в) моральное поражение оккупантов; г) коллективная ответственность нашего народа, нашей интеллигенции за происшедшее и необходимость консолидации всех честных и мыслящих людей нашей страны.

22. СТИХИ.

...в самиздате, как всегда, ходит много отдельных стихов, в том числе «Прощание с Буковским» Вадима ДЕЛОНЕ и несколько стихотворений неизвестных авторов, написанных под впечатлением советского вторжения в Чехословакию.

Из раздела

ДОПОЛНЕНИЯ К СПИСКУ ВНЕСУДЕБНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ 1968 года

149. Бополов, студент Института иностранных языков, написал письмо в редакцию «Голоса Америки» с осуждением вторжения в Чехословакию; письмо он не отправил, а потерял, после чего оно оказалось (видимо, было передано. — Н. Г.) в институте; курсовое собрание вынесло решение исключить его из комсомола и просить ректора исключить его из института. Через 3 часа после собрания Бополов бросился в Москву-реку, но был спасен, после чего попал в психиатрическую лечебницу.

150. Марина Меликян, преподаватель кафедры русского языка для иностранцев МГУ, проголосовала против резолюции, одобряющей ввод войск в Чехословакию, уволена «по собственному желанию».

153. Ирина Якир, студентка Историко-архивного института, 9 октября была у здания суда над демонстрантами, 10 октября после занятий ее вызвали на комитет комсомола и сказали, чтобы больше она туда не ходила, на что она сказала: «Там судят моих друзей, если бы я 25 августа была в Москве, я была бы с ними», исключена из комсомола.

ВЫПУСК 1 (6). 28 ФЕВРАЛЯ 1969

ДЕЛО ИВАНА ЯХИМОВИЧА (Фрагмент)

...Первый (и пока единственный) допрос Яхимовича состоялся 5 февраля 1969 года... Следователь задал Яхимовичу, в частности, вопрос по поводу изъятого при обыске неотправленного письма Павлу Литвинову, написанного после демонстрации 25 августа 1968 г.: «В вашем письме написано: „Горжусь, восхищаюсь и если бы был в Москве — был бы с вами на Красной площади“. Вы и сейчас так думаете?» — «Да», — отвечал Яхимович.

Из раздела

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1968–1969 гг.

События в Горьком... В ноябре 1968 г. за распространение «2000 слов» исключен студент истфака университета Терновский и трое студентов Политехнического института.

Из раздела

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

25 января 1969 года, в день похорон Яна Палаха, две студентки Московского университета¹⁸ вышли на площадь Маяковского с плакатом, на котором были написаны два лозунга: «Вечная память Яну Палаху» и «Свободу Чехословакии». Они простояли на площади позади памятника Маяковскому около 12 минут. Постепенно вокруг них начала собираться молчащая толпа. Затем к девушкам подошла группа молодых людей, без повязок, назвавших себя дружинниками. Они отобрали и разорвали плакат, а студенток, посоветовавшись, отпустили.

25 августа 1968 года ночью в новосибирском Академгородке на нескольких общественных зданиях появились надписи, осуждающие вторжение в Чехословакию. Одна из них: «Варвары, вон из Чехословакии!» Тех, кто сделал надписи, искали с собаками, но не нашли. Так как по прошлому опыту было известно, что надписи плохо смываются, их заклеили газетами.

В этом выпуске Хроники целиком напечатано воззвание Петра Григоренко и Ивана Яхимовича «К гражданам Советского Союза!» Воспроизвожу его полный текст.

К ГРАЖДАНАМ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!

Кампания самосожжений, начатая 16 января 1969 года пражским студентом Яном Палахом в знак протеста против вмешательства во внутренние де-

¹⁸ Ольга Иофе, политзаключенная в 1969–1972 годах, и Ирина Каплун (1950–1980), политзаключенная в 1969–1971 годах. Они были арестованы в декабре 1969-го, когда готовили новую демонстрацию — против предполагавшейся реабилитации Сталина.

ла ЧССР, не прекращается. Еще один — пока последний — живой факел запылал на Вацлавской площади в Праге 21 февраля.

Этот протест, принявший столь страшную форму, обращен прежде всего к нам, советским людям. Это непрошеное и ничем не оправданное присутствие наших войск вызывает такой гнев и отчаяние у чехословацкого народа. Недаром смерть Яна Палаха всколыхнула всю трудовую Чехословакию. Мы все несем долю вины за его гибель, как и за гибель других покончивших с собой чехословацких братьев. Своим одобрением ввода войск, его оправданием или просто молчанием мы способствуем тому, чтобы живые факелы продолжали гореть на площадях Праги и других городов.

Чехи и словаки всегда считали нас своими братьями. Так неужели мы допустим, чтобы слово «советский» стало для них синонимом слова «враг»?!

Граждане нашей великой страны!

Величие страны — не в могуществе ее войск, обрушенных на немногочисленный свободолюбивый народ, а в ее нравственной силе.

Неужели мы будем и дальше молча смотреть, как гибнут наши братья?!

Теперь уже всем ясно, что присутствие наших войск на территории ЧССР не вызывается ни интересами обороны нашей родины, ни интересами стран социалистического содружества.

Неужели у нас не хватит мужества признать, что совершена трагическая ошибка, и сделать все, что в наших силах, для ее исправления?! Это наше право и наш долг!

Мы призываем всех советских людей, не совершая поспешных и опрометчивых действий, всеми законными средствами добиваться вывода советских войск из Чехословакии и отказа от вмешательства в ее внутренние дела! Только таким путем можно восстановить дружбу между нашими народами. Да здравствует героический чехословацкий народ!

Да здравствует советско-чехословацкая дружба!

Петр Григоренко

Иван Яхимович

28.2.69

ВЫПУСК 2 (1). 30 АПРЕЛЯ 1969

(В разделе «Новости самиздата» аннотированы материалы относительно саможжения Яна Палаха, статьи Павла Когоута и Милана Кундеры.)

Из раздела

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ 1968–1969 гг.

Гусев, старший научный сотрудник Зоологического института АН СССР, Ленинград, написал несколько писем в ЦК КПСС: по поводу статьи «КГБ 50 лет на страже социалистической законности» в газете «Правда», по поводу Чехословакии, по поводу признаков реабилитации Сталина, в январе 1969 года исключен из партии.

Аронов, Институт элементоорганических соединений, воздержался на митингах по поводу Чехословакии, институт не ходатайствовал о продлении ему московской прописки. По окончании срока прописки уволен с работы.

Из раздела

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

13 апреля в Риге студент Илья Рипс совершил попытку саможжения. У обелиска Свободы, установленного во времена независимой Латвии, он развернул плакат «Свободу Чехословакии». Вокруг него собралась толпа, настроенная недружелюбно. Юноша сбросил плащ, под которым был ватник, пропитанный бензином, и поджегся. К нему бросились несколько моряков, погасили огонь и избивали его. Машина скорой помощи увезла Илью Рипса в закрытую больницу, находящуюся в ведении КГБ. Ожоги оказались легкими: обожжены пальцы и грудь. В настоящее время Илья Рипс перевезен в Москву, но куда именно, неизвестно. (Это были ошибочные сведения. Илью не перевезли в Москву, а перевели в Риге же на судебно-психиатрическую экспертизу. — Н. Г.)

Илье Рипсу 21 год, в этом году он заканчивает мехмат Латвийского университета, был распределен в один из рижских научно-исследовательских институтов, он блестящий математик, считался «звездой мехмата».

В один из первых дней после вторжения в Чехословакию выпускник физического факультета МГУ Владимир Карасев повесил в вестибюле главного здания МГУ плакат и стал собирать подписи против ввода войск. Когда, довольно скоро, пришли несколько работников охраны университета, у него было собрано не более четырех подписей. Так как Карасев отказался добровольно уйти с охранниками, они повалили его и потащили за руки и за ноги. Один из почтальонов п/о В-234, оказавшийся здесь, несколько раз ударил Карасева по лицу, выкрикивая политические ругательства: «фашист, бандеровец» и др. В отделении милиции от Карасева потребовали объяснений мотивов его поступка и затем отправили в психиатрическую больницу, где он и пробыл около трех месяцев. После выхода из больницы КАРАСЕВ устроился кочегаром на одну из подмосковных фабрик.

ВЫПУСК 3 (8). 30 ИЮНЯ 1969

(В заметке «Судьба инакомыслящих, объявленных психически больными», сообщаются некоторые дополнения об Илье РИПСЕ, которого признали «невменяемым». В частности, уточняется текст лозунга: «Протестую против оккупации Чехословакии».)

Из раздела

ВНЕСУДЕБНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ 1968–1969 гг.

Рохлин, кандидат химических наук, Институт элементоорганических соединений. В мае этого года на Ученом совете вместе с другими конкурсно-

ми делами разбиралось его дело. Директор института акад. А. Н. Несмеянов призвал членов Ученого совета голосовать против переизбрания Рохлина. «Я человек злопамятный, — сказал бывший президент Академии наук, — в прошлом году Рохлин был в числе тех, кто на институтском митинге выступил против введения советских войск в Чехословакию».

Против ожиданий, это выступление не сказалось на результатах голосования. РОХЛИН был избран старшим научным сотрудником при обычном соотношении голосов «за» и «против».

Ленинград. В. М. Лавров, доктор геологических наук, начальник отдела угля ВСЕГЕИ, в феврале 1969 г. написал неподписанное письмо в редакцию газеты «Правда» на имя журналиста Сергея Борзенко. В письме содержалась резкая критика статей Борзенко о положении в ЧССР и выражалась надежда, что к этому мнению «присоединятся все честные ленинградцы». Через три дня (письмо было опущено в другом районе города) Лаврову были предъявлены обвинения в написании анонимного политического письма. Во ВСЕГЕИ состоялись закрытые партийные собрания с участием работников КГБ. Лавров смещен на должность рядового геолога, отдел угля подвергся чистке.

(В разделе «Новости самиздата» аннотированы анонимное «Письмо из Праги. 1 июня 1969 г.» и «Обращение чешских работников искусств, ученых и журналистов».)

Из раздела

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

В июне в Ленинграде арестован Юрий Левин, старший техник НИИ механической обработки полезных ископаемых. В прошлом он отсидел 8 лет по ст. 58¹⁰ УК РСФСР — нынешняя ст. 70. Сейчас привлечен по ст. 70 (по более поздним сведениям, по ст. 190¹. — Н. Г.) за письма, посланные за границу, в которых содержалась критика советской политики по отношению к Чехословакии. 5 июня он был вызван на партактив, где разбирались его взгляды. Все его ответы на заданные вопросы были записаны, и партактив передал эту запись в прокуратуру с просьбой возбудить дело.

Я воспроизвожу эти сообщения, чтобы показать, что в своем порыве к протесту мы были не одни и не одиноки. Я говорю не о тех, кто думает так, как мы, — их гораздо больше, чем тех, кто тем или иным путем выразил то, что думает. Я говорю именно о тех, кто высказался.

Наша демонстрация даже не была самой отчаянной и обреченной формой протеста. У меня сжимается сердце, когда я представляю себе ленинградского мальчика, который в первую же ночь после трагического известия на Аничковом мосту пишет свою юношески отчаянную надпись на Клодтовых конях. Но даже его я не по-

смела бы остановить, не посмела бы сказать: «Это бессмысленно, лбом стенку не прошибешь» и т. п. И тому подобное — слышанное мною по поводу нашей демонстрации.

Каждый из нас принимал решение выйти на демонстрацию только за себя, ни один из нас никому не навязывал и не вздумал бы навязывать аналогичное решение. Мой шаг для меня был единственно возможным, и я — для себя и перед собой — права. При этом — за себя и для себя — правы и те, кто не выразил активно своего отношения к событиям, будь это из соображений политической безрезультатности или ввиду несоразмерности действий и возможных последствий. Но не в их праве судить, должны ли были мы выходить на демонстрацию.

(Бывают случаи более ясные. Когда я узнала, что на партийном собрании в институте Гипротис, где я работала, один выступавший энтузиаст заявил: «Они посмели своими грязными ногами ступить на священную брусчатку!» — я только рассмеялась. Но оттого, что резолюция «заклеймить позором» была принята единогласно, в том числе и голосами нескольких моих товарищей, читателей моих стихов, — мне было больно. И даже их мне трудно осудить, хотя слишком справедливы слова Ильи Габая о том, что невелика разница между рукой хулигана, поднятой на ближнего, и рукой интеллигента, поднятой против ближнего на собрании.)

О «бессмысленности, ненужности» демонстрации некоторое время говорило пол-Москвы, не вообще Москвы, а той «левой, либеральной, радикальной» — не знаю, как бы поточнее назвать. В общем, той Москвы, которая полностью сходилась с нами в отношении к факту вторжения.

Оценка демонстрации изменялась постепенно, ближе к суду, во время суда, после него. Значение демонстрации становилось все очевиднее. Зимой один из наших друзей [Валерий Чалидзе], который был резко против демонстрации и отговаривал некоторых из будущих ее участников, сказал мне: «Теперь я понял: это была трусость. Мне надо было идти с вами. То, что вы сделали, правильно». Еще один, очень близкий и мне, и Ларисе, и Павлу человек [Виктор Красин], приехав с юга вскоре после демонстрации, заявил мне: «Если бы я был в Москве, я бы отменил демонстрацию!» Глубокой осенью, почти зимой, он нехотя сказал: «Ну, конечно, если бы я был, я бы тоже с вами вышел». И ведь это ближайшие друзья.

Мне пришлось слышать и другие аргументы: «Стоило ли за чехов в тюрьму садиться», — после чего приводились доказательства отступления чехословацкого руководства, или: «Вы Дубчеку свободы требовали, а Дубчек за вас вступился?»

Здесь не место исследовать тернистый путь, которым идет Чехословакия с 21 августа 1968 года. Я лишь хочу еще раз напомнить слова чешского студента: «Помните о Чехословакии и тогда, когда она перестанет быть газетной сенсацией». В моем отношении к этой стране и к ее героическому народу ничего не меняется, какие бы люди ни стояли там во главе партийного и государственного аппарата. Так же, как я не могу возненавидеть Польшу и поляков за то, что польские войска были введены в Чехословакию. Так же, как я могу лишь горько сожалеть о том, что мой народ, десятки наций, населяющих мою страну, сделаны соучастниками преступления. Не только выразить боль своей совести, но и искупить частицу исторической вины своего народа — вот, мне кажется, исполненная цель демонстрации.

В Чехословакии первое известие о демонстрации появилось в «Руде право» 26 августа. Позднее стало известно мое письмо. Говорят, в Карловом университете оно развешивалось как листовка. Перепечатывая официальное сообщение ТАСС о суде над «нарушителями общественного порядка на Красной площади 25 августа 1968 г.», некоторые чехословацкие газеты сопровождали его ссылкой на сообщения других агентств, согласно которым речь идет о группе интеллигентов, протестовавших против ввода войск пяти стран в Чехословакию.

Студенты Карлова университета направили в Советский Союз (не знаю, в какую инстанцию) петицию с требованием освободить осужденных участников демонстрации. Мне не раз передавали приветы из Чехословакии — от отдельных граждан, от Союза чешских писателей. Кому-то в Праге сказали: «Если б не демонстранты с Красной площади — мы бы вообще ни с кем из вас, русских, разговаривать не стали»¹⁹.

Лучший ответ всем, кто сомневался в необходимости нашей демонстрации, — письмо Анатолия Якобсона. Анатолий Якобсон — человек поразительного таланта не только профессионального (блестящий переводчик, любимый учитель, глубочайший литературовед), но и человеческого, душевного. Насколько я знаю, он был потрясен тем, что не знал заранее о демонстрации и не принял в ней участия. Его письмом я и хочу закончить эту книгу.

Предварительное примечание: в фактической части Якобсон основывался на моем письме, и так же, как у меня, у него отсутствует один лозунг, а текст другого приведен не совсем точно.

19 В 1990-м, когда нас пригласили в Прагу, жители города Градец-Кралёве подарили нам фотографию семи березок, посаженных в 1968 году в нашу честь и выросших к тому времени в высокие деревья (см.: Русская мысль. 1990. 3 сент.).

25 августа 1968 г. семь человек: Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Наталья Горбаневская, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг — вышли на Красную площадь, к Лобному месту, и развернули лозунги: «Да здравствует свободная и независимая Чехословакия» (на чешском языке), «Позор оккупантам», «Руки прочь от ЧССР», «За вашу и нашу свободу».

Охранники в штатском с грязными погромными выкриками бросились на демонстрантов, некоторых избили и всех затолкали в машину. Затем — Лефортовская тюрьма, следствие, и скоро демонстранты предстанут перед судом по обвинению в «групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок», за исключением Горбаневской и Файнберга, которых властям угодно считать невменяемыми.

О демонстрации узнали все, кто хочет знать правду в нашей стране; узнал народ Чехословакии; узнало все человечество. Если Герцен сто лет назад, выступив из Лондона в защиту польской свободы и против ее великодержавных душителей, один спас честь русской демократии, то семеро демонстрантов безусловно спасли честь советского народа. Значение демонстрации 25 августа невозможно переоценить.

Однако многие люди, гуманно и прогрессивно мыслящие, признавая демонстрацию отважным и благородным делом, полагают одновременно, что это был акт отчаяния, что выступление, которое неминуемо ведет к немедленному аресту участников и к расправе над ними, неразумно, нецелесообразно. Появилось и слово «самосажание» — на манер «самосожжения».

Я думаю, что если бы даже демонстранты не успели развернуть свои лозунги и никто бы не узнал об их выступлении, — то

и в этом случае демонстрация имела бы смысл и оправдание. К выступлениям такого рода нельзя подходить с мерками обычной политики, где каждое действие должно приносить непосредственный, материально измеримый результат, вещественную пользу. Демонстрация 25 августа — явление не политической борьбы (для нее, кстати сказать, нет условий), а явление борьбы *нравственной*. Сколько-нибудь отдаленных последствий такого движения учесть невозможно. Исходите из того, что правда нужна ради правды, а не для чего-либо еще; что достоинство человека не позволяет ему мириться со злом, если даже он бессилён это зло предотвратить.

Лев Толстой писал: «Рассуждения о том, что может произойти вообще для мира от такого или иного нашего поступка, не могут служить руководством наших поступков и нашей деятельности. Человеку дано другое руководство, и руководство несомненное — руководство его совести, следуя которому он несомненно знает, что делает то, что должен». Отсюда нравственный принцип и руководство к действию «не могу молчать».

Это не значит, что все сочувствующие демонстрантам должны выйти на площадь вслед за ними; не значит, что для демонстрации каждый момент хорош. Но это значит, что каждый единомышленник героев 25 августа должен, руководствуясь собственным разумом, выбирать момент и форму протеста. Общих рецептов нет. Общепонятно лишь одно: «благоразумное молчание» может обернуться безумием — реставрацией сталинизма.

После суда над Синявским и Даниэлем, с 1966 года, ни один акт произвола и насилия властей не прошел без *публичного* протеста, без отповеди. Это — драгоценная традиция, начало самоосвобождения людей от унижительного страха, от причастности к злу.

Вспомним слова Герцена: «Я нигде не вижу свободных людей, и я кричу — стой! — начнем с того, чтобы освободить себя».

Анатолий Яковсон

Вместо послесловия

«МОЖЕШЬ ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ,
СМЕЕШЬ ВЫЙТИ НА ПЛОЩАДЬ»

(«РУССКАЯ МЫСЛЬ» №3479, 25 АВГУСТА 1983)

Пятнадцать лет спустя — что нового могла бы я рассказать о демонстрации? Даже для того, чтобы сейчас восстановить ее точную картину, мне пришлось бы обратиться к мною же составленной документальной книге «Полдень» — но стоит ли пересказывать «своими словами» то, что написано по горячим следам? Не лучше ли задуматься над тем, почему наша демонстрация — один акт сопротивления в ряду многих — и до сих пор не забыта? Почему вместо того, чтобы эти «дела давно минувших дней» постепенно стерлись из памяти, «легенда» демонстрации, наоборот, крепнет?

Я наблюдала, как рос интерес к демонстрации, росло ее значение, сначала дома, потом на Западе. Пять лет назад, к десятилетию вторжения в Чехословакию, гамбургское телевидение сделало двухсерийный фильм, посвященный демонстрации, и с тех пор его уже неоднократно показывали в Германии (откуда его видно и в соседних странах, включая ГДР и Чехословакию), его купили и показали телекомпании нескольких европейских стран. Книга «Полдень» вышла четырьмя иностранными изданиями — французского уже не найти, распродано, об остальных просто не знаю. Успех «Полдня» — не в «литературных восторгах» читателя, но в напряженном интересе к нескольким минутам свободы, пережитым нами в августовский полдень 68-го года.

Я помню, как на моих глазах осознавалось значение нашей демонстрации в близких к нам кругах — в тех, что мы сейчас назвали бы «диссидентскими» и «околодиссидентскими». Думаю, те же причины действуют и на Западе, хотя механизм их действия: осознание изнутри и осознание извне — различен.

После того как мы семеро²⁰: Константин Бабицкий, Лариса Богораз, Вадим Делоне, Владимир Дремлюга, Павел Литвинов, Виктор Файнберг и я — вышли 25 августа на Красную площадь с несколькими плакатами, протестуя против вторжения советских войск в Чехословакию, и шестеро из нас, кроме меня, оказались арестованными, отношение к демонстрации — которое я, оставшись на воле, могла наблюдать — было довольно скептическим. Конечно, не у всех: были и энтузиасты, и те, кто завидовал нам, кого не было в тот день в Москве, но кто обязательно пошел бы с нами. Были незнакомые люди, которые приходили ко мне домой выразить свое восхищение нашим актом протеста. Но было и другое.

Были слова о нелепости действий, которые не приносят никакого осязаемого результата, о том, что шестеро демонстрантов пошли в тюрьму бессмысленно. Возник знаменитый термин «самосажание». (На все это в свое время лучше всех ответил покойный Анатолий Якобсон, и его открытое письмо еще до суда над демонстрантами многим открыло глаза.) Был у меня разговор с человеком [Виктором Красиным], которого я — до этого разговора — числила среди близких друзей и который сказал: «Будь я в Москве — я бы вашу демонстрацию отменил». «Отменил» или даже «запретил» — не помню точно. Через несколько месяцев, когда московское «общественное мнение» изменило свой взгляд на демонстрацию, я напомнила своему собеседнику этот разговор. «Да, — сказал он сокрушенно и не без сожаления, что упустил такую возможность, — пожалуй, я пошел бы с вами»²¹.

Почему общественное мнение и мой собеседник вместе с ним стали относиться к демонстрации по-иному? Это отношение нача-

20 Хотя уже в книге было написано, что Татьяна Баева была восьмым участником демонстрации (см. ее рассказ в первой части «Полдня»), в 1983 году я предпочла не останавливать на этом внимание потенциальных читателей из органов: Таня жила в СССР, и незачем было лишний раз напоминать об ее поступке.

21 В эпилоге я теперь уже раскрыла его имя — это был Виктор Красин. Может быть, стоит рассказать еще одну деталь нашего первого разговора. Кроме «отменил» или «запретил», Красин еще сокрушенно сказал: «Как можно было терять таких людей? Лариса — незаменимый человек по связи с лагерями... Павел — замечательный составитель книг о политических процессах...» — так он, как о функционерах, говорил о тех, кто считал его близким другом. Может быть, отчасти этим «функциональным» подходом — большинству из нас глубоко чуждым — можно объяснить поведение Красина во время следствия и суда в 1973–1974 годах. Этот подход, кстати, ярко проявился в том, как он и Якир явочным порядком, не предупредив будущих членов, создали Инициативную группу по защите прав человека в СССР (см. об этом воспоминания Леонарда Терновского).

ло меняться еще до суда, но решительно переменилось после процесса пяти демонстрантов. Процесс ясно показал несколько простых истин.

Сама демонстрация как акт протеста и участие в ней каждого из нас были основаны на индивидуальном нравственном порыве, на чувстве личной ответственности — не побоюсь громкого слова — за историю. За историю нашей страны. За то, чтобы в ней сохранились не только газетные полосы с фотографиями митингов всенародного одобрения братской помощи. За то, чтобы прозвучал — пусть одинокий — голос протеста.

Мне-то казалось, что все это можно было понять в первый же день; а уж особенно тем, кто хоть немного нас знал. (Увы, одной из любимых тем разговоров в первые дни после 25-го было выяснение, кто из нас «потащил» всех остальных на площадь. Непонятно только, почему тогда «потащили» так мало: о демонстрации заранее знали не семеро, а, наверно, семь десятков человек.)

Оказалось, что многим для полного понимания смысла нашего поступка понадобились сведения о том, как проходил процесс; а главное — тексты последних слов пяти подсудимых, молниеносно, в несколько дней, распространившиеся в самиздате. Но, вероятно, я нетерпима или по крайней мере нетерпелива. Почему люди, даже оппозиционно настроенные, но сами несклонные к подобному риску, должны были все понять сразу? И в конце концов, не наши ли друзья приводили нам горы аргументов против демонстрации в ночь с 24-го на 25-е?

Пониманию простейшей истины — нравственного, притом лично, индивидуально нравственного характера сделанного каждым из нас шага — способствовало еще и то, что все пятеро подсудимых показали себя на суде как яркие, неповторимые и притом очень разные личности.

Второе, что произвело несомненное впечатление на круги московской, как в те времена говорили, «либеральной интеллигенции», — это отзвук, произведенный нашей демонстрацией и процессом демонстрантов в мире. Этот отзвук поколебал основной довод против демонстрации — аргумент о ее «безрезультатности». Выходит, не такой уж безрезультатной была эта «безумная» демонстрация, и существуют какие-то иные результаты, не взвешиваемые на весах прагматической политики? Думаю, что такие результаты действительно есть, хотя, идя на демонстрацию, мы о них, безусловно, не думали, никому никаким образом служить не собирались и о том, проявляются ли в нашем поступке какие-то более общие тенденции, не размышляли. (И тем более — стоит ли об этом

даже говорить? — не рассчитывали, что в пять минут первого распахнутся кремлевские ворота и политбюро в полном составе, рыдая, бросится благодарить нас: «Спасибо, ребята, глаза раскрыли; а мы-то, дураки, не понимали, что делаем...» — и тут же помчатся 35 тысяч курьеров с приказами о выводе войск из Чехословакии...)

Для западного общественного мнения, как я понимаю, наша демонстрация стала наиболее чистым, наиболее сосредоточенным проявлением всего лучшего, основного в характере нарождавшегося тогда правозащитного движения. Были уже и до того демонстрации — в основном в защиту арестованных по политическим обвинениям (декабрь 1965, январь 1967). Но для постороннего глаза дело все-таки выглядело так, что защищают «своих» — друзей или, в конце концов, просто соотечественников. Демонстрация против вторжения советских войск в Чехословакию, основным лозунгом которой стало «За вашу и нашу свободу», была воспринята как нечто особенно бескорыстное: свободой жертвовали в защиту «чужих».

Уточняя, скажу, что здесь есть известное недоразумение, точнее — лишь половина правды: не такой уж «бескорыстной» была наша демонстрация. Мы защищали все-таки и самих себя, защищали от неизбежного — в случае молчания — чувства соучастия в преступлении. Недаром и лозунг, взятый из прошлого века, звучал: «За вашу и нашу свободу».

Самое поразительное, что этой *нашей* свободы мы достигли, пережили ее, испытали в то короткое время, что пробыли на Красной площади. И тут опять процесс, выступления на нем пяти подсудимых помогли читателям самиздата почувствовать пережитое нами ощущение свободы; а значит — понять еще одну простую истину: можно стать свободным и в тот момент, когда теряешь свободу и идешь в тюрьму.

Возвращаясь к западному (тогдашнему, раннему) восприятию демонстрации, стоит вспомнить, что она проходила в 68-м году, в тот самый год, когда Западную Европу сотрясали студенческие волнения, а США были охвачены демонстрациями против Вьетнамской войны и за гражданские права негритянского населения. Как раз в ночь накануне демонстрации в гостях у Ларисы Богораз мы рассматривали фотоальбом о парижском Мае 68-го: массовые, многотысячные демонстрации, баррикады, столкновения между студентами и полицией — все это производило сильное впечатление. Для Запада же, привычного или, по крайней мере, за год привыкшего к таким вещам, сильным впечатлением стала сама скромность, «тихомирность» нашей демонстрации.

В самом деле, семь человек в центре Москвы, в сердце советской империи, на Красной площади, садятся на краешек тротуара и поднимают над собой плакаты. Даже без выкриков. Крики и насилие — лишь со стороны тех, кто спешно ликвидирует демонстрацию: трещит материя или бумага разрываемых плакатов, раздаются громкие оскорбления, сыплются удары, людей насильно запикивают в машины; а они — даже не сопротивляются. В оккупированной Чехословакии тех дней и то демонстрации были куда более массовыми и бурными — свобода демонстраций была больше, чем в столице страны-агрессора.

Наша демонстрация была так непохожа на все, что называют демонстрацией на Западе, — теперь-то я это особенно понимаю, — что не могла не вызвать, с одной стороны, удивленного восхищения; а с другой — какого-то прорезывающегося, тогда еще не до конца ясного понимания: что же это за государство такое — СССР, что же это за система — коммунистическая, где семеро тихих людей с плакатами воспринимаются как угроза всему «государственному и общественному строю», где самый скромный акт мирного протеста ликвидируется немедленно и с применением насилия...

Любопытные сведения (хотя и противоположного плана) получила я на этот счет уже на Западе. Книга «Полдень», как сказано выше, вышла четырьмя иностранными изданиями: во Франции, в Англии, в США и, как ни странно, в Мексике. Немецкого издания не было. Мне рассказали, как в 1970 году рукопись книги предложили нескольким немецким издателям, но они в один голос отвечали: «Этого не может быть. Это фальшивка!» Вероятно, обладая опытом своего, нацистского тоталитаризма, они считали невероятным, чтобы семеро рядовых, ничем не выдающихся граждан посмели противоречить махине коммунистического тоталитаризма, да еще так, как мы сделали. Будь мы всемирными знаменитостями или попытайся мы взорвать Мавзолей — то и другое, наверно, выглядело бы «достоверней». Но мы были теми, кем были, и сделали то, что сделали, и *в это самое время* двое участников этой «фальшивки» отсиживали за нее в лагерях, трое — в ссылке, Виктор Файнберг — в Ленинградской психиатрической тюрьме; а меня переводили из Бутырской тюрьмы в Институт Сербского и обратно — обратно уже тоже с диагнозом, обрекающим на психиатрическую тюрьму.

Не вышел «Полдень» и по-чешски, о чем я глубоко сожалею. Однако в Чехословакии о демонстрации узнали очень скоро. Осенью 1968 года мое открытое письмо с рассказом о демонстрации расклеивалось как листовка на стенах Карлова университета в Пра-

ге. Нам было очень важно, чтобы о демонстрации там знали: советская пропаганда изо всех сил отождествляет государство и народ, западнее же советской границы вообще распространено все, что ни делает власть в Кремле, называть «русским» — «русское вторжение», «русские танки». Благодаря брешу, которую мы проломили в организованном «всенародном одобрении», чехи и словаки могли подозревать, что те семеро, о ком они узнали, не одиноки и что вторжение, которому они подверглись, совершенно отнюдь не народом — русским или так называемым «советским».

И мы в своем протесте были действительно не одиноки. Не устаю повторять, что наша демонстрация, которая стала самым или даже, пожалуй, единственным широко известным актом протеста против вторжения в Чехословакию, — на самом деле не была единственной. Гласность, окружившая демонстрацию, принесла нам славу «отважных героев», славу, за которой мы не гнались, «героев», которыми мы не были. Тем более вопиющая несправедливость забывать о тех, кто в разных местах Советского Союза, чаще всего в одиночку (а не как мы — всемером), рискнул выразить свой протест.

В свое время все известные мне факты такого рода я собрала в эпилоге книги «Полдень», позднее узнавала еще новые: мальчик, только что окончивший школу, сделал надпись поперек Кировского проспекта в Ленинграде (его не нашли, и я не называю его имени [теперь могу назвать: Лев Лурье]); за листовки, разбросанные в августе 68-го года, уже в 70-м попал в лагерь — два года его искали — Борис Шилькрот, в Мордовии, на зоне особого режима, Виктор Балашов забрался на крышу с самодельным чехословацким флагом, и два часа его не могли оттуда снять. Все это я здесь [на Западе], если приходится говорить о демонстрации, рассказываю, но, увы, рассказы эти воспринимаются как дополнительная *информация*, а демонстрация — по-прежнему *легенда*. Интересное упоминание о ней я нашла в романе замечательного чешского писателя Йосефа Шкворецкого. Герой романа Данни Смиржицкий (писатель, персонаж полуавтобиографический) и его приятельница-актриса за несколько месяцев до вторжения встретились и подружились в Вене с советским писателем, прибывшим на colloquium о «новом романе». Советскому писателю удается улизнуть от приставленного к нему гебиста, и идет разговор по душам: ясно, что у этого персонажа никаких иллюзий по поводу советского строя нет (он даже пытается развеять подобные иллюзии у участвующих в разговоре наивных англичан), со своими чешскими друзьями он полный единомышленник. Прошло время, произошло вторжение, и, встретив

актрису, Данни говорит ей: «А знаешь, что сделал такой-то после вторжения?» — и она, с горящими глазами, отвечает на вопрос вопросом — почти утверждением:

— Он был с теми, на Красной площади?

— Нет, — отвечает Данни, — он подписал письмо с одобрением ввода войск Варшавского договора...

«Легендой» мы стали и в широких кругах чешской политэмиграции. Из семи демонстрантов пятеро покинули Советский Союз, и каждого из нас, проезжавшего Вену, тамошние весьма многочисленные чехи просто на руках носили. Особенно они полюбили покойного Вадика Делоне. Почти каждый год, в годовщину вторжения, они приглашали его приехать, выступить, еще раз напомнить, что и среди советских граждан нашлись посмеявшие протестовать против оккупации Чехословакии. Меня всегда бесконечно трогает, как при встречах со мной, старательно подбирая забытые, в школе учённые слова, чехи пытаются разговаривать по-русски, словно подчеркивают: мы вас, русских, ваш язык, вашу культуру не возненавидели. К сожалению, западная пресса охотней открывается для высказываний типа того, что сказал Кундера о танках, которые в 68-м году... привезли европейцам-чехам азиатскую культуру²².

Многие чешские эмигранты, которые свое время не знали о демонстрации, узнали о ней из сделанного в Гамбурге телевизионного фильма. О нем стоит сказать несколько слов. В этом фильме есть существенный недостаток — перегиб в сострадании к нам, жертвам, излишняя «слеза». А когда мы не «жертвы», то — «герои», в духе революционеров из советских фильмов о царском суде, где отважные народовольцы (на большевиков нас похожими все-таки, слава богу, не сделали) бросают в толпу зажигательные речи. Это, однако, искупается композиционной рамкой: это фильм о съемках фильма — за кулисами съемочной площадки актеры живут своей жизнью, своими проблемами, драмами своей личной жизни, они то отчаянно спорят о смысле той истории, в которой снимаются, то им все эти наши заботы надоедают и становятся скучными. Этим самым создатели фильма прямо подчеркивают: если что неточно — в общем ли тоне, в деталях ли, — это *мы так видим*. И зрителю при таком подходе они оставляют широкое поле для собственного взгляда, для иного осмысления. Замечательная актриса играет Ла-

²² Это я писала еще до того, как Милан Кундера объявил, что русские танки привезли в Чехословакию... Достоевского. Но на это эссе Кундеры тогда же отлично ответил Иосиф Бродский. См. эссе «Почему Милан Кундера несправедлив к Достоевскому» (Континент. 1986. № 50).

рису Богораз: внешне на нее совсем не похожая, она сумела проникнуться личностью Ларисы, удивительно передала соединение пылкой порывистости и ясной, твердой мудрости. И совсем поразительно исполнение роли судьи Лубенцовой (по московской кличке Лубянцева, она начала свою карьеру процессом демонстрантов и затем «отличилась» во многих политических процессах). Откуда взяла актриса такое понимание этого холодного и равнодушного садизма служительницы коммунистической Фемиды? Оказалось — она беженка из ГДР...

Этот фильм — десять и больше лет спустя (больше, потому что его продолжают показывать) — еще укрепил «легенду» нашей демонстрации. Говоря «легенда», я имею в виду не сочинение чего-то дополнительного к фактическим событиям, но лишь некий ореол, овевающий это событие пятнадцатилетней давности, эту демонстрацию, выход на которую для всех нас семерых был естественным, простым, негероическим шагом. И я очень надеюсь, что этот ореол легенды не мешает — пожалуй, наоборот, помогает — понять не только наши мотивы, но и мотивы тех, кто сегодня там, в СССР, смеет противостоять тоталитарной машине и, подумав «НЕТ», произнести свое «Нет» в полный голос — даже если за этим следуют долгие годы тюрем и лагерей.

ПРИЛОЖЕНИЕ
НЕСКОЛЬКО СТИХОТВОРЕНИЙ

Как охарактеризовать собранные сюда стихи? «Описывающие», «отражающие»? Скорее имеющие отношение к теме и судьбе этой книги (а значит, и ее автора). «Жизнь» и «творчество» находятся в сложных отношениях: стихи — не оттиск жизни на промокашке (кто-нибудь еще помнит, что такое промокашка? — промокательная бумага для написанного чернилами) и даже не проекция многомерной действительности на плоскость бумажного листа. Очень примитивно и ограничено, зато, по-моему, вполне понятно я сформулировала это в стишке, носящем подзаголовок «Из разговоров с биографом»: «Те, что в стихи не встали, / фактом быть перестали, / а те, что стихам достались, / фактом уже не остались». Вот эту оговорку я и прошу иметь в виду при чтении нижеследующих стихотворений, к которым я время от времени даю короткие пояснения и примечания.

А на тридцать третьем году
я попала, но не в беду,
а в историю. Как смешно
прорубить не дверь, не окно,
только форточку, да еще
так старательно зарешё-
ченную, что гряда облаков
сквозь нее — как звено оков.

Из книги «Последние стихи того века»
(ноябрь 1999 — декабрь 2000, М., 2001)

Так события моей жизни, начавшиеся 25 августа 1968 года, отразились в стихотворении, написанном тридцать с лишним лет спустя.

Демонстрации, как известно, предшествовало вторжение в Чехословакию войск пяти стран-участниц Варшавского договора — Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и СССР.

А дело было в августе,
с пяти сторон светало:
под «Ах, майн либер Августин» —
берлинские войска,

московские — под «Яблочко»,
венгерские — под Листа
(двенадцать лет назад у них
раздавлена столица).

А вот болгары — подо что?
Что им под ногу подошло?
«Прощание славянки»?
И шли полки за рядом ряд,
и просыпался Пражский Град,
во сне услышав танки.

А вот попавшее в стихи место нашей демонстрации — Лобное место перед собором Покрова-что-на-Рву, в обиходе (по одному из своих приделов) известному как собор Василия Блаженного.

Какая безлунной, бессолнечной ночью тоска подступает,
но храм Покрова за моею спиною крыла распускает,
и к белому лбу прислоняется белое Лобное место,
и кто-то в слезах улыбнулся — тебе ль, над тобой, неизвестно.

Наполнивши временем имя, как ковшик водой на пожаре,
пожалуй что ты угадаешь, о ком же деревья дрожали,
о ком? — но смеясь, но тоскуя, однако отгадку припомня,
начерпаешь полною горстью и мрака, и ливня, и полдня,

и звездного неба... Какая тоска по решеткам шныряет,
как будто на темные тесные скалы скорлупку швыряет,
и кормщик погиб, и пловец, а певец — это ты или кто-то?
Летят, облетят, разлетелись по ветру листки из блокнота.

Осень 1968 — весна 1970,

начато на воле, закончено в Институте Сербского

Из книги «Побережье» (Анн-Арбор, 1973)

Зацепляя подолом траву,
не спросясь, чего просит утроба,
проторивши в бурьяне тропу,
не отступишься тучного тропа.

И до той, Покрова-что-на Рву,
не покатишь коляску, как встарь,
как стакан прижимая ко рту
пожелтевший стенной календарь.

Из книги «13 восьмистиший и еще 67 стихотворений.
Октябрь 1997 — октябрь 1999» (М., 2000)

В предисловии я говорила, что, пока составляла книгу, мне все время снились обыски. Но снились мне и другие сны.

Телеграфный переулок.
Черная «Волга»
гонится за мной,
въезжает на тротуар.
Сон 69-го года.

Из книги «Последние стихи того века»
(М., 2001)

24 декабря 1969 года, под западное Рождество, я была арестована.

Стапливается в комок
и растаивает в воду,
выбрав гибель, но свободу,
загретаемый в скребок

грязный прошлогодний снег,
в прошлом бывший белым снегом,
разлученный с черным небом
и с полозьями саней

Санта-Клауса в ту ночь
над вселенною беззвездной
и над стенкою промерзлой
участковой КПЗ

Ленинградского района
нашей родины Москва,
где дыхание снежинками
смерзалось по вискам*.

Из книги «Где и когда» (июнь 1983 — март 1985,
Париж, 1986)

Потом была Бутырская тюрьма, Институт Сербского, возвращение в тюрьму после экспертизы, суд, на котором я не присутствовала и где составление книги «Полдень» было одним из главных обвинений — наряду с «Хроникой текущих событий», — и еще много месяцев в Бутырке до отправки на принудительное лечение в Казанскую психиатрическую больницу специального типа (психиатрическую тюрьму).

«Судьба детей ее не беспокоит»

Эта фраза из акта экспертизы,
серебристым пропетая кларнетом,
утеряла окраску угрозы,
но не вылиняла добела при этом.

Хорошо, когда дышат за стеною
сыновья, а не сокамерницы рядом,
хорошо просыпаться не стеною,
глядя в явь, не пропитанную ядом.

Хорошо не ощупывать извилин,
нет ли сдвига, это ты или не ты, мол,
не осевший вдыхать из-под развалин
прах того, что, дай-то Бог, невозвратимо.

Из книги «И я жила-была» (1993–1994),
вышла в составе сборника «Не спи на закате.
Почти полное избранное» (СПб., 1996)

* «Ту ночь» я провела в этой КПЗ (камере предварительного заключения, которая собственно не «камера», а небольшая «внутрянка» — внутренняя тюрьма — с двумя рядами камер по обе стороны коридора), в камере на нетопленной стороне коридора. Начальство распорядилось меня одну именно туда посадить. Я бегала по камере, чтобы согреться, потом сон меня смаривал, но очень быстро я просыпалась от холода. Однако там был и свой «Санта-Клаус»: дежурный милиционер всю ночь отпаивал меня горячим чаем.

Кроме этой, взятой эпитафией фразы была там еще одна, чуть ли не еще больше меня возмущившая: «Говорит монотонно». Я человек настолько интонирующий, что даже мои знакомые из числа читателей «Хроники текущих событий» — выходявшей анонимно, но то, что я ее редактировала, было секретом Полишинеля, — говорили: «Наташка! Это же невозможно: там прямо слышна твоя интонация!» Конечно, в Институте Сербского я, говоря с врачами, сдерживалась, но говорить монотонно я попросту не способна. Однако им нужно было поставить мне диагноз «вялотекущей шизофрении», а шизофрения, как известно, поражает либо интеллект, либо волю, либо эмоции. Что касается двух первых, то сами факты, в которых я обвинялась, прямо противоречили такой возможности. Оставались эмоции, и мне записали «эмоциональную уплощенность» — обе эти «фразы из акта экспертизы» должны были ее подтверждать. (По той же причине психиатры ни разу не заводили со мной речь о моих стихах.)

Иногда,
иногда я понимаю,
понимаю, что они были правы
— доктора из Кропоткинского переулка.
И верно ведь надо быть сумасшедшим,
чтобы исправлять нравы,
да еще и не ради славы
и не ради теплого места придурка.

А иногда,
иногда я опять не понимаю,
как могли они думать, что навечно останутся правы
— доктора в халатах поверх гимнастеров,
что не наступят иные нравы,
иные времена — нет, не расправы,
а правды, разгоняющей безумный морок.

Из «Седьмой книги» (вторая половина 1980-х),
вышла в составе сборника «Цвет вереска»
(ТинаФлай, 1993)

Освободили меня сравнительно быстро: в самой Казани я пробыла меньше года, а всего просидела два года два месяца. В тюрьмах я сочиняла мало, но тюремная тема не устает ко мне возвращаться. Я привожу только самые характерные из этих стихов.

Любовь моя, в каком краю
— уже тебя не узнаю —
какие травы собираешь?
И по бревну через ручей,
сложивши крылышки, на чей
призыв навстречу выбегаешь?

Твоя забытая сестра
не на ветру, не у костра —
в глухой тюрьме заводит песню
и, тоже крылышки сложив,
щемящий оборвет мотив,
когда уйдет этап на Пресню.

Январь 1970, БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА, СЛЕДСТВЕННАЯ КАМЕРА
Из книги «ПОБЕРЕЖЬЕ», цикл «ТЮРЕМНЫЕ СТИХИ»

Вздохнет, всплакнет валторна электрички,
недостижимый миф.
По решке* проскользнет сиянье спички,
весь мир на миг затмив.

Вспорхнет и в ночь уносится валторна.
Пути перелистать,
как ноты. О дождливая платформа**,
как до тебя достать?

Пустынная, бессонная, пустая,
пустая без меня,
и клочья туч на твой бетон слетают,
как будто письма,

и, хвостиками, точками, крючками
чертя по лужам след,
звонят они скрипичными ключами
ушедшей вслед.

Июль–сентябрь 1970
Из книги «ПОБЕРЕЖЬЕ», цикл «ТЮРЕМНЫЕ СТИХИ»

* Решка — тюремная решетка.

** Гудки электричек, шедших от Савеловского вокзала к Белорусскому, доносились до тюрьмы, и я явственно представляла себе платформу на Бутырском Валу, но ее там нет.

А завтра здесь не сыщешь и следа
от тени, что вдоль стен за мной скользила.
Я улыбаюсь, горькая слеза,
как льдинка, на зрачке моем застыла.

Как в домике игрушечном слюда
не позволяет глянуть сквозь оконце,
так ничего нельзя прочесть с лица,
в котором прежний день уже окончен,

а новый загорится не теперь,
и след слезы не слышен и не виден,
и лишь метель раскачивает дверь,
в которую мы все когда-то выйдем.

Январь 1971. БУТЫРСКАЯ ТЮРЬМА, БОЛЬНИЧКА,
НАКАНУНЕ ОТПРАВКИ В КАЗАНЬ
Из той же книги, из того же цикла

В малиннике, в крапивнике, в огне
желания, как выйдя на закланье,
забыть, что мир кончается Казанью
и грачьим криком в забранном окне.

Беспамятно, бессонно и счастливо,
как на треножник сложенный телок...
Расти, костер. Гори, дуга залива.
Сияй впотьмах, безумный мотылек.

Из книги «Перелетая снежную границу»
(Париж, 1979), тетрадь «Не спи на закате» (1974)

Тень мой, стин мой, тихий стон
струн, натянутых на стены,
камерная музыка
и казарменная брань.

Я и до сих там брожу,
брежу, грежу и тужу,
в ту же сдвоенную решку
зачарованно гляжу.

Все свое ношу с собой:
этажи в пружинных сетках,
вечное отчаянье,
ежедневное житье.

Только тень в стране теней
все яснее и плотней,
и сгущается над нею
прежний иней новых дней.

Из той же книги, тетрадь «Долгое прощание» (1975)

Агнешке Холланд

Это позже, льдисто-неистов,
Блок напишет: «Эх, эх, без креста!»
А пока — детский жар у бомбистов,
небо чисто, и совесть чиста.

А пока из горячки девичьей
еще пышет скончавшийся век,
даже желтый дом — идиличней,
чем Казанский не Ноев ковчег.

Ах, бомбисты, идеалисты,
террористы, боевики,
кабы знать вам, какую карту
(с ностальгией по Первому марту)
вы сдаете миру с руки...
Ночь мутна и рассветы мглисты
над простором полярной реки.

Из книги «Переменная облачность» (Париж, 1986),
РАЗДЕЛ «Двадцать пять стихотворений»
(сентябрь 1982 — 1 января 1983)

Всё на свете — вдруг,
мимо цели, в цель ли,
в яблочко ли, в круг,
друг мой Боттичелли.
Крепче кистью вдарь
одеревенелой,
отплеснется дань
пенною Венерой.

Всё на свете — блиц,
и шалеют блицы
над толпой без лиц
во дворце Уффици.
Сознавая риск
спин изображенья,
щелкает турист
до изнеможенья.

Всё на свете — свет,
верно, друг мой Сандро?
В свете — дар и цвет,
только тьма бездарна,
как толкучка в зале,
и бесцветна тьма,
как моя, в Казани,
темная тюрьма.

Из той же книги, раздел «Двадцать четыре
стихотворения» (январь–май 1983)

Эти мазки,
этот передник в брызгах
— словно глазки
в тяжких дверях бутырских.

При свете дня
в мире холодном сем
видишь меня?
— камера два-два-сем*.

Из книги «13 восьмистиший и еще 67 стихотворений»
(М., 2000); цикл «Падение Икара», 4

За эти годы скончались трое из числа демонстрантов. Памяти двоих — тех,
что были моими близкими друзьями, — я посвятила стихи.

* В 227-й камере (на т.н. спецу) я сидела в Бутырской тюрьме до отправки на экспертизу.

ЭПИТАФИЯ

(На смерть Вадима Делоне)

Ближе брата, первым из семерых,
самый младший — туда, где возврата нету.
Сладкой жизни слаще ли был семерик,
чем кайло и лопата по мерзлому снегу?

Так — уснуть и проснуться подальше земли,
за запреткою, за КПП и брусчаткой...
За колючими звездами нас отмоли,
удели нам скорья помощи братской.

Из книги «Где и когда»

ЧИТА — БРАТСК — ЧУНА

(Памяти Ларисы Богораз)

Я ли нешто в эту непогоду,
не видав извилины Байкала,
добралась впотьмах, по гололеду
от аэропорта до вокзала?

Был октябрь. Зима лежала плотно.
Руки-ноги в ДОКе* леденели.
ИндеVELO желдорполотно
от начала до конца недели.

Шпалы осеняла благодать
хмурого таежного рассвета,
и под ними было не видать,
как ведут скелеты до Тайшета.

Из книги «Чайная роза» (2002–2005, М., 2006)

И в заключение вернусь к мотивам, к тому, что нами руководило, когда мы
смогли и посмели выйти на площадь.

Когда на площадь гонит стыд,
а не желанье славы,
в глазах миражем не стоит
величие державы,

* ДОК — деревообрабатывающий комбинат, где тогда работала Лариса.

и не томит, как сталактит
московского разлива,
разбушевавшийся синклит
родного коллектива.

Из той же книги, цикл «Площадь Несогласия.
Восьмистишия восьмые», 9

НАТАЛЬЯ ГОРБАНЕВСКАЯ
ПОЛДЕНЬ

Редактор Филипп Дзядко
Корректор Мария Смирнова
Верстка Тамара Донскова
Производство Семен Дымант

Новое издательство
119017, Москва
Пятницкая улица, 41
телефон / факс (495)951 6050
e-mail info@novizdat.ru
<http://www.novizdat.ru>

Подписано в печать 8 октября 2007 года
Формат 60×90/16
Гарнитура Charter
Объем 21,25 условных печатных листов
Бумага офсетная
Печать офсетная
Заказ № 005

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ООО «Глобус-Принт»
117997, Москва
улица Вавилова, 7